

СМЕРЬ

70

Аман Белозов Похищение «Моны Лизы»
Андрей Ильин Обет молчания — 4

СЕМЕСТРО
УНИИШ

INNA

КОМПАНИИ

«ИННА ТУР»

ТУНИС-

отдых на море

Очерк о Тунисе - стр. 106-107

СМЕНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛлюстрированный журнал
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ НИЗИЛОВ

Редколлегия:
ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
зам. главного редактора
БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ
НИНОГАЙ ЛЕВИЧЕВ

зам. главного редактора
СЕРГЕЙ ПОПОВ
МИХАИЛ ТЕЛИЧНИН

главный художник
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
ТАМАРА ЧИЧИНА

оформление
ВАЛЕНТИН ДАВЫДОВ
худ.-технический редактор
АЛЕНСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 24.04.97.
Подписано к печати 26.05.97.
Формат 84x108 1/32.
Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.
Усл. нр. стт. 17,64.
У-изд. л. 23,10.
Тираж 72500 экз.
Знак № 1467
Цена свободная.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
250-49-98 — отдел рекламы.
Факс (095) 250-59-28.
Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Рег. № 014832
**Учредитель — коллектив
редакции журнала
«Смена».**
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и
цветоделение — «Институт
новых информационных
технологий».
Отпечатано в типографии
издательства
«Пресса»,
125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.
В случае полиграфического
брака обращаться
в издательство «Пресса»:
257-29-30, 257-41-03.

7 (1593) ИЮЛЬ

© «Смена», 1997.

СОДЕРЖАНИЕ

- 28 *проза* РЭЙ БРЭДБЕРИ
МОГИЛЬНЫЙ ДЕНЬ
Рассказ
- 80 МИХАИЛ ЛЮБИМОВ
**БУТЫЛКА
ШАМПАНСКОГО**
Шпионская детектив
- 154 АНДРЕЙ ИЛЬИН
**ОБЕТ
МОЛЧАНИЯ-4**
Остроконечный боевик
- 22 *время и мы* ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ
**...И
НЕ НАПРАСНО
В МИРЕ ЖИТЬ**
- 36 ВИКТОР
ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ
ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ
- 46 НИНА РОСТАРЧУК
**НЕБО
В АЛМАЗАХ**
- 58 ВИКТОР ПОПОВ
"ГОД БОМЖА"
- 103 **НА СТОЛ ТАЩИ -
КОТЛЕТЫ И ЦИ**
Реалисты повара Валерия Орешева
- 132 ТАТЬЯНА
СМОЛЬЯКОВА
**НАЦИЯ И
ДЕГРАДАЦИЯ**
- 150 СВЕТЛАНА
МАСТЕРКОВА:
**"В ИСПАНИИ
Я НЕ
РАЗВЛЕКАЮСЬ..."**
- 4 *исбория и культура* РОМАН БЕЛОУСОВ
**ПОХИЩЕНИЕ
"МОНЫ ЛИЗЫ"**
- 108 ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВ
ЗОЛОТО РОССИИ

122 АДЕЛЬ АЛЕНСЕЕВА
СОМОВ

140 АЛЕКСАНДР КРАВЦОВ
АРТИСТ ДЛЯ
АКТЕРОВ

■
На 1-й обложке:
фотохуд ИГОРЯ РОГАЧЕВСКОГО.

АН О 8 НРС

ИВЕН ХАНТЕР МАЛЕНЬКИЙ РАЙ

Ивен Хантер, но гораздо больше — как Эд Макбейн. Под этим псевдонимом он публиковал свои детективные романы — серии «67-я полицейский участок» и «Ассанат Мэтью Хоул». Помимо детективов, его перу принадлежит ряд романов социальной тематики и даже политическая сатира.

Роман «Маленький рай» вышел в свет под псевдонимом Ивен Хантер, но написан он в жанре детектива. Главный герой Стив Ричмонд, рекламный агент, решил провести отпуск вдали от суматошной нью-йоркской жизни в местечке под названием «Маленький рай». Но его надежды на спокойный двухнедельный отдых на берегу прекрасного озера не оправдались: он оказывается в гуще событий, где переплелись вражда, любовь, шантаж, драки и зверское убийство. Ему самому приходится разбираться в этих низменных перипетиях и разоблачать убийцу. А кто убийца — как во всех классических детективах — становится ясно только на последних страницах романа...

ПИТЕР БРАУН, СТИВЕН ГЕЙНЗ ЛЮБОВЬ, КОТОРУЮ ТЫ ОТДАЕШЬ

Отрывки из второй книги известных английских журналистов, посвященной жизни и творчеству популярной и сегодня группы «Битлз», которую

можно назвать «трагическим повествованием человека, посвященного в тайну, сагой о жизни известных музыкантов».

РОМАН БЕЛОУСОВ

ПОХИЩЕНИЕ

*21 августа 1911 года.
В "Квадратном салоне"
Лувра мирно пребывала
на почетном месте
знаменитая "Мона Лиза"
великого Леонардо да Винчи.
Музей не работал,
но человек
в белой блузе
маляра свободно
прошел в зал,
где висела самая
знаменитая в мире
картина.
Легко снял шедевр
и вышел с ним
на лестничную площадку.
Здесь
перочинным ножом
разрезал бумагу,
соединявшую раму
с полотном,
завернув холст
в тряпку,
спустился во двор
и вышел на улицу.*

МОНЫ ЛИЗЫ

ПЕРЕТПОЛОХЪ ПАРИЖЕ

5

На следующий день Париж облетела сенсационная весть: похищена "Мона Лиза". Это было равносильно национальному бедствию. Известие всполошило город, столичные газеты захлебывались от догадок — кто же похитил шедевр, выдвигались различные версии преступления.

Первой высказалась "Тан" в вечернем выпуске. Газета привела слова хранителя музея Жоржа Бенедита: "Вчера в музее был санитарный день, и он был закрыт для публики. Поэтому никто не заметил, что картина исчезла. Сегодня утром хранитель "Квадратного салона", где висела картина, заметил ее исчезновение, но подумал, что ее, как это часто бывало, взял к себе в кабинет официальный фотограф музея. Он ее обычно возвращает к утру, до того, как музей открывается для публики. К середине дня этот служащий, однако, забеспокоился и прибежал ко мне, заявив, что никто не знает, куда подевалась картина. Я немедленно позвонил префекту парижской полиции Луи Лепину. Он приказал закрыть музей и направил сюда целую армию сыщиков. После часа поисков они обнаружили раму от картины на лестничной площадке. У вора или воров, очевидно, было время, чтобы не спеша извлечь из рамы холст и, бросив раму, благополучно скрыться. Каким образом похитители проникли в музей, как вышли — остается загадкой".

"Пари-журналь" пообещал вознаграждение — 50 тысяч франков тому, кто предоставит какую-либо информацию.

Судья Шувров

“Матэн” обратилась к ясновидящему, чтобы тот призвал на помощь высшие силы и помог в розыске. Журнал “Ревю де Монд” не без юмора заявлял, что “теперь, наконец, стало понятно значение загадочной улыбки Моны Лизы – она, мол, предвкушала весь тот шум, который вызовет во всем мире весть о ее похищении”.

Как только в полицию поступило известие о краже, на место преступления прибыл префект парижской полиции комиссар Луи Лепин. Это был полный человек небольшого роста с седой бородкой, обычно он носил белый котелок и давно вышедшее из моды пальто. Сыщик-оригинал – живая предтеча многих своих литературных собратьев. В Лувре Лепин лично осмотрел “Квадратный салон”, где чуть более ста лет назад, в апреле 1810 года, венчался Наполеон с Марией Луизой. Обошел весь музей, осмотрел подвалы и чердаки. На вопрос, что он думает о краже, комиссар предпочел уклониться от категорического вывода, но выразил твердую уверенность, что картина скоро будет найдена. Вести расследование он поручил опытному инспектору Дриу. Тот немедленно приступил к делу. Были опрошены сотни людей, прежде всего, конечно, служащие музея – хранители, фотографы, рабочие, кописты.

Предположили, что злоумышленник мог проникнуть в здание по строительным лесам, сооруженным для установки в музее лифта. Или это был один из фотографов, которых допускали сюда по понедельникам и которые всегда приходили с большими коробками. Так что любой мог войти в зал под предлогом, будто по поручению фотографа принес дополнительные кассеты, незаметно снять картину и так же незаметно вынести ее. Но в любом случае похититель должен был хорошо знать расположение залов и иметь ключи к ним.

Сыщики пришли к убеждению, что воры, а их было, вероятно, несколько, появились в музее перед его закрытием и спрятались в уборной. Утром, выйдя из своего укрытия, они надели рабочие халаты и потому не привлекли к себе внимания. Смотритель салона, где висела “Мона Лиза”, вспомнил, что вот уже несколько дней, как один молодой человек регулярно появлялся перед картиной и, словно замороженный, часами простаивал перед ней. Это был блондин с каким-то странным выражением голубых глаз. Описания незнакомца тут же были размножены и переданы в полицейские участки. Правда, и раньше “поклонники” “Моны Лизы” были не редкостью. В музей часто приходили письма, авторы которых выражали свое восхищение картиной, признавались в нежности, вызываемой образом Джоконды, и в страсти, испытываемой при ее созерцании. Именно такие экзальтированные “поклонники” возмутились, когда в 1907 году картину упрятали под стекло, чтобы обезопасить ее. Потом, по требованию этих самых “поклонников”, стекло убрали, но затем все же восстановили.

Возникла еще одна версия. Мол, воры вернут в музей картину, но не подлинник, а копию, которых насчитывается немало. Разве одна из них недавно не была продана в Париже? Ее владелец утверждал, что это оригинал. Вспомнили еще один из ряда вон выходящий случай. Некий репортер незадолго до того, как была похищена картина, явился в Лувр и начал бриться перед "Моной Лизой". Охранники не обратили внимания на человека с бритвой в руке, подошедшего к шедевру. Ну, конечно, в краже виновны охранники, во всяком случае в том, что потеряли бдительность.

Но вот поступило донесение, которое всполошило сыщиков. Объявился свидетель, будто бы видевший на набережной Сены двух человек, несущих завернутый в тряпку и похожий на картину предмет, а третий резко оттолкнул свидетеля в сторону, когда тот попытался следить за ними.

Какой-то официант в кафе утверждал, что знает вора и за 800 франков покажет место, где спрятана картина. Его допросили и пришли к выводу, что он психически болен. Следом за этим поступило заявление от продавца антикварной лавки. В тот самый день, когда двое несли подозрительный пакет и были замечены, в лавке объявился пожилой мужчина и предложил купить "старинный портрет одной дамы", но антиквар отклонил его предложение, даже не взглянув на картину. Скорее всего, рассуждал инспектор Дриу, это просто совпадения, ничего не дающие следствию, а лишь уводящие в сторону. Поиски продолжались.

Постепенно вырисовывалась картина ограбления. Стало ясно, что картина исчезла в понедельник до 8.30 утра, но никто этого не заметил до 9 часов во вторник. О ее исчезновении доложили заместителю директора только в середине дня. Таким образом, расследование началось спустя 28 часов после кражи. Более того, в понедельник вечером главный хранитель сообщил, что в музее все в порядке. Выяснилось, что имена и адреса тех, кому разрешалось делать копии с картины, не были занесены в книгу. Поэтому установить, кто был допущен в салон в понедельник, оказалось невозможно. Были взяты отпечатки пальцев у всех сотрудников музея. Они неохотно шли на эту процедуру и так же неохотно отвечали на вопросы сыщиков, опасаясь, что их уволят за халатность.

На пятый день инспектор Дриу составил, наконец, подробный доклад о краже. По его мнению, тщетно искать "Мону Лизу", как, несомненно, и то, что вор (или воры) отлично спланировал свои действия и исполнил все с невероятной смелостью и дерзостью. Проведя ночь в укрытии и покинув его около 7.30 утра, он находился всего в нескольких шагах от салона, где висела "Мона Лиза". Снять картину с крюка большого труда не составляло. С ней грабитель прошел через салон в другое помещение и открыл мало кому известную дверь, ведущую на лестницу. Здесь он ножом разрезал полоски серой бумаги, которыми был прикреплен холст к раме, вытащил из нее портрет, а раму оставил у стены на лестнице.

Спустился к выходу, во "дворик Сфинкса", но дверь оказалась закрытой. Он вывинтил замок и, освободив три болта, снял круглую ручку. Тут послышался шум, грабитель сунул ручку в карман, а сам присел на ступеньки. Мимо него прошел слесарь, свидетельствовавший впоследствии, что видел какого-то человека, сидевшего на ступеньках, в белой рабочей блузе, которые обычно носят рабочие, убирающие помещение. "Не могли бы вы открыть мне дверь", — попросил человек в белой блузе. Слесарь исполнил просьбу, даже не заметив, был ли у него в руках какой-нибудь сверток или пакет.

Из "дворика Сфинкса" вор направился к "дворнику Висконти", там открыл дверь, ведущую на улицу, и вышел на тротуар (инспектор Дриу установил, что между семью и восемью часами утра охранник у дверей "дворника Висконти" отлучился, чтобы выпить воды). Перед тем, как выйти на улицу, вор снял блузу, которую, вероятно, унес с собой, поскольку ее не обнаружили. Рабочий, спешивший в то утро на работу, сообщил Дриу, что видел, как неизвестный мужчина вышел из "дворика Висконти" с прямоугольным пакетом под мышкой и выбросил какой-то предмет в канаву. Свидетель утверждал, что на этом человеке был обычный костюм. Инспектор не сомневался, что это именно тот, кого он разыскивал, а предмет, выброшенный им, — круглая дверная ручка.

На этом след похитителя терялся. Куда он повернул? Направо или налево? Может, напрямик направился на вокзал? Ответа не было. Но одно не вызывало сомнения: вор вышел из Лувра с "Моной Лизой" под мышкой.

Тем временем стали поступать сообщения со всей Европы о подозрительных лицах. Так, в частности, полиция Шербурга известила, что двое мужчин с двумя картинами в рамках поднялись на борт парохода "Кайзер Вильгельм", отплывающего в Нью-Йорк. (Когда пароход прибыл туда, полицейские тщательно обыскали всех пассажиров. У одного из них, оказавшегося художником, нашли две его собственные картины. На всякий случай полиция обыскала еще один лайнер, который шел из Саутгэмптона через Шербург. Но и там ничего не нашли.)

В Италии из виллы Карлотта на озере Комо исчезла прекрасная копия "Моны Лизы", сделанная еще при жизни Леонардо да Винчи (ее так потом и не нашли). Газеты связали эту пропажу с кражей в Лувре. Были арестованы два немца по подозрению в похищении "Моны Лизы", но их отпустили, когда выяснилось, что уже месяц, как они не были в Париже.

Короче говоря, по горячим следам изловить преступника не удалось. Зато очень скоро нашли "козла отпущения", и даже не одного. Совет министров освободил от занимаемой должности директора национальных музеев и главного хранителя Лувра. За халатность были уволены несколько привратников, охранников и смотрителей.

В эти дни парижская газета "Энтрансжан" опубликовала статью поэта Гийома Аполлинера, в которой тот возмущался

тем, что произошло в Лувре, и резко критиковал его администрацию. "Чего же вы хотите, — вопрошал поэт. — Там не встретишь и одного охранника на целой галерее! Лувр охраняется значительно хуже, чем любой заштатный музей в Испании..." Каково же было удивление парижан, когда под подозрение в краже попал сам автор гневной филиппики.

А началось все с заметки в "Пари-журналь", опубликованной 6 сентября. В ней говорилось, что в редакцию явился человек, который принес несколько статуэток, похищенных из Лувра. Хотя журнал и обещал не разглашать этот факт, тем не менее опубликовал об этом заметку в расчете на сенсацию и рост тиража. Журнальная публикация не осталась незамеченной. В Лувре спешно произвели инвентаризацию. И тогда, к немалому удивлению, обнаружили исчезновение трехсот более или менее ценных произведений искусства. Это было невероятно: получалось, что каждый двадцатый посетитель музея выносил под одеждой понравившуюся ему картину, миниатюру или статуэтку!

Полиции незачем было делать такие подсчеты, она просто-напросто начала следствие по поводу публикации в "Пари-журналь".

Очень скоро, а точнее на следующий день, 7 сентября, след привел сыщиков на улицу Гро в квартиру Аполлинера. Здесь были обнаружены компрометирующие его документы, в частности письма от некоего Жери Пьерре. Из них становилось очевидным, что оба они причастны к пропаже статуэток из Лувра. Аполлинера арестовали. В тот же день вечером газета "Матэн" напечатала заметку под заголовком: "Инспектор Дриу арестовывает критика и поэта месье Гийома Аполлинера в связи с хищением из Лувра египетских статуэток". Так возникло "Дело о статуэтках".

Поначалу полиция сочла Аполлинера членом международной банды грабителей произведений искусства. Но потом в ходе расследования было установлено, что ни он, ни его приятель Жери Пьерре не могли быть похитителями "Моны Лизы".

Злосчастные статуэтки вернулись в Лувр на прежнее место, а шедевр, как и его похититель, все еще не были обнаружены.

Постепенно кражу картины затмили более свежие сенсации: война на Балканах, невиданное наводнение в Китае, гибель "Титаника" и т.д. Казалось, что все смирились с кражей "Моны Лизы" и что никогда уже никто не увидит воочию этот шедевр искусства.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ — ФЛОРЕНЦИЯ

Прошло почти три года. Однажды итальянский антиквар Альфредо Джери, владелец художественной галереи и, пожалуй, самый знаменитый торговец антиквариатом, поместил объявление во французской, немецкой и итальянской прессе

о намерении купить старинные произведения искусства. Через несколько дней стали поступать письма с предложениями о продаже. Джери вскрыл письмо, помеченное "Париж, 29 ноября". По мере того как он читал, лицо его выражало все большее недоумение. Автор, представившись итальянцем, заявлял, что полон горячего желания вернуть своей стране хотя бы одно из тех многих сокровищ, которые были в свое время похищены и вывезены из Италии, особенно во время наполеоновских войн. Это мол, он, Наполеон увез "Мону Лизу" во Францию, а сейчас она находится в руках автора письма. Письмо было подписано "Леонарди" и указан обратный адрес: Париж, почтовое отделение на площади Республики, до востребования.

Поначалу Джери решил, что автор письма либо большой шутник, либо безумец, но, подумав немного, отправился к своему другу Джованни Поджи, директору знаменитой картинной галереи Уффици, и показал ему письмо. Тот, хотя и был настроен скептически, посоветовал все же ответить на письмо.

Джери так и сделал. Он написал, что восхищен патриотизмом Леонарди и сам был бы счастлив, если улыбка "Моны Лизы" вновь засияет под небом Италии. Что касается цены за картину, то это не будет препятствием. Он, Джери, просит лишь назначить цену. Но прежде ему необходимо убедиться в том, что это подлинник. Для этого надо, чтобы Леонарди привез ее в Италию, скажем, в Милан.

10 Ответ пришел очень скоро. Леонарди ответил согласием, предложив встретиться в следующую среду, 17 декабря. Но неожиданно от него пришла телеграмма: "Нахожусь в Милане, еду немедленно во Флоренцию. Леонарди". Похоже, "патриот" очень спешил.

О том, что было дальше, Джери вспоминал: "В среду после полудня, в моем кабинете появился молодой, сухощавый человек, с небольшими черными усиками, довольно скромно одетый. Он заявил, что является в данный момент владельцем "Моны Лизы", и пригласил меня пройти с ним к нему в отель, чтобы убедиться в этом. Здесь он ответил на все мои вопросы, касающиеся картины, и сказал, что хочет пятьсот тысяч лир за картину". Тогда это равнялось ста тысячам долларов. Джери ответил согласием и пригласил Леонарди прийти к нему на следующий день в три часа. К трем часам к Джери пришел Поджи, но Леонарди не явился. Прошло десять минут, пятнадцать. Может, все сорвалось? "Мы уже начали волноваться, но вот он, наконец, появился. Я представил ему Поджи, и Леонарди сказал, что горд пожать руку человеку, которому доверено хранить художественное достояние Флоренции. Мы все вместе вышли. Я и Поджи нервничали, Леонарди, напротив, был абсолютно спокоен и даже казался равнодушным. Мы вошли в его маленький номер на третьем этаже отеля "Триполи-Италия", Леонарди запер дверь на ключ, вытащил из-под кровати деревянный сундучок, окрашенный в белую краску. В нем было полно всякой рухляди — старая

обувь, кисти и даже мандолина. Сундучок оказался с двойным дном. Вскрыв его, Леонарди извлек что-то, завернутое в красную шелковую тряпку. Положил на кровать, снял тряпку, и перед нашим изумленным взором предстала божественная "Мона Лиза". Каталожный номер Лувра и печать на обороте точно соответствовали тому, что были на фотографии, которая у них имелась. Тем не менее Поджи сказал, что для того, чтобы вручить вознаграждение, он хотел бы еще раз проверить подлинность картины. Для этого ее надо доставить в его галерею. Леонарди ничего не имел против. И вновь завернув холст в тряпку, направился к двери.

Когда мы вышли из его номера и направились к ожидавшей нас карете, к Леонарди пристала консьержка. Что это у него под мышкой, завернутое в тряпку? Он ответил, что несет картину в галерею Уффици. Если бы смотрители в Лувре были бы столь же бдительными, "Мона Лиза" никогда бы не появилась во Флоренции.

В галерее, заперев дверь на два замка, Поджи приступил к детальному осмотру картины. Чем тщательнее он изучал ее, тем больше убеждался в ее подлинности. Специфические трещины, расплывчатые пятна на тыльной стороне правой руки, потертости вокруг рта, отметины на задней стороне справа от тополиной доски. Сомнения не было — "Мона Лиза" нашлась, это творение великого Леонардо да Винчи.

— Да, — уверенно произнес Поджи, — это оригинал, и господин Леонарди заслуживает вознаграждения.

После чего Леонарди отправился к себе в гостиницу с чувством выполненного долга патриота.

Он упаковывал свой сундучок, когда в дверь постучали. На пороге стояли полицейские во главе с самим начальником полиции Флоренции.

Леонарди не оказал при аресте никакого сопротивления. Чистосердечно признался, что его настоящее имя Винченцо Перуджа. Ему 32 года, родом он из деревни Дюменца, в Северной Италии. По профессии маляр.

При дальнейшем допросе, уже в полиции, он подробно рассказал о том, как совершил кражу. При этом был абсолютно спокоен. И только когда заговорил о мотиве, побудившем совершить кражу, разволновался. Он действовал исключительно ради славы своей родины и из желания вернуть то, что ей принадлежало по праву.

По иронии судьбы Лувр сам неожиданно предоставил вору возможность ограбления. Администрация музея затеяла довольно сложную процедуру предохранительных мер. Решено было спрятать все главные шедевры под стекло. Эта работа началась за десять месяцев до августа 1911 года. Перуджа служил в фирме, заключившей контракт, и был в числе четырех, кого направили для работы в музей.

К январю 1911 года работа была завершена, и Перуджа перешел в другую фирму. Хотя он больше не работал в Лувре, у него там оставалось немало друзей, и он довольно часто навещал их.

— Сколько раз, — рассказывал Перуджа на допросах, — когда работал в Лувре, я останавливался перед “Моной Лизой”, и мне было больно и обидно, гнев охватывал при мысли, что эта великая итальянская картина выставлена в чужой стране. И я поклялся вернуться в Лувр, выкрасть ее и подарить родине — Италии. Надо было лишь выбрать подходящий момент, и, при известной ловкости рук, картина могла стать моей.

Однажды утром, поболтав в Лувре с приятелями-декораторами, Перуджа вошел в “Квадратный салон”, где висела “Мона Лиза”. На него никто не обращал внимания, так как он был одет в белую рабочую блузу. В зале не было ни души.

— Всего за несколько минут, — продолжал он свое признание, — я снял ее с гвоздя, отнес на лестницу, там вытащил из рамы и засунул холст под блузу. На все потребовалось буквально несколько секунд.

Он клялся, что у него не было сообщников, никто не знал о его плане, и ни один человек не догадывался о нем. Когда он пересекал французскую границу, направляясь на встречу с Джери, то с такой готовностью раскрыл свой сундучок, что таможенники даже не заглянули в него.

По его словам, он не собирался продавать картину, но все же рассчитывал на кое-какое вознаграждение за великую услугу, оказанную Италии.

О намерении получить мзду за картину говорили и результаты обыска в его парижской комнате, где более двух лет пришлось ютиться “Моне Лизе”. Был обнаружен дневник, где приводился целый список коллекционеров предметов искусства и торговцев ими. Среди них были Рокфеллер, Морган, Карнеги. Упоминалась и фамилия Джери.

Были допрошены родственники похитителя, жившие с ним одно время в Париже. Все они сумели доказать, что не имеют к краже никакого отношения. Более того, некоторые из них были возмущены и заявили, что совершить кражу побудило Перуджу не мечь, а совсем другая причина.

Перуджа был страстно влюблен в одну девушку по имени Матильда. Ее образ напоминал ему Мону Лизу на портрете. То, что такая девушка действительно существовала, подтвердили ее письма, обнаруженные у него и перевязанные красной ленточкой.

Эта трогательная история, возможно, и имела место, но не произвела абсолютно никакого впечатления на следователей.

Тем временем во Франции живо обсуждалась церемония возвращения, достойная “Моны Лизы”. Газета “Иллюстрасьон” считала, что это должно быть великое, незабываемое событие. В Риме специальный кортеж доставит картину на самый верх Капитолия. Там, у ног коня римского императора Марка Аврелия, она попрощается с величайшими итальянскими шедеврами, творениями Микеланджело и Рафаэля: Моисеем и Юлием II. Затем на специальном поезде картину доставят во Францию. На границе

ее будет приветствовать президент Пуанкаре, облаченный по этому поводу в платье Франциска I. Министры соответственно будут одеты в костюмы великих живописцев Ван Дейка, Веласкеса и Ватто. Король Италии в платье Леонардо да Винчи в торжественной обстановке передаст "Мону Лизу" президенту Французской республики. Затем последует триумфальная поездка картины через всю страну на автомобиле. И всюду по пути следования, в Лионе, Марселе, Тулузе, Бордо, Руане, Нанте, президент будет демонстрировать публике знаменитую беглянку. Однако, продолжала газета, все это лишь фантазия. На самом деле картину, во избежание новых осложнений и тревожностей, нужно тайно отправить поездом в Париж, а народу показывать лишь копию.

Французские газеты строили планы, итальянцы же предпочитали лицезреть шедевр. "Мона Лиза" была выставлена в галерее Уффици во Флоренции. Ажиотаж был невиданный. Земляки Леонардо да Винчи хотели увидеть их соотечественницу, запечатленную на картине великого мастера.

Директор департамента изящных искусств министерства культуры Коррадо Риччи и директор галереи Уффици Джованни Поджи в сопровождении двух охранников вынесли "Мону Лизу" в позолоченной раме XVI века из орехового дерева и поставили на стенд между работами Рафаэля и Тициана.

Очередь выстроилась огромная. Зрители крестились, благословляя Господа за то, что помог найти утраченную картину. Любоваться ею разрешалось не более трех минут, чтобы все успели посмотреть. В тот день перед картиной прошло 30 тысяч человек!

Когда у Риччи спросили, уверен ли он, что это подлинник, тот в шутку ответил, что желает только одного, чтобы французские эксперты признали, что это копия. Тогда картина навсегда останется в Италии.

А в нескольких минутах ходьбы от картинной галереи в тюрьме сидел Винченцо Перуджа. В мгновение ока он стал знаменитостью. Ему предлагали громадные суммы за право его сфотографировать, за его мандолину, за старые кисти, за блузу, за неоплаченные счета и прочие вещи...

Прошло несколько дней. Ажиотаж не стихал, и толпа перед галереей не убывала. Наконец, 20 декабря состоялась официальная передача шедевра представителям Франции в лице нового директора Лувра Генри Марселя и группы экспертов, срочно прибывших в Италию.

В специальном ящике из розового дерева картина отбыла в Рим. На всем пути ее охраняли так, словно это был поезд, в котором следовали члены королевской семьи.

Король Виктор Эммануил с министрами, членами дипломатического корпуса и членами их семей прибыли в мини-

стерство изящных искусств, чтобы лично лицезреть знаменитый шедевр. А в министерстве образования он был торжественно передан французскому послу. После этого картину выставили для всеобщего обозрения во французском посольстве, а затем в галерее Боргезе. Во избежание беспорядков в столице были вызваны дополнительные полицейские силы. Толпы жаждущих увидеть шедевр намного превосходили по численности те, что были во Флоренции. Среди публики случались обмороки. Вечером, когда галерея закрывалась, полиции приходилось разгонять упрямых поклонников "Моны Лизы".

Специальный отряд итальянской полиции сопровождал картину в поезде до самой границы, где она и была передана французским властям. На таможне ее пропустили, не взяв пошлины.

Пока "Мона Лиза" совершала обратное путешествие в поезде под охраной двадцати французских полицейских, в Париже вновь стали циркулировать слухи о том, что в столицу прибудет не подлинник, а копия. Поэтому на вокзале ее встречали без особой помпы. Всего несколько десятков человек, в том числе репортеры, фотографы, музейные работники и представители министерства. "Мону Лизу" отвезли в Парижскую школу изящных искусств, где в течение сорока пяти минут эксперты из Лувра убеждались в том, что перед ними действительно подлинник. В этой школе она оставалась несколько дней, перед тем как ее снова выставили в Лувре.

4 января 1914 года "Мона Лиза" вернулась на свое старое место в "Квадратном салоне". В тот же день сто тысяч посетителей пришли в музей, чтобы поклониться "святыне".

СУД

Винченцо Перуджа тем временем находился в тюрьме. 4 июля 1914 года он предстал перед судом во Флоренции по обвинению в краже "Моны Лизы".

Его показания были запротоколированы и стали достоянием истории.

"Я вошел в Лувр около семи утра, — начал он, — на меня никто не обратил внимания, и я беспрепятственно проник в "Квадратный салон". Я снял с крюка "Мону Лизу", вынул из рамы и спокойно вышел.

— Как вы вышли из музея? — спросил судья.

— Точно так, как и вошел.

— Объясните, почему вы совершили кражу.

— Но ведь все итальянские картины в Лувре были в свое время похищены.

— Откуда вам это известно?

— Из книг и фотографий.

— Почему вы остановили свой выбор на "Моне Лизе"? Разве не могли взять какую-нибудь другую картину?

— Конечно, мог. Я мог взять Рафаэля или Корреджо. Но я отдал предпочтение шедевр Леонардо. Он должен был за-

нять свое почетное место в Италии, точно такое же, какое занимал в Лувре.

— Почему после совершения кражи вы написали своей семье, что вам удалось получить целое состояние?

— Знаете, ваша честь, все это лишь громкие слова.

— Вы заявляли, что иногда подумывали о том, чтобы украсть эту картину?

— Да, я думал об этом, так как она была у меня постоянно перед глазами.

— Вы посещали Лувр когда-либо раньше?

— Да, посещал. Но я не собирался тогда красть “Мону Лизу”.

— Как вам пришла в голову мысль предложить картину торговцу антиквариатом Джери?

— Как-то я читал газету и увидел его имя в объявлении. И тогда решил обратиться к нему с просьбой помочь мне вернуть “Мону Лизу” Италии. Сделать стране подарок.

— Говорите, подарок? Но ведь уже при первой с ним встрече вы заявили, что намерены потребовать от итальянского правительства 500 тысяч лир вознаграждения.

— Кто это вам сказал? Сам Джери? Это он предложил мне потребовать от моего имени 500 тысяч, а потом поделить их.

— Почему вы предложили картину торговцу, а не прямо галерею Уффици?

— Я об этом не подумал.

— Вы рассчитывали на какое-то вознаграждение от итальянского правительства?

— Конечно. Я ожидал, что Италия отблагодарит меня какой-то суммой, которая может стать для такой бедной семьи, как моя, целым состоянием”.

Вслед за Перуджей на кафедру для дачи свидетельских показаний поднялся начальник флорентийской полиции. Он рассказал о том, как была обнаружена в номере обвиняемого картина и о первых его показаниях.

Затем дал показания Поджи, рассказавший, как он завладел картиной. Он заявил, что вопрос о деньгах никогда не обсуждал с обвиняемым.

С особым вниманием были выслушаны показания психиатра. После продолжительного и тщательного обследования пациента он пришел к выводу, что Перуджа — “человек умственно неполноценный”, а посему не несет полной ответственности за свои действия, а только лишь частичную.

Подводя итог выступлениям свидетелей, прокурор заявил, что Перуджа должен нести полную ответственность за содеянное, так как совершил преступление, причем с достаточной долей хитрости. Вывод же психиатра обвинитель поставил под сомнение и напрочь отрицал мотив, что якобы обвиняемый действовал из патриотических побуждений. Прокурор потребовал три года тюрьмы для подсудимого.

Настала очередь адвокатов.

Они потребовали оправдать подсудимого, а если и вынести приговор, то самый снисходительный и мягкий.

Суд удалился на совещание. Через час судья объявил, что, принимая во внимание все смягчающие обстоятельства, решил ограничиться сроком один год и пятнадцать дней.

На Перуджу надели наручники и отправили в тюрьму. Одна газета ехидно заметила, что он выслушал приговор с той самой загадочной улыбкой, которая блуждает на устах "Моны Лизы".

Но отсидеть весь срок Перудже не пришлось. Его адвокаты подали просьбу о помиловании или, по крайней мере, сокращении срока заключения. В результате повторного рассмотрения дела срок был сокращен до семи месяцев, а так как Перуджа уже просидел именно столько, его освободили тотчас же.

Он уехал в свой родной городок Дюменцу. Во время первой мировой войны был призван в армию, отслужил срок. Вернулся на родину в 1921 году. Женился на одной из своих кузин. Вместе с ней уехал в Париж, где открыл лакокрасочную лавку и где умер через несколько лет.

ПОД ОХРАНОЙ ДЕТЕКТИВОВ

Портрету "Моны Лизы", овеянному легендой, преклонением, окруженному тайной, суждено было еще не раз подвергнуться испытаниям. Реальная угроза нависла над картиной в июне 1940 года.

16 Едва были подписаны условия перемирия и акт о капитуляции Франции перед фашистской Германией, как нацисты сразу же принялись за конфискацию произведений искусства на французской земле. Первоначально ее возглавил гитлеровский министр иностранных дел фон Риббентроп. Для этой цели была создана зондеркоманда, впоследствии переименованная в "риббентроповский батальон особого назначения".

Улыбающуюся "Мону Лизу" вместе со многими ценными экспонатами Лувра и других парижских музеев французы тайно увезли в неоккупированную часть Франции. Даже не все сотрудники Лувра знали о тайнике, устроенном в одном из замков на юге Франции.

Когда командир риббентроповского батальона майор СС фон Кюнеберг приступил к изъятию произведений искусства, хранившихся во французских музеях, в том числе и в Лувре, "Мона Лиза" там не оказалось.

— Где "Мона Лиза" Леонардо да Винчи? Ищите эту картину. Доставайте ее мне. Я хочу увидеть божественную улыбку "Моны Лизы", — требовал Риббентроп.

Но настойчивые поиски ни к чему не привели.

После войны "Мона Лиза" вернулась в Лувр. Ее тщательно охраняли с помощью специальной сигнализации. А с 1957 года, когда какой-то псих бросил в картину камень, ее прикрыли пуленепробиваемым стеклом. Впрочем, и до этого на "Мону Лизу" не раз покушались. Одна-

жды какой-то безумец бросил в нее нож, другой умалишенный пытался изувечить самого себя на глазах "Моны Лизы". Вновь проблема с охраной возникла несколько лет спустя, в 1962 году, когда шедевр Леонардо да Винчи решено было отправить в Нью-Йорк для демонстрации на выставке.

С тщательностью и осторожностью картина была упакована в особый стальной контейнер. Для этого полотно вынули из рамы, поместили его между нейлоновыми блоками, чтобы предохранить от вибрации при перевозке, и только тогда уложили в контейнер. "Мона Лиза" путешествовала в отдельной каюте. Круглые сутки в ней поддерживалась постоянная температура. Шесть вооруженных полицейских ни на шаг не отходили от дверей каюты.

Но несмотря на все принятые меры по доставке картины и ее охране, французы с тревогой следили за этим путешествием. Ведь, ставшие хрупкими за долгую жизнь, холст и краски могли легко пострадать во время перевозки.

В Нью-Йорке картину выставили сначала в Национальной галерее, а месяц спустя демонстрировали в Музее искусств Метрополитен. Картину было запрещено освещать ярким светом и пускать много посетителей одновременно, чтобы в помещении не менялась температура. Ее неустанно охраняли полицейские и агенты ФБР, используя специальную телеаппаратуру. Опасения за сохранность картины имели под собой основания. Кража произведений искусства к тому времени приобрела невиданный размах, стала своего рода доходным бизнесом.

После Нью-Йорка "Мона Лиза" проследовала в Японию. Во время показа картины в Токио японские компьютерщики рискнули по форме губ и очертанию рта Моны Лизы "вычислить" голос прекрасной флорентийки. Компьютер установил, что у нее было сильное контральто.

Возвращаясь в Париж после встреч с японцами, картина посетила Москву.

Не дает покоя творение Леонардо да Винчи и современным художникам. Еще несколько десятков лет назад сюрреалист Марсель Дюшан решил развенчать миф о "Моне Лизе" и ее улыбке. Тем самым опрокинуть изжившие себя, по его мнению, каноны красоты, символом коих считалась Мона Лиза. Художник выпустил репродукцию с загадочного портрета, пририсовав Моне Лизе усы. Об этом, впрочем, можно было бы не вспоминать, если бы в 1965 году не появился короткометражный фильм, где творению Леонардо да Винчи приклеили усы и надели на него котелок. Тогда же в Париже состоялась выставка работ так называемых "джокондистов". На ней было представлено три десятка картин и скульптур любителей поизмываться над знаменитым полотном Леонардо да Винчи. Один аргентинский поклонник прислал "Мону Лизу за стеклом автомобиля с работающими электродворниками". Но гвоздем выставки стала картина, автор которой своей фантазией пе-

реплюнул, безусловно, всех своих собратьев. Называлась она "Мона Лиза без Моны Лизы" и изображала лишь пустынный пейзаж, написанный Леонардо да Винчи в качестве фона... Был даже выставлен выдраный из телефонной книги список семнадцати абонентов, чьи фамилии включают в себя слово "Мона".

Решил не отставать от своих собратьев модернистов и американский художник Уилл Эшфорд. Он "нарисовал" около автострады близ Сан-Франциско гигантский портрет Моны Лизы размером 61x43 метра. Разбил намеченный участок дуга на квадраты и, глядя на картину Леонардо да Винчи, разбросал по квадратам 353 килограмма удобрения — сульфата аммония. Весной, когда проклюнулась трава, ее ростки на более удобренных участках стали гуще и темнее, чем на менее удобренных. Художник заявил, что выбрал "Мону Лизу" потому, что эта картина хорошо известна среднему американцу. И действительно, травяной портрет привлек такое внимание, что полиции пришлось поставить на дороге дополнительный пост, чтобы желающие могли полюбоваться на творение Эшфорда, не создавая "пробок".

Вот почему все чаще пишут о том, что "Мона Лиза" устала от сенсаций. Может быть, в конце концов ее оставят в покое и будут видеть в ней просто шедевр изобразительного искусства...

Три царевича – три сына
 Ждут невест – с иголки :
 Одному в окне – рябина,
 Остальным – по елочке.
 Поиграем да попляшем
 Свадьбы разудалые,
 Для веселья в царстве нашем
 Пива-меду мало ли?
 И родни у нас немало
 На чужой сторонке...
 И душа затосковала
 По своей воронке.

Когда весна в апрельской неге
 Еще безжизненно строга,
 Есть что-то вековое в снеге,
 Держащемся за берега.
 И в крике чаек, и в воронах,
 Гнездящихся на тополях,
 И чудится – в полях сожженных
 Татарин мчится, немец, лях...
 В Москве нет и в помине снега,
 Слится пыль, текут века,
 Скривит и тащится телега
 Издалека.

ПАМЯТИ ПОЭТА

Я помню, в камнате общажной
 Висел топор, вонзенный в дым,
 Под ним читал поэт отважный –
 На том и держимся, стоим.
 Еще я помню, дверь открылась
 И, как легенда или сон
 (Своя была иль Божья милость)
 Вошел в пальто и в шарфе он.
 Как будто кто-то крикнул: Коля!
 – Налейте же в конце концов...
 Да, легче, где цветы и пале,
 Как написал поэт Рубцов.

Учусь ходить. Учусь стоять на старости,
 Дрожат поджилки. Прошибает пот.
 Иду по стенке, а земля вращается,
 Тропа прямая на дыбы встает.
 Я это помню. Знатная есть практика.
 Для новых шрамов места не найти.

Под левым глазом ярко светит радуга,
В ушах не молкнет траурный мотив.
Так! Новый шлях куда беднягу выведет?
Что ждет в конце – кулак ли, поцелуй?
Где упаду? В какой уялзу выемке?
Кто урезонит: старый, не балуй!
Иду с оглядкой. Чуть ногами двигаю.
Остался за спиною эшафот.
Там где-то ты, за первую развилкою,
Мое начало. Смертный мой исход...

НОЧНОЕ

Я увидел смерть свою:
Жуткая карета цугом...
Я стихами говорю?
Это, верно, от испуга.
Испугал тебя, дурак?
Ты прости... Но и пойми же:
Это ведь впервые так –
Как с тобою.. даже ближе.
Мы разгоним сей мираж
Глупым облакам по небу.
Если ж спросят – Где он, ваш? –
Отвечай, что он здесь не был.
Не восходил, не снисходил,
Не влетал, как угорелый.
Мы с тобою посидим,
Несмотря на все химеры.
Мы с тобою помалчим.
Что слова – в них ложь и мука!
Мы с тобою сохраним,
Не себя – хотя бы внука...

АНТОН НЕЧАЕВ

ВОДОХРАНИЛИЩЕ

Здесь водохранилище. Огнями
его воды темные горят,
берега усыпаны камнями,
словно зерна камни здесь лежат.
Но из зерен здесь не прорастают
ни цветы, ни злаки по весне,
над водохранилищем летают
души сел утонувших в глубине,
и о днях минувших вспоминая,
они смотрят с горечью на то,
как погосты старые смывая
до размеров моря доросло
водное огромное пространство.
И откуда здесь оно взялось?
Как орда вода, как злое ханство,
словно зверь огромный улеглось.
Трудно жить у молодого моря.

Редко здесь встречаешь рыбака.
Здесь не море, это большие горы,
это больше слезы, чем вода.
Горькая вода водохранилищ!
Это что-то мимо, невпопад,
это не спасешь и не обнимешь,
склад воды, не уносимый склад.
Водная таинственная глыба,
мертвая синица в рукаве,
ты, водохранилище, как рыба
бьешься перед смертью на песке.
Ты как раненый в дороге стонешь
больше от судьбы, чем от войны,
не хранишь ты воду, а хоронишь,
ты не склад, ты кладбище воды.
О, водохранилище, из чрева
твоего слышнее и слышней
тяжкий стон, ты — брошенная дева,
у тебя не может быть детей.
Тот, кто проклянет тебя — подонок,
кто полюбит — тот сойдет с ума,
ты само — уродливый ребенок,
нет твоим родителям суда...
И река теперь больная вена,
ты — смертельный варикоз реки,
дно как рана, а вода как пена
красная на чьи-то каблукы.
Жалкая судьба водохранилищ!
В ней беда и глупость пополам,
в эти воды даже камень кинешь,
как калеке камнем по губам.
Проклято твое предназначенье,
жалкий и несчастный водоем,
ты стоишь героем в окруженье,
ждешь когда мы ближе подойдем.
И тогда, как политрук на фронте,
как японский смертник у руля,
как предатель-проводник в походе,
ты погубишь сделавших тебя.
Может в мщенье ты найдешь отраду,
от морицин избавится твой лоб,
ты все ждешь, ты залегло в засаду,
необъятный выкопав окоп.
Осторожно движется огромный
торс твой вязкий, как смола, как мазь,
ты как тот незелый заключенный,
поменявший каторгу на казнь.
Что к тебе привязано, причастно,
все тебя обходит стороной,
ты, водохранилище, несчастно
и не нужно цели никакой.
Так, мечтая о работе в поле
и о светлом будущем без гнид,
все лежит в окопе камсамалец
и не понимает, что убит.

Это была молния! Ну, и, конечно, японцы постарались снять и смонтировать достойно. Сергей словно взрывался на трамплинах в стремительной смене фигур – в сальто и шпагатах, в "геликоптерах" и "бабочках". И приземлялся на специально истерзанный склон "могула" легко и беспечно, словно ноги его в "свободной подвеске" летели сами по себе и о них можно было не думать. Никаного иного слова, кроме – "фантастина", на ум прийти не могло. Это определение вырывалось само собой и все равно не выражало настоящего смятения от увиденного. Это был восторг, потрясение, ослепление чудом!

В кадре на сложнейшей альпийской трассе летал мальчик, юноша из дымного городка Чусового на Среднем Урале, еще не зная, что через несколько недель после этих съемок в тех же Альпах его мотоцикл на страшной скорости вонзится во встречную машину, шедшую без огней, и его не станет – стремительнее, чем в мгновение.

Россия потеряет олимпийского чемпиона по фристайлу Сергея Шуплецова, и эта весть сшибет с ног его молодую жену, его родителей и, может быть, более других – высокого, внешне спокойного человека, который сделал все, чтобы этот уральский мальчик сбился, стал чудом, легендой и самой величиной его гордости – независимого, крепкого духом и телом, а тут зашатавшегося Леонарда Дмитриевича Постнинова.

Вот сразу трудности и начинаются – я не знаю, как представить Леонарда Дмитриевича. Тут бы пригодились безотказные приемы советского очерка с воспоминаниями о "бедном детстве" героя, о "начале трудовой биографии", о смелых замыслах и бюрократических помехах, которые в конце концов счастливо преодолеваются, да только уж как-то неловко:

Вот сразу трудности и начинаются – я не знаю, как представить Леонарда Дмитриевича. Тут бы пригодились безотказные приемы советского очерка с воспоминаниями о "бедном детстве" героя, о "начале трудовой биографии", о смелых замыслах и бюрократических помехах, которые в конце концов счастливо преодолеваются, да только уж как-то неловко:

И не напрасно в мире жить

ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ

23

Позитивизм

кто же теперь так пишет – засмеют. А между тем уж и не поймешь, кто тут на кого (или что на что) оглаживается – очерки ли на судьбу или судьба цитирует очерки, но многое и вправду было по безнаlostному трафарету: детство, обыкновенное, на Урале – в заводской среде, и обыкновенная же юность. Судьба начинается со следующей страницы.

В 1954 году после физкультурного факультета Пермского педагогического института молодой Постников принял детскую спортивную школу в городе Чусовом. Мне тем легче ее вспомнить, что я тогда учился в ней и до сих пор храню диплом 1955 года "за технику метания диска". Построенная незадолго перед революцией и чем только с той поры не бывшая, она делилась по полам, и через стенку, пока мы осваивали тонкости легкой атлетики, наши одноклассники (тогда музыка была девичьим занятием) учились фортепиано и скрипке. Рядом дымила невзрачная баня. А душа-то директора просила гимнастики, плавания, "высоты и длины" – большого спорта.

Но, слава Богу, в Чусовом были горы, а у Л.Д. Постникова – энергия, и он решился на небывалое: закрыл все отделения, кроме слалом и плавания, и начал строить специализированную горнолыжную школу. Если учесть, что таких школ в стране не было, легко представить, какие разговоры пошли по городским и районным коридорам и как на все это глядело местное просвещение. Это уж теперь у нас воображение осмелело и мы что хочешь представим, а народ постарше еще помнит, чего стоили вызовы к районному начальству и чем они кончались для смельчаков.

Он-то уж это знал, жизнь сразу начала учить. И когда особенно принимало и руководство слеталось "решать", он с собакой забирался повыше по реке Чусовой и не торопясь сплавлялся оттуда на байдарке, укрепляя душу красотой великой реки и покоем "безначальственного" мира, и, поди, думать не думал, как ново повернется в его судьбе эти плаванья. Так грозу и пересиливал.

Да и то: намни на Чусовой звались "бойцы", чего-нибудь это да значило, чему-то да учило и без того не очень уступчивую душу. Однажды в письме он смеялся: "В пионерах не был, хотя красный галстук мне очень нравился, особенно на нашей пионервожатой. Но в ту пору в моде была шпанская одежда из "Путевки в жизнь", и когда мне популярно объяснили, что "селадну" (галстук) носят только "фривера", я его и не надел.

Комсомол сразу учуял, а от партии Бог спас. Когда уж нашли мне двоих порученцев – хороших, в общем, мужиков: один Герой Соцтруда Гриша Петухов, другой – Иван Сергеевич Бородин – пенсионер, строитель (работал с Норбюзе на здании Центросоюза на Мясницкой). Так вот, я спохватился и благополучно запил, так что теперь за меня могли поручиться только алмаши славного города Чусового".

Прием тоже очень русский и против начальства порой помогает...

К этой поре он уж построил кое-что. И слава пошла. И дети никогда не подводили. Ни свои, ни школьные. Сын стал потом тренером горнолыжной сборной Олимпиады-88, дочь – чемпионкой Союза по санному спорту. А всего "топором да долотом", почти "вручную", без техники и средств, в школе сумели приготовить восемь десятков мастеров спорта, пять – международного класса, четырех чемпионов мира. И незабываемого Серену Шуплецова. Все – в городе с наперсток.

Не зря над входом в школу висел девиз "Каждый ребенок гениален. Наша задача – развить его гениальность". И подписан девиз был (в те годы!) не Манаренно и не Крупной, а... Чарли Чаплиным. И это было правдой – Постников знал, что талант всыхивает внезапно, часто там, где никто не ждал, поэтому брал в школу всех, без уникающего детей "отбора", без злой сорти-

рени. Жизнь сама разберется. И умел хвалить каждого и беречь детское достоинство. Тогда теперь видишь, сколько блестящих спортсменов оназавось в городе "на душу населения", поневоле понимаешь правоту школьного девиза. И, значит, найдись в городе педагог той же страсти в другой области, другие дети раскрыли бы и свои, иные дарования. Так с печалью прозревал, что мир слаб, жесток, пошл или потребительски ненасытен не оттого, что такова природа человека, а оттого, что в мире мало великих учителей, которые слышали бы в ребенке растущую душу.

И уже по девизу школы было видно, что одним спортом дело не кончилось. Внутри первой "главы" биографии героя скоро пошла проступать другая. Она проступала, как при фотографическом проявлении или как на рассвете медленно раздвигается и обретает очертания мир. Блестяще одаренный от природы, с хорошим поэтическим и музыкальным слухом, с любовью и игрой смысла, со страстью и человеческой свободой, Постников и сам строился непрерывно, словно с каждым годом и делом светлела и "обретала очертания" его собственная душа.

Когда-то я вычитал у М. Метерлинка удивительное: "...все, что с нами случается, бывает по природе таким же, как мы сами... никогда героический случай не представлялся тому, что уже в течение многих лет не был молчаливым, безвестным героем... на всех путях случая вы встретите только самого себя. Если этим вечером отправится в дорогу Иуда, он обречет Иуду и найдет случай для измены; но если дверь отворит Сократ, он встретит на пороге дома спящего Сократа, а также случай быть мудрым".

Талантливый человек не останется долго один. Главный корпус его школы будет строить "партийный рекоммендатель", коллега Ш.Э. Корбюзье с чудными рассказами и о самом архитектурном мастере, и о Ленке с Арагоном, а "золотым сторонем" "Огонька" (так потом станет называться школа) устроится пенсионер и фронтовик Иван Павлович Любанов, который, как скоро окажется, в юности хороводился с футуристом Василием Наменским. И вот уж, как они, бывало, сойдутся все трое, так и пойдет "соревнование". Один Маяковского вспоминает, другой Наменского, третий читает Луговского... Стихи чередой... Леонард Дмитриевич знает их без счета, а при нужде мгновенно импровизирует – прежде с озорством, теперь все больше с горечью. Тогда мы подружился в последние годы, я часто буду находить рвущие письмо пополам строки – страшный дневник потемневшей "улицы": "Спокойно все в Отечестве моем. Ленка спокойно трупы в Белом доме..." – куда деться сердцу от такого спокойствия? – "А в Чусовом ни гроз, ни ветра, но Танин, как ты, в подноу не согнутым, отсчитывает сердца метроном Терпения настоящие минуты".

Но это потом, а тогда он слушал, слушал, да и дослушался опять до небывалого – решил в "Огоньке" музей рени Чусовой завести. Мало уж стало того, что он детей по ней летом возил, что самые слонные повороты санной трассы именами главных "бойцов" назвал (Шайтан, Боярин, Разбойник), что бы они в детской душе улаживались. Нет, музея захотелось.

Спать, конечно, вроде случайно решил – наткнулся в деревне на чудную часовню, уже проданную дачнику на дрова, и стало ее жалко. Не зря плавал по родной рене и не зря по сторонам смотрел – потянуло остановить все, как было. С годами нарабаталась техника, как "выклянчить" у сельсовета, как привезти, а вначале намучался. Ну, а начал и разохотился – явились и музницы, и бани, и лавки, и крестьянские дома. Вдруг в сумрачном и бесцветном мире увиделось, как прекрасен был быт русского человека и как стремительно он уходит – дети могут не понять и не почувствовать, и надо встичь, удерживать, привить их к родной лозе.

А там родился и музей Ермана. Вот уж кому он отдал сил без счета! И на-ной вызвал к жизни писанный художником П.Ф. Шардановым цикл картин о Ермановом походе. Вышла настоящая живописная хроника с оглядкой на классическую традицию русской иконы, на летописные иллюстрации – со всей России сбегаются глядеть. Киношники повадились снимать и музей, и "деревню", обещая к концу съемок то и это, но кончая одним и тем же, – по-жалуй и бери, но плати валюту: хватный народ!

Когда музей пострел, директор и тренеров потянул в единомышленники, побуждая и их знать историю похода, генеалогию Строгановых, судьбу В.И. Чапаева и книги ходившего тут по путям пешном А.С. Грина (и памятник ему беломраморный поставил перед детским клубом "Алый парус": резный, муне-ственный, по стати чем-то с самим директором схожий – не единственный ли в стране?).

Прямо беда – все хочется помянуть, а гляну, что на "ведомости" сбива-юсь, на "опись имущества", хотя и трети не перечислил. Ну, уж о последнем снану, и все: самым дорогим детищем стала в конце концов ермановская сверстница – Георгиевская церковь, которую (один остов ее!) он нашел и обу-строил с такой любовью, что только молись и радуйся – и крестили в ней, и венчали, и в каждом письме было о ней словцо или нарточка, или стихотво-рение: "В этом страшном побоище брат на брата, как водится, носит камень за пазухой, а топор за спиной. Что ж, за душу раскольников в светлом хра-ме помолимся, если вера поругана на Руси сатаной..."

И именно она – сердце живое – сгорела в мгновение (так была суха!) от недосмотра рабочего. Сгорел рядом и крест, напоминающий об ушедшем под воды Намского моря Нижнем Чусовском Городке, откуда Ерман Тимофеевич выходил в свой великий поход. Остался только страшный валун, занованный в колючую проволоку – памятник последним политическим лагерным зонам под Чусовым. Не хотел забывать Постнинов и эту страшную историю: послед-них мужественных людей, веривших в совестливое будущее родной России и за то добываемых по лагерям. Со стены изолятора 36-й зоны, где оно было процарапано гвоздем на бетоне (словно понадобилось часов?), перебралось на камень стихотворение зена Л. Тимофеева, такое родное храму и особен-но слышное у него:

Заблудилась душа моя в звездах.

Закричал я во сне и проснулся.

Поздно жизнь мне менять, но не поздно

Лба холодным распятым коснуться.

Обратить свои очи к востоку;

Вспомнить восемь стихов от Матфея

И предаться слезам и восторгу;

Перед словом Господним немая.

Настойчивость музы, благосклонность ее к этим местам и к Постникову станет ясна, если вспомнить, что этот небольшой город оказался урожаем на писателей. Не только прохоних, вроде Каменского или Грина, но и своих, ро-дившихся или подолгу живавших здесь. Их вышел, пожалуй, десяток во гла-ве с первенственным и всесветным В.П. Астафьевым, с которым, конечно, у Леонарда Дмитриевича главная переписка и главные свидания. Сойдутся, наговорятся, настроят планов – и Виктор Петрович в Сибирь, а Леонард Дми-триевич за новые идеи. Я даю по самому виду писем после таких визитов угадываю нетерпение Постнинова: "Планы у меня если не генеральские, то на уровне старшины роты: надо сделать любимы путями – где выпросить, где достать, где укресть – дом Астафьева и его коллег [теперь уж построен и сто-

ит. – В.Н.), мельницу, нарусель для гуляний, трантир. И хорошо бы еще та-
кой "мурьез", как молхозная монтора, пока не забыли, что это таное". И из
монверта – наброски, эскизы, фотографии...

А уж Виктору Петровичу отрянаются "соблазны" и заманивания, чтобы
снова приезнал – и все опять в игре рифм, в счастливой свободе, хотя
чуть не кандое письмо упоминает о перенрестном огне "недругов больших
и махоньких":

Виктор Петрович! Мария Семеновна!

*Как на духу вам клянусь:
речка Архиновка здесь не заплевана
и не затоптана Русь,*

*Хариус в яминах прячется стаями,
ива с озьхою сплелась.*

*В нашу церквушку народ неприкаянный
прет, бесталково крестясь...*

Виктор Петрович! Мария Семеновна!

Ну их и "этих", и "тех"!

*Речка Архиновка пляшет "семеновной",
пляшет сквозь слезы и смех.*

Слезы и смех не для рифмы. Ничего не давалось легко. Материнская Чу-
сова часто видела, как плывет стареющий годами, но все нетерпеливый че-
ловек, поглядывая налево и направо, – значит, "пересинивает" очередное го-
нение, врачует душу, набирается сил на новое дело.

Начальство набегало потешиться, баньной побаловаться, похвалиться
перед завезими гостями чужим, словно своим. Он не выходил гнутья и ду-
ранов звал дураками. Нончилось тем, что остался на "музейном" берегу Ар-
хиловки: спорт – славу его и гордость, дело низни отняли недавно с мсти-
тельной нечистотой, не простили норова. От этого, от музейных забот – все
надо делать через силу, как в стане врагов, словно не родную историю спле-
сает, а мешавет всем жить, – в письмах нет-нет и прорвется: "А не послать ли
все...", но это нынче, нажется, прилев всех русских музейщинов, родных на-
ших дон-нихотов.

Приедешь: сидит у намина туча-тучей, не подступись. Молчит, думает. Не
сойся – никто не поможет. "Внук Никита говорит: "Что-то у тебя, дед, дрова
горят потухловато". А это у меня дела идут "потухловато". Помолчит, помол-
чит, обойдет свое хозяйство, насвистывая, засунув руки в карманы, долгий,
сутулый, вернется к себе или в "трактире" присядет за фортепьяно и выко-
ланивает из него что-нибудь боевое, "чалавесное"... А утром вышел в сугроб,
окатился ледяной водой из налодца, и опять – вперед!

Заложена новая церковь, монтируется мельница, чертится проект памят-
ника Серене Шуплецову ("надо ребятишек дернать примером, легендой.
Они вон и сейчас – тройное сальто с двумя пирузтами норолят завернуть –
хлоп на склон, утерли сопки и дальше – им образец подавай"). Готовится и
перевозке "снворечник" Виктора Петровича Астафьева – домишно, который
он срубил в Чусовом после войны и который хотят сейчас утащить на Архи-
ловку. И опять: достать, выпросить, уговорить...

Как много, оказывается, может один человек! Как бесконечна может
быть жизнь и как бессильны перед ней, казалось, уже раздавившие Родину
лонь и пошлость!

Заслуженный работник культуры, почетный гражданин города Чусового
(как хотелось, чтобы читатель сам догадался, что друзья, конечно, зовут его
"Леонардо") Леонард Дмитриевич Постников выходит на работу...

МОГИЛЬНЫЙ РЭЙ БРЭДБЕРИ ДЕНЬ

Пришел Могильный день, и в эту зеленую пору все жители деревни, даже бабушка Лаблилли, отправились по прогретой солнцем тропинке на кладбище. И вот они безмолвно стоят здесь — над головой изумрудное небо, под ногами щедрая земля Миссури, — а вокруг пахнет ранним летом и распускающимися полевыми цветами.

— Ну что ж, добрались, наконец, — объявила бабушка Лаблилли, упершись подбородком в свою палку. Она обдала всех пронзительным взглядом янтарно-карих глаз и сплюнула на пыльную землю.

Кладбище раскинулось в тихом месте, на склоне невысокого холма. Вокруг покосившиеся деревянные надгробия и осевшие могильные насыпи; в пронзительно-свежем воздухе сновали пчелы, своим деловитым жужжанием лишь обогащая первозданную тишину; на фоне ясного неба, словно ожившие цветы, увядали и распускали вновь свои лепестки-крылья бабочки. Высоченные загорелые мужчины, женщины в ношенных льняных платьях долго стояли молча, не отрывая глаз от земли, скрывавшей усопших и погребенных родных.

— Что ж, пора приниматься за работу! — объявила бабушка Лаблилли и с трудом заковыляла по влажной траве, проворно втыкая в нее свою палку.

Принесли лопаты и припасенные заранее ящики, по-праздничному расцвеченные букетиками сирени и маргариток. Власти решили, что в августе через эти земли пройдет

дорога, а поскольку кладбище за пятьдесят лет пришло в запустение и здесь уже давно никого не хоронили, родственники скрепя сердце согласились потревожить полунстлевшие останки своих предков и перенести их для вечного упокоения в другое место.

Бабушка Лаблилли сразу же опустила на колени; лопата дрожала в бессильных руках. Другие уже разошлись по своим местам и проворно разбрасывали податливую землю.

— Бабушка, — почтительно обратился к ней Джозеф Пайкс, закрыв своей широкой тенью жалкие плоды ее усилий. — Бабушка, не надо бы тебе копать в этом месте. Здесь лежит Уильям Симмонс, бабушка.

Услышав его зычный голос, остальные прервали работу и наостригли уши. Тишина; только бабочки шелестят крыльями в прохладном вечернем воздухе.

Бабушка медленно подняла глаза и смерила великана взглядом.

— Думаешь, я не знаю, кто здесь лежит, молодой Джозеф? Я уже шесть десятков лет не видала Уильяма Симмонса, и уж сегодня непременно его навещу! — Разбрасывая жирную землю, лопата за лопатой, она ушла в свои мысли и заговорила сама с собой, не таясь перед тем, кто захочет послушать: — Шестьдесят лет прошло, а ведь он был видным парнем, всего двадцать три годочка, ну а мне-то — двадцать, волосы словно золото, шея и руки — парное молоко, а щеки будто персик. Шестьдесят лет... И свадьбу уж назначили, но он заболел и помер. А я одна осталась, и помню, как земля над ним осела, когда зарядили дожди.

Все не отрываясь смотрели на нее.

— Но все-таки, бабушка... — начал было Джозеф Пайкс.

Могила была неглубокой. Скоро открылся длинный железный ящик, покрытый коричневой коркой.

— Пособите-ка мне! — приказала она.

Девять мужчин подняли гроб, а бабушка тем временем тыкала в них своей палкой, покрикивая: "Осторожней!" и "Легче!"

— Теперь ставьте.

Мужчины послушно опустили ящик на землю.

— А сейчас окажите мне любезность, джентльмены, занесите-ка мистера Симмонса ненадолго в мой дом.

— Мы забираем его на новое кладбище, — возразил Джозеф Пайкс.

Бабушка пронзила его взглядом, словно иголками.

— Вы только занесите живенько этот вот ящик прямо ко мне. Премного благодарна.

Она повернулась и пошла в деревню. Мужчины смотрели, как ковыляет она по тропинке, становясь все меньше и меньше, пока совсем не исчезла из виду. Переглянулись, уставились на гроб и поплевали на руки.

Через пять минут они с трудом протиснули свою ношу в узкую дверь белого домика бабушки Лаблилли и осторожно поставили возле пузатой печки.

Она налила всем по стаканчику.

— Теперь давайте снимем крышку. Не каждый день ведь встречаешь старого друга!

Мужчины не тронулись с места.

— Что ж, не хотите, так я сама. — Она ковырнула гроб палкой, еще и еще раз, обламывая наросшую за долгие годы земляную корку. По половицам резво засеменили пауки. В комнатке распространился густой дух, словно от вспаханной по весне земли. Тут уж мужчины подцепили неподатливое железо сильными пальцами. Бабушка отступила на шаг.

— Поднимай!

Она повелительно взмахнула своим сучковатым жезлом, будто какая-то древняя богиня, и крышка повиновалась. Мужчины опустили ее на пол и повернулись.

Все разом охнули: словно осенний ветер ворвался в комнату.

В воздухе, кружась, медленно оседали золотые пылинки. Перед ними, как живой, лежал Уильям Симмонс. Казалось, он просто спит: на губах застыла легкая улыбка, руки сложены на груди. Принаряжен как в гости, только идти-то ему теперь совсем некуда.

Из груди бабушки вырвался слабый жалобный крик:

— Да он ведь совсем нетронутый!

И правда, время пощадило его, как засушенного жучка. Чистая, белоснежная, гладкая кожа. Красивые глаза, словно лепестками, прикрыты нежными веками, губы сохранили свой цвет, пышные волосы гладко причесаны, галстук завязан и ногти аккуратно подрезаны. В общем, он остался таким же, как в тот день, когда гроб опустили в безмолвие могилы и засыпали землей.

Бабушка закрыла рот руками, с трудом дыша, напрягая слезящиеся глаза. Она почти ничего не видела.

— Где мои очки? — громко спросила она.

Стали искать их.

— Неужели так трудно найти очки? — кричала бабушка. — Ладно, не надо. — Она подошла к нему совсем близко.

Все затаили дыхание. В комнате стало тихо.

Она стояла над открытым гробом и судорожно вздыхала, что-то приговаривая воркующим, дрожащим от волнения и слабости голосом.

— Господи, он сохранился каким был, — сказала одна из женщин, пришедших в дом. — Не рассыпался в прах!

— Такого не бывает! — произнес Джозеф Пайкс.

— Но ведь случилось же, — возразила женщина.

— Шестьдесят лет под землей, и свеженький как огурчик! Ясно ведь, что такого не бывает!

Заходящее солнце, прощаясь, заглянуло в каждое окошко, среди цветов устраивались последние мотыльки и сами превращались в новые яркие лепесточки.

Бабушка Лаблилли вытянула над телом дрожащую сморщенную руку.

— Земля его сохранила. Земля и здешний воздух. Сухая почва спасает от тлена.

— Он молодой, — тихо произнесла одна из женщин. — Совсем еще молодой.

— Да. — Бабушка не отрывала взгляда от своего жениха. — Вот он лежит передо мной в гробу, и ему все еще двадцать три. А я стою здесь, и мне уж под восемьдесят! — Она закрыла глаза.

— Не надо, бабушка... — Джозеф Пайкс осторожно тронул ее за плечо.

— Он такой свеженький и красивый, а я... — Она зажмурилась изо всех сил. — Вот я склонилась над ним, но мне никогда не стать прежней, и даже мечтать о таком нельзя, так и буду старой клячей на тонких кривых ножках... О Господи! Смерть оставляет людям молодость. Только посмотрите, как хорошо она с ним обошлась. — Бабушка медленно провела руками по увядшему лицу и телу, повернулась к остальным. — Смерть добрее жизни. Почему и я не умерла тогда? Теперь мы оба остались бы такими, как в день свадьбы. Лежала бы я в гробу, в белом венчалном платье, вся сплошь в кружевах, закрыв глаза, словно оробела. А ручки сложены на груди, будто я молитву читаю.

— Будет тебе причитать, бабушка!

— Я имею право причитать! Почему, почему я тоже не умерла? И не стояла бы т а к о й сегодня, когда он вернулся повидать меня!

Ее руки вновь слепо метнулись к лицу, ощупывая каждую морщинку, оттягивая обвисшую кожу, шаря во рту, беззубом и высохшем, дергая седые редкие пряди и поднося их к невидящим от горя глазам.

— Хорошо же его встретили дома! — Она показала всем свои тощие руки-сучья. — Думаете, мужчина в полном расцвете польстится на древнюю старуху, в жилах которой не кровь, а стоялая жижа? Меня обманули! Смерть навсегда сберегла его молодость. Поглядите на меня: разве так обошлась со мной ж и з н ь?

— Ну, не все же тебе в убыток, бабушка, — рассудительно произнес Джозеф Пайкс. — Да и какой он молодой! Ему уж за восемьдесят!

— Дурак ты, Джозеф Пайкс! Он крепок, как камень, не источенный веками дождей. И он вернулся повидать меня, а теперь, конечно, выберет себе молоденькую. На что ему старуха?

— Ну, такому-то молодцу ни от кого не будет проку, — сказал Джозеф.

Бабушка отпихнула его подальше от железного ящика.

— Убирайтесь все сейчас же! Не ваш гроб, и крышка, и жених не ваш! Оставьте его тут, по крайности, на ночь, а на завтра выкопаете новую могилу!

— Хорошо, бабушка. Он ведь был твоим парнем. Я приду пораньше. Ты не убивайся так, не плачь.

— Что глазам захочется, то и буду делать...

Она застыла посреди комнаты и не двигалась, пока не вышли все. Немного погодя, достала свечку, зажгла ее и краем глаза в окне заметила фигуру, стоящую на холме рядом с домом. Это Джозеф, он проторчит там всю ночь напролет. Но бабушка Лаб-

лилли не стала кричать ему, чтобы уходил. И хотя она не смотрела больше в окно, от сознания того, что он рядом, на душе было как-то спокойнее.

Она подошла к гробу и впилась глазами в Уильяма Симмонса.

Как ясно она сейчас видела его, живого! Смотришь на руки, и вот они уже ловко управляют с поводьями, быстро двигаются вверх и вниз. Она вспомнила, как он причмокивал, погоняя лошадей, та бежала ровной рысью, и коляска плавно катилась по дугам под серебристым светом луны, пересекая длинные тени. А когда эти руки обнимали ее!.. Разве забудешь такое!

Потрогала одежду, в которую он облачен, и вдруг вскрикнула:

— Его схоронили в другой!

Но в глубине души она сознавала, что костюм тот самый. За шестьдесят лет изменился не Уильям, а ее представление о нем.

Охваченная внезапным страхом, она стала шарить вокруг в поисках очков, нащупала их наконец и торопливо надела.

Присмотрелась и завопила:

— Да ведь это не Уильям Симмонс!

Но все равно отлично понимала, что перед ней лежит ее мертвый жених, и никто иной.

— У него подбородок был вовсе не такой скошенный! — твердила она вполголоса, стараясь быть честной. — Или, может, такой? И волосы, чудесные каштановые волосы, я ведь помню! А эти просто русые! Да и нос, сдается мне, совсем не остренький.

Она склонилась над незнакомцем, внимательно разглядывая его, и с каждой секундой все больше убеждалась, что перед ней подлинник, а не фальшивка. Она поняла то, что должна была знать с самого начала: память о мертвых, что воск, сознание лепит из нее все, что хочет, придает по своему желанию новые черты, там что-то выровняет, здесь шлепнет лишний комочек, тут вытянет, добавит роста... Формирует то так, то эдак, вертит во все стороны, стругает и приглаживает, пока не создаст образ, мало схожий с реальным человеком. Она испытывала боль, словно потеряла что-то важное, и растерянность. Теперь бабушка Лабилли жалела, что открыла гроб. Ну уж по крайней мере могло бы хватить ума обойтись своими слабыми глазами! Сначала она видела его смутно, и воображение восполняло недостающее. Но после того, как надела очки...

Она снова и снова гляделась в его лицо, и постепенно оно становилось привычным. Образ, скроенный из воспоминаний и мыслей, что дряхлели и смевались новыми, наслаивались одна на другую в памяти за шестьдесят лет, исчез, вытесненный из сознания человеком, которого она знала на самом деле. Да, он оставался таким же пригожим, как был при жизни. Боль утраты больше не терзала ее душу: Уильям Симмонс остался самим собой, ни убавить, ни прибавить. Так всегда получается, если годами не видишь человека, и вдруг он возвращается и подходит поздороваться. Сначала сильно не по себе, а потом привыкаешь.

— Да, это ты. — Она засмеялась. — Вижу, как ты украдкой выглядываешь из-под чужого незнакомого обличья и довольно поспеиваешься, что так ловко одурачил меня.

И опять заплакала. Если б только можно было сказать: "Посмотрите, ведь он выглядит совсем не так, это не тот человек, который мне полюбился!" — сразу стало бы легче. Но вредные человечки, засевающие в голове, раскачиваясь в своих крохотных качалках, заливались кудахтающим смехом: "Не обманешь, не обманешь, старая!"

Господи, как просто уверить себя, что перед ней кто-то другой. Сразу бы полегчало. Но она не стала лукавить. Ее заполняли гнетущая тоска и грусть: вот он, свежий, как родниковая вода, и она, древняя, как океан.

— Уильям Симмонс! — вскричала бабушка Лаблилли. — Не смотри на меня! Я знаю, ты любишь по-прежнему, так подожди немного, дай прихорошиться!

Она разворошила в печке огонь, мигом нагрела щипцы, завела свои седые космы в серебристые кудряшки. Мукой набелила щеки, надкусила вишню, чтобы придать сочный цвет губам, пощипала щеки, чтобы вызвать румянец. Кинулась к сундуку, переборошила старую одежду, пока не нашла платье из выцветшего синего бархата. Его она и надела.

Подбежала к зеркалу и в ужасе отпрянула от своего отражения.

— Нет, нет, — простонала она и закрыла глаза. — Что бы я ни сделала, я не стану моложе тебя, Уильям Симмонс! Даже если сейчас умру, это все равно не вылечит меня от старости...

Она почувствовала безумное желание стремглав унести в лесную чащу, упасть в кучу упавших листьев и превратиться вместе с ними в тлен. Метнулась к выходу, решив больше не возвращаться. Но когда распахнула дверь, внутрь ворвался холодный ветер и принес странные звуки, заставившие ее задержаться.

Зябкий вихрь пронесся по комнатке, с разгона налетел на гроб, забрался внутрь...

Казалось, Уильям Симмонс шевельнулся в своем железном ящике.

Бабушка Лаблилли быстро захлопнула дверь.

Она неторопливо вернулась и, щурясь, присмотрелась к нему.

Он постарел на десять лет. На гладкой коже появились морщинки.

— Уильям Симмонс!

Целый час ее суженый, словно внезапно заработавшие часы, мерно наверстывал год за годом. Щеки постепенно съежились, как сжимается кулак или вянет яблоко в корзине. Плоть вылепили из белоснежного снега, и теплый воздух растопил ее. Теперь она казалась обугленной. От дуновения ветерка сморщились веки и губы. Неожиданно, словно от удара молотка, по лицу трещинами рассыпались миллионы морщин. Тело корчилось в муках старения. Ему исполнилось сорок, пятьдесят, шестьдесят! Семьдесят, восемьдесят, сто лет! Он сгорал на невидимом костре! Кожа, вещадно палимая временем, издавала тихое

шуршание, потрескивание, как сухие листья: сто десять, сто двадцать лет... Годы все обильнее и глубже прочерчивали морщины и складки.

Всю холодную ночь бабушка Лаблилли простояла рядом с ним, не обращая внимания на ноющую боль в своих по-птичьих тонких косточках, спокойно и холодно наблюдая за метаморфозами тела. Она была очевидцем этого невероятного превращения. В конце концов почувствовала, что на сердце больше не давит неведомая боль. В душе не осталось ни грусти, ни сожаления.

Она спокойно заснула, прислонясь к стулу.

Желтые лучи солнца напоили светом лесной край, птицы, муравьи, быстрые воды ручейков тихонько зашевелились куда-то, каждый повинувшись своим законам.

Настало утро.

Бабушка проснулась и посмотрела на Уильяма Симмонса.

— О Господи, — произнесла она, сразу осознав, что происходит.

От одного ее дыхания кости трупа затрепетали, начали расслаиваться и распадаться как высохшие куколки, крошиться как сахарный леденец, сторгать на невидимом огне. Они осыпались серовато-белыми хлопьями, взметались невесомой пылью, мельтешащей в солнечных лучах. Стоило крикнуть, и кости раскалывались на мелкие кусочки, а из гроба доносился сухой шелест.

Если сейчас подует ветер, а она откроет дверь, его унесет словно ворох сухих листьев!

Склонившись над ящиком, она долго смотрела на то, что осталось от двадцатитрехлетнего лица и тела. Когда, наконец, до бабушки Лаблилли дошла суть случившегося, из глотки ее вырвался короткий вопль. Она отпрянула, судорожно оцупала лицо, иссохшие груди, провела руками по телу и ногам, коснулась беззубых десен....

На крик прибежал Джозеф Пайкс.

Он появился как раз вовремя, чтобы стать свидетелем удивительного зрелища: бабушка Лаблилли неистово кружилась по комнате в своих желтых ботинках на высоких каблуках, скакала и плясала, как сумасшедшая!

Она без устали хлопала в ладоши, смеялась, хотя из глаз капали слезы, игриво вскидывала подол юбки, вертелась кругом, вальсировала с невидимым партнером. И при этом выкрикивала, делясь своей радостью с солнечными зайчиками и своим отражением, то и дело мелькавшим в большом настенном зеркале:

— Я молода! Мне скоро восемьдесят, но я моложе е г о!

Бабушка прыгала, скакала, как ребенок, приседала в книксене.

— Ты был прав, Джозеф Пайкс, не все мне в убыток, не все! — хихикала она. — Потому что я моложе всех мертвецов на свете!

С этими словами она так бешено закружилась в вальсе, что взвихренный прах стал пылью и под ее торжествующие вопли мириадами сверкающих золотых песчинок повис в воздухе.

ПЕРЕКАТИ- ПОЛЕ

ВИКТОР ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,
КОРРЕСПОНДЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ТИЛУ

По данным переписи 1989 года в бывших союзных республиках проживало 25,3 миллиона русских и более трех миллионов других «этнических россиян». То есть представителей тех народов, этнические территории которых находятся в пределах России.

Подвояющее большинство переселенцев в Россию — русские; значительна доля и других народов России. Это — репатрианты, то есть возвращенцы на родину.

Каково их положение в России? Как родина и ним относится, чем встречает? Что ожидает их в ближайшем будущем?

Сколько их?

Сразу же после распада Советского Союза многие ожидали чуть ли не «ковального» многомиллионного наплыва мигрантов в Россию. Дана в первой программе «Миграция», подготовленной для вновь организуемой Федеральной миграционной службы (ФМС) в 1991 году, был вариант притока в Россию уже в 1992 году более 6 миллионов человек!

Не было, нет и не ожидается ничего подобного! В этом всегда были убеждены специалисты по миграции: тогда, в конце 1991 года, эксперты единодушно отвергли подобные прогнозы.

Но... То прочитаешь, что русские в бывших республиках – это «25 миллионов потенциальных беженцев в Россию»; то услышишь, что миграция растет; то вдруг ТВ сообщит, мол, «в ближайшее время ожидается четыре миллиона беженцев в Россию». Все это, простите, полнейший вздор. И нам, специалистам, хорошо известны его источники.

Откуда, скажем, взялись эти «четыре миллиона»?

Научная организация разработала для ФМС прогноз, по которому за 10 лет наиболее вероятен миграционный прирост населения России на 4 миллиона. Прогноз, кстати, на мой взгляд, очень разумный: за 7 лет после переписи 1989 года этот прирост составил 2,8 миллиона человек, то есть по 400 тысяч в год... Так вот, журналист берет эти «четыре миллиона», но вместо 10 лет пишет – «скоро».

Что же произошло и происходит на самом деле?

Увеличения притока в Россию населения из бывших союзных республик практически не было: в среднем за 5 лет (1991–1995) в Россию ежегодно прибывало, по данным Госкомстата, по 906 тысяч человек...

А как было раньше?

В 1980 году в Россию из бывших союзных республик эмигрировало

876 тысяч человек, в 1985-м – 877 тысяч. В 1995-м – 842 тысячи, в 1996-м (по предварительным данным) – около 650 тысяч...

Но выезд из России в бывшие союзные республики резко уменьшился; из-за этого и произошло как бы увеличение миграционного прироста населения России. А на самом деле устойчивый и значительный миграционный прирост идет с середины 70-х годов; за десять лет между двумя последними переписями населения СССР (1979 и 1989) Россия получила «прибавку» в 1,8 миллиона человек. И больше всего – за счет Казахстана и республик Средней Азии. (Но так ведь было и в последние 15 лет существования Советского Союза!..)

Кто они?

Если размеры миграции в Россию меняются мало, то состав мигрантов изменился значительно. Раньше миграция была в основном добровольной, теперь – вынужденной. Раньше она была преимущественно одиночной и молодежной; теперь – семейной; повысилась доля детей и стариков. Тем не менее возрастной состав чистого миграционного притока в Россию много «молонее» всего населения России. Особенно повышена доля тех, кому от 20 до 40 лет, то есть самых трудоспособных возрастов. В 1994 году их в миграционном приросте был 41 процент, в то время как во всем населении России – всего 30 процентов. Доля же предпенсионных, а особенно – пенсионных возрастов, много ниже.

Большинство «новых россиян» – люди образованные: в миграционном приросте доля лиц с высшим образованием (среди тех, кому больше 16 лет) – 20 процентов, а во всем населении России – 13. Это связано с тем, что мигранты в подавляющем большинстве – горонане, причем сре-

ди них очень велика доля столичных жителей (половина русских Таджикистан в 1989 г. проживали в Душанбе, три четверти русских Азербайджан - в Баку). Это преимущественно интеллигенция (производственная, творческая, учителя, врачи и т.д.) и квалифицированные рабочие городских отраслей народного хозяйства.

Россия получает прекрасное пополнение!

Но высокий образовательный, профессиональный и социальный статус репатриантов определяют и повышенные запросы к условиям жизни в России - они не рвутся в обезлюдившую российскую сельскую глубинку. И стремление государства Российского поднять руками мигрантов из ближнего зарубежья сельское хозяйство Черноземья изначально нелепо.

Специалистам было ясно: заткнуть этими несчастными людьми свои российские «дыры» - мысль абсурдная...

В миграционном приросте населения России русские в последние годы составляли две трети. Значительная доля и других этнических россиян (татар, башкир, чувашей, мордвы и других). Миграционный приток снижает в населении России долю русских: численность прибывающих представителей титульных народов всех новых независимых государств заметно выше, чем выбывающих - Россия остается общим домом для всех народов, населявших бывший Советский Союз.

И условия жизни в России, при всей их общеизвестной сложности, заметно лучше, чем в большинстве бывших союзных республик.

Ошибочно думать, что все или большинство переселенцев в Россию в последние годы - беженцы или вынужденные мигранты. По-прежнему громадную роль играют экономические факторы.

Тут очень показательны пример с Украиной. В 1992 году был громадный перевес миграции из России на Украину. А в 1994-м - столь же боль-

шой перевес движения в Россию. Почему? Главное, думаю, в том, что в России (в связи с началом реформ) в 1992 году резко снизился уровень жизни, а Украина реформ еще не начинала... Но позже уровень жизни на Украине стал ниже российского. Миграция населения - «зеркало» экономических перемен.

А вот из Латвии и Эстонии поток мигрантов в Россию невелик и постоянно снижается. Несмотря на стремление правящих там этнических элит «выдавить» русских. Почему бы это? Да потому, что в этих прибалтийских странах «качество» жизни традиционно выше российского, а в последние годы разница эта возросла...

От края до края

Денатурским утром 96-го года я пришел в Белгородскую областную миграционную службу. И попал на семинар для ее работников, собранных со всей области. Представился руководству службы, и мне предложили прочитать небольшую лекцию о миграции в Россию из ближнего зарубежья...

«А что они все к нам лезут?! Пусть едут в Сибирь!» - такова была первая реакция моих слушателей. О прохладном, если не сказать более, отношении к переселенцам из бывших союзных республик я знал. Однако две вещи меня удивили. Во-первых, неинформированность штатных работников службы, ибо переселенцы расселяются поистине «по всей Руси великой», от Краснодарского края до Мурманска и от анклавной Калининградской области до Камчатки. (Конечно, Белгородская область относится к территориям с относительно большим числом мигрантов, особенно - вынужденных, которыми, собственно, и занимается миграционная служба...) Во-вторых, удивила и неприятно поразила степень недоброжелательства к переселенцам тех, чья основная задача, по словам руко-

водителя ФМС России Татьяны Регент, защита прав и интересов мигрантов.

Потом я не раз убедился, что подобное отношение характерно для многих чиновников разного уровня и разных областных ведомств.

Да, не позавидуешь тем, чьи права нужно защищать...

На начало 1996 года в России было 974 тысячи беженцев и вынужденных переселенцев. Это – официально. Но все сходится на том, что фактически их несколько больше. Что же касается конкретно Белгородской области, то в ней на начало 1996 года зарегистрировано 35 435 переселенцев, признанных вынужденными (включая беженцев). Но вот что интересно: в области, как и по России в целом, мигрантов нынче много меньше, чем в недавнем советском прошлом: в 1986 году в города России вселилось 5 миллионов 226 тысяч человек, а в 1995-м – всего 2 миллиона 791 тысяча. Якобы увеличение миграции в последние годы – один из мифов. Допускаю, что некоторые поддерживают его небескорыстно, дабы оправдать, например, незаконные действия по отношению к переселенцам – об этом мы еще поговорим...

Почему же вынужденные (и добровольные) переселенцы из бывших союзных республик «лезут», по изысканному выражению работников миграционной службы, в Белгородскую область? А также и в Оренбургскую, и в Самарскую, и в Ставропольский край, и в Алтайский... Для специалистов по миграции это нынче секретов не составляет: люди возвращаются на свою (или своих предков) малую родину, где зачастую сохранились родственные, дружеские, приятельские связи, где проще устроиться, обосноваться. У многих есть сильная психологическая привязанность к родным местам. Они всегда о них помнят, тоскуют, и при прочих равных условиях хотели бы жить именно там. А оказав-

шись на «малой родине», нередко «перетягивают» туда не своих родственников, друзей и знакомых.

В каждую область России из ближнего зарубежья больше всего едет людей оттуда, куда больше всего и уезжали из этой области. Поэтому в Белгородскую область больше всего мигрируют с Украины. А в Западную Сибирь, например, из Казахстана.

Белгородская область – пограничная. Рядом – Харьков, город-миллионер, стремительно разрастающийся, в том числе – и за счет молодых белгородцев. Типичный процесс последних лет: возвращение бывших белгородцев. Тех, кто лет 20–30 назад переехали в Харьков, приобрели специальность, понесли, получили квартиру... Теперь квартиру оставляют детям, а сами едут к своим «старикам».

Этих людей, кстати, принимают в области приветливее, чем других. «Объединению семей мы не препятствуем, всех прописываем» – чуть ли не с гордостью сказали мне в администрации города Шебекино.

Другим же еще как «препятствуют», находя всяческие зацепки для отказа в прописке, или, по-нынешнему, в регистрации. И при этом ссылаются на столицу. Москве, дескать, можно, а почему нам нельзя?

...В поезде Москва–Белгород моими соседями оказались две весьма общительные женщины средних лет. Одна ехала из Ухты поразведать – не стоит ли перебраться в Белгород, где у нее престарелая мама и сын-студент. Сама она не работала, но муж зарабатывал очень хорошо. И они решили: если переезжать с Севера, то только в Белгород. Другая вернулась с семьей в Белгород из Ашхабада еще в советское время (в Туркмению была «распределена» после окончания техникума, и долго там жила). Так вот она, по ее словам, «перетянула» в Белгород человек тридцать своих туркменских знакомых. Было возможность устроиться на предпри-

ятни, где работает мун, и где, нстати, в отличие от других, не задерживают зарплату.

Где на Руси жить хорошо?

Многие скажут, что сейчас большинству везде плохо. Но все же в одних местах получше, чем в других.

Плохо – на Севере, особо – на Дальневосточном, откуда в последние годы пошел громадный поток переселенцев на «материнки». Чрезвычайно плохо в небольших городах и поселках, построенных при единственном «градообразующем» предприятии, которое остановлено. В относительно южном селе много лучше, чем в северном. В больших городах все не так плохо, как в малых.

А вообще, переселенцам везде труднее, чем местным. Ному-то пришлось бросить свое прежнее жилье, кому-то – продать его за бесценок... Кто-то сумел вывезти свое движимое имущество, а кому-то и этого не удалось.

Необходимо знать условия жизни там, куда переселяешься. Поистине, «не ошибись, выбирая пути» – ошибка может стоить чрезвычайно дорого... Поэтому создание эффективной информационной системы – одна из главных обязанностей ФМС. Но фактически никакой централизованной информации нет – каждый разными путями добывает ее сам.

Уровень безработицы, потребность в работниках разных профессий и квалификации, жилищное положение и возможности приобретения или аренды жилья, цены на продукты питания, возможности дополнительных заработков и многое другое не может не интересоваться потенциальный переселенец. Особенно если приходится выбирать из нескольких возможных вариантов.

Кроме того, переселенцам необходимо знать об их правах и обязанностях; в какие органы и по каким вопросам можно обратиться, какие при этом необходимы справки... Но узнать все это очень сложно. Переселенцы буквально «глухи» и «слепы». Они вынуждены тратить лишнее время, силы и средства для юридического оформления переселения и всего, что с ним связано. (Мне рассказывали о случаях, когда переселенцы из Казахстана летали обратно в Алматы, чтобы получить российское гражданство там, в нашем консульстве!..)

Правда, очень хороший справочник «Компас вынужденного переселенца» выпустила общественная организация «Координационный Совет помощи беженцам и вынужденным переселенцам», возглавляемая литератором Лидией Графовой. В нем собраны не только законы, указы и постановления, прямо относящиеся к переселенцам, но и выдержки из законодательных актов, связанных с переселением носевенно. А еще: советы опытных переселенцев, уже обосновавшихся в России. Но тираж издания мизерный – всего пять тысяч экземпляров.

Подавляющее большинство переселенцев из ближнего зарубежья в Россию – горонане. Во многих столицах бывших союзных республик русские занимали по численности весьма значительное место, а в некоторых – составляли абсолютное большинство (в Алматы в 1989 г. – 663 тысячи, или 59% всех жителей). Большинство горонан хотело бы и дальше жить в городе, предпочтительно в большом, или, на худой конец, в его пригороде. А чиновники ФМС много сил приложили, чтобы направить их в село. Но это бессмысленно, горонанам очень трудно адаптироваться в нынешнем российском селе.

«З-з, привынут!» – уверяли меня работники Белгородской миграционной службы...

Миграционная политика

Реально существует не одна, а много миграционных «политик»: федеральная, региональные, местные... И не всегда они совпадают с реальной жизнью.

В Федеральной миграционной программе, утвержденной Указом Президента РФ в августе 1994 года, на первое место поставлена «защита прав и интересов мигрантов». Но при этом «выбор мигрантами мест проживания и видов занятости» должен осуществляться «в соответствии с федеральной и региональными программами миграции». (А по нашим основополагающим законам, начиная с Конституции, гражданин имеет право свободно выбирать места проживания...)

Мигранты в Россию получают ее гражданство или в странах выхода (в консульствах России), или в России после переезда (статус вынужденного переселенца дается только гражданам России). Может ли выбор места проживания быть свободным, если его нужно выбирать «в соответствии с программами миграции»? В каких-то случаях желания переселенцев совпадут с намерениями составителей программ, а в каких-то будут им

прямо противоположны. Фактически выбор места жительства местно регулируется административными методами, с помощью так называемого «паспортного режима» с его пропиской-выпиской. Перемена слов – «прописка» на «регистрацию» ничего в принципе не изменила: согласно народной мудрости «хоть горшком назови, только в печь не ставь».

Но дело в том, кто решает, где человеку жить. За кем последнее слово. За переселенцем или чиновником?

Как обстоит дело «на самом деле», знает каждый переселенец. И работники ФМС – тоже. Следовательно, возможно только два варианта: или ФМС не стремится защитить права мигрантов, либо у нее нет на это сил, то есть другие ведомства оказываются мощнее и спокойно плюют на «права и интересы мигрантов».

Как я уже упоминал, большинство релатририрующихся в Россию горожан хотели бы жить в городах, преимущественно больших. Когда слышу (и сожалею, часто), что «все хотели бы жить в Москве», знаю – это вздор. Но многие, несомненно, хотели бы. И потому, в частности, что по сравнению с большинством мест бывшего Союза, именно в Москве «жить хорошо».

А теперь, читатель, посмотрим на эту таблицу.

Миграционный прирост населения в 1995 году (тыс.чел.)

Территория	Всего	В том числе за счет переселенцев	
		из других регионов	из-за пределов России
Центральный район	179,0	74,7	100,9
в том числе:			
Владимирская обл.	10,6	4,0	6,9
Налужская обл.	12,3	2,8	9,9
Московская обл.	43,6	22,8	18,0
г. Москва	25,5	19,5	5,9

Заметьте: во всем Центральном экономическом районе, и особенно в соседних с Московской областях, прирост за счет границы (нового или бывшего зарубенья) много больше, чем за счет России. В Московской области приросты за счет России и зарубенья почти равны, а в Москве – громадный перевес внутрисосреднего притока.

Почему бы это? Да потому, что в Мосдеву «новых иностранцев» не пускают, не прописывают, ставят им все мыслимые и немыслимые препятствия, причем совершенно противозаконные. И не потому, нстати, что население Мосдевы, как некоторые думают, растет: в том же 1995 году оно, несмотря на миграционный приток, уменьшилось на целых 53 тысячи.

Много раз слышал я, что, ограничивая прописку, Мосдева якобы предохраняет себя от вселения в нее преступников. Но это – тоже из области мифов. Преступникам не нужна прописка, а если и нужна – они ее легко добудут...

Где бы в провинции я ни был (а в конце прошлого года объехал три области России – Нальунскую, Тульскую и Белгородскую), везде слышу: это вы, мосдевичи, нивете, а мы существуем...

Переселенцы в Россию из бывшего зарубенья, несмотря на якобы защиту их прав и интересов, очень сильно дискриминированы. И дело тут не только и не столько в ФМС. Там, конечно, хотят, «как лучше». Но, кроме федеральной миграционной политики, есть и политика региональная.

Областные миграционные службы подчинены местному руководству и выполняют его волю. Везде, где я был, миграцию «нурируют» первые заместители глав областных и районных администраций. И «местничество» называется на положении переселенцев обычно куда сильнее, чем федеральные законы.

Оттого сплошь и рядом и получается – «как всегда».

А то и много хуе...

Поодиночке и вместе

Большинство репатриантов переселяются в Россию самостоятельно. Сначала едет глава семьи, чтобы подготовить условия для окончательного перемещения, потом он остальные устраиваются на новом месте так же «посемейно»: у родных и знакомых или рядом, но с их помощью.

Но у многих российские норни потеряны, а в местах старого проживания – сильные связи, которые нежелательно терять. Тогда-то и происходит коллективное переселение и совместное обустройство на новых местах.

За историей одного такого переселенческого сообщества я спену уже давно...

В феврале 1990 года в Таджикистане, в Душанбе, была самая настоящая резня. Тогда и возникли отряды самообороны, не пустившие громщинов в жилые кварталы. Многие русские (и русскоязычные) сразу же поняли, что тут им больше не жить, и на основе отрядов самообороны образовалась мощная организация «Миграция», насчитывавшая, по словам ее руководителей, около двадцати тысяч человек. Стали искать в России места, куда можно было бы переместиться. Выбор пал на Нальугу...

Сначала будущие переселенцы попросили местное руководство дать им небольшой участок земли в самой Нальуге. Чтобы они своими силами и на свои средства (инфляции еще не было) построили обычные городские дома и стали калунами. Им отказали. Тогда они попросили выделить участок земли в сельской местности, но вблизи города. Чтобы они – опять же сами и за свой счет – построили

там поселок. Но для того, чтобы могли работать и в Калуге, а их дети — учиться в городских школах. Им снова отказали.

В самом конце 1991 года я специально ездил в Калугу, чтобы понять — почему отказали? Пройдя по кабинетам областного руководства, услышал: дескать, лишней земли у нас нет. Мы сами хотим иметь свои дачи и сады рядом с Калугой.

Переселенцев отфутболили в один из самых отсталых сельских районов области — Ферзиновский. Дали им участок поля (конечно, не «дали» — продали за очень большую для переселенцев цену); миграционная служба выдала жилые вагончики, которые нелегально поставили на лесной опушке. Позже землю хотели отобрать, и переселенцам пришлось защищаться с помощью суда. Отбились. С тех пор вот уже четыре зимы эти «новые россияне» так и живут в вагончиках. И ничего им впереди не светит...

В мае 1995 года в поселке нынешнего ТОО «Новосел» было прописано более трехсот человек, на самом деле проживало, как мне рассказывали, около двухсот — остальные разъехались на заработки.

И вдруг «Новоселу» сильно повезло: швейцарский Красный Крест выдал 300 тысяч американских долларов. Швейцарцы предлагали на эти деньги построить десять жилых домов. Но по настоянию областной миграционной службы соорудили «общественный центр» — большое здание необычного для нас облика, где под одной крышей должны быть детский сад, почта, мастерские, клуб... Надо же иметь место, где жители поселка могли бы собираться — решили областные чиновники, но отнюдь не сами «новоселы». В ноябре прошлого года я осматривал этот дом вместе с руководителями работниками областного проектного института — калужская миграционная служба области попросила их дать заключение: как общественный центр «дovedти до ума».

Высокая комиссия из семи профессионалов решила: нужно не только многое доделать, но и многое переделать: построить местные очистные сооружения, гостиницу; и вообще, конечно, все сделано не то и не так.

Мой вопрос: «А сколько может стоить «дovedение дома до ума»? — вызвал среди высоких специалистов дискуссионный ажиотаж. Одни считали: необходимо вложить еще больше, чем уже затрачено (более трехсот тысяч долларов), другие — что меньше. Сошлись на «приблизительно столько же»...

Комиссия отбыла в Калугу, а я остался в Ферзиково. Самым интересным, и для меня неожиданным, было то, что районная администрация теперь, в отличие от 1995 года, совсем не стремилась принять дом «на свой баланс». Ибо тогда нужно будет платить налог и на недвижимость, а у района нет денег. Ну а пока детский сад находится в промерзающем ангаре...

Поздней осенью растащили вагончики по участкам, что наконец-то выделены переселенцам — по 15 соток. (Нутная это картина — сиротливые бараны на холмах среди непролазной грязи, под ноябрьским лианом...)

Руководство областной миграционной службы год за годом сетует: «Новосел» — постоянная острая головная боль; его жителей надо немедленно «раскидать по всей области». Но они не хотят. (Единственное, что удалось сделать — расселить около двух десятков семей «социально незащищенных»...) «Новосел» (кстати, самое известное из всех «компактных поселений» репатриантов в Россию, ибо о нем много писали в газетах и не раз показывали по телевидению) — типичная жертва миграционной политики начала 90-х годов, когда силами переселенцев надеялись «поднять Нечерноземье».

Конечно, есть и примеры совсем иного характера. Удачно складывается судьба «компактного поселения» в

селе Архангельском, что в Тульской области. Сюда с 1988 года переселяются из Грузии духоборы, высланные из России еще в прошлом веке. (Они очень чтут Льва Толстого, который им в свое время помогал, и поэтому понимали поселиться в «толстовских» местах. Назвали свое хозяйство похозом – общиной имени Льва Николаевича Толстого). Духоборы – коллективисты, они хотят и в центре России жить так же, как жили в грузинской «глубинке». Но тут дело особое – переселенцев связывает, сплачивает религия. И к ним очень хорошо относится администрация Чернского района; местное руководство с самого начала было заинтересовано в переселенцах, и в Архангельском сейчас проживают около 800 духоборов – приблизительно 250 семей.

Поселок возведен на месте практически исчезнувшего села. Дома большие, просторные, красивые. Строительство продолжается: когда я там был, шли работы по газификации

поселка. А в городе Борисоглебске (Воронежская область) переселенцы из того же Душанбе, что и жители «Новосела», строят большой микрорайон – на 22,5 тысячи жителей...

Мнения о будущем миграции в Россию из ближнего зарубежья сильно расходятся. Федеральная миграционная служба уверена: миграционные потоки в Россию со временем возрастут; и главным образом это будут вынужденные переселенцы. А независимые специалисты по миграции (и я в том числе) считают, что в ближайшие годы переселений в Россию скорее всего станет меньше. Итоги двух последних лет подтверждают именно эту точку зрения...

Но важно всем нам понять одно: люди эти не перенатопля, не искатели легкой жизни. Они хотят обустроиться в России прочно, надолго – в расчете на детей, внуков и правнуков. И как же нам не помочь им в этом?!

✓

Величие народа не измеряется его численностью, как величие человека не измеряется его ростом; единственной мерой служит его умственное развитие и его нравственный уровень.

Виктор Гюго.

НЕБО

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

В АЛМАЗАХ

НИНА РОСТАРЧУК

Небо над Назаровной совсем не танов, как над Москвой.

Ночью тут все усыпано звездами, и настолько четко прорисованы созвездия, что нинание атласы не нунны – свернают, как алмазы на черном бархате...

А вот под небом – грустно. Можно сказать, тосна...

Домики деревянные, многие поносились, иные и вовсе в землю вткнулись носом. Улицы непролазные: зимой – снег, весной – грязь,

летом – сухие глыбы развороченной тракторами глины, осенью – снова грязь. И на улицах этих – ни человека... Исключение составляет лишь тот час, когда к единственному здесь магазинчику подходит машина с хлебом. Потянутся туда бабушки да женщины в телогрейках, постоят у магазинчика, посудачат – и опять по своим дворам разойдутся.

И вот под этим небом, в таком вот печальнейшем захолустье живут Володя, Таня и Илюша Ансеновы – семья, вызывающая удивление односельчан... Впрочем, что там односельчан! Близкие люди, родственники вот уже девять лет пытаются, да не могут понять, на чем она держится – да так крепко, что никакие бури ее не трогают.

Загадку составляет тот факт, что Володя, муж, абсолютно здоровый парень, а жена его, Таня, немощный человек, инвалид 1-й группы. И женились они, когда Таня уже «жила» в инвалидном кресле. Таней он ее узнал, увидел и полюбил. А «другой» Тани просто никогда не было: болезнь у нее врожденная. По-научному называется «спинальная амиотрофия Верднига-Гоффмана». А проще говоря, полная физическая беспомощность. Кто-то все время должен быть рядом с ней. И вот девять лет Он рядом...

ТАНЯ

– Мы переехали в Назаровку из Ельца, есть такой городок в Липецкой области, – рассказывает Татьяна. – Мне как раз исполнилось семь лет, и отец смог определить меня в обычную школу, обычный класс. В городе мне наверняка назначили бы индивидуальное обучение, а в Назаровке папа стал каким-то начальником – заместителем, а потом и главврачом местной психиатрической больницы. Поэтому никто не решился отказать ему. Каждое утро

на служебной машине он привозил меня к школе, брал на руки, коляски у меня тогда не было, относил в класс, усаживал за парту – и на время уроков я ничем не отличалась от сверстников, разве что отвечала с места. Четыре-пять часов отсижу – папа приезжает и забирает.

Так было в начальной школе. А когда началась кабинетная система, носить меня на руках из класса в класс стали одноклассники. Они делали это просто, без каких-либо намерений или насмешек. Может быть, поэтому никаких таких комплексов у меня и не возникало...

Врачи предсказывали, что она проживет недолго. Сначала говорили: не больше десяти лет, потом – пятнадцати. Потом пообещали двадцать... И ни у кого даже в мыслях не было, что как раз к двадцати годам эту большую девочку читающая Россия (точнее Союз – ведь в то время он еще был, и журнал «Юность», опубликовавший ее стихи, расхваливался огромными тиражами по всей стране) узнает как поэтессу Татьяну Зубову.

И уж тем более никто не решился бы предсказать, что в 24 года Таня выйдет замуж, в 27 лет родит, а к 32-м годам будет работать корреспондентом районной газеты «Новая искра» и окружающим ее «полноценным» людям придется лишь удивляться, откуда в ней столько душевных сил, энергии, трудолюбия и, главное, оптимизма...

...Школу она окончила с золотой медалью. Поступила в педагогический, на заочное отделение. А потом у нее началась депрессия. Вчерашние одноклассники занялись каждый своим устройством. Ни на кого из них Таня не обижалась, просто ей было тягостно сознавать, что она осталась совсем одна.

– Меня спасла переписка, – рассказывает Татьяна. – В «Комсомолец» прочла заметочку: «Ному плохо, пишете мне». И подпись: Слава

Щепкин. Позже «Комсомолна» называет его «человеком-клубом». Потому что таким образом Слава организовал настоящий заочный клуб из огромного количества молодых людей, по той или иной причине оказавшихся в одиночестве. Я была среди них. И написала Слава. Он мне ответил – прислал адреса трех девочек, живущих, как и я, в инвалидном кресле. До сих пор они для меня, как звездочки. Хотя одна уже умерла. Две живы... Мы стали переписываться, круг этой переписки все расширялся. Мы стали создавать общество инвалидов по переписке, выпускать рукописные журналы, газеты... В конце концов создали литературное объединение «Луч».

Одна из ее подружек по этому «Лучу» тайне от Тани отправила несколько ее стихотворений в «Юность». И Тани, представьте, приходит письмо, подписанное главным редактором журнала Дементьевым: стихи понравились, их будут публиковать – надо только, чтоб Таня выслала фотографию.

Публиковать! В журнале! В столичном! В это не верилось до тех пор, пока почтальон не принес в дом Зубновых авторский экземпляр престижного тогда журнала. Ничего упоминания, что, мол, автор прикован к постели, не было. Ничего подробностей, вызывающих в читателях сочувствие. Танина страничка в журнале была такой же, как у других поэтов: фотография, текст... И меленьким шрифтом внизу: «Назаровна, Рязанская область».

Словно указательный знак Володе...

ВОЛОДЯ

– На фотографии мне эта девушка не понравилась, – рассказывает Володя. – Лицо показалось строгим, даже немножко злым. Но знаете, как бывает? Когда читаешь стихи – лю-

бье – чувствуешь: что-то тебе понятно, а что-то нет. Одни стихи привлекают, а другие отталкивают. А Танины я прочел и подумал: вот с этим человеком мне бы хотелось поговорить.

И он написал на почтовой карточке несколько слов. Ну что в таких случаях пишут? Стихи понравились. И еще он написал, что тоже пробует себя в этом деле. И сравнил себя с ребенком, который только учится ходить.

Если бы Таня не ответила – ну и ладно, вряд ли стал бы писать ей снова.

Она ответила.

Все это начиналось в 1984 году. Володе Ансенову, как и Тани, исполнилось 20 лет. Жил он тогда в Назани, работал на заводе, учился в профтехучилище, получил наименее выгодную в то время специальность мастера холодильного оборудования.

Я видела его фотографии той поры и потому уверена: уж девушку-то себе он мог выбрать не сходя с места! Как признается мне потом Анна Терентьевна, Танина бабушка, вот это и поразило. Парень видный, красивый, «кануратный такой, ну прямо как сноп на колхозном поле». Она так его до сих пор и зовет, смеясь: «Пучочен». По-бабушкиному крестьянскому разумению – это высшая похвала.

И верно: плечи у Володи широкие, руки сильные. А волосы соломенные, и весь он какой-то светлый. И вот этот красавец-парень из всех невест выбирает девушку в инвалидной коляске – Таню.

– Я не сразу понял, в чем дело, – рассказывает Володя. – Ну как это – жениться по переписке? Вроде как несерьезно... Мы уже вместе жили, и все у нас было хорошо, замечательно, а я иногда задумывался: «Как же это я угадал?» Сам себе не мог объяснить.

И вдруг однажды читаю... Не помню в какой газете... Словом, сейчас в Америке по этому же принципу

начали работать слухом знакомств. Якобы ученые доказали, что в письме остается запах того, кто его писал. И другой человек, читая, улавливает его, хотя может этого и не осознавать. Американцы научились улавливать запах писем. И предлагать клиентам службы знакомств выбрать те, которые им подходят. Если запах отталкивает – а такое вполне случается – значит, и вариант партнерства полностью исключен. А если нравится и притягивает...

Мне, конечно, американцы не помогали. И не могли помочь. Я их в этом деле опередил. Не смеетесь, но я уверен, сработал именно этот принцип. Я подсознательно уловил: это письмо от женщины, которая мне подходит. Меня потянуло к ней. Я понял, что мы должны быть вместе.

Но мало ли что он понял! Полностью осознав тягость своей болезни, Таня смирилась с мыслью, что ни о какой личной, семейной жизни речи не может быть. И когда Володя написал: «Выходи за меня замуж» (в случилось это довольно скоро, уже в третьем или четвертом его письме) – Таня испугалась.

– Он ведь не догадывался, что я инвалид 1-й группы, – рассказывает она теперь. – Наша переписка носила чисто литературоведческий, если так можно выразиться, характер. Я разбирала его стихи, растолковывала, чем ямб отличается от хорея. И когда он вдруг сделал мне предложение, я подумала, как это плохо – обманывать человека, надо срочно рассказать ему всю правду о себе.

И Таня рассказала. Сейчас Володя говорит мне, что эта правда не имела никакого значения. Она не удивила, не потрясла и тем более не испугала его. Он лишь понял, что «игра» (его слово) закончилась, и отныне все может быть только настоящим, серьезным. И повторил свое предложение.

«Тебе нужна женщина для семьи, – ответила Таня. – Для этого я

не гонюсь. Я на коляске, жить мне неизвестно сколько, у тебя со мной не может быть полноценной семьи, детей. Не обинайся, но давай оборвем переписку. Поищи что-нибудь другое».

А он в ответ: «Я приеду».

«Не приезжай! – Танино письмо. – Дай мне слово, что приедешь только тогда, когда я тебе разрешу».

«Ладно, я буду ждать».

И Володя прождал три года.

Их письма я не читала: не решилась попросить показать мне их. Хотя знаю, что хранятся в семейном архиве – все до единого. Они ими дорожат. Берегут для сына. Я передаю лишь суть переписки – сюжет, растянувшийся на три года.

О Танином состоянии в тот момент можно еще судить по ее стихам. И все-таки счастье

*приходит порою,
А просто его узнаем мы не сразу,
Не можем верить,*

*что вот, наконец-то!
Пришло оно, счастье!*

*Пришло оно все же!
Не верим. И двери скорей запираем.
И, в душах крючки*

*на запоры накинув,
Сидим и трясемся:*

*«А вдруг это горе
Под маскою счастья*

*запрягалось ловко?»
...А счастье устало*

*стучаться к нам в двери.
Как малый ребенок,*

*размазавши слезы
По худеньким скулам, оно уходило.*

*Завидев в окно, что оно исчезает,
Выходим за дверь*

*и, прикрывшись ладонью,
Глядим ему вслед,*

*сдвинув брови в раздумье...
И вдруг понимаем,*

что вот оно – счастье!

– Когда я разрешила ему приехать, – рассказывает Татьяна, – я думала об одном – о том, что он увидит меня, повернется и уйдет. А мне после этого надо будет жить.

Когда он приехал, Тамины родители не сразу сообразили, что приехал жених. Думали, так – друг по переписке, их у дочери много... И вдруг за обедом – папа ест, мама у кухонного стола – Таня сообщает им эту новость.

– Володя подошел. Мою руку взял, а я чувствую: обе ходуном ходят – и моя рука, и его. А у папы ланча у рта застыла...

ОТЕЦ

Он часто заходит в гости, всегда с гостинцами для Илюши, и внучок очень любит деда. Любит отца и Таня. Она считает, что он единственный из мужчин представлял себе, что берет на себя Володя, и потому не верил, что сможет выдержать.

Я его спросила: «Вы смогли бы жениться на такой женщине?» И Александр Ефремович ответил: «Нет».

Потому что он Таню вырастил. Он все знает. Он долго не мог поверить, что Володя не уйдет. И тогда... Тогда Тане, его Тане, будет еще хуже.

– День свадьбы, – рассказывает Татьяна. – Утром папа меня поднимает, умывает, надевает белое платье... Свадьбу сыграли. Вечером, как всегда, папа берет меня на руки, чтобы отнести спать. Тут подходит Володя. «Александр Ефремович, – говорит, – теперь это мое дело». И я перехожу на Володины руки. Теперь уже навсегда...

ВОЛОДЯ

– Пока я была без Вовни, – рассказывает Татьяна, – я не знала, что такое магазинный прилавок. Не знала, что такое метро, автобус или троллейбус. С Володей узнала все. Он меня сажает на коляску, едем до вонзала, элентрична подходит, двери открываются, он меня в охапку,

заносит в вагон, сажает на сиденье, сам спускается за коляской, вносит ее, двери закрываются, мы едем. Доезжаем до Рязани, можно таким же образом – до Москвы. И в метро спустились на коляске – я сначала от страха глаза заммурировала...

В ноябре была свадьба, а через месяц Тане дали путевку в Крым. И они полетели. А потом и до Казань добрались – там жили родственники Володи, надо же ему было познакомить всех с женой.

Таня рассказывает легко, а я все равно заццивливаюсь на глаголах: пошли, поехали, полетели...

Однанды в Москве «выходили» из автобуса. Обычная схема танак Володя выносит коляску, возвращается за женой, выносит ее... А тут он коляску вынес, и автобус поехал. Володя бенит за ним, стучит в заднюю дверь – водитель не слышит. Пока пассажиры не закричали: остановитесь, мол. Остановился. Володя вошел. Шофер закрыл дверь и опять поехал. А коляска-то осталась на улице! Теперь уж Володя кричит: «Да стой же!» А тот едет и едет. В общем, когда, наконец, сошли, коляска осталась за три квартала – так и нес Володя Таню на руках...

– Меня учили прятать некрасивость моей болезни, – рассказывает Татьяна. – Ножки надо прятать, пледом закрывать... Первое время стеснялась Володи. Я старалась ничего не скрывать, но делала это как бы заранее извиняясь, что я таня. Все время пользовалась косметикой – даже на ночь не смывала. Володя говорит: «Это что такое?» Я отвечаю: «Мне нельзя мочить кону, у меня будет аллергия». Один раз «проглотил». А потом отвечает: «Все! Кончай дурью маяться».

И когда потом мы ездили в сектори, я женщина там поранала: «Ну, Танька, ты вообще без комплексов». А я отвечала им, а больше – самой себе: «Прошло время комплексов – надо жить!»

ИЛЮША

Сначала они боялись думать о ребенке, потому что заболевание Тани считается наследственным. Два года не решались. Потом все-таки собрались и поехали в Москву, в Институт материнства и детства.

Им сказали так: 25 процентов риска. Из четырех детей один будет абсолютно здоровый, двое – сами здоровые, но у них может быть болезненное потомство. А один на четыре случая рождается таким, как Татьяна.

И Ансеновы решили надеяться, что попадут в «счастливые» 75 процентов. И про потомство решили пока не думать: может быть, к тому времени медицина достигнет такого уровня, что проблема решится сама собой.

– Анестезиолог, который работал со мной на родах – делал несарево сечение, – предупредил: с вашим заболеванием общий наркоз нельзя, делаем местную анестезию. И была я в полном сознании.

«Да-а, не подарок...» – говорит врач. А я слышу. И – в слезы. Тогда он стал отвлекать меня – рассказывать обо всем, что делает: сейчас будем живот резать, сейчас доставим ребеночка. А потом: «У вас сын». И Илюшка закричал так, что Володя в коридоре его услышал.

Там, в больнице, встретили Новый год. Илье было пять дней. Взяли его из детской, нарядили маленькую еловую веточку – это была наша первая новогодняя ночь втроем.

А как он потом достался... Все делал Володя. Я тянулась изо всех сил, чтобы молоко было. Грудь очень болела, Володя сцеживал...

– Ну давайте я вам руку помну, – говорит мне Таня, прервав рассказ. – Поняли теперь, насколько я «ноль» физически. Все делал Володя. Чтобы представить, в каком положении была я, свяжите себе руки за спиной, свяжите ноги и сядьте. И представьте, что перед вами грудной ребенок.

Что с ним делать? Я однажды зубами Илью держала. Володя отлучился из дома, а сын ленит передо мной на столине. Он был очень подвижный мальчик, юркий. И со столины стал сползать... Я зубами его схватила и держала, пока не пришел Володя.

ВОЛОДЯ

Кажется, Володя обиделся на меня. Я достала его расспросами: ну почему никто из мужчин не решился бы жениться на инвалиде, а ты женился? Что в тебе было такого особенного? И главное, как ты выдержал? Ты ведь был уверен в себе? Уверен, что выдержишь? Готовился к трудной жизни?

– Да не к трудной жизни я готовился, – вспыхнул Володя, – а к нормальной!.. Неподготовленному человеку лучше вообще не жениться. Хоть на здоровой, хоть на больной – все равно тяжело понанется. А я вырос в деревне, семья большая. Жизнь учила. Но я и сам хотел все уметь. Чтобы ни от кого не зависеть – первое. Чтобы уметь защитить себя – второе. И когда уехал из Казахстана, жил самостоятельно, в общинности, мне почему-то стыдно было слышать от ребят: «Надо жениться, а то грязный хожу». Слово только для того женятся, чтобы кто-то тебя обстирывал и кормил.

Не знаю, что тут особенного, но я хотел все уметь. И жениться не на хозяйке, домработнице, а на любимой женщине. Я ее по душе искал.

ПРОЗА

Легко сказать – по душе. А душа-то все равно живет в теле.

Сейчас они живут так. Семейный бюджет состоит из корреспондентской зарплаты Татьяны, ее пенсии по инвалидности, пособия на ребенка плюс 12 тысяч рублей, которые

выплачивают Володе по уходу за инвалидом. Все это вместе взятое составляет примерно полмиллиона в месяц. Сто пятьдесят они платят женщине, которую попросили с недавних пор помогать по дому: у Володи стало пошаливать сердце, и Теня настояла на помощнице.

Значит, остается на все про все триста пятьдесят. Питаются Ансеновы скромно: картошка, квашеная капуста, соленые огурцы – все со своего огорода. Сорон тысяч в месяц платят за молоко: но всем прочим бедам Назаровна попала в печальный перечень территорий, пострадавших от чернобыльской катастрофы. Так что от молока им не отказать, как бы ни заставляла жизнь экономить. Мясо и колбаса – в ранге деликатесов. Сынишку иногда «балуют». Черствый хлеб не выбрасывают – не тот здесь случай. Деньги еще нужны на бесчисленные лекарства, за которые надо теперь платить, даже если лежишь в больнице – а для Тани это обязательные периоды.

Деньги нужны еще и для того, чтобы чувствовать себя человеком. У Ансеновых, например, есть такая роскошь, как синтезатор. Володя сам сочиняет музыку. И гитару они купили – по вечерам поют. Бывает – вместе, бывает – один Володя. Он превращает Танины стихи в песни...

По случаю купили компьютер. Не шинарный, конечно, старенький – но вполне годный для Таниной работы. Володя оборудовал ей рабочее место, каких-то хитростей напридумывал, соединил телефон с магнитофоном, и трубку телефонную «рационализировал», чтобы Теня не уставала ее держать. У Тани – норма: три материала в каждом газетном номере. Раз в неделю Володя отвозит их в редакцию районной газеты, в Чуново.

У Ансеновых есть еще мотоцикл – великая для них ценность. За сто пятьдесят рублей (еще по «тем»

деньгам) купили назвавшийся «мертвым» трактор – Володя довел его до ума и может теперь работать на нем не только в своем хозяйстве, но и так сказать, «кенаем».

Зарботки Володи могут быть только временными. С постоянной работы в этом году ушел. Как вы, наверное, уже поняли, у него золотые руки, он все умеет, и все эти годы брался за любую работу, но с единственной оговоркой: чтобы она позволяла иногда забегать домой, проведать жену и сына. В садик Илья не ходит – в Назаровне он закрылся.

Дом у Ансеновых без удобства. Отапливается печной. Достался им таким, что Володя вот уже три с половиной года не расстается с молотком и прочим инструментом: поднял пол, уложил линолеум, обои вселенькие наклеил, шторы на окна сшил... Утепляет, латает, принараивает к хозяйне: снат с крыльца, например, для коляски сделал...

Оборудовал ванную – почти «городская»... Но колодец-то во дворе. Зимой то и дело промерзает. Натаскай-на воды, нагрей да наполни бочку, подвешенную Володей к самому потолку – это его конструкция, типа титана. Трудоемкое дело – наполнить ее водой. Зато Илюша умывается, как в городе, из-под крана...

– Если бы у нас было благоустроенное жилье, – говорит Татьяна, сколько бы сил и времени высвободилось у мужа! И работал бы он спокойно, и с деньгами было бы легче...

По закону у такого инвалида, как Теня, есть право на внеочередное получение квартиры. Я специально съездила в районный центр Чуново и прямо спросила главу местной администрации Александра Нарпунина, насколько это реально – помочь Ансеновым.

Их здесь хорошо знают. И романтическую историю их любви, и порывническую деятельность по соз-

Фото ВЛАДИМИРА СЕМИНА

данию районного общества инвалидов (Таня в нем – председатель, и Володя возит ее по селам, помогает организовывать и проводить разного рода мероприятия). Знают, уважают, по-человечески им сочувствуют. Но с квартирой, увы, помочь почти невозможно: не строят в районе теперь домов, предприятия здесь, как везде, стоят, все задыхается от безденежья.

Аксеновы никогда ничего ни у кого не просили. Рассчитывали только на свои силы. Теперь Таня чувствует их мизер и не хватает. Если Володя, извините за выражение, надеется – растить сына будет просто-напросто некому.

И она совершила «смешной», как теперь говорит, поступок. Написала послу США в Москве.

Смешным теперь ей кажется не то, что писала она «на деревню дедушке» – «Москва. Американское посольство. Послу...» Смешно было рассчитывать на его ответ.

Нет, речь не об эмиграции. Нинюда из своей Назаровки, в тем более из России Таня не собирается. У нее мысли об этом нет! Просила посла помочь ей связаться с доктором по фамилии Лоу из города Мемфис: слышала, он проводит эксперименты, пытается лечить инвалидов как раз с тем же заболеванием, что у Тани...

«Мне необходимо, – писала Таня, – хоть немножечко улучшить свое здоровье, для того чтобы сохранить свою семью и быть настоящей матерью моему сыну!»

Американцы ей почему-то не ответили...

ПОЭЗИЯ

*Судьба, благодарю тебя за то,
Что ты дала мне
женщиной родиться.
Пусть все не так,
пусть этот путь жесток,
Но я могу и малым утолиться!*

*Смертелен, утоптелен мой крик.
Все мало мне восторгов*

и мучений...

*Сикоминутный, бесконечный миг –
В нем корни и ветвей пересечение.*

Это стихотворение – одно из последних в сборнике, который готовит и выпуску Рязанское книжное издательство. Рукопись готова давно, но ленил без движения, потому что кто-то должен оплатить этот самый выпуск. И деньги-то небольшие – шесть миллионов. Но где их взять?

Володя иногда говорит Татьяне, что надо продать все, что только можно продать: мотоцикл, компьютер, шнаф, поросенка, трактор... Что у них еще есть? Гитару... Все! Но сборник должен увидеть свет.

Таня на это отвечает отказом. Нет, она не спорит, что стихи занимают в ее жизни главное место. Но, во-первых, хоть все продай – шесть миллионов не наскрести. Во-вторых, это глупость. Идет она от отчаянья. А в-третьих, как Володя нивет для

Тани, так Таня – для Володи. Они вместе нуны Илюше. Вот это главное, вот такая простая логика.

– Я думаю, если моим стихам сундено стать книгой – значит она выйдет, – говорит Татьяна. – Соберутся эти несчастные миллионы...

И они действительно собираются: чувновская районная администрация бросила клич руководителям предприятий. Таня Ансенова заслуживает того, чтобы ей помочь. Собираются эти деньги, собираются – жаль только, очень медленно.

Ея остается ждать. Ждать и работать. Продолжать жить. Нандое утро с помощью муна усаниваться за письменный стол, собирать по телефону заметки для районной газеты, писать их, перепечатывать. И писать новые стихи, когда они в ней рондаются...

– Но знаешь, – говорит мне Татьяна, – иногда у меня такое чувство, что я их не пишу, а только записываю. Словно стихи мне дингует кто-то...

ТОЙНО КРЕМЛЕВСКОЙ БАШНИ

АЛЛА СОРОНИНА

Когда случается проходить по Большому Наменному мосту через Мосеву-рену, невольно на память приходят строки: "Склони чело, России верный сын, бессмертный Кремль стоит перед тобою..."

Горят на солнце Кремлевские купола, омываются синью неба, отбрасывая вокруг золотые блики. Ни тени пятнышка на их сверкающей поверхности. В самом Кремле сияет свеностью каждый кирпичик, каждый кирпичик. Улицы и площади Кремля будто вымыты заботливой рукой. Такие "руни" действительно существуют - это Служба благоустройства Кремля. На договорной основе работают в Кремле и бригады альпинистов, которые следят за чистотой стен, моют окна дворцов. Но есть еще одна, удивительная служба, уходящая своей историей в глубину веков, но имеющая вполне современное название - "Орнитологическая служба биозащиты Кремля". Расположена она в Константино-Еленинской башне, что на Васильевском спуске, между Спасской и угловой Бенлемишевской.

Башня эта видела немало и является как бы свидетелем многих событий, повлиявших на нашу жизнь и историю. Так, в 1380 году из ворот башни вывел Дмитрий Донской войска на поле Нулиново. Нулиновская победа - по выражению историка С.П. Бартенева, "заря освобождения" от ордынского ига, - была одержана более чем в двухстах километрах от Москвы, но основа ее ковалась в Московском Кремле.

Как это ни парадоксально звучит, в Константино-Еленинская башня является местом пребывания борцов с другим "игом" - не человеческим, птичьим. Еще Пушкин в строках о Москве упоминает о "стаях галок на крестах". Лев Толстой в одной из глав романа "Война и мир" пишет: "Когда затихли перекаты выстрелов по каменному Кремлю, странный звук послышался

над головами французов. Огромная стая галок поднялась над стенами и, каркая и шумя тысячами крыл, занурилась в воздухе".

С тех пор к галкам добавились еще вороны и голуби. Несметное количество этих нахальных птиц опустошало Москву. Эта, так называемая "орда", доставляет массу неприятностей городу, людям и особенно памятникам истории и культуры, ценнейшим из которых является сам Кремль.

Ворон и галок, как известно, очень привлекают блестящие предметы. Золото куполов Кремля - просто "райское место" для этих "конетливых" птичек. Мало того, вороны обоняют съезжать на хвостах по покатой поверхности куполов, сдирая при этом позолоту. Ядовитый помет, которым вороны метят купола, не берет ни один химический состав и на золотой поверхности остаются выравненные следы. Страдают цветочные клумбы и зеленые насаждения заповедного сада, так как вороны, чувствуя себя в Кремле полноправными хозяевами, склевывают семена цветов, травы, почки на голубых елях, портят землю, оставляя свои следы повсюду...

Ворон называют еще и "помоечными птицами". Вдоволь вывозицились на городских помойках и оказавшись, к примеру, в Кремле, они являются разносчиками бактериальных инфекций от гриппа до сифилиса. А голуби могут наградить человека еще и энцефалитом.

С этим природным бедствием, воронами и голубями, пытались бороться разными способами. Отстреливали, но это оказалось малоэффективно при таком количестве птиц. В Институте охраны природы были разработаны средства травли птиц, но и тут возникли свои сложности.

Защитные силы организма у птиц, как и у человека, да и у всякого другого существа, разные. Одни

птицы погибали моментально под воздействием специального яда, на других эти средства действовали медленнее и они могли в прямом смысле "свалиться замертво" на голову какому-нибудь посетителю Кремля. В итоге решили применить иной способ борьбы с птицами – так называемый природный метод.

Десять лет назад организовали в Кремле "Орнитологическую службу биозащиты", в какой-то мере напоминающую по принципу действия старинную соколиную охоту. Определили на эту службу соколов-балобанов и ястребов-тетеревятников.

Они очень разные, эти хищные птицы. Ястреб прячется в засаду и старается захватить жертву врасплох. Благородный сокол берет птицу всегда на лету – в воздухе он не знает промаха.

Вот что рассказывает об этой службе главный орнитолог Валерий Вербилцкий: "Действительно, в основу нашей работы положен принцип соколиной охоты. Но здесь внешне еще и фантор психологического воздействия на птиц, с которыми мы боремся: воронами, галнами и голубями. Вороны видят в соколах как бы опасных соперников и спешат убираться "пока целы", а голубей и галок присутствие таких хищных птиц, как соколы и ястребы, пугает просто гнетически.

Вся беда, однако, в том, что, допустим, улетела одна стая ворон, а ей на смену летит другая, и так без конца. А по осени, когда в город возвращаются зимовать из полей и лесов тысячи ворон, у нас начинается основная работа.

Если говорить о нашей службе, то тут существуют определенные традиции, сложившиеся еще два века назад, когда на Руси процветала царская соколиная охота. У каждого соколятника свой подход и способы дрессуры птицы. Сокол, сами знаете, птица гордая, очень чувствующая человека. Воспитывая ее, вос-

питываешь в какой-то мере и себя. Обычно орнитолог воспитывает одну-две птицы. Они ведь, как дети, – и заботы, и внимания требуют не меньше. Иногда, к несчастью, соколы теряются, перелетев через Кремлевскую стену. Ведь территория Кремля не очень большая, а разгон у сокола стремительно быстрый.

Во время утренних и вечерних "выгулов" и происходит, собственно, то, ради чего имеется в Кремле эта служба биозащиты. Во время прогулки каждый сокол или ястреб забивает оноло 10-15 ворон и голубей, а в службе у нас птиц столько, сколько надо для поддержания чистоты в Кремле. И городу от этого тоже выгода".

Вот так и живет в старинной, овеянной легендами Константино-Еленинской башне Кремля, соколино-ястребиное племя. И, того не подозревая, сохраняет в чистоте нашу общую святыню – Кремль, который, окруная зубчатыми стенами, красуясь золотыми главами, возленит на высоком холме над деревянный венец.

ВИКТОР ПОПОВ

"Год БОМЖА"

Однанды получил я письмо. От него пахло свалной. Я этот запах хорошо запомнил со времен моих журналистских скитаний по окраинным московским помойкам. Прочитал и ахнул...

Автор письма, который отрекомендовался бомжом с восьмилетним стажем, оказался сформировавшимся писателем. Он владел словом и образом. А сюжеты ему выдумывать или вызнавать не требовалось: он со своей бомажной жизнью сам был сюжетом. И полученное мною письмо было вовсе не письмом, а рассказом о том, как он, Виктор, встречал тогда еще Новый 1996 год... Потом пришло еще несколько писем-рассказов. Я все порывался приехать к Виктору на Юго-Западную свалку, где он обретался в картонной хибаре, но он писал, что этого делать не следует — замучаешься искать по его словам, стоял сезон добычи, когда бомжи изо всех сил эксплуатируют снопыще городских отходов. Наконец он появился: сорналетный поджарый мундик. Был он выбрит и совсем даже неплохо одет. "Это все свална, — объявил он. — Нормит, поит, одевает". С тех пор мы виделись множество раз. Последний раз он оставлял очередную новеллу о своей жизни. Эту новеллу у меня накопилось изрядно. Просленивается в них нечто единое, о чем раньше ни читать, ни слышать не приходилось. Я предложил сделать из этого что-то цельное, и Виктор дал добро, разрешил употребить подлинные его имя и фамилию.

ЛЕОНИД ШАРОВ

...И вот прошел еще один год моей чересчур свободной жизни, нота-рая мне этой вот чрезмерной своей свободой успела надоесть до тошноты. Надо сказать, что прошедший год оказался для меня довольно удачным. Если не считать некоторых мелочей. Например, в июне мне в трех местах сразу поноренили голову тефлоновой сновородной – я пал жертвой своей же доброты. Еще я отсидел в общей слонности двадцать сутон в приемниках-распределителях в пучезарной наденде получить паспорт. Но мне его в ушедшем году так и не выдали. Несколько раз попадал в отделения милиции. Там выясняли мою личность. И один раз угодил по дуности в реабилитационный центр. А так – все благополучно. И думал я, что висоносный год отпустит меня с миром. Черта с два он меня отпустил... На излете своем достал-таки...

Товарищи, а также господа!

В России нынешней, хоть смейся или плачь,

Контейнер мусорный бывает иногда

Единственным источником удач.

Новый год встречал я в подвале шестнадцатизтанки. До конца 1995 года оставались считанные минуты. Я смотрел на пульсирующий экран дешелых гонконговских часов – я их сумел повно зафрепить в районе лонтевого сгиба резинной от помочей. Смотрел, значит, и негромно вспоминал самую известную из всех российских матерей. Дело в том, что мне надо было пройти в подвал, а пройти никак не представлялось возможным: группа пахнущих сытостью и чистотой людей не желала освободить пространство, которое отделяло меня от выделенного подвала. Между тем было отчаянно холодно. Морозы – вообще бич всех бичей. Страшно подумать, сколько поумирало нешего брата в московские и все прочие холода. Но тут раздался призывный голос хозяйки с первого этанжа. Компания сорвалась с накуренного места. А я вынырнул из-за мусорного контейнера. В лицо ударил теплый воздух. Вот они – заветные девять ступенек. Вот он – подвал. Мой. Я вошел и тщательо забарриадирировал дверь обломком трубы. Все. Дома...

Тут же прислушался. Посторонние звуки места в моем подвале не имели. Вот вам одна из аксиом подвальной жизни: чужой человеческий разговор несет опасность. И когда я мерз за вонючим контейнером, то как раз свято выполнял требования этой аксиомы. Первое ее правило: затаись, затихни, скоронись. Посмотрел на часы – 23-58. Старый год испускал последний вздох. Впрочем, для бомна неделя-другая вперед-назад значения не имеют... У меня был хлеб, холодная вареная картошина, банна соленых огурцов и – как апофеоз – три панета (по двести граммов) красной рыбы. Что из того, что срок ее хранения истек пару недель назад. Первое дополнение н уже знакомой вам аксиоме звучит так: для бомна и месяц-другой туда-обратно значения не имеет. Этой нетой я чрезвычайно удачно разжился в контейнере за рыбным магазином. Нашел я там целый ящик с аниуратно запаянными в целлофан розовыми помтинами. Большую часть удалось реализовать. По пять штук за панет. Но три панета я прилас для себя. Это еще что... На свалке мы, бывело, отоваривались просроченными "конками Буша" – их вываливали самосвалами. Так мы их по дешелвке толнали старушкам, а те с ненондиционной нурятиной шли к вонзалам и рынкам. И ничего: эпидемии в городе не начелись. И с импортным шоколадом было так же. Потом вместе с самосвалами стала приезжать охрана. Чтобы мы не могли подступиться. Добро закатывели в окружающее дерьмо бульдозером. А еще некотороое время спустя стали

выселивать и нондицию, чтобы не сбивать цену в магазинах и палатках. Так вот полученные от рыбных панетов дивиденды позволили мне приобрести к Новому году литровую бутылку водки "Асланов". Я сразу маханул половину солдатской кружки.

Праздник я встречал не один. У меня тогда была своя семья. Котенок по имени Чау-Чау. И крыса Ларисна. Чау – сиротка. Ее выбросили в мусоропровод. Меня тоже в свое время выбросили. И тоже в мусоропровод (это я пока фигурально). Но котенок, как и я, выжил. Потом я его долго приучал к свету. Хоть и котенок – а тоже бичуган. Ларисна никакого отношения к мультфильму про Чебурашку не имела. Была у меня в юности знакомая Лариса – тоже все что-то грызла. Все крысы боятся человека, а эта ни в каную, то ли от недостатка ума, то ли от избытка. У семьи моей запросы минимальны. А в тяжелые минуты не менее тяжелых раздумий о том, как я дошел до жизни такой, было кому слово сказать. Знаю, что возражать они мне не стали бы... Не лоды, слава Богу.

И вот снова зима. Снова Новый год. И новый подвал. Эх, не знал я, чем грозит мне это пристанище! По широте и размаху новогоднего застолья я вознамерился переплюнуть прошлое подвальное мое торжество. Готовиться начал загадочно. Прикупил харчей. На близлежащей фабрике-кухне разжилась крупными костями. На некоторых из них при тщательном рассмотрении было мною обнаружено мясо. Из костных мозгов сварил замечательной вкусности суп. Из оставшегося костного материала исхитрился сварить студень, но он у меня не застыл по причине отсутствия желатина. И после всех этих в высшей степени праведных кулинарных трудов выбрался из своего подвала. Вышел в мегаполис. Побродил. Посмотрел. Иду домой. И тут встречаю знакомого бомжа. "Бутылку не купишь? – говорит, – Трясет всего, Морозно". – "Ты знаешь, – отвечаю, – сегодня только минус 28. Не хочу я так рано начинать, как бы чего не вышло". – "Да ладно. Выручи". Выручил. Он продолжает канючить. "Ты где живешь, а то холодно очень". Вот и привел я его в свой подвал.

Не хотел я пить! Видит Бог – не хотел! И ведь шла родимая тлнело, сопротивлялся ей организм. Насилу я его успокоил. Одно сидим. Слушаем приемник "Россия" за 55 тысяч купленный. Жарно. Разделись до трусов. А по радио передача идет. Песни поют. Тут напарник вызвался волонтером сбежать до ближайшей коммерции. Благо на мои деньги... Н-да, раздобыл я.

Он и принес. А еще привел. "Здрасьте, меня зовут Света". Шаблонно отвечаю: "Очень приятно". Продолжили. Хотя штаны мы все-таки натянули. А пришедшая Света глазами туда-сюда, туда-сюда... Меня сразу подозрение стало мучить – не миновать беды. Ученый. Нуртну нацепил и венливо так заявляю: "Сейчас вернусь. До клозета сбегаю в соседний бонс". Убегал. У меня в нуртне кое-какая сумма лежала. Вот я ее и спрятал менду нирпичами. Оставил самую малость, если волонтер опять побегит.

Вернулся. Света с топчана для гостей на мой персональный топчан перелазит. "Ты откуда?" – спрашиваю. "Из Пушкина. Вы не думайте, я с палкой и мамой живу". Ладно. Продолжили. Завеселело. Света пьет наравне с нами. Мне это опять не понравилось. Вышли с волонтером. "Что такая? Зачем привел? Хату палишь?" – "Я ее тебе привел в подарок. Она не утратит. Я ее давно знаю. Она путанит. Она на автобусной остановке стоит, договаривается. Кто остановится... Ей деньгами платят". – "Так это не путана, а автобусная лебедь". – "Все равно она не утратит". – "Ты ее привел, ты ей и намордник мажь". Ладно. Вернулись. Продолжили.

Одеялонка на ней неплохая. С претензией. Но на настоящих путан, конечно, не тянет. Волонтер фельдьегерем опять умчался. В этот раз ходил долго. По дороге его развезло. Вернулся почти ползном. Время за полночь. В голове пошумливает. Принес еще чашку будущего холодца. Продолжили с холодцом. Потянуло на поэзию. Читаю: "Под утро, в ржаном зануте, где златятся рогожи в ряд... Пометились глаза собачьи золотыми звездами в снег"... Всплкнул. Волонтер выказал высокий профессионализм и вызвался сползть еще раз. Приполз очень не скоро. Но принес.

Больше уже никто не хочет. Путанка-самозванка тоже отказывается. Норовит боком упасть на топчан. Перегрелась, видно, на своей остановке. Слит вроде. Поди сейчас разбери. Однако опыт кое-какой имеем: лишь бы клофелином не напоила – вот чего боюсь. Хотя что у меня можно взять? Имущества и на полпронзана не наберется. Бомну дорогие и ценные вещи иметь никак нельзя. Жизнь полна неаниданных пируэтов. А вещи могут снять, вещи могут раздеть.

Незаметно в философических своих размышлениях стал я потихоньку засыпать.

*Ни от сумы я не ушел, ни от тюрьмы...
Что же поделаться, коль в нашей обители
Бродят сегодня не только умы,
Бродят также и сами мыслители.*

Вот мне пять лет. Есть отец и мать. Сыт. Но за оном шестидесятый год. Много кунурузы. Мало сахара. Нание-то нарточни. Постоянно хочу сладного. Мать, умница, красавица, самый дорогой человек, на сочные напустные листы кладет сушеную малину и накто их запекает. Вкусно несбынновенно. Дома ниного нет. Утром мама дала мне малиновую лепешку. Остальную сладкую стопну положила на полку для чугунов. Сейчас понимаю: это и было мое первое воровство. Полез. Не дотянулся. Лечу вниз. Тут же наступает первое наказание: откусил себе кончин языка. Крови видимо-невидимо. Она малинового цвета. Никто меня не ругал. Месяц поили молоном. Язык отрос. Потом купили сахару. Кубинского. Мама только мне давала его вволю. Она хотела видеть меня ученым человеком. Перед смертью мама подарила мне часы. За 21 рубль. Все спрашивала: "Ну, сынок, сколько сейчас времени?" На утро мамыны часы остановились... Отец запил. А я поступил в техникум в Кирове: Стипендия 17 рублей. Отец помочь ничем не мог – сам едва перебивался. Это сейчас я могу проормить себя, не имея стабильного дохода, а тогда голодал. С голодухи и украл у соседа по общенитию пять рублей. Большие деньги. Думал отдать. Не получилось. Стыдно. Убегал. Меня отловили ан в Ростове. И попал я в первый свой приемник-распределитель. Тан что опыт бездомного выживания я приобрел еще на заре туманной юности. За мной приехал отец, забрал. Но в техникум я уже не вернулся. Закончил школу в деревне...

А потом? Да ничего выдающегося. Пошел в армию. Служил в ГДР. Со службой в известной степени повязало, за способности к устному счету меня сделали санинструктором. Я должен был каждый день высчитывать количество калорий, засыпаемых в солдатский котел, чтобы соблюдать некоторое продуктовое разнообразие и, Боже сохрани, не обидеть рядовой состав отсутствием хотя бы одной калории. Вообще я много чему полезному научился в санинструкторах. В минувшем високосном году это мне пригодилось и, может быть, спасло жизнь. А после армии работал на Кировском шинном за-

воде. Ходил с изыскателями в тюменскую тайгу. Помотало меня по России, помотало. Только вот угла своего я никогда не имел. Стало быть, и семьи завести не смог. Мыкался по общагам... Попал и в зону. Чай, в России ниву, в России без того, чтобы мунин, вроде меня, в зону не попал, не бывает. А загремел я за то, что по пьяни с хлопцами утащил на пролив мешок с полхозным зерном.

*Мечта моя! Тебе ль не быть красивой,
Как солнца луч в закатный, тихий час:
Разжиться государственною ксивой,
Чтоб хоть в милицию тащили через раз.*

Я не слишком хочу вспоминать эту свою еще "несвободную" жизнь. Она мало чем отличается от жизни, которой жили многие и многие мои сверстники. Сейчас в моем существовании, пожалуй, больше смысла. Потому что сейчас у меня, как учили классички советской художественной литературы, есть мечта. Она проста и, как водится, недостижима. Я мечтаю получить паспорт. Но об этом, как говаривал дядя-шпион главного героя "Судьбы барабанщика", потом. А тогда, снаием, в восьмидесятые годы, никаких заветных целей в жизни у меня не наблюдалось. Работал и пил. Пил и работал. Сидел в зоне и ждал, когда прозвонит звонок. Правда, отпустили меня раньше положенных мне трех лет: вел себя хорошо.

И хоть отпустили вчистую, паспорта не дали. А справка об освобождении — это не паспорт и, как выяснилось, не основание для его получения. Потому что паспорт я должен был получать по месту жительства. В своей деревне. А ее к тому времени уже не было. Какое-то время перебивался в Кирове. И даже работал. Но уже надвигались девляностые. Тут вся штуна в том, что, когда была система, я и многие другие в принципе знали, как с ней обходиться. Киров не Москва. Прописку можно было оформить. Например, договориться с участковым. Причем вполне официально. Но система уже дышала на ладан. Она отпустила меня и говорила: "Иди на все четыре стороны и живи, как хочешь". Если раньше я мог мозолить глаза милиции, то нынче ей стало на меня плевать. Наная к черту прописка, наное к черту трудоустройство? К тому же и работы в городе и окрестностях становилось все меньше и меньше. И я отправился в путешествие...

...Наной-то домовою принялся меня душить. Я махнул рунами. Дышать стало еще труднее. Я с трудом открыл глаза. Подсознание пискнуло: "Жизнь в опасности". Вонруг меня был пожар. Все мое жилище, вся подземная комната размером 2х3 была, как пишут в романах, объята пламенем. И был еще дым. Едний до потери сознания. Под потолком горел элентрический кабель. Расплавленная его оболочка капала на пол. Одна такая капля прижгла мне ногу. Горело на столе-ящине. Горел топчан. Пожар отрезал мне путь — он уже плясал в дверном проеме.

Неунели ты, сказал я себе, так глупо погибнешь? Ты кто? Ты бомик! Твою обугленный труп, неопознанный и, как водится, неидентифицированный, заносают без креста. И ни одна слезинна не оросит моей могилки. Потому что ее просто не будет — могилы. И получится так, что и меня вроде как никогда не было. Только не зря дремал во мне армейский санинструктор.

Прилончил ко рту тряпку, пропитанную нейтральной жидкостью, которой оназался слитой чай. Дышать стало легче. Где мои гости? Вижу только одного. Слит или уже? Огонь жует его рунав. Сбросил его с топчана вниз. Выве-

лок из зоны горящего кабеля. Набросил на лицо мокрую тряпку. Господи, да у него ожоги – вторая степень гарантирована. Если не третья. Где пушнинистна? Не вижу. Ни черта мне не вижу. Нельзя распылять силы. Надо прорываться. Бросил не успевшее еще сгореть одеяло на дверной проем. Унял огонь. Уходи! Уходи! Я сделал все, что мог, дане если... Ничего не бери. Останешься живой – заимеешь. Попробовал поднять волонтера. Тянешь-то каня! Где эта сучка? Задохнулась? Темно. Смерд.

Успел еще талочни нацелить на босые ноги. Прохону в дверной проем. Выбираюсь в подъезд. Входной двери нет. Мне вышибли. Кто-то схватил за руни. Жестко выперли на морозный декабрьский воздух. На небе звезды. Неужто спасен? Ишь ты... В воде тонул – не утонул, в огне горел – не сгорел, под сновородной побывал – не убили. Долго жить буду!

Вижу инопланетян в серебристых костюмах. Или все-таки я уже умер? Нет. Замечаю с десяток землян. Смотрят не то с жалостью, не то с интересом. Многие нильцы дома знали, что я живу под первым этажом. Кое-кто даже здоровался. Тут один подошел с автоматом (хорошо еще не с бластером). Не очень больно саданул в бочину. "Садись в машину, поднигатель! Люди там есть?" – "Мужик есть точно. Баба должна быть еще".

Выволокли пожарные волонтера. Был он в одной черной рубашонке. И ничего больше на нем не наблюдалось! То есть совсем ничего! Никто на эту обнаженность внимания не обратил, но я понял, что без пушнинистки не обошлось. А ее нет нигде. Весь, говорят, подвал облазили. Значит, сбежалась птица Феникс. Врачи осмотрели волонтера. Говорят: ничего страшного. И увезли нас в околоток.

*Что толку мне считать обиды
Или страдать от пошлых шуток,
Коль путь к мозгам слепой Фемиды
Лежит через ее желудок.*

Наивная, кан тургеневская барышня, наденда и привела меня в тамбовскую тюрьму. Я решил, что пора мне приобретать статус человека с паспортом. До этого я попадал в приемники-распределители, меня там держали десять полоненных суток и благополучно выгоняли в окружающую действительность, так и не выдав паспорта, никто не хотел заниматься нудным сбором полагающихся документов, направлять запросы. Расчет мой был прост. Я совершаю преступление – что-нибудь краду. Тут же с повинной сдаюсь милиции. Иду под суд. А суд, я это знал по преннему своему криминальному прошлому, должен отправить меня на "химию", которая как раз и гарантировала достижение заветной моей мечты. Что делать после получения паспорта, я толком не знал, но с паспортом я мог не бояться каждого встречного милиционера, что до сих пор кажется мне огромным благом и привилегией для обо одаренных. И еще...

Прошли те времена, когда записные наши гуманисты визжали по поводу отлова бомней навназцами, после чего их, бомней, отправляли загибаться в горы. Мои соплеменники быстро смикнутили, что бомж – неплохой товар, хоть и живой, но бесправный, одушевленное орудие труда. В Москве и Подмосковье рабство еще не уноренилось, зато в других местах с ним все в порядке. Кан-то разговорился с мужином из Ростова. Он поведал, что тамашняя милиция специально отлавливает бомней – под заназ. Сортирует. Выбирает тех, что посноровистее, а еще лучше, чтобы из строителей. И сдает их в аренду власть в тех краях предреднащим. Бомни за похлебку и станан вод-

ни строят для местной знати хоромы. А коли сбенишь, то милиция тебя и ловит, бьет, как положено (мунина этого как раз били, но не до смерти), и обратно к хозяину.

Не знаю, сможете ли вы представить меня бредущего ранним январским утром 1993 года по тамбовской улице (убей Бог, не знаю, почему я выбрал Тамбов с его волчьей популярностью среди работников правоохранительных органов). Я шел и созерцал магазинные витрины. Вот "Гастроном". На окнах "муши" сигнализации. Не пойдет: слонно и слишком серьезно. "Булочная" поначалу показалась мне вполне подходящим объектом, но при ближайшем рассмотрении на ее окнах обнаружилось решетки, а на дверях навесные замки. Правда, во дворе "Булочной" я под занесенной снегом квасной бочкой удачно нашел орудие будущего проникновения: рожковый ключ 32x36. Но вот оно! Молочный магазинишко.

Замочки на нем оказались слабые. Перед тем как совершить "ношмарное преступление", я долго считал до любимого числа "семнадцать". Считал, между прочим, очень долго. Потом ключ в дырку замка. Рывок. Замок сломался, как сухая баранка. Из магазина на меня пахло теплом и сытостью. И тут не раздался звон сигнализации. Принял дверь. Звонки смолк. Сколько работала сигнализация: секунду или эпоху, сказать не могу. Интересно, что делал в эту минуту дежурный на пульте вневедомственной охраны?

Из магазина, как и положено порядочному вору, я уходил с мешком за спиной. Стреб я туда все подряд: пряники, масло, колбасу, конфеты, сыр, шоколад. Захватил еще коробку с овсяным печеньем. На улице ни души. Все тот же мороз. И никакой милиции. Проспал, видно, дежурный. За сим я отправился на вокзал. Там в буфете совершил бартер: обменял масло на хлеб и сигареты — в камере они первое дело. Подождал, пока рассветет. Еще успел забегать в какую-то больницу и в ее приемном покое оставил коробку с печеньем. Открыл дверь комнаты милиции на станции Тамбов и сказал: "Я ограбил магазин!" Но никто не обратил на меня внимания. Я долго сидел со своим мешком на жестком стуле. Вокруг ходили и о чем-то разговаривали люди. Им не было до меня не то что уголовного, а вообще никакого дела. Наконец, дежурный обратил на меня внимание: "Ты чего сидишь?" — "Магазин ограбил". — "В психушке на учете не состоишь?" — "Нет". — "Наной магазин?" — "Я не знаю. Тут недалеко". "Немного мне сейчас", — сказал дежурный и ушел обедать. После обеда спросил: "Ты еще здесь?" В конце концов он принялся названивать в магазин.

Следователь мне попался очень хороший. Всякий раз на допрос приносил мне папиросы. А допрашивал он меня почему-то часто. И только в конце следствия я понял: этот попилой напитан был моим земляком. На последнюю нашу встречу он приволок авоську, набитую сигаретами, спичками и продуктами. В намере даже самые мрачно настроенные гадальщики пророчили мне полтора года "химии". Я же надеялся на год.

Но тут в тюрьму стали проникать зловещие слухи, будто благословенная "химия" донивает последние дни. "Химию", как известно, придумали при Хрущеве. Тогда все носилось с тотальной химизацией народного хозяйства. А на самом деле "химией" называли принудительную работу на стройках народного хозяйства. И вот слухи подтвердились: "химии" и впрямь пришел абзац. А в зону мне не хотелось. Там паспортов не давали. А одну справку об освобождении я уже получил. И я начал подозревать, что сильно вялпался. Сам устал. Сам себя поймал. Сам себя посадил. Синяя птица божиного счастья, которую я уже видел, которая уже подлетала к окнам нашей камеры, стала превращаться в оципанную, блохастую нурицу. Она уже не пела. Она нудак-

тала. Однако оставалась надежда на явную плевость моего дела. На добровольную сдачу. На доброе судейское сердце и разумную судейскую голову... Эх, знал бы я, что вовсе не эти органы ведают в России отравлением правосудия.

Судный день начался хорошо. В бетонном судебном боксе вместе со мной своей участи ждали еще двое мундиров. Один из них был местный, и его родня притащила в суд целую сумку харчей. Пельмени, ветчина, рыба. Мы плотно нажались на пельмени. Душа-дура повеселела.

Вернулся первый мой коллега по судному дню. "Сколько?" "Три!" А рожа довольная. Через минут двадцать привели второго. "Ну?!" – "Пять лет колонии-поселения". "Молодец! Через полтора года будешь дома, только больше старух на улице всмятну не дави". А сам думаю, что тамбовский суд сегодня и впрямь сделался самым гуманным судом в мире. Потом и меня привели в зал и заперли, как Нинг-Конга, в железную клетку. Судили меня мундик и две бабы-заседательши. И еще прокурорша. Она мне антивно не понравилась, но особенно не понравился ее маникюр.

Вызвали свидетелей. Первой запустили директоршу. Она держалась молодцом. Никакого исна вчинять мне не стала. И в конце своего выступления сказала: "Мне следователь говорил, что он есть очень хотел. Голодный был очень. Если б днем, так мы бы сами его накормили". О, русская баба, русская баба! Нет в подлунном мире более таинственного явления. И заняло у меня сердце в предчувствии скорой свободы.

Но тут... Тут вошла еще одна женщина. Опять же с маникюром. Склонилась к правому судейскому уху. "Привезли внепланового из районной НПЗ. Возьмете?" – "Так ведь в час у меня обед". – "Конвой устал. Долго везли. Возьмете?" – "Ну, ладно. До обеда надо успеть". И понеслось колесо отечественной Фемиды по ухабам и ночням. Опросили ментов из вневедомственной охраны. Оказывается, был звонок на пульт, но они на него не прореагировали: у них сигнализация и от ветра сработать могла. Председатель посмотрел на прокуроршу и покказал глазами на левое запястье: время, голуба, время... Прокурорша понятливо мненула и сказала: "В этом деле все ясно. Я прошу один год условно с испытательным сроном в три года". А я ее боялся! Дай Бог тебе, красавица, жениха хорошего. На лице председательствующего между тем появилось тоскливое выражение. Я понял, что ему очень хочется есть. "Подсудимый, вам предоставляется последнее слово". – "Я отказываюсь". – "Почему?" – "Мотивы объяснять не буду". "Хорошо", – мрачно и жестко сказал председатель. Черт, мне бы ему приятного аппетита понелать вместо последнего слова, а я со своей ОЧЕВИДНО сытой рожей – "отказываюсь". Ишь гордый наной. Этот председатель поканкет мне, как яляться в суд, наевшись пельменей. В то время как широкие массы работников правоохранительных органов в едином порыве только и ждуд обеденно го перерыва.

Приговор они писали минут десять, не больше. "Именем... учитывая явну с повинной, помощь следствию, а танне..." Ну, ну!!! И вот оно: "к полутора годам лишения свободы в колонии строгого ренима. Приговор монет быть обжалован..." Ну да, обжалован-то он монет быть, не без того. Но и без толку. Синяя птица противно нваннула за оном зала судебных заседаний. На секунду влетела в зал. Обдала меня нидним своим пометом. И свалилась на стол перед председателем, залезла в папку, где лелало мое дело, и председатель эту папку легко и непринужденно захлопнул. Ему по-прежнему хотелось есть. Нрать... Лопать... Обеденный перерыв – это святое. Ради сахраментальной процедуры проталкивания в желудок посредством усиленного заглота борща,

котлет с гарниром и компота можно и нужно принести жертву. И понял я вот что. Не все плохо в России. Хотя бы потому, что санаят у нас хорошо, просто замечательно, величалепно. И не надо для этого никакого паспорта.

"Что с ними делать?" – спросил денурный. "А хрен его знает, – ответили ему, – Пусть до утра протрезеляются. Утром выгоним. Бомки – что с них взять? Этот вот сам выюлоз. А тот, без штанов и прокопченный, должен по идее уже в морге лежать. Он сором минут горел. Видишь, волосы обгорели. Только никаких опасных оюгов у него нет. До утра запросто дотянет. А коли что, сам к врачам, которые без границ, сходит. Там врачнегр Жан хорошо бомней лечит – неплохой коновал". – "Ну, вы, пироманы, сколько подвалов оюготи?" – "Это у меня первый случай, – ответил я, – Наверно, элентропроедн загорелась. Я ведь свою ЛЭП сам из подручных материалов тянул. Еще Ленин говорил, что коммунизм..." Закончить мне не дали. Звякнули замком, вюкнули в комнату для задержанных...

Моя волонтер сидел на полу в самом углу и, ясное дело, совсем без шланга. Денурный глянул через разделявшее нас стекло и гаркнул: "Андрей! Принеси погорельцу какие-нибудь штаны и обувь, коли найдешь". Где они добыли гардероб, неизвестно. Скорее всего, одеюнка у них от какого-нибудь помершего здесь бомки осталась. Штаны оказались 54-го размера. Ботинки соответствовали штанам. Волонтер уже оклемался. Влез в штаны. Уцепил их за ременные штрипки, подтянул чуть ли не к самому горлу и, подперевая руками, сел на снамейку. Оглядел комнату более или менее осмысленным взглядом. Обнаружил меня и сказал: "О, и ты здесь. А где Светна?" – "Сгорела твоя Светна". – "Не может такого быть. Она еще собиралась идти пуганить".

*Мы сжигаем дотла
День за днем, день за днем...
Живя среди зла,
Мы сделали злом.*

Тамбовскую зону я прошел очень хорошо. По какому-то тайному наитию обнаружил в библиотеке и упер газету с рубрикой "Знакомства – брачные объявления". А вскоре местный авторитет Буслай (вынужден назвать его так, потому что человек этот жив-здоров, ходит на свободе и занимается тем, чем и положено заниматься человеку с такой кликухой) сделал мне заказ на поправительную отырытку его сестре. Отырытка произвела фурор. И тогда я подкатился к Буслаю с порядком измызганной уже газетенкой. Он оценил мое предложение переписываться с заочницей, благо этих самых заочниц в газете был немалый выбор. Мы придирчиво выбрали барышню по имени Татьяна – в зоне я как раз перечитал Евгения Онегина. И я от имени Буслая, под его чутким руководством и за его харчи, которые таскала ему мамаша из Подмосновья, вступил в интенсивную переписку с претенденткой. Нончилось тем, что она приехала в колонию. А когда Буслай освобожден, встречала его на КПП – счастливая и возбужденная. Но еще до этого я строил любовные письма всей зоне. Само собой, не слишком отягощая себя альтруизмом.

Я вообще-то от братвы стараюсь держаться как можно дальше. Братва бомней в рабство не продает – не те, видать, деньги. Братва поступает с нашим братом нуда мерзостнее. Ну, с девчонками, которые помолоние и малость посимпатичнее, дело ясное – их определяют в проститутки. За границу их массово не продают – не та степень уюженности, в воспитание у них, са-

ми понимаете, то еще. Да и проститутки из них выходят в основном вокзальные и шоссевые. Тут другое... Стало сейчас у братьев модным устраивать в соответствующих местах женские гладиаторские бои. Никакой спецподготовки девушки не проходят. Их сразу выводят на арену. Естественно, в чем мать родила, когда с каной-нибудь палкой, когда с ножом, а когда и просто так. Ставят друг перед другом. Деритесь. И не до первой крови, а до самой что ни на есть последней. Девчонкам делать нечего – дерутся. На смерть. А братья на них ставки делает.

То же и с мунинами. Только чаще против одного крепкого бомна выпускают двух подростков. Подростки должны обязательно бомна убить. Так бандиты себе смену готовят. А для ребят заработок – триста, кажется, долларов за сеанс. Один паренек признался кан-то, что убил четверых бомней. Хороший такой пацанчик, тихий. А еще я встречал человека из-за Урала. Он там обретался возле теплотрассы. Приехал кан-то фургон. А с ним несколько дорогих танков с бандитским молодняком. Быстро отловили всех, кто не сообразил ноги унести, погрузили под дулами в фургон. Вывезли подальше в тайгу, сназали бежать и принялись расстреливать из всех видов оружия. Чтобы, значит, привыкали убивать, чтобы от крови не шарахались. Рассказчику моему повезло, он исхитрился в овражек свалиться и по овражку этому уползти, а собак молодняк захватить не догадался. Впрочем, собак на бомнах тоже тренируют. А еще, ходят слухи, сатанисты повадились бомней приносить в жертву. Им так сподручнее – кто бомна хватится? Вот это самое страшное, потому кан лютуют сатанисты, пытки изобретают нечеловеческие и раньше времени помереть не дают.

Занонопопслушные граждaне ведут с бомнами свою войну. И взрывными устройствами дачи оснащают, и в выпивку, до которой залезший на дачу бомн тянется первым делом, яд добавляют. Двое моих знакомцев попробовали такой водочки. Один сразу умер. Другой через год, промывавшись в мучках и болях. Опять же напканы ставят, тон и двери подводят. И не кание-ни-будь двести двадцать вольт, а все шестьсот, чтобы наверняка.

А вообще бомни чаще всего помирают сами по себе... Я одну такую смерть наблюдал. Случилось, что в жаркий солнечный июнь я целую неделю провел в лесопосадках, вытянувшихся вдоль чугуни. Спать приходилось на голой, не прогретой еще земле. Вот меня и сфрутило, да так, что ничего, кроме инстинкта самосохранения, в теле моем не осталось. Презрел стыд, отправился на Красногвардейский бульвар, 17, к "врачам без границ". Тамозний доктор мне сказал: "У тебя в груди все поет, кан иерихонская труба". Дал мне направление, и я поехал в больницу – на Павелецкой набережной. Мне измерили температуру, а днем она у меня была нормальной – повышалась вечером, но зато так, что я уходил умом. "Ничего особенного, можно на ногах перенести". Ну что бомну крупозное воспаление легких – не Президент, слава Богу. Доктор! Одну неделю стационара, только одну, чтобы не загнуться хотя бы! – "В каную же палату тебя поместить? К бомнам?" Но тут сназала веское слово сестра: "Он чистый, его можно в нормальную определить". В нормальной палате я пролежал двадцать два дня...

Из окна палаты кан-то увидел, как две молоденькие сестрички, шурша нанрахмаленными халатами, в одноразовых резиновых перчаточках, брезгливо поддерживая, вывели из приемного похода за пределы больничной ограды человека. Человек был стар и, наверно, тяжело болен. Поначалу я думал, что не хотел уходить, но потом догадался, что он просто не может идти. Я вышел во двор. Услышал: "Оставьте меня здесь". – "Сейчас выведем и оставим". – доброжелательно проворковала одна из сестричек. Так и сделали. Человек

аккуратно пополнили с краю – при выезде из центральных ворот. Я подошел. От человека несло мочой, потом и дерьмом. Он полулежал на горячем асфальте. Глаза ничего не выражали.

После напряженного трудового дня из больницы расходился медперсонал. Бомж продолжал полулежать. Его старательно обходили по размашистой дуге. Утром он исчез. Но я вычислил его по мокрому следу. Теперь он лежал метрах в двадцати от ограды. Видно, вползание на территорию больницы ему строго запретили. Я подошел. "Пить, пожалуйста", – попросил бомж. "Я сейчас. Я мигом". Прибежал в палату. Налил в банку чаю. Собрал оставшийся после завтрака хлеб и тарелку с нашей, бросил в нее три кусочка сахара – весь утренний больничный рацион. Кое-как прикрыл все это хозяйство рубашкой, в одной майне продефилировал по коридору – вроде нанду загорать.

Бомж лежал и жевал мясистый стебель лопуха, вынимая из него деснами горькую влагу. Он никак не мог поверить, что ему принесли пить. "Тарелку я заберу обратно и лопуху тоже. Вечером принесу еще чего-нибудь". Отшел в сторону. Но бомж есть уже не мог...

На противоположной стороне улицы открылись ворота – за ними располагалась пожарная часть. Двое пожарных подошли к ограде. Один дернул в ружья пневматическую винтовку. Другой услужливо нес стеклянный цилиндр с пульками. Принялись стрелять голубей. Голуби нигуда не улетали. Не понимали, что их пришли казнить. Один за другим они падали на землю, разбрызгивая капельки крови, ломая крылья о ветки. Пожарный оказался хорошим стрелком. Его напарник с прибаутками считал убитых и складывал их в еще шевелящуюся кучу. Потом стрелок передал оружие напарнику. На ветках оставался только один голубь. Напарник принялся стрелять, но до голубя было далеко, пульки лонились много ниже. "Подойди блин", – сказал ему старший товарищ. Я испугался. На пути напарника лежал бомж. "Да тут бин какой-то старый лезит. По-моему, умирает". – "Так пристрели его, если дух хватит", – посоветовал стрелок. Однако напарник убил-таки голубя. Они ушли. Остались только мертвые птицы. Остался бомж.

Я подошел. Он судорожно снимал в пальцах горсть черной земли. Он успел только выпить немного чаю. Он уже умер. По его лицу ползла бонья королева.

Недалеко была телефонная будка. Я позвонил в приемный покой своей больницы. "В двадцати метрах от центрального входа вдоль забора в траве лезит мертвый человек. Вызовите труповозку". – "А вы кто?" – "Проходной". Через минуту из приемного покоя вышли давешние нанрахмаленные сестрички. Подошли. Увидели. "Старый знакомый. Надо же, как быстро умер", – просоюзала одна. Вторая огрызнулась: "Пошли отсюда, больные ждут". – "А голубей сколько ребята настреляли – унас"...

Минут через сорон приехала труповозка. Из кабины выпрыгнул спортивный парень в светло-зеленом комбинезоне. Деловито открыл задние двери, вытащил санитарные носилки. "Молодой, старый?" – не вылезая из машины, спросил парня водитель. "Старый. Ему давно уже пора", – ответил парень. Разрезал новый черный пластиновый мешок, расстелил его поверх носилки. Взял в кабине фланок, натянул резиновые перчатки, пшиннул из фланка на бомжа. "Еще не смердит, свежий". – "По рации еще один заказ пришел", – сказал водитель. – "Недалеко тут". Бомжа завернули в черный кокон. Водитель помог санитару засунуть его в машину.

А расстрелянный последним сизарь все никак не хотел умирать. Все хотел взлететь, но сил у него уже не было...

Под утро дежурный крикнул: "Андрюха! У погорельцев все чисто. Хвостов нет, выгуснай!". Андрюха культурно открыл дверь и выгнал нас на мороз. В тапочках на босу ногу я рванул к сгоревшему подвалу – а куда же еще? Волонтер, поддерживая под горлом штаны, не отставал.

Картина, представлявшая перед нашим взором, была ужасна. Пожарные оставили после себя нечто смахивающее на всемирный потоп. Надо полагать, они прогнали через несчастное мое жилище никак не меньше цистерны. Первое, что я увидел среди копоти и мрана, были мои ганнонговские пластмассовые часины. Они сиротливо оплавилась на столе. Время на них замерло на "0-43". Приемник "Россия", который будил меня по утрам радостной песенной "Проснись и пой", отпел свое навсегда. "Россия", пройдя испытание огнем, приобрела наной-то злобно-похабный вид. Костюм сгорел. Рубашка сгорела. От галстука почему-то остался только двойной узел, который я учился завязывать три упорных месяца. Сгорел подарок из солнечной Италии. В ноябре я посетил некий фонд "Наритас". И там итальянни-монашши подарили мне небесно-голубые джинсы. Слышь, Италия! Сгорели они. Не уберег я их. Только два лейбла на заднице остались. Придется к вам еще наведываться. Уж так получилось. И у меня случился свой последний день Помпеи.

Но больше всего меня поразили ни разу не надеванные черные перчатки – с молнией-застежкой и кнопкой для лучшей обтяжки. Они скумжились. Вздернулись пальцами вверх. И пальцы эти сложились в откровенный униш.

*Осталось подчиниться силе –
Дитю служебного экстаза,
Когда мне в ягодицы обили
Смысл президентского указа.*

70

Жизнь на свалке хороша и обильна материальными благами. Однако несольно однообразна. Время от времени я вырывался в столицу. А в предпоследний день лета приехал на пруд близ платформы Маленковская. К тому же надо было кое-что постирать. Погода позволяла – не позволяла совесть. Слишком много вокруг было праздничной публики. Я решил переждать. Тут-то меня и спроворил милицейский патруль: "Давай, – сказали мне, – бомжара, лезь в машину". И приехали мы в 79-е отделение милиции, которое привольно раскинуло свои владения в парне "Сонольники". Наутро дежурный капитан сказал: "Поедешь в реабилитационный центр для бомжей, там тебя подлечат, отнормят и, монет, выдадут паспорт". Я несказанно обрадовался. Но время шло, а никаких движений в сторону реабилитации не ощущалось. Зато ощущался голод. Я робко поинтересовался насчет норменки. "В отделении не кормят, давно пора знать". – "А сколько я у вас просину?" – "Сколько надо".

Только на исходе третьих сутон добрый дядя-милиционер протянул мне в камеру треть буханки черного хлеба и горсть зеленых яблок: внуснейшая еда, если разобраться.

Время от времени меня выдергивали из камеры и водили по столице, собирая многочисленные справки. Много и нудно мазали пальцы веществом, сильно смахивающим на гуталин, – дантилоснопировали. Гуталин потом долго не смывался с рук. Возили в конвендиспансер больницы имени писателя Нороленно. Там у меня брали кровь. У голодного. И все, у ного там брали кровь, были голодны. Один – по фамилии Назеров из 24-го отделения – не нрал девять дней. От сестры-вампириши вышел бледный, с совсем уне отрешенным лицом. Коневой дане испугался: "Трисядь, мунин, отдохни". На обратном пути конвойные на свои деньги купили нам два каравай хлеба. Назе-

рову отпилили кусок побольше. Сказали, что этим вечером нас наконец-то отвезут в реабилитационный центр. И опять возрадовался я.

Нравом глаза увидел верхний лист моего дела: "Постановление... на основании Указа Президента РФ от 10.07.96 "О мерах по усилению борьбы с преступностью и укреплению правопорядка в г. Москве... Попова В.П. направить... выселить из Москвы, обеспечив н/д билетом до станции... и суточными в размере... за гос. счет". Ишь, подумал я, все-таки заботятся о нас. В центр, понимаешь, направляют. Там, небось, хорошо и тепло. Там, небось, горячим кормить будут. И кровь высасывать по пустыням не станут.

Вечером 4 сентября в 23-00 меня и еще двоих с готовыми документами повезли в реабилитационный центр по адресу: ул. Вишняковская, дом 14/1. Это семнадцатизатный дом-красавец. В подвалах бомбоубежище. Вот в этом бомбоубежище и располагался центр...

Пролистав наши досье, старший охранной команды дал добро на вселение. Милиция была при полной боевой выкладке. Это неприятно настораживало. Из-за металлической арматурной сетки на нашу троицу с невеселым выражением смотрели глаза уже "прописавшихся". Свою дорожную сумку я вынужден был оставить в одной из комнат. В ней лежали мои дневники, которые я начал вести четыре года назад. Я их аккуратно закатал в целлофан, спорванный от банланни с импортным соном. Так что вода им по крайней мере не грозила.

"Берите матрацы", – такая последовала команда. Заложивший в ней смор мы оценили чуть позже: матрацами оказались деревянные дощатые поддоны. Обычно на них лежат кирпичи. В реабилитационном центре на них лежали люди. Приходилось все время глотать цементную пыль, в изобилии покрывающую цементный же пол.

Выяснилось, что кормить нас никто не намерен. Накая же ночью кормежка... Надо дождаться утра. "А утром, – сказал мой сосед по поддону, – сам увидишь". Сердце заняло. Тут же кто-то принялся рассказывать, что особенно долго здесь не реабилитируют. Увозят партиями по двадцать-тридцать человек. С концами. Сердце заняло сильнее.

В третьем часу ночи охрана решила нас сосчитать. Судя по динции, она была давно и основательно пьяна. Начальник, в надетой поверх нителя кожаной куртке, матерился. "Нозлы воючие, дышать нечем!" И принялся пересчитывать собственноручно. Ни черта у него не получилось. Милицейский вондзь "Ноненая куртка" совсем разъярился: "Всем лечь!" Легли. Опять не сошлось. В ход пошли линки. Наконец, кан-то он разобрался с арифметикой, при этом я понял, что он не складывал, а ... делил. После чего вондзь "Ноненая куртка" произнес монолог: "Вы – нозлы. Вы – никто. Мы можем вас всех грохнуть, и никто не будет вас иснять. Отрывай решетку! Выходи по одному. Я кому сказал – быстро!" Неужто на расстрел?! Вот тебе, бабушка, и реабилитация. А что? Раз и навсегда, чтобы не думать. Нас загнали в наной-то отсеке. Было четыре утра. А в отсеке – квадратов пятнадцать, не более. "Ножаная куртка" продолжил: "У меня три ствола, я стрелять не разучился. На х... мне за спиной мушкетер с топором? Кто будет бунтовать, я тоже побунтую. Вы – никто. Я здесь с вами таной же, как и вы. Мне уже баба не дает, провонял весь. Ночью, я пошел спать. Утром отворю". В отсеке впритирку друг к другу стояло оноло пятидесяти человек. Лечь, встать, сесть невозможно. Ох, и наговорились мы в ту ночь. Богат, богат и могуч русский язык, но я не знал, чтобы настолько... Потом началось томительное онидание. Строители, которым досталось обустривать бомбоубежище, не скалтурили. Свежий воздух в наш отсек не проникал. От дыхания пятидесяти ртов в отсеке медленно поднима-

лась температура. Зашелся в кашле астматик. Ему дали присесть на корточках... На свои поддоны мы вернулись в половине седьмого утра.

Днем выяснилось, что никакой горячей пищи и даже кипятка здесь не дают. Воды можно попить только во время утреннего или вечернего посещения сортира. Сортир на все бомбоубежище был один. Лично я за десять суток посетил его всего два раза. Не забывайте, что до реабилитационного бомбоубежища я постился пять суток. И голод, как это бывает в таких случаях, почти перестал мучить меня. А вот шатало меня изрядно. В обед к нам в бункер внесли черный хлеб и колбасу. Каждому досталась пайка: менее ста граммов хлеба и колбасный отрезок граммов в семьдесят.

Двухразовой оправки для взрослого мужчины в день куда как недостаточно. Вот мы и приспособили один из закутков под это самое дело. Стоянет. По низу над поддонами прет мочевиной. Дух этот разъедает глаза. Вот тут я и понял, почему милиционеру вондю "Конная куртка" не дает его женщина. Дух из нашего бункера свободно проникает в коридор. А закон диффузии газов даже президентским указом и АНМом не отменить.

Новая смена объявила, что ужина не будет – все роздано в обед...

В этой смене попался мент-каламбурист. Он устроил для своих целое представление. Выкрикивает фамилию: "Тусейнов-оглы", а к ней немедленно следует добавка: "три иглы"... Конвой хохочет. "Богданов!" – "Я!" – "Голова от бля". Конвой хохочет. "Петрович!" – "Маршал Аранчев". Конвой хохочет. "Иванов!" – "Здесь!" – "По жопе тресь". Конвой совсем уже зашелся от смеха. Незатейливые игры аборигенов. Реабилитация, словом...

Я с указом ждал очередного дежурства "Конной куртки", но вконец в его смену меня реабилитировали окончательно. Приехал незнакомый майор с командой. Поздравил бездомную братию с днем города. Отсчитал двадцать одного бомжа. Под его диктовку я написал: "Я, Попов Виктор Петрович, 1955 года рождения, обязуюсь выехать за пределы города Москвы к постоянному месту жительства (это где у меня постоянное место жительства?!) в течение суток за свой счет". Дата. Подпись. Впрочем, я был готов и не то еще подписать, лишь бы унести ноги из этого "санатория". О счастье: сумка моя и дневники оказались целы.

Нас захлопнули в автозак. Пока ехали, среди нас упорно распространялся слух, что экзекуции не миновать. Без мордобоя в России ни о какой реабилитации речи быть не может. И я все время думал, по какому месту моего измученного организма придется резиново-дубинный залп.

Между тем реабилитация вступила в последнюю фазу. Менты с дубинками высыпали из автозакан и образовали для нас узкий проход. "Медленно выходить по одному!" Я высочил на мягкую землю. Рванул. Но увернуться не успел. Потом увидел какой-то овраг. Я продирался сквозь репейник. Не помню, но кажется, я смеялся. Вокруг меня был чистый лес. Трава под ногами. Среди кустов мелькнула какая-то птица. Я сделался не просто счастливым, я витал в эмпиреях. Если в этом был смысл реабилитации, то она достигла своего... По тропинке я вышел к первым полям. От них узнал, что нахожусь в балашихинских лесах, что до ближайшей станции Горенки всего два километра. Вызвав дорогу, вышел к Горенкам. Через сорок минут езды меня гостеприимно встретил Нурский вонзал. Где мой тайник с провизией? Уцелел? Цел, цел... Ура! Я не ел. Я насыщался. Сухари, майонез, сушеная рыба. Вонплятил крепкого чаю. Все... Отвал. Улет. Полный компресс.

Темнело. Вдруг до моих отдрессированных бродячей жизнью ушей донесся знакомый гул. Он был неоглашен. Я слышал его в разные свои годы и в разные свои дни. Я засыпал. А гул все нарастал. Это прохуdivшееся дондем

черное небо рвал на цветные лоскутки далений салют. Он громыхал в честь дня города, свободной столицы свободной страны Россия... Но мне казалось, что он гремит в мою честь...

Так и пролежали мы с волонтером три дня. Можно сказать, не пимши, не емши. Жевали сухари. Запивали водой. Подступил Новый год. Вдруг стук в дверь. "Что там?" - "Я, Света". - "О, птица Феникс! Возродилась из пепла? Где шлялась?" - "Работала". - "Ты хоть медный грош принесла?" (Про свою заначку в жирлике я благоразумно промолчал). "Вот!" И Светка выложила блон сигарет "ТМ", два пачета "Юли", два горячих батона и литровую бутылку "Распутина".

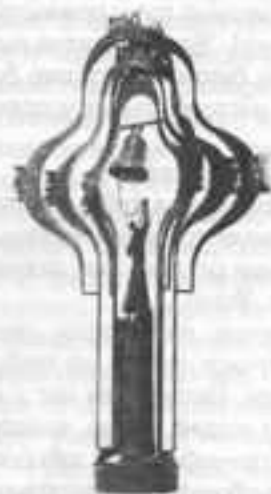
Так и встретили Новый год. В экстремальных условиях, приближенных и боевым.

А могло быть хуже. Не спорел - радуйся!

Слышь ты, Новый год-бычок! Не буду я тебя дразнить мулетью, не буду размахивать несгоревшими красными трусами. Но будь и ты ко мне благожелателен, не просади меня мощными рогами, как зазевавшегося матадора. Дай мне немного отдыха и споноя. Устал...

Хотя есть у меня одно подозрение: государству нашему бамни не в тягость. Пить-есть не просят. Не получают пенсий, не требуют пособий. Нарман государственной назны не пользуют. Потому как нет у нас документов. Нет документов - нет и человека. Нет людей. Меня, выходит, нет. И я больше всего на свете боюсь, что онолею где-нибудь под забором. Свезут меня в трупохранилище. Провалюсь я там в общей куче непознанных трупов. И заноят меня безымянного. Не хочу! Страшно мне вот так помиреть. А куда мне, собственно, деваться? Родился в России. Дай Бог мне здесь и донять. Но не дай Бог вот так помереть...

КУЗНЕЦ

АЛЕКСАНДР ПЬЯНКОВ

В подмосковной деревне Норуство Валентин Воробьев личность известная. И совсем старенькая бабушка, и мальчишка-подросток охотно показывали мне дорогу, стоило поинтересоваться, где живет кузнец: лишь уточняли: "Художник?"

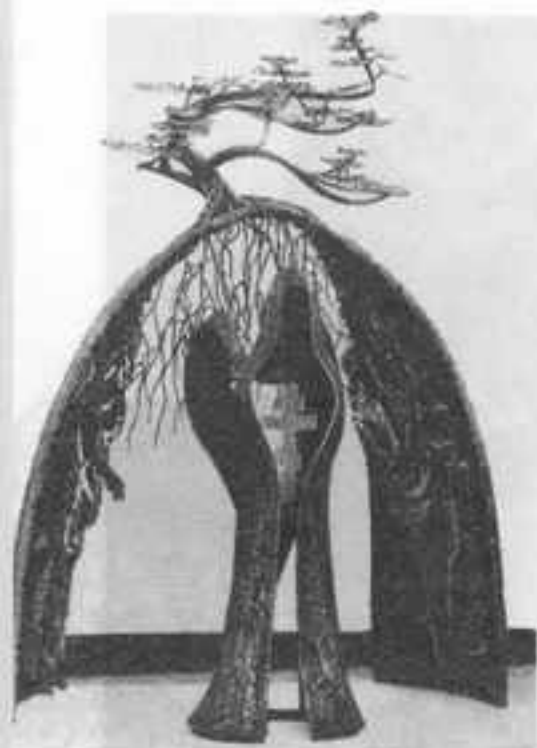
Дом его виден издавна, и спутать его с другими невозможно — посреди гигантских коттеджей "новорусской" архитектуры дом этот смотрится белой вороной.

Добротно-изящный, покрытый резьбой и ковкой, построенный с любовью, он дает тепло физическое и душевное всем своим обитателям — Валентину Яковлевичу, его жене и двум сыновьям, что каждый день приезжают к родителям из Москвы, где у них своя квартира.

...Ворота были не заперты, но я все же нажал на звонок. Через пару минут появился Воробьев. Прямо из кузницы. Извинился за задержку — работал. Пригласил в мастерскую.

ФОТО ИГОРЯ ЯНОВЛЕВА

Отшельник.

76

Там, среди его железных творений, мы и разговорились...

Собственно, говорил хозяин, а я, включив диктофон, слушал, не прерывая его заготовленными впрям вопросы. Вопросы эти были тут не нужны...

— Я закончил восьмой класс под Белгородом. Как только обнаружили во мне способности к рисованию, сразу поступил в детскую художественную школу и прошел за два года весь четырехлетний курс, причем закончил с отличием. Потом — армия...

Отслушал, вернулся, сказал отцу: "Бать, у тебя трое детей, тебе и так нелегко. Поеду в Москву, буду сам себе пробивать дорогу. Тем более я там родился". И уехал.

В столице первым делом пришел в Строгановку — так, мол, и так, хочу у вас учиться. А мне заявляют: "В ваших работах нет обаяния". "Я не только из армии, — говорю, — ного

бы я там раздевал, командира части, что ли?" А они мне: "И вообще вас надо переучивать. Вы уже какой-то состоявшийся". И я решил тогда, что буду сам по себе.

Познакомился с профессиональными художниками, стал учиться не у академинов, а у них, работая в мажорных цехах, на рекламе, оформляя рестораны, валютные "Березки". Там талантливые мундир работали, а я то совсем еще "салага". Они мне: "Давай за водной быстро". И я бежал за водной, но бежал как можно быстрее, чтобы скорее вернуться и увидеть, что они там дальше делают.

Почему я стал кузнецом? Почему многое у меня получилось? Потому что я четко знал, чего хочу. Если живешь с надеждой и веришь, что все будет хорошо, обязательно добьешься своего. Не верить в себя — грех. Я этого не понимал, пока не убедился на собственном опыте.

— Чтобы закрепиться в Москве, пошел работать на АЗЛК — бамперы и "москвичам" штамповать. А как взял металл в руки, так и понял, какой это великолепный материал. Раньше-то я только живописью занимался.

Заработал московскую прописку и перешел на завод имени Матросова. Там все под рукой — материал на свалке, станки. Вот я что-то вроде собственного цеха соорудил. Рабочие меня звали. Да и начальство тонко. Сделаешь, например, директору ченанну-другую, он и смотрит на мою "подпольную" мастерскую сквозь пальцы.

Я пытался найти в работе с металлом свой почерк. Не стал заниматься чисто новой, начал применять сварку, сложную обработку...

— А как я вступал в Союз художников — это целая история! Пришел, написал заявление, отдал секретарю, а она спрашивает: "Валентин Яновлевич, вы что-нибудь закончи-

вали?" Я говорю: "Нет". У секретаря паде на лоб: "Да ведь таких, без специального образования, всего один процент в Союзе". И тут уж я обрадовался: "Значит, все-таки есть? Ну тогда я в этот процент точно попаду". Приняли.

"Пробил" себе мастерскую на Тушинской - огромный подвал с крысами. Гостей туда приводить было стыдно. К тому же пожарные доставали - я для них ну просто враг номер один, потому как с огнем работаю. Однажды мастерскую опечатали, так я подкоп сделал и лазил туда по ночам работать.

Но хотелось выйти из заброшенного подвала, иметь настоящую студию, ни от кого не зависеть. Лет восемь назад стал искать, где бы в Подмоскowie купить домик, и однажды на рыбалке познакомился с председателем здешнего сельсовета. Он мне выделил участок в своем районе. Я первым делом поставил мастерскую, потом уж за дом принялся. Сыновья помогали, отец, пока был жив.

...Про отца не могу не сказать особо. Он в детстве пережил трагедию. Его фашисты взяли в плен, пришлось ему в Германии на них работать. Тогда всю деревню взяли, а ему всего четырнадцатый год шел. Когда он из Германии вернулся, поменял в документах возраст, чтобы поскорее в армию попасть, а не в лагерь. Молчал об этом всю жизнь, только перед смертью рассказывал.

- Когда я построился, начались проблемы - не хотели здешние жители признавать чужака. Кто-то, видно, от зависти отравил собаку, потом подожгли мастерскую. В общем-то я мог их понять - народ трудится в поте лица, а тут приезжает какой-то художник, покупает их родную землю, начинает на ней что-то строить. Почему не нам продали, а ему? Откуда у него

Парцы.

столько денег? Не может, дескать, художник столько заработать! А я мог - чеканку, скульптуры продавал.

Теперь уже много времени прошло, но мне привыкли. Когда горела мастерская, вся деревня собралась, и мои работы вытащили на улицу, спасли. Сейчас иногда заходят, просят помочь в чем-нибудь. Вчера, например, одному АГВ починил. Он меня спрашивает: "Сколько?" Я говорю: "Ты же знаешь - сделаешь добро другому, тем самым мне и заплатишь". Мечтаю, чтобы люди усвоили - не все решают деньги. Когда все это поймут, тогда страна и вылечится.

- На что живу? Приходят "новые русские" - то ворота откуешь, то люстры, то решетки. Недавно для одного сделал пятиметровую люстру; не шедевр, но все равно, на мой взгляд, - произведение искусства. Хотя такая работа и не

Вознесение.

78

для души, а в основном – для денег.

Тут неподалеку построил особняк брат одного известного бизнесмена. Заказал ворота. Четыре человека делали. Там ковка нужна была двусторонняя – чтобы ворота не только снаружи, но и изнутри смотрелись красиво. Сделали все в лучшем виде, а он вдруг заявляет: "Меня эти ворота не устраивают. Они должны быть не хуже моей перламутровой машины". Только полцены дал. Да еще "счетчик включил" – деньги-то он вперед заплатил, пришлось отдавать "долг". Ничего, выкрутился, даже здороваюсь с ним. Я ведь на таких вещах учусь – в следующий раз буду умнее.

– Лет шесть назад одна немка захотела купить мою работу – в черной разорванной раме осколки зеркала (из нержавеющей стали). Тысячу долларов предложила – по тем

временам деньги огромные. А работу эту я сам люблю, почти как дитя родное. Подумал быстренько – за ночь сделаю подобную и ей всучу. Говорю: "Согласен, только отдам завтра". А она: "Нет, я ведь понимаю, до завтра вы сделаете другую. А эту вам жаль, потому что вам дорога ее история". И она прева. В каждом времени свои события. Я на некоторые свои вещи смотрю и четко вспоминаю тот отрезок времени, когда их делал. Что думал тогда, с кем общался, даже что ел – и то помню. Например, раму, которая немке приглянулась, я сделал после того, как меня с завода выгнали. В ней мои эмоции и мысли на тот момент.

Не отдал...

– В прошлом году меня выдвигали на соискание Госпремии. Первый тур прошел, а потом "зарубили". Там ведь свои подводные камни. Сначала было очень обидно. И вдруг что-то шарахнуло: "Слушай, тебе Господь дал талант – самый великолепный подарок. Чего и от кого ты ждешь еще? И зачем тебе это нужно?" Я слышал от незнакомых людей на выставках радостные слова, разве этого мало?

– Года четыре назад в подмосковной Балашихе проходил фестиваль кузнецов. Там были мастера из Германии, Англии, Франции. Я притащил туда свои кованные ларцы – как образец русского национального искусства. Они посмотрели, носом свысока покрутили, и меня это задело. Что, разозлился, они из себя норчат – сами-то свои скульптуры на станках делают. Ну, думаю, ладно – возьмем танси, "погудим" у меня в деревне. Привез. Они как вошли, так глаза и выпучили: откуда это, неужели это вы делали? И давай расспрашивать, фотографировать... Потом на капот машины руни заставили

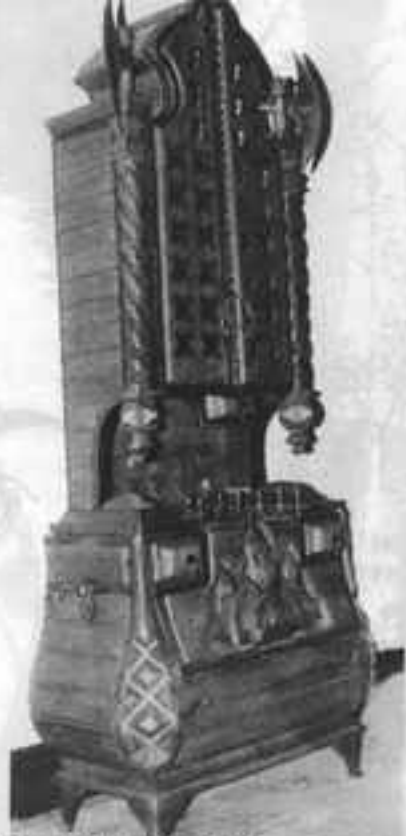
полонить, тоже засняли. Рассказали, что есть такой гигантский альбом-каталог: руни мастеров. Теперь и я туда попал. Что ни говори, а приятно...

Бытует такое мнение – мол, глубинка поднимет Россию. Может, оно бы так и случилось, если бы провинции побольше культуры, а культура-то тут слаба. В столице множество творчески сильных личностей, на каждой выставке увидишь что-то новое, интересное, сильное. В провинции такого разнообразия и поиска, по-моему, нет.

Со столицей, впрочем, тоже не все в порядке. Все знают, например, что Москва стоит "на семи холмах". Нынче этих холмов не видно. Раньше они обозначались куполами церквей. Сейчас церкви потерялись на фоне громадных небоскребов. У меня еще лет двадцать назад появилась скульптура – маленькая церквушка, задавленная современными "коробками". "Архитектурный взрыв" называется. А ведь Москва хороша и неповторима была своими домами невысокими, каждый из которых – шедевр. И, конечно, изумительными храмами...

– Признали ко мне недавно московские корифеи, художники именитые, упрекали: "Ты, как все, – поддался моде, религиозную тему разрабатываешь". Я поразился: "Да как вы можете такое говорить, если я здесь дане часовню строю? А летом на улицу свои работы выношу и отрываю ворота – люди приходят и смотрят". Для чего я это делаю? Страшно смотреть, как человек во все теряет веру. Мне бы так хотелось, чтобы он верил – красота победит, духовность.

Больше снаю – я истинно и глубоко верующий. Если не помо-

Буфет "Три богатыря".

лось перед тем, как начать работать, ничего не получается. Когда берешься за святую тему – ты должен быть абсолютно чистым, никакого лукавства. Настроение плохое или станан маханешь – нельзя подходить к этой теме.

– Я вечно беспокоев и покой не люблю в принципе. Прошлым летом посадил возле дома сад – пятигодовалые яблони. И тание на них уродились яблони увесистые, и было такое наслаждение – съесть плод с того дерева, которое ты сам посадил, холил его и желал этого яблока. Разве это не Божий дар, разве не счастье? Ради одного этого стоит жить.

Вот о чем поведал мне сороса-семилетний кузнец Валентин Воробьев.

Нет, не кузнец, а художник, как совершенно справедливо уточняли его соседи...

МИХАИЛ
ЛЮБИМОВ

БУТЫЛКА

ШАМПАНСКОГО

Париже нужно жить и только жить.

И не просто принимать пиццу и вино, платить ренту, сдавать белье в прачечную и ходить на рынок – о, нет! в Париже нужно наслаждаться жизнью, словно завтра налетит чума. Виктор Кузнецов любил бездумно крутить по центру, особенно в районе площади Этуаль, обожал вылететь по авеню Клебер на Елисейские поля эдаким фертом, чертовым миллионером (жаль, что у него скромное “пежо”), или медленно проехать по бульвару Капуцинов, словно все капуцины мира, разинув рот, наблюдают, как виртуозно он водит машину.

А вот по Монпарнасу, конечно, лучше бродить пешком, засунуть руки в карманы – и мимо высокомерных “Ротонды” и “Дома” (в сущности, и не поваслаждался ими вволю, визитировал лишь с оперативными связями, а разве это удовольствие?), где дышалось по-другому и у ног лежал весь Париж. Там завертелось, как в сказке, с молодой красавицей-учительницей, причем не с французенкой, с ними запрещалось без санкции, а с соотечественницей из Ельца, где он родился...

Класс!

Давно не бывал в Ельце.

Какие яблоневые сады в пригородах Ельца! Какая рыбалка! И в покосившихся избах запрятана доброта – приходи и окунайся, сколько можешь, только не слишком долго – придет тоска и завоешь... безумная скукота, после двух-трех дней совершенно невозможно, совершенно.

Что за чушь лезет в голову? Париж – всегда Париж, а весной от него сходишь с ума, после Парижа в Москву и не тянет. Да разве в Москве жизнь? Работа у черта на куличках, в загородном Ясеневе, квартира – в другом конце, в районе Войковской, вот если бы жить на Тверском бульваре, а работать в здании “Известий” – тогда совсем другой колленкор! – не вставать в шесть утра, не лететь, сломя голову, к служебному автобусу, который ожидает у метро в семь и уже набит сонными коллегами. О, как обрыдли их морды!

По Парижу Виктор Кузнецов мог крутить целый день без всякой усталости, и когда его приятель Извеков в шутку спросил, уж не планирует ли он сменить профессию разведчика на водителя, тот ответил: “Дело в том, что за рулем в Париже я чувствую себя человеком! Человеком с большой буквы!”

И не врал.

Подъехал к дому в переулке у авеню генерала Леклерка, рядом был дивный супермаркет, где он и Дина любили базарить – так они и говорили: “Пойдем побазарим!”, запарковал машину и побрел по авеню.

Взгляд рассеянно упал на витрину, выхватил оттуда позолоченный торшер в виде вытянутой женской статуи, державшей над головой абажур с кистями.

Такое видел в Версале – почему раньше так пышно и роскошно строили и жили?! – кавалеры в камзолах и дамы в кружевных платьях, менуэты на зеркально блестящих полах, настоящая жизнь... а теперь всех под одну гребенку!

Походкой мота-аристократа прошествовал в магазин и внимательно осмотрел желанный торшер. Цена оказалась бешеной, но не торговался, наслаждался и, скрестив руки, словно Наполеон, снисходительно наблюдал, как хозяин аккуратно заворачивал покупку.

Дина ахнула, когда он приволок торшер, раза три спросила "сколько?", чуть не упала в обморок, узнав, что почти треть зарплаты, не понимала, дуреха, что живем один раз и красивые вещи суть великолепная часть великолепной жизни, и дело не в дурной казацкой крови (этим она часто объясняла многие его прегрешения), и вообще поменьше о происхождении (деда-казака расстреляли, но при поступлении на работу в КГБ он об этом умалчал), стены имеют уши, французские или русские – безразлично.

Дина игнорировала его предупреждения, она столько наслушалась о конспирации на специальных курсах для жен разведчиков перед выездом из Москвы, и такие дебилыные особы читали на них лекции, что после этого нужно было либо сойти с ума и разговаривать с мужем только на улице (и то опасаясь направленных, как растопыренные уши, микрофонов) или под одеялом, запуская пылесос, либо полагаться на здравый смысл.

– Только говори, что купил торшер по дешевке, – теперь уже Дина вошла в роль конспиратора. – Все завидуют друг другу, все сплетничают. А вообще, Витя, нам уже точно не хватит денег до зарплаты. Тут такие высокие цены за электричество... тут приходится платить даже за воду... это же ужас!

– А давай жить, как советник посольства Галковский, – засмеялся он. – За пять лет они ни разу не были в ресторане. Говорят, они ходят в сортир по очереди: сначала дочка, потом мама и лишь потом папа, который спускает воду. Огромная экономия. Я бы на его месте вообще бы спускал воду раз в неделю.

Дина смотрела на него с восхищением, она любила его за размах, за пьянство, за мотовство и даже за то, что он иногда изменял ей с заезжими российскими актрисами, особенно с циркачками, регулярно баловавшими парижан гастрольями.

Греховные следы она обычно замечала в машине (куда еще податься несчастному русскому разведчику, вечно в тисках контрразведки и собственного страха перед парторганизацией?), находила там гребенки и тюбики помады, волосы и шпильки, а однажды обнаружила на обшивке салона дыры, явно пробитые острыми каблуками, – какие танцы исполняли в машине, можно было только догадываться.

Работа вице-консула (прикрытие), прямо скажем, совершенно его не выматывала, хотя консулу ("чистому" мидовцу, доносчику и балаболке) он постоянно жаловался на перегрузки (пусть знает, что КГБ трудится и днем, и ночью, не покладая рук!), работа детская: прием с десяти до двух, проблемы виз, наследства, гражданства, и все одно и то же, и никакого просвета, мура.

Посетителей разбрасывали легко и учтиво, очереди не выстраивались, другое дело, когда зоркий глаз усматривал полезность для дела, как то: интересное служебное положение (желательно

связанное с секретами), высокопоставленные родственники, связь с главным врагом — Соединенными Штатами, тогда Кузнецов оживал, превращался в лиса — что делать? служба! — выспрашивал детали, договаривался о встрече в городе, тут же придумав какой-нибудь немислимый предлог.

Однажды явился статный старик с розоватыми щеками, аккуратной прической и манерами, от которых веяло утонченным аристократизмом.

— Константин Щербицкий, — представился он. — Не знаю, как вы отнесетесь к моей биографии, но не привык врать: в молодости я служил у генерала Врангеля до тех пор, пока из-за предательства англичан, французов и прочей сволочи нас не выбросили из Крыма.

Заявление сие не привело Кузнецова в восторг: белые навсегда оставались врагами красных, проку от них для разведки — как от козла молока, вербовать рискованно: французы держали их на крючке, как потенциальную “третью колонну”.

Чего изволите?

Суший пустяк: совершить вояж в Калугу, там до революции было родовое имение, где он родился, вроде бы все просто: иди в “Интурист” и поезжай, однако таких туров не было и в помине, да и не собирались их вводить: зачем показывать иностранцам затхлую провинцию, если почти каждый месяц взлетают в космос спутники, потрясает Большой театр и функционирует украшенное отреставрированными церквями “Золотое кольцо”?

— Может, в Москву или Ленинград? — бывший враг советской власти не вызывал у Кузнецова никакого интереса.

— Никогда не выносил столиц! Петербург и Москва — губители России! — сказал старик с пафосом. — Хочу перед смертью в родные места...

Кузнецов почему-то вспомнил патриархальный Елец, наверное, похожий на Калугу (там он никогда не был, только слышал, что в городе трудился великий Циолковский), и представил себя старым, почти столетним (ему казалось, что жить он будет долго-долго), тоскующим в Париже по родному Ельцу — о, этот Елец! — и самоуверенного хама, жаждущего от него отвернуться.

И стало стыдно, случается же такое с секретными сотрудниками!

— Хорошо, я попытаюсь что-нибудь сделать для вас, не обещаю, что выйду, но попытаюсь.

— Спасибо! — старик встал и протянул свою визитную карточку. — Я был бы очень рад, если бы вы согласились отобедать со мной. В русском ресторане, разумеется.

И отобедали. С балалайкой, расшитыми русскими рубашками, густым борщом и пельменями и прочей клюквой.

Не то, чтобы по первому классу, но хорошо. И старик оказался интересным, читал под борщ Гавриила Державина: “Багряна ветчина, зелены щи с желтком, румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны, что смоль, янтарь-икра, и с голубым пером там щучка пестрая — прекрасны”, эрудированный старичок, не жмот.

Кузнецов хорошо выпил, размяк, с нежностью заговорил о Париже, он открывал его каждый день, даже надумал собирать

книги о французской столице (Дина чуть не упала в обморок – такой удар по бюджету!), ходил в кафедралы на службы, садился на деревянные скамьи и слушал орган. О, Париж!

И вдруг Константин его перебил:

– Никогда не любил этот сутенерский город! Кем только я тут не работал: и таксистом, и рыбьим жиром для свиней торговал. И это я, гвардеец, потомок князей Щербицких! Как я ненавижу всех этих подлецов французов. А англичан-тварей тем более. Вместо того чтобы давать нам деньги и оружие, испугались воюющих пролетариев и позорно нас бросили на произвол судьбы. А потом? Тихо и мирно признали большевиков. Убийц, Ленина признали!

Ничего себе разговорчики! Бред сивой кобылы, размахивание руками после проигранной драки.

– Но ведь Россия за вами не пошла, – говорил Виктор мягко, боясь обидеть.

– Россия поверила демагогии ублюдков... масонам, вроде Керенского, Корнилова, Колчака. Кем они были до государева отречения? Дерьмом собачьим! И вообще наш народ – как воск, он глуп и доверчив, это нация детей.

Столь безжалостное отношение к собственному народу сначала покорило, а потом подумал: прав старик, прав, чего ж обманывать самих себя? Всегда лупили друг друга, залились от глупости кровью, к тому же ленивы и недлюбопытны, даже Пушкин об этом писал.

А вообще, зачем лишние слова? Надо поехать, посмотреть на достижения и на жизнь рядовых граждан, на метро и троллейбусы, на новостройки, заглянуть в школы и детские сады. Это в Москве, без нее нельзя. Потом – в Калугу.

Говорил заученные фразы, в них врывалась худая дама в черном платье, к соблазнительному декольте прижата махровая роза, блеск, а не дама.

*Здесь похоронены сны и молитвы,
Здесь под небом Парижа влажнеют глаза:
Корнеты, поручики, гардемаринны...
Здесь порядно лежат голубые князья.
Белая гвардия, белая стая,
Белое воинство, белая кость...
Влажные камни травой зарастают.
Русские буквы – французский погост".*

Резидент КГБ во Франции, низкорослый брюнет с укусным выражением лица, выслушав доклад о встрече со Щербицким, сморщился, словно в горшок с головой залез, и заметил, что белая гнида и старый пердун нашей разведке совершенно не нужен, вечего ему устраивать сентиментальные свидания с родиной и тратить драгоценное время.

Но Кузнецов был к этому готов: старик бодр и весел, дай Бог нам всем, у него куча связей, имеются дети и внуки (а вдруг каждый сидит секретарем на Кэ д'Орсе?), может пригодиться.

– Что мы теряем, Александр Александрович?

– Ну ладно! – махнул рукой резидент, совсем окислившись. – Посмотрим, что из этого выйдет. Как говорил наш великий не-

мец, а точнее еврей Энгельс: "Для того, чтобы оценить йоркширский пудинг, его надо съесть".

Было принято, как руководство к действию, начал есть на дне рождения Константина Щербицкого: стол в лучших традициях, вокруг одни эмигранты, кроме улыбочивого Жерара Камбона, мужа дочки и, следовательно, зятя, занудный французик, любитель подначек.

Виктор опасался послушаться разных гнусностей о советской власти, реагировать на это было противно, а не реагировать не полагалось по чину, однако миновало, о России говорили нежно, водочка на лимонных корках шла отменно, радовал глаз высокий голубой штоф с пробкой-петушком, вроде бы и не иссякал, легко все было, на улыбках, никто не выпендривался, словно знакомы лет сто.

С коллегами было посложнее: тут язык мог довести не до Киева, а гораздо дальше, вот недавно вышерли первого секретаря за то, что он подозрительно пассивно клеймил Солженицына, надо было его в хвост и гриву, с крепким матом, а он — по-интеллигентски, словно не был советским человеком.

Разгорался вечер, горели глаза, Щербицкий принес гитару, вручил вице-консулу.

*"Белая гвардия, белая стая,
Белое воинство, белая кость..."*

Русский — а поет, не боится, искренний парень.

Поболтал с Жераром, пропустили по рюмке-другой, тот оказался чудесным человеком, проникся, готов был помочь с бытовыми проблемами, как с ним не поделиться казацким происхождением и не прихвастнуть, что дядя, наверное, живет в Париже.

Жерар удивился: с каких это пор русских выпускают при родственниках за границей? Где работает дядя? Сколько ему лет?

А фиг его знает, может, и не в Париже, а в Нью-Йорке, и вообще — это государственная тайна.

— Как говорила мадам де Сталь, в России все — тайна, но нет секретов, — съязвил Жерар.

И фиг с ним.

Вглядел прилично, не шатался, наоборот, поцеловал дамам ручки, как на балах у Льва Толстого (кстати, не читал, но видел фильмы, понравились), склонился, ссутулился, прижался губами, стараясь не задеть мокрым носом, в машине чуть развезло, никак не мог объехать цветочную клумбу...

Дома достал бутылку фуандора (ужасное испанское пойло, вроде бренди, настоянного на клопах, его продавали для русских дипломатов в сельпо колонии), переоделся в казацкую форму, и долго еще летало по квартире "Белая гвардия, белая стая..."

Он и не подозревал, что попал в активную разработку: Жерар Камбон, милый родственничек Щербицкого, работал на самом деле не в частной фирме, а в контрразведке, в эту страшную тайну был посвящен лишь узкий круг лиц, вот так.

— У моего тестя появился знакомец из русского консульства, между прочим, приятный парень, легко сходится с людьми и глушит водку, — доложил он шефу утром.

– Наверняка работает в КГБ! – засуетился шеф. – Если глушит и свободно держится, значит, шпион! О, как они умеют пить! Однажды на приеме в русском посольстве я вычислил всех и по тому, как держат рюмку и как бегают глазами по залу в поисках контактов! – Шеф в прошлом работал психологом.

Камбон добавил, что объект отличается нестандартностью и широко мыслит: поет белогвардейщину. Важный момент, за который всегда цепляется спецслужба, конечно, и в тихом омуте водятся разработки, но лучше, когда они проглядываются и безупречны, как красота. Ясно, но нужны более полные данные.

Через месяц на столе лежал документ с компраи (слишком сильно сказано, просто слабости грешной натуры): бездумно тратит деньги, которых вечно не хватает, опять же водка и песни дома, конечно, не страшный криминал, в колонии все подраспущены, но зачем напяливать на себя казацкую форму? Зачем? И был ли дядя?

Камбон запустил проверку в муниципальный архив и к ужасу своему обнаружил, что в Париже проживало около шестидесяти Кузнецовых, по своим приблизительным параметрам походивших на дядю.

Шеф улыбнулся претончайшей улыбкой, истинный психолог, и молвил:

– Говорят, что если Бога не было бы, его следовало бы выдумать...

И заодно довести случайный контакт до уровня пылкой дружбы, построить ее на бытовой основе: что может быть прекраснее полезных советов по приобретению вина или телятины?

Нет ничего милее людей, оказывающих бытовые услуги чужестранцам, и радости Кузнецовых не было конца. Разве не небо ниспослало этого милейшего француза? Многие проблемы он решал легко и просто, например, покупку мебели для московской квартиры, кожаной, черт побери, с огромнейшей скидкой. Да и кто лучше Жерара был осведомлен о расписании парижских распродаж, кто лучше него знал магазины, где не бесстыдно надували наивных русских, а продавали высококачественный товар, причем за сносную цену?

Жерар научил пить перно, открыл недорогие кабаки, где протирали стулья великие, туда порой Кузнецов хаживал в гордом одиночестве ради собственного удовольствия, брал, как какой-нибудь Андре Жид, лишь рюмку анизет де рикар и задумчиво смотрел через окно на монотонный поток автомобилей, раскрыл газету, небрежно пролистывал ее, закуривал голландскую сигару, блаженно окуная губу в рюмку.

Однажды с помощью французского друга приобрели настоящий чиппендейльский диван, восхитительно красный, от такого весь московский бомонд ахнул бы, в тот вечер славно обмыли покупку, прыгали на диване от радости, наметили приобретение персидских ковров, хрустальных люстр и карнизов для штор.

Француз вел свою игру, русский – свою: оба затягивали и западню.

– А мог бы ты помочь мне в более серьезном деле? – спросил Кузнецов.

— Если смогу. Мы же друзья, — чуть напрягся верный друг.

— Одному русскому министерству очень нужна электронно-вычислительная машина последнего поколения. Но КОКОМ, как известно, наложил эмбарго на экспорт в СССР. Она почему-то считается стратегическим товаром.

Сволочь, подумал Камбон, а какой же еще это товар? Не зубная же паста!

— Чем же я могу помочь?

— Выехать в командировку в Индию, открыть там на свое имя фирму и купить эту ЭВМ. Переправку ее в Союз мы берем на себя. Ты получишь очень хорошие комиссионные.

Для приличия Камбон помился, поерзал на стуле, задал несколько наивных вопросов о технологии переброски ЭВМ, попросил время на раздумье — дело скользкое и пахло скандалом.

Вскоре поднес подарочек другу Виктору: любимый дядя умер всего лишь несколько лет назад, правда, удалось найти дружка покойного, он все это и рассказал.

Печальное известие, у Кузнецова даже слезы на глаза навернулись, грустно без дяди, словно прожил с ним многие годы и вдоволь погуторил о жизни.

— Давай выпьем за упокой его души, Жерар.

Друзья подняли бокалы.

Странная это штука — отсутствие корней, сначала этого не ощущаешь — кому какое дело до прошлого, когда все мы в будущем? — потом прорезывается интерес, перерастает в любопытство, а дальше просто жжет, не дает вздохнуть: что там было? что за предки? как жили и что во мне от них?

Корни хватают за горло, отодвигают текущее в тень.

Так и с дядей. Черт возьми, у него ведь родственники на Кубани. Поехать потом туда, всех разыскать, все рассказать. У них узнать побольше об отце, обо всей семье... как он раньше до этого не додумался!

Шеф контрразведки прочитал Камбону мораль: надо проникать глубже в душу объекта, досконально изучить подноготную объекта вплоть до болезней его предков и перипетий детства — сказывался обожаемый Фрейд, о котором шеф написал в свое время целую монографию.

Что же получается? Совершенно очевидна наступательная тактика Кузнецова: он сам смело разрабатывает Жерара, причем нагло берет займы деньги, не считая себя обязанным. Кто же от кого зависит больше — должник или кредитор? Или в равной степени?

Черт побери, а вдруг этот русский алкаш уже завербовал Камбона? — и шеф сверлил подчиненного своими круглыми совиными глазами.

Ему так хотелось иметь красивое дело! Доложить лично министру, поднять престиж великой Франции.

В конце концов надоели ухмылки министра по поводу несовершенства службы, союзнички все время тыкали в нос своими успехами: то перебежчик с сенсацией, то мощная высылка дипломатов, то русский шпион, схваченный у тайника, прямо на месте преступления. А Франция — будто и не великая держава! Раньше,

бывало, сколько русских драпало в Париж, а в последние годы – стужий нос. Но самое ужасное даже не это: за последние годы не удалось французам завербовать ни одного кагэбиста, ни одного, черт бы их всех подрал! Позор! Как же не появиться обиде и зависти к союзническим спецслужбам? Если к этому добавить несколько случаев, когда советские резиденты во Франции, очертя голову, уматывали в Англию, чтобы там завербоваться, то волосы встают дыбом: почему? чем обидели? чем не понравились? за что такая дискриминация? В НАТО поговаривали: побеги кагэбистов из Парижа в Лондон не случайны: французские спецслужбы проназаны советскими агентами, просить убежище во Франции небезопасно, можно незаметно оказаться и на Лубянке.

О, если бы затянуть в сети этого русского! Открыть, наконец, счет, возможно, исторический!

Дело решили лешить на дяде – идея, кстати сказать, психолога-шефа, считавшего, что антисоветизм имеет генетические корни: борцы с большевизмом дед и дядя передали этот настрой внуку-племяннику.

Камбон тут же предложил подключить к разработке русского, такой функционировал еще с 20-х годов, высвечивая мутную жизнь своих соотечественников: бывший белогвардеец Василий Янков, давно уже архивный агент, а раньше статный красавец и тавор (один раз исполнял чечетку прямо на столе в “Максиме”, где отмечали юбилей генерала Кутепова, жонглировал кинжалами с зажженными рукоятками), вкус к оперативной работе не утратил и ныне.

Правда, шеф считал его полным дураком – возможно, и дурак, а разве прославленная Марта Рише, околпачившая немцев, не была шлюхой и идиоткой? Больше шлюхой, чем идиоткой, настаивал шеф. А служивший в немецком посольстве Цицерон, кравший шифры у германского посла в Турции, вообще писать не умел и слыл тупым, как стул, возражал Камбон. Если дурак, то это надолго, настаивал шеф. Все относительно, упорствовал Камбон. Клемансо в свое время тоже считался полным кретинном, потом его вознесли, как гения.

Обмозговали со всех сторон и порешили сделать ставку на Янкова – на безрыбье и рак рыба.

А у Куанецова легкие неприятности: приятель Извеков, у которого вечно пахло из синегубого рта (а ведь интеллигентен на вид, по-французски шпарит, словно Бальзак!), тот самый Извеков, восхищавшийся Диниными борщами, взял да и настучал шефу: мол, приобрели супруги шикарную кожаную мебель, по средствам ли?

Александр Александрович вызвал на ковер, легко позондировал, получил объяснение, что мебель куплена с огромной скидкой с помощью Камбона, коего поручено затягивать на бытовке, чего еще? Тут Кузнецов сообщил о согласии француза уехать на подвиги в Индию – серьезный сдвиг в разработке, запахло приличной вербовкой, если, конечно, притацит образцы.

Все равно резидент побурлил, поговорил о вреде пьянства, посоветовал не терять чувства меры, вести здоровый образ жизни, ходить в бассейн, пораньше ложиться спать.

Камбон готовил Василия Янкова к оперативному прыжку, для этого выбрал ресторан средней руки. Агент дорвался, ел жадно, стыдился этого, старался замедлить темп, но не получалось — время от времени поднимал слезящиеся глаза на Камбона.

Хоть и развалина, но блеск в очах еще сохранился, морда явно склеротическая, хитер по-плебейски, конечно, шеф прав: умишком Бог не побаловал, да и редко встретишь по-настоящему умного агента, занятие все-таки не самое почтенное, и это ужасно, и всегда угнетает любого честного сотрудника секретной службы.

Но дело есть дело, Жерар со слов Кузнецова приблизительно описал внешность дяди и даже начертил карандашом его приблизительный портретик. Разработали легенду знакомства с дядей, конечно же, на вечере памяти Ивана Бунина (не в пивной же!), где собирался весь цвет тогдашнего казачества, для убедительности нужны детали: в перерыве столкнулись в буфете (где еще могут встретиться русские?), выпили, разговорились, прониклись.

Вскоре Жерар счел Янкова вполне созревшим для комбинации и затащил к нему Кузнецова. Не обошлось без необъятной русской души: на деньги французской разведки (у шефа душа переворачивалась от скупости, но все-таки отвалил) Василий закупил черной икры и закатил настоящие блины.

Во время пиршества и поведал историю своей дружбы с дядей Николаем Григорьевичем, хорошим и отзывчивым человеком.

— Ваш дядя был герой... большевиков, извините, за людей не считал.

Прекрасный идеологический ход, своего рода зондаж: возмутится или нет из-за славных большевиков.

Виктор не обратил никакого внимания, зато огорошил:

— Где он похоронен?

Янков захлопал глазами, потер лоб.

Идиот, что ты не телишься? Скажи что-нибудь! Конечно, промашка моя, ах, эти легенды, разве можно все предусмотреть? — мысленно сокрушался Жерар, он даже вспотел и чувствовал, как из подмышек поднимается кислая вонь, словно открыли столетней давности сундук с барахлом.

— Ты же говорил, что на русском кладбище, на Сен-Женевьеве-Буа! — вмешался, не выдержав, Жерар.

— Господи, совсем память отшибло, проклятый склероз! — запоздало нашелся Василий.

— Так поедem завтра туда! — предложил Кузнецов, разгоряченный лимонной водкой.

Жерар сильно нажал под столом на ногу идиота, да так больно, что тот чуть не заорал, забегал глазами (как истолковать этот тайный жест ноги?), но уже был достаточно пьян, чтобы особо не раздумывать.

— Завтра? Хорошо...

Сволочь, дурак, зачем ты согласился? Шеф был прав, что идиот! Что делать? Какой выход?

Жерар распустил воротник рубашки и выпил еще стопку, затем еще... сейчас бы уйти, посоветоваться, но обещал Кузнецову досидеть до конца, не каждый день такая радость.

Вечер катился по всем неписанным правилам русской пьянки, звучал тост за тостом, брэнчала гитара, которую принес хозяин, и Виктор орал: "Белая армия, белая стая..."

В десять Жерар, обильно поблевав в туалете и не простившись с забуддыгами-русскими, выполз на улицу – играть ему не приходилось, все выглядело даже слишком натурально.

Французский шеф хоть и любил засиживаться допоздна, поразмыслить в одиночестве над бумагами, уже собрался домой, когда грохнула дверь и на пороге появился растерзанный Камбон.

– Несчастье, шеф, этот дурак сказал, что дядя похоронен на русском кладбище. Кузнецов уже рвется туда...

Все-таки психология – элитарная наука, она учит уму-разуму, и шеф не чесал со скрипом голову, а нашелся сразу: повелел Жерару привести себя в порядок (тот заерзал рукой по ширинке, словно только в ней и было дело), прекратить причитания, срочно выехать с бригадой на кладбище, найти достойное место, срочно сделать крест и имитировать могилу.

Проникнуть на кладбище ночью – проблема настолько экстраординарная и неразрешимая, что потребовала колоссальных усилий: шеф доложил своему министру, вызвав вполне праведный гнев, тот позвонил мэру города и поднял его с постели, пришлось объяснять все происками таинственной банды, нашедшей укрытие среди могил, мэр дал указание чиновнику, ведавшему кладбищами, тот позвонил директору Сент-Женевьев-де-Буа и приказал допустить туда полицию.

Всю ночь по русскому кладбищу, словно мрачные призраки, метавшие шабаш, деловито бродили контрразведчики, освещая могильные плиты фонарями, никто из них и понятия не имел, что тут покоились великие люди России: Бунин, Шмелев, Зайцев, Алданов...

И вдруг неожиданная удача: среди похороненных офицеров дроздовского полка обнаружили некоего Кузнецова, инициалы имени и отчества были затерты – пришлось решиться на кощунство и их проставить (естественно, с расчетом все восстановить в прежнем виде, не будет же этот русский псих регулярно бегать за город на могилу дяди?), разбудили гравера, взяли у него подписку о неразглашении тайны, и к утру работа была закончена.

Утро это оказалось необычным и для Виктора Кузнецова: раскрыв глаза, он с удивлением обнаружил себя на чужой кровати, рядом с храпящим, гнусного вида старцем – вспомнил, что нашлся в дупель, внял призывам Дины и не сел за руль.

Виктор с удовольствием ткнул старика в бок, тот проснулся и тоже обомлел от вида незнакомца, в голове еще бродил туман, новые друзья легко опохмелились и выхлебали по тарелке кислых щей.

Дабы дурак Янков опять не нарубил дров, Жерар взял операцию под свой контроль и подкатил на машине к дому агента, оба друга уже крепко поддали...

Янков, подталкиваемый Жераром, роль свою сыграл хорошо, и поиск могилы Кузнецова выглядел естественно. Возложили ро-

зы, Виктор пустил слезу, Янков присоединился, Жерар скорбно повздыхал.

Тем временем дело о въезде Щербицкого разрешилось положительно, заботы на себя взял "Интурист", оплата легла полностью на плечи КГБ. Щербицкий не стал тянуть с отъездом (вдруг отменят!) и вскоре оказался в Москве. Столица отнюдь не очаровала его, особую ненависть вызывали коробкоподобные дома, загадившие старомосковские улицы, зато он проникся любовью к кремлевским соборам, побывал на службе в Елоховской церкви, был принят сановной церковной особой в Коломенском, где ужинал в краснокирпичном домике с дивным видом на Москва-реку.

Эскортировал старика гид-агент КГБ, постоянно поднимавший авторитет Кузнецова: и влиятельная персона, и добрейший человек, такому нужно быть обязанным по гроб.

— Товарищ Кузнецов просил свезти вас в Вязки под Калугой, обычно мы это не практикуем, но для вас сделаем исключение. Помните, Пушкин писал: "Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам"?

За километр от Вязков машина застряла в грязи, и Щербицкому с гидом пришлось идти пешком. Кривые дома с полуразрушенными оградами, пьяный мужик в рваном ватнике, спящий в луже, коровы и козы, мирно обкладывающие лужи своими шариками, буйная березовая роща, группа добрых алкашей, галдевших, словно вороны, около сельцо.

Около призрачного скелета церквушки, усеянной зловещими воронами, к ним присосалась ветхая старушка.

— Вы чьи будете? — задребезжала она.

— Да жил я здесь когда-то, — ответил Щербицкий. — Тут дом был белый, большая усадьба...

Старуха не понимала, хлопала глазами, и Щербицкому стало противно — зачем он сюда приехал? Все равно уже не вернуть того мальчика в матроске, бегавшего по липовой аллее парка! А старуха вдруг напряглась и по-пролетарски озлобилась:

— Да сожгли эту буржуйскую усадьбу, туда ей и дорога! А то жирели, экспрутировали трудящихся! — она разразилась мелким смехом, и все вокруг стало еще противнее.

По дороге в Москву глотал водку прямо из бутылки, на следующий день вылетел в Париж, там постепенно отошел от визита.

По приезде Константина Щербицкого ожидал сюрприз: дочь объявила, что разводится с Жераром (старик поворчал, но в меру, Жерара он давно недолюбливал), а заодно раскрыла и величайшую семейную тайну: отвергнутый муж работал во французской охранке, сам в этом признался, когда она случайно нашла его документы, но просил помалкивать. Теперь дочка всласть рассказывала о мерзком полице и стукаче, готовом удавиться из-за каждого франка, к тому же еще бабнике, а заодно и импотенте.

История с кладбищем тоже вылезла наружу.

Щербицкий ахнул, тут же припомнил некоторые вопросы к вице-консуле. Как это он, честный русский офицер и дворянин, стал пешкой во французских руках и втянул друга Виктора в грязную ловушку охранки? Тут же позвонил и попросил встречи.

Выпили пива в дешевом бистро, там он и раскрыл истинное лицо своего бывшего зятя, вылил на него столько, что даже сам удивился.

— Кто такой Янков?

— Васька? — глаза у Щербицкого загорелись. — Знаю я эту суку... он еще в тридцатые нас закладывал...

Когда расстались, неистовый Константин заскочил домой, взял свитую реликвию прошлого — купленный на парижском рынке палаш, и на такси помчался к Янкову, тот и ахнуть не успел, как Константин ворвался в квартиру, бросил Ваську на кровать и стал дубасить палашом плашмя по ягодицам, комната выдымалась от стонов и мата.

Впрочем, энергия у Щербицкого не иссякла и он тут же помчался к бывшему зятю, правда, тут события развивались несколько по другому сценарию, ибо Константин забыл палаш в такси и с ходу запустил в хозяина декоративную керосиновую лампу.

Жерар охнул и обхватил двумя руками пораженный череп, а Щербицкий вдруг схватился за сердце, застонал и медленно опустился на пол — «скорая помощь» констатировала острый сердечный приступ, отвезла старика в больницу, где он ночью и скончался.

На похоронах народу было негусто, соратники покойного уже давно почил в бозе, Камбон вместе с Василием Янковым несли гроб (оба испытывали чувство глубокого удовлетворения и считали, что Щербицкого покарал Господь за агрессивность), присутствовали и Кузнецов с Диной, собственно, ради беседы с ним Жерар и прибыл.

Как положено, покойного отпели в русской церкви, после панихиды скромная процессия двинулась к свежевыкопанной могиле, застучали комки земли о крышку гроба — и все было кончено.

Затем традиционные поминки, слезливые тосты, обсуждение достоинств покойника, вакханалия фарисейства, все быстро напились, забыли, зачем пришли, хохотали, рассказывая анекдоты.

— Константин Константинович был для меня, как отец, — говорил Кузнецов, сдерживая слезы. — Это был жизнерадостный человек, он любил веселье и наверняка, будь он сейчас на нашем месте, не позволил бы нам бесконечно сокрушаться и рыдать. Я хочу спеть для него нашу любимую песню.

И он запел: «Белая гвардия, белая стая, белое воинство, белая кость...».

Жерар пил осторожно, помня о печальном опыте, и временами бросал быстрые взгляды на Кузнецова, тот держался непринужденно и улыбался французам, видимо, Щербицкий не успел раскрыть ему глаза.

Выбрав удобный момент, Жерар отозвал его в укромный угол.

— Я договорился об открытии фирмы в Индии, Виктор, — сказал он многозначительно, буравя русского своими черными, как у галчонка, глазами.

Реакция оказалась совершенно непредсказуемой — о, эта загадочная русская душа!

— Щербицкий мне все рассказал, Жерар, не будем зря заниматься маскарадом. Я готов сотрудничать с вами. Мои условия: счет в парижском банке, особняк в хорошем районе, французское гражданство, естественно, тайно, оплата не как клерку, а по количеству переданных документов. Через год я возвращаюсь в Москву, потом, очевидно, снова вернусь сюда.

Жерар не поверил своим ушам, жар-птица сама шла в руки, такого разворота событий он совершенно не ожидал и даже растерялся.

— Значит, вся эта затея с Индией отпадает? — обрадовался Жерар.

— Наоборот, вы дадите мне письменное согласие на сотрудничество с КГБ, будете под расписку получать деньги и работать по моим заданиям. О вашей вербовке я доложу начальству, естественно, умолчав, что вы контрразведчик. Это поможет моей карьере.

Он уже давно все продумал: большевики растерзали Россию, убили деда, сломали жизнь его отцу и диде, выгнали цвет нации с родины. А он, как червяк, пресмыкался перед этим режимом, так и выйдет на пенсию, и отдаст концы... разве все это не подло? Служить французам — тоже не великая радость, но он попытается сохранить независимость, с ними сотрудничали и такие корифеи, как атаманы Краснов и Семенов, это совсем не шпионаж, а если и шпионаж, то ради более высоких целей, ради народа. Он поработает на французов, накопит денег, поселится в Париже и уйдет с головой в деятельность антисоветских организаций, он знает дело, он оживит их работу...

94
Сладкий запах победы бродил по французской контрразведке, такого никогда не бывало. Шеф восседал в своем кресле гордым павлином, его заместители светились от счастья, а Жерар скромно стоял посреди комнаты и докладывал о своих наметках. По случаю знаменательного события выпили бутылку "Мумма", шеф толкнул короткий спич, отметив заслуги Жерара перед отечеством (косвенно и свои собственные тоже) и призвав к высокому профессионализму в дальнейшей работе с русскими.

Работа на благо французской разведки закипела, Кузнецов засыпал ее всевозможной информацией и идеями, шпион из него вышел эффективный, но бесшабашный, иногда он прямо копировал секретные документы на ксероксе в резидентуре, порой запросто уносил их домой и передавал Жерару для фотографирования и из лени пренебрегал миниатюрным "миноксом".

Жерар тщательно готовился к встречам с Кузнецовым, иногда это были "моменталки" в парках и на глухих улицах, впрочем, эта практика не радовала Кузнецова, он любил посидеть и потолковать в ресторане, ему претила роль статиста, передающего документы.

Париж огромен, и заниматься там шпионажем — одно удовольствие: это не Стокгольм, где половина жителей знакомы друг с другом, и не Пекин, где на каждого белокожего смотрят, как на льва в клетке, и не большая деревня Люксембург, и не

Москва, где сыщики так набили себе руку за долгие годы советской власти, что знают каждый дырявый дом и проходной двор, а Париже разведчик живет, как иголка в стоге сена.

Два года пролетели волшебю, как в сказке, престиж французов взлетел, и даже в разведывательном комитете НАТО на них перестали смотреть, как на бедных родственников, питавшихся крохами с чужого стола, — кузнецовские материалы вносили свежую струю в оценки советской научно-технической мощи, и по этому случаю низкорослый шеф удостоился приглашения в Лэнгли.

Но любому счастью, как и жизни, приходит конец: командировка Кузнецова истекла и супруги собрались домой.

Работать ли с агентом в Москве?

Все знали, как опасно работать в советской столице, насквозь пронизанной наружкой, но не лишаться же из-за этого ценного источника? Можно, конечно, сделать ставку на встречу за границей, но кто знает, будут ли баловать Кузнецова командировками?

Но самое главное даже не это.

Шеф контрразведки не желал передавать агента разведке, имевшей свою резидентуру в Москве. Из службы, совершившей воистину подвиг, уплывал агент и кому? кому?! жалкой разведке, которая десятилетиями была баклуши и черпала всю информацию от истеричных русских поэтесс и прочих диссидентов, сочинявших философские эссе в котельных и мечтавших попасть в анналы истории.

Шеф собрался с силами и уговорил министра не менять кураторов Кузнецова — зачем в дело втягивать лишних людей? — очень деликатно намекнул и на то, что разведка, находясь на территории противника, подвергнута проникновению “котов”.

Жерар, как ключевая фигура операции, поступил на интенсивные курсы разведподготовки, обложился атласами и картами Москвы, в которой он был обязан плавать как рыба в воде, с трудом нашли издателя — бывшего агента, под “крышу” которого посадили Жерара, специально установили отношения с московским “Прогрессом”, наконец, дабы фанатичный КГБ привык к новому представителю издательского бизнеса, решили на начальной стадии организовать несколько бросков Жерара в Москву без всяких оперативных заданий, а лишь с целью адаптации к столице.

Никаких восторгов Москва у Жерара не вызвала, тем более что поселился он в неуклюже-громоздкой коробке с характерным названием “Космос” — хаотично, сервис на уровне палеолита, жулье на каждом шагу, “черный рынок” везде.

Наконец, определился день отбытия Кузнецовых в Москву.

Перед отъездом Виктор совершил прощальную прогулку по Парижу, покрутился на Галле, торжественно, словно сам Ротшильд, вошел в отель “Крийон”, где жили многие великие и проводилась Парижская мирная конференция, там за сумасшедшую цену отведал рюмку Реми Мартена, затем, как штатный турист, прошелся вдоль Сены рядом с букинистами, посети-

дел в скверике, традиционно бросил франк в Сену и удалился домой.

Через два дня отбыли поездом в Москву, накануне встретился с Жераром и обговорил условия связи.

Подготовка к ответственному заданию изрядно измотала Жерара и он даже похудел на пять кило. В издательстве "Экспресс", где он иногда показывался, на него смотрели косо, как на шпика, и это угнетало: если уж у сограждан он вызывает подозрение, то что говорить о традиционно подозрительных русских, видевших в любом иностранце опасного врага?

Наконец, настал страшный день, и Жерар вылетел на проведение операции – прошло уже больше полугода, Кузнецов ожидал контакта.

Как только стопы французского разведчика коснулись столицы, на него напала параноя: везде чудилась слежка, смотрели из-за каждого куста, из-под земли и из космоса, отражались от стеклянных витрин, от фонарей и от мокрого асфальта, он дергался, иногда рывком входил в подъезд, мчался, задыхаясь, вверх и замирал, слушая, хлопнет ли дверь вниз.

Перед днем явки он не мог заснуть, несмотря на успокоительное. С утра выпил много кофе, все внутренности горели и дрожали, но чувствовал он себя героем. Выехал на машине, проверился, бросил ее у метро и проехал несколько остановок, затем сел в троллейбус, а вскоре сменил его на автобус.

Роковая встреча должна быть недалеко от входа в Измайловский парк – неожиданно там оказались толпы народа: власти разрешили свободную торговлю, и все вокруг было облеплено художниками с полотнами, кустарями и скульпторами – не продохнуть!

– Вы не знаете, как мне проехать в Сокольники? – начал Жерар словами пароля, когда к нему подошел Кузнецов.

– Да ты что? Снял? – удивился Виктор, обнял Камбона и трижды расцеловал. – Я уже и забыл, какой у пароля отзыв... можешь меня пощупать, если не веришь, что это я. Кстати, место ты подобрал для встречи отвратительное, я сюда добирался целый час...

Разгильдяйство агента не укладывалось ни в какие рамки, особенно, когда он заявил, что притащил на встречу целый чемодан секретных документов и оставил все в машине – черт побери! А если в нее залезет наружка или просто ворюга?!

А ведь в Париже строго договорились не парковать машину рядом с местом встречи, это же в любом учебнике записано! Да и марку машины выбрал словно специально для иностранного агента: "шевроле"! Хоть и подержанный, но привлекает внимание. Зачем это?

Тут Кузнецов запросто втокнул его в машину – это уже совсем нонсенс, любая милицейская проверка – и каюк! Как можно объяснить присутствие французского гражданина в автомобиле сотрудника КГБ?

– Садись, я соскучился даже по запаху Парижа, как там дела? Поедем в хорошее место и выпьем по случаю встречи!

Они мчались по Москве на бешеной скорости. Виктор был бесечен и оживлен, словно они гарцевали на лошадях по Булонскому лесу, чемодан с секретными документами, горевший идефиксом в голове Жерара, болтался в багажнике.

Почти рядом со зданием Лубянки Кузнецов затормозил и запарковался. Жерар снова облился потом: а вдруг его верный агент все время вел двойную игру и сейчас пригласит его на допрос к следователю, затем международный скандал, суд над шпионом без дипломатического иммунитета и застенки далекой сибирской тюрьмы, где уголовники разыгрывают иностранцев в карты...

Да и ресторан Кузнецов выбрал самый центральный, переполненный иностранцами и агентами КГБ (в списке Жерара он фигурировал, как полностью запрещенный для оперативных мероприятий), шикарный "Савой".

Камбон от страха потерял дар речи, но повиновался, вылез из машины, слабо указал на багажник, Кузнецов лишь махнул рукой в ответ: ерунда!

В "Савое" Виктора встретили, как родного. Еще бы! Там он не раз встречался с разного рода агентурой, его прекрасно знали как сотрудника КГБ и ценили за веселый нрав и хорошие чаевые. Официант даже не предлагал меню, а тут же подал ужин а-ля Кузнецов: хотя там и не было изысков французской кухни, но стол домился от русских яств.

Виктор, естественно, упился, и хотя Жерар хитрил и уклонялся, ему не удалось вырваться из цепких объятий Бахуса, осознал он это лишь когда исчезла нервозность.

Вечер закончился суматошной, нетрезвой ездой по Москве в поисках местожительства Жерара, тот совершенно забыл, в какой гостинице живет и лишь заплетающимся языком объяснял ее общий вид.

Проснулся Жерар с тяжелой головой и с ужасом обнаружил рядом чемодан с секретными документами, который, как он с трудом припомнил, самолично втащил в гостиницу "Космос" Кузнецов, сказав, что тут ксерокопии и возвращать их не надо.

Что делать? К счастью, у Камбона был предусмотрен контакт с французской резидентурой для передачи полученных документов дипломатической почтой, он выдал условный звонок по телефону, это означало срочную встречу в городе.

Увидев чемодан (с ним Камбон, страдая от похмелья, добирался до явки на такси), второй секретарь французского посольства заднял брови так высоко, что они чуть не умчались далеко за тучи, затем рухнули обратно и застыли в ужасе после сообщения о содержимом чемодана. Дипломат вылил на Жерара помой (словесные) и заявил, что немедленно сообщит о вопиющем нарушении конспирации в Париж, забрал чемодан (дотрагивался, словно до мины) и уехал, даже не попрощавшись с мужественным разведчиком.

Вернувшись в Париж, он доложил шефу о всех перипетиях в Москве, сгладил многие углы и умолчал о страшном вечере в "Савое", шеф смотрел на него с интересом, задумчиво мерцая совиними глазами.

— Вы должны заставить его тщательно соблюдать конспирацию. В центре города, тем более в интуристовских ресторанах, категорически не встречаться — там сплошной КГБ!

Как будто Жерар этого не знал! Как будто он не проштудировал все учебники!

Если бы французы знали, как бесшабашно работал Кузнецов в штаб-квартире разведки в Ясеневе, то и шеф, и Жерар Камбон наверняка лишились бы сна: он запирался на ключ у себя в кабинете и целыми ворохами фотографировал документы. Иногда в дверь стучали сослуживцы, иногда звонил телефон — это его совершенно не беспокоило, он все объяснял делами.

Жизнь была прекрасна, и у него закрутился бурный роман с секретаршей отдела Валеи. Началось все случайно, он снимал копии после работы, она тоже задержалась, постучала к нему в кабинет и попросила подвезти до метро.

Весна за окном томно приглашала к себе, зазывно пели на деревьях ясеневские соловьи, разгоряченное солнце медленно скрылось за лесом, который окружал здание разведки со всех сторон, Валя улыбалась в своем розовом костюмчике, подаренном ей от всего отдела ко дню рождения.

Страстное соитие произошло прямо на столе, среди секретных документов, на которые секретарша не обратила никакого внимания — оказалось, она уже давно по уши влюблена в Кузнецова и намерена любить его до гробовой доски. Валя оказалась бесшабашно-темпераментной дамой, внезапность события подлила масла в огонь и, если бы не боязнь ночного обхода, любовники остались бы в кабинете до зари.

На очередную явку с агентом Жерар вылетел через месяц, получив инструкции вести оперативную работу в самых жестких рамках, не идти на поводу у беспечного Кузнецова, прикрывая это отеческой заботой, и выдать ему хороший куш в рублях, не забыв сообщить о размере сумм, капавших на его счет в парижском банке.

Рандеву и на сей раз произошло в Измайлове, правда, уже внутри парка, решили не уступать разгильдяю, настоять на своем. Камбон заметно нервничал, но старался говорить основательно и торжественно.

— Ваши материалы получили самую высокую оценку и по нашему представлению вы награждены орденом Почетного Легиона. Кроме того, если вы пожелаете принять французское гражданство, с нашей стороны не будет никаких препятствий. Кроме счета в парижском банке, на ваше имя приобретен особняк, где вы сможете жить в случае поселения во Франции, — и Жерар протянул фотографию, как вещественное доказательство доброй воли французского правительства.

Кузнецов, весьма прохладно слушавший монолог Камбона, заметно оживился.

— Какой прекрасный особняк! — воскликнул Виктор, любясь фотографией. — Скажите, а я могу меблировать его за ваш счет? Обставить его чиппендейльской мебелью. Боже, как я хочу в Париж! Меня, возможно, скоро направят туда замес-

тителем резидента... Ах, черт побери! Поехали отсюда в "Савой", помнишь, как чудесно мы в прошлый раз там погуляли?

Камбон в ужасе замахал руками, словно ему предлагали прыгнуть в пропасть, стал убеждать, что это опасно и что он вообще не может ничего есть из-за язвы.

— Хорошо, поедем не в "Савой", а в "Метрополь"! — сказал Кузнецов, делая вид, что пошел на уступку, хотя Жерар прекрасно знал: отели находились почти рядом и публика в них не различалась.

В "Метрополе" все повторилось, правда, Жерар всеми силами удерживался от разгульного пьянства, но это было сложно: Кузнецов обижался, орал на весь зал, что француз его не уважает, предлагал пить на брудершафт, сцепив в локтях руки, а Жерар то отпивал полрюмки, то сливал водку в бокал с апельсином... И все равно он надрался, хотя и не так страшно, как в "Савое".

Единственное, что удалось добиться Жерару — это уговорить Кузнецова не везти его прямо в отель "Украина" (там он остановился, разочаровавшись в "Космосе"), а высадить рядом с метро "Бауманская" — далее, покачиваясь и помахивая кузнецовским портфелем с секретными документами, он прошелся по переулкам, надеясь обнаружить за собой "хвост". Тут появилось такси, и Жерар благополучно добрался на нем до гостиницы.

Валя оказалась прекрасным цветком, и он не на шутку втюрился. Чаще встречались вечерами на рабочем столе (документы валялись рядом, но на них не обращали внимания, в конце концов внутри КГБ несекретных материалов просто не существовало), от сознания риска у Кузнецова утраивались силы, он захлебывался от счастья и еще больше распалил себя коньяком.

Однажды после жаркого дня посадив Валию в "шевроле", он выехал из Ясенева и по Успенскому шоссе добрался до заветной полянки рядом с Москва-рекой, где и был разбит пикник, — багажник выполнял роль передвижной кухни, набитой вапитками и деликатесами.

Ужин начался великолепно, выпивали и закусывали, объяснялись в любви, выкупались, полюбовались речкой, по которой иногда проносились катера, охранявшие госдачи, снова выпили, и разгоряченный коньяком Виктор потащил свою возлюбленную в кусты.

Но нашла коса на камень — не понять загадку женского сфинкса! — уже давно в тихом омуте Вали бродило неугасимое желание оформить отношения в законный брак, эмоции выплеснулись из-под контроля.

— Не хочу, — сказано было твердо.

— Это еще почему? — удивился Кузнецов, не ожидавший такого удара.

И тут вдруг покорная Валя превратилась в грубый фонтан красноречия:

— Ты свою жену по кустам таскай! Хорошо устроился! Я видела на днях твою уродку, строит из себя интеллигентку...

— Это ты о Динке?! Ах ты, сука! — Жену он любил, как составную часть собственного эго, в глазах потемнело, и он, не раздумывая, огрел любовницу бутылкой шампанского по голове.

Валя истошно закричала и лишилась чувств — кровь брызнула ему на костюм.

Он молча смотрел на ее разбитую голову, лежавшую на клеенчатой скатерти, с нее стекала кровь на траву, он смотрел и не знал, что делать. Тряхнул головой, не веря своим глазам, выпил стакан водки, аккуратно зацепил итальянским раскладным ножом шпротину...

И вдруг он увидел перед собой пожилого дачника в соломенной шляпе и с суковатой палкой, с корзинкой грибов в руке, явно случайно забредшего на поляну.

— Ты убил ее, убил! — кричал человек растерянно и в ушах только звенело: “убил!”.

Голова словно выключилась, стала мутной, словно наполнилась кровью, он схватил нож, вскочил и ударил старика прямо в сердце, тот покачнувшись, начал оседать, но Виктор бережно, словно дорогое существо, придержал его и нанес еще два удара.

Страх уже давил, уже закручивал, уже нес его — машина, Успенское, все дальше и дальше, кольцевая, вот и дом, запарковался, и привычная, уютная квартира, и Дина в переднике, ожидавшая к ужину, счастливая семья...

— Что с тобой? — ахнула Дина, впуская его и в ужасе глядя на окровавленное лицо.

Он прошел в свой красного дерева кабинет, разделся догола, вышел в столовую и протянул обрызганный кровью костюм перепуганной жене.

— Сожги все это!

Дина суетливо сунула одежду в пакет, но он остановил ее.

— Разорви на куски и сожги в уборной! — сердце у Дины сжалось, стало жалко импортный унитаз — ведь с таким трудом приобретали по благу.

Виктор залез в ванну и долго плескался там и пыхтел, затем переоделся в новый костюм, внимательно изучил себя в зеркале и остался доволен собственным видом.

— Что бы ни случилось, Витя, я всегда буду любить тебя! — Дина, плача, прильнула к нему.

— Все обойдется, Динка, я же везучий!

Что обойдется?

Он поехал в церковь, где шла служба, там помолился у икон, но долго оставаться в толпе не было сил, его тянуло назад, туда, где два тела — что с ними? а вдруг ничего, и хохочут оба: “разыграли!” (навязчивая мысль). Снова сел в “шевроле” и стал просто крутить по московским улицам, хотел успокоиться, но руль уже жил по своим законам, совершенно неожиданно машина вырвалась на Успенское шоссе, хотел развернуться, но тянуло, завораживало, ехал и ехал, пока не остановился недалеко от поляны. Уже стемнело, он осторожно двинулся туда, увидел фигуры милиционеров и окаменел: двое несли носилки с телом, прикрытым простыней, только тогда он заметил на дороге “скорую помощь”.

И вдруг он чихнул. Зажал рот, но снова чихнул.

- Эй, кто там? - молодой парнишка-милиционер уже прытко бежал в его сторону, он дернулся, побежал, ломая кусты, услышал сзади предупредительный выстрел, вокруг кричали, словно его преследовала целая стая, вдруг зацепился за торчавший корень и рухнул на землю. Навалились трое, скрутили руки.

- Это он! - Валя раскрыла глаза. О, как он обрадовался, что не убил ее!

Суд был коротким и закрытым (власти неслись о престиже сотрудников органов, не дай Бог, если народ прослышит, что они тоже...). За убийство мужчины он получил пятнадцать лет, не так уж и много - учли состояние аффекта, заслуги перед родиной, да и Валя не стала заваливать и показала, что все произошло чисто случайно, бросал, мол, бутылку, но попал в голову.

Посадили его в общую камеру, набитую прожженными урками. Его холёная внешность и правильный выговор вызвали в камере хохот, почти сразу же к нему начали приставать, всячески унижали, он попытался отбиться, но драться не умел. Ночью его насловали всей камерой, изгалялись друг перед другом, веселились до упаду.

Нет, он не умер, но стал по-другому двигаться и говорить, словно уже его и не было, а какой-то механический человечек исполнял его функции, выносил парашу, подметал, а большей частью неподвижно сидел, уставясь в одну точку.

Напрасно Жерар Камбон выходил на запасные встречи и явля, напрасно посылал условные вызовы - агент исчез, и этому не было никаких объяснений. В Париже царил паника: заболел? срочно уехал? испугался и решил прекратить работать?

- Мы должны его найти! Снова выезжайте в Москву, попробуйте позвонить ему домой, узнать у жены, вы же знакомы с ней.

И снова Москва, и вечный страх, что тебя выследят и схватят, и мокрые от волнения руки, сжимавшие трубку телефона-автомата.

- Могу я поговорить с Виктором? - Жерар решил на всякий случай не представляться.

- Его нет дома...

- А когда он будет?

- Он в командировке. А кто это говорит? - она узнала голос Жерара по акценту.

- Его знакомый, - и он положил испуганно трубку.

Дина жила в постоянном страхе за судьбу мужа, свидания с ним были редкими и оставляли у нее жуткие впечатления. Иногда она звонила бывшим коллегам мужа, те высказывали свое сочувствие, говорили осторожно, витиевато - дело Кузнецова и так черным пятном легло на всю разведку.

А вдруг помогут? Дина не верила в вину мужа, ей казалось, что он пал жертвой странной, таинственной интриги, а тут еще звонок Жерара, не пожелавшего представиться. Сняла трубку и связалась с бывшим покровителем Александром Александровичем, уже вершившим французские дела в должности начальника отдела.

– Александр Александрович, здравствуйте! Это жена Кузнецова. Сейчас один человек интересовался Виктором, явно с иностранным акцентом.

– Кто такой?

– Он не сказал. – Дина решила не высказывать своих подозрений. – Как там Виктор? Я хотела поехать во Владимир, но мне не дают свидания.

– Пока потерпи. Мы будем давить, чтобы ему срезали срок.

– Спасибо...

Шеф многозначительно посмотрел на своего заместителя Извекова, дымящего "голуазом", информация Дины не представляла ничего нового: телефон прослушивался, и Извеков только что завершил установку Жерара Дюкса, который оказался Жераром Камбоном, известной разработкой Кузнецова.

Почему этот француз регулярно наезжает в Москву под чужой фамилией? Чем объяснить его поиски Кузнецова?

Подозрение накладывалось на подозрение, заодно Извеков припомнил, что Кузнецов вывез из Парижа хорошую мебель и картины. А "шевроле"? Откуда такие деньги?

Извеков и стал муссировать это дело к неудовольствию начальника отдела – кому приятно, если в родную нору залез чужой "крот"? Самое ужасное, что в таких делах сложно давать отбой: сразу возникает подозрение – почему? Шефу пришлось, скрепя сердце, идти в фарватере у сверхбдительного заместителя... Решили провести встречу и поговорить по душам, выехали во Владимир.

Он стоял перед ними мертвенно-бледный, равнодушный ко всему на свете, выжатый-перевыжатый лимон, ничего общего с жизнелюбом, которого они знали. Допрос повел Александр Александрович, пошел по боевому стандарту, вкрадчиво, нежно, с улыбкой, с участием, с желанием помочь, спасти из тюрьмы – известные приемчики, к ним еще легкая провокация: мол, арестовали Камбона, который признался во всем...

Впрочем, старались напрасно: Кузнецов не стал заперяться, с ходу выложил все детали, рассказывал безучастно, словно о другом человеке. Признался в работе на французскую разведку, и что еще надо?

Военный трибунал, измена родине, вышка.

Было неинтересно слушать судью с генеральскими погонами, в голове крутилась улочка с виноградниками в Монмартре, по которой он шел с Константином Щербицким, светило солнце, и тот рассказывал ему о виноградниках в Крыму, из которых он отстреливался от наступающих красных.

Потом увели, перевезли, спустили на лифте, он пошел по коридору в сопровождении трех конвойных, указали на дверь, он открыл ее и сразу же получил пулю в затылок. Все закончилось, душа отлетела, и в небе звучало:

"Белая гвардия, белая стая,

Белое воинство, белая кость...

Влажные камни травой зарастают.

Русские буквы – французский погост".

На стол тащи - котлеты и щи...

С этого номера мы вводим на страницах "Смены" новую рубрику. О еде. Самой простой и самой вкусной. А главное – дешевой. Потому что знаем – пошлели наших читателей от денег по швам не трещат. А хорошо и вкусно поесть хочется каждому. Поэтому давайте забудем до будущих лучших времен про красную икру, рябчиков, осетрину и прочие балыки и займемся кулинарными изысками с продуктами, доступными любому начинающему гурману.

Мы долго думали – ного взять проводником по явным и тайным тропинкам поварского искусства? Ведь доверить наши с вами, дорогой читатель, желудки первому встречному было бы верхом легкомыслия. И тут нас осенило. Ну конечно! Повара-виртуозы, на мастерство которых любой "рыцарь пера" может полагаться с абсолютной уверенностью – мы в этом убедились лично не один раз, – есть только в одном месте – знаменитом ресторане Центрального Дома журналиста. Ресторане, исполнен венов считавшемся в столице "нухней номер один".

Итак, познакомимся с "гидом".

Валерию Ивановичу ОГНЕВУ – 46 лет. Нам и подобает настоящему повару, он человек румяный, крупный, веселый и застенчивый. Наверное, чтобы не перехвалили. Валерий занимает в ресторане "Домжур" ответственный пост заместителя шеф-повара. Пост действительно ответственный: плохо кормить журналистов, главных всегдадатаев ресторана, особенно маститых и напризных, и сегодня рисованно.

Н тому же здесь не считают устаревшим или канувшим в Лету такое понятие, как честь фирмы.

Поварешну в руни Валерию Ивановичу вломила сама судьба. Его дальние и близкие родственники готовить умели прекрасно. Да ему и самому с московской ранней юности очень нравилось, когда накрывались праздничные столы и как на них все было торжественно, красиво и вкусно.

Поэтому, когда после школы пришла пора определяться с профессией, Огнев, не долго думая, поступил в кулинарное училище. После него — техникум. Военский долг он исполнял в привычной обстановке — на армейской кухне. Уже тогда впервые столкнулся с анимой — голодный солдат командира не разумеет.

В те годы это еще хорошо понимали и командиры, и интенданты, и повара.

После службы устроился Валерий Иванович в ресторан на московском аэровокзале. Проработал там добрый десяток лет и получил шестой, самый высший, разряд. Там же окончил высшие кулинарные курсы. Потом долго угощал столичный бомонд в Доме антера на Тверской. После пожара в старом ЦДА мастер перешел туда, где мы его и застали, — в ЦДН. И вот уже пять лет журналистская наша братия, не менее, замечу, творческая, чем антерская, вкушает плоды его (и его коллег, разумеется) труда.

Предлагаем отведать фирменные блюда Огнева и вам. Правда, для этого вы сами и должны их приготовить.

Вот несколько простых рецептов добротного домашнего обеда.

■ *Начнем с салата. Такой готовят только в нашем ресторане, поскольку это изобретение шеф-повара Иосифа Антоновича Шербакова. Называется салат — "ВОСТОК".*

Возьмем редьку или редиску — у кого что под рукой — и нарежем ее соломкой. Порежем на мелкие кусочки отварную баранину. Еще нам понадобится обжаренный лук. Готовится он так: нарезаем луковицу кружками, обваливаем в муке и жарим в масле.

У кого есть фритюрница — смело закладываем в нее. В результате лук должен покрыться золотистой корочкой.

Все это соединяем и заправляем майонезом. Соль и перец добавляются по вкусу. Сверху салат посыпает тертым яйцом и зеленью.

■ *Теперь готовим "ЩИ ИЗ ЩАВЕЛЯ".*

Нам понадобится бульон — куриный или мясной. Vegetарианцы могут сварить щи и на простой воде.

Промываем щавель и режем его на узкие и короткие — чтобы помещались в столовой ложке — полоски. Бросаем щавель в кипящий бульон или воду, добавляем лавровый лист и сразу выключаем, чтобы щавель не потерял свой вкус и витамины.

Подсолите, добавьте зелень. Перед подачей на стол положите в тарелку половинку вареного яйца. И, разумеется, ложку сметаны.

■ На второе сделаем **“КАРТОФЕЛЬНЫЕ КОТЛЕТЫ”**.

Их лучше подавать в качестве гарнира, вместо надоевшего пюре или жареной картошки, но можно и как самостоятельное блюдо.

Чистим картошку и ставим ее вариться.

Когда она будет готова, сливаем воду и делаем пюре.

Добавляем молоко, сливочное растопленное масло и смешиваем до нормальной, не очень жидкой консистенции — так, чтобы получилась вязкая каша.

Остужаем до 35-40 градусов и добавляем сырое яйцо.

Все это взбиваем и остужаем.

Когда пюре остынет, скатываем из него небольшие шарики и придаем форму котлет или биточков. Обваливаем в панировочных сухарях (подойдет и мелкокрошенный засохший белый хлеб) и жарим на растительном, сливочном масле или маргарине на обычной сковородке.

■ К этим котлетам хорошо бы сделать и **СОУС**.

Готовится он так. Растапливаем масло или другой жир и добавляем в него муку в соотношении один к одному. Обжариваем смесь на огне, пока у муки не появится запах жженого ореха.

Добавляем туда бульон и доводим до средней густоты.

Можно добавить томат-пасту.

Чтобы убрать лишнюю влагу, пассеруем ее на масле.

Хорошо положить в соус и мелко порезанный лук.

■ И, наконец, на десерт приготовим **ЗАПЕЧЕННЫЕ ЯБЛОКИ**.

Из плодов удаляем сердцевину.

Кладем яблоки в сковородку, внутрь их засыпаем сахарный песочек — и в духовку — всего на 3-4 минуты, чтобы не лопнуло, было целенькое.

Сверху покрываем взбитыми сливками или джемом, вареньем.

■ Из клюквы, апельсинов, мандаринов или любых других фруктов варим **КОМПОТ**.

Фрукты режем ломтиками, берем сахар из расчета 12 граммов на стакан воды и опускаем все это в кипяток.

Как только компот закипит, снимаем его с огня или плиты, накрываем крышкой и остужаем.

Подавать лучше холодным.

И главное: не забудьте пожелать своим домашним или гостям приятного аппетита. Без этого и еда — не еда...

Продолжение (вкусное!) следует...

Рецепты записал
АЛЕКСАНДР ПЬЯНКОВ.

Очарование Туниса

Ну вот, наконец-то лето! Тянет на солнышко, и море, но где сегодня найти место на заграничном пляже, чтобы, отрешившись от всех мирских забот и дел, спойно полениться на желтом песочке, не слыша вофуг себя одну только родную речь? Не в Турции же и не на Нипре, где соотечественники уне, наметят, вытесняют самых желдлых в мире туристов – немцев.

Тут и месту будет совет знающих людей, профессионалов туризма, которые не только рассчанут о красотах того или иного курорта, но и возьмут на себя заботу организовать ваш отдых так, что вы ни о чем не понаалеете. Именно такие люди работают в московском туристическом агентстве «ИННА-ТУР», уне почти пять лет специализируемся на организации отдыха россиян в Тунисе.

С «ИННА-ТУР» мы и отправляемся в семидневное путешествие по этой арабской стране.

У «ИННА-ТУР» надежные и крепкие контакты с одной из самых авторитетных тунисских турфирм – «Анвасан», что и гарантирует безупоризненное обслуживание туристов. Мы это ощутили сразу, нан только наш ИЛ-86 после 4-часового полета приземлился в аэропорту Туниса, и мы оказались в объятиях встречающих – Хатема, переводчица, Фавзи, водителя «Мерседеса», больше, правда, похожего на директора банка, и Зияда, важного лица из «Анвасан». Они и организовали наше знакомство с Тунисом на высочайшем уровне.

Начеать открытие страны принято, конечно, со столицы. В Тунисе от этого превила можно смело отойти – все главные туристские достопримечательности находятся не в столице, а по пути с севера на юг страны, в больших и не очень городках и оазисах.

Нупаться в море в конце апреля еще не рекомендуется, и потому отправимся в путешествие по стране. Путь наш лежит на юг Туниса, в пустыню Сахара.

Вот когда без труда можно ощутить, что такое «бесконечность». Бесконечна пустыня, величественная до потери реальности, пораняющая пасторальной красотой во время заката солнца и звенящей тишиной в утренние часы. Говорю это со знанием дела, ибо, прибыв к исходу второго дня путешествия в городок Дуз, и разместившись в отеле прямо на краю пустыни, мы были приглашены прокатиться по Сахаре... верхом на верблюдах. В магазинчике при отеле нас обрядили в настоящие бедуинские халаты, голову обвязали покрывалом, спасающим от песка и жары, а сверху каждому укрепили по разноцветной арафатке – плетеной полоске с арабским орнаментом. Вдоволь посмеявшись над внешним видом друг друга, поехали знакомиться с верблюдами, стадо которых в 30-40 голов уне поднидало нас на краю пустыни. Описывать все наше путешествие бессмысленно, скажу только, что проехать 3 километра по пустыне верхом на верблюде – занятие не для измененных особ. Верблюд – животное очень милое, кроткое, меланхоличное, но выносливостью своей вам с ним лучше не тягаться. И потому мы были безумно счастливы, когда после полуптора часов путешествия уне при закате солнца спустились на твердую землю и послушали в отель принимать душ. На память об этом путешествии остались халат, покрывало и арафатка, и, конечно, фотографии заката солнца в Сахаре и моего верблюда по кличке Исхандер.

Истати, фотографировать и снимать на видео в Тунисе можноезде и вскуда без ограничений, кроме одного: запрещается снимать полицейских и президентскую резиденцию в Нарфагене, древнем разрушенном веками и войнами городе, лежащем

на самом берегу Средиземного моря. Две тысячи лет назад здесь было могущественное и богатое государство. Нарфагенский полководец Ганнибал прошел на слонах победным маршем по Европе. Кто только ни завоевывал Нарфаген – вандалы, арабы, греки, испанцы. Завоевывали и разрушали. Но он все равно остался. Сегодня Нарфаген – это музей под открытым небом: здесь множество постаментов, колонн и древняя скульптура, и сакаления, с отбитыми головами. Зато неплохо сохранилась купальня Антония Пил, третья в мире по величине. В подземную часть терм вода подавалась по акедуку, и не морская, соленая, а пресная, из глубин моря. Этой же водой наполнены и многочисленные бассейны. Побродив под каменными сводами бань, порежемся на воздух и видим аллею древних пальм, под которыми покоятся небольшие каменные урны с прахом финикийских младенцев – был у древних финикийцев такой кровавый обычай – приносить своих первенцев-сыновей в жертву богам. Пройдя насладясь эту аллею-кладбище, оказываемся у стен древнего театра, сцена которого и сейчас дает возможность 15 тысячам зрителей наслаждаться искусством балетных звезд мира.

Развалины величественных амфитеатров лежат в двух шагах от современных, по-восточному живописных городков. Один из них – Хаммамет, основанный более пяти веков назад на берегу залива. Тихий, умиротворенный, с кафеями и рыбными ресторанинами. Еще примета – здесь много жителей со светлой кожей и голубыми глазами – генетические корни их ведут аж в XV век, когда покинувшие Испанию арабы приехали сюда, обосновались и выстроили могучую крепость – сегодня у ее стен раскинулся восточный базар, привлекающий многочисленных туристов.

Другая достопримечательность Хаммамета, как, впрочем, и всех городков, где мы останавливались, – отели. Построенные в затейливом мавританском стиле, с внутренними тенистыми двориками и обязательными фонтанами, со стенами из цветных витражей, они как бы погружают вас в волшебный мир арабских сказок. Причем, эти ощущения сохраняются в вас и тогда, когда вы живете в 5-звездном отеле «Мархаба Империя» в Суссе, и в любом из 4-звездных отелей системы «Азур» в Хаммамете, и даже в небольшом отельчике на краю пустыни. Разница может быть заметна только в количестве блюд на шведском столе и отсутствии мини-бара в номере. И в цене, конечно.

Третий по величине город Туниса – Сусс. Город богатый, промышленный, утопает в зелени и цветах, знаменит своими «золотыми» пляжами, роскошными отелями и портом, пристанищем для яхт самых богатых людей мира.

В Сусс нельзя приехать, минуя другой древний город – Найруан, считающийся у мусульман четвертым святым городом после Мекки, Медины и Иерусалима. Здесь еще в VII веке построена знаменитая мечеть с минаретом высотой 36 метров. Согласно преданию, тому, кто посетит эту мечеть семь раз, откроются врата рая. То ли был выходной, то ли было поздновато, а, может, все, кто хотел, уже давно в раю, но наш автобус на площади перед мечетью был в тот день единственным.

Тунис поражает не только своей древностью и экзотикой, но и гостеприимством и радушием людей. Персонал гостиниц безукоризненно вежлив и внимателен и каждому, продавец на рынке дружелюбен и не хватает вас за рукав, предлагая свой товар, многие, кстати, неплохо говорят по-русски. Страна с почти 9-миллионным населением живет в основном за счет туризма, и этим все объясняется. И цены тут вполне приемлемые, так что двухнедельный отдых с поездкой по стране вас совершенно не разорит.

Можно было бы подробнее рассказать о том, какие изумительные красоты открывались перед нами, когда мы ехали по Сахаре на «восточном экспрессе», какой интересный вечер провели в фольклорном ресторане «Ле Дуар», апофеозом которого стал танец живота, исполненный арабской красавицей прямо на столе, сколько эмоций вызвало посещение «Города мечты» – музея тунисского быта в Тузере и захватывающее дух ночное блуждание в лабиринтах архитектурного шоу по сказкам «1001 ночь». Но лучше, дорогой читатель, все это увидеть своими глазами. А потому звоните в «ИННА-ТУР» и отправляйтесь вместе с ней в Тунис.

Агентство «ИННА-ТУР»: 125083, Москва, ул.Верхняя Масловка, 21. Тел.: /095/ 257-37-95, 212-84-73, 257-37-17, 527-36-74. Факс: /095/ 257-37-90, 117418, Москва, ул.Красикова, 32. Тел.: /095/ 332-41-85, 332-41-84, 129-16-11, 332-44-21. Факс: /095/ 129-28-49.

ЮРИЙ АЛЕНСЕВ

ВОЛНОТЫ РОСЫ

Рисуют ГЕННАДИЯ НОВНИЛОВА

Академия наук СССР в 1948 году выпустила не совсем обычную монографию: каждый экземпляр ее был пронумерован и содержал гриф "Для служебного пользования". Книга посвящалась 200-летию со дня открытия в России первого промышленного месторождения золота – отсюда и режим секретности, поскольку все сведения о добыче драгоценных металлов, а особенно о золотом запасе, составляли государственную тайну...

Тайна тайной, но для историков не было секретом, что до середины XVIII века Россия жила на привозном золоте. Киевская Русь ввозила его из Византии, Русь же московская – из Китая и Западной Европы. Иноземцы, посещавшие Первопрестольную, изумлялись: золота в Москве не меньше, чем при любом европейском королевском дворе. Заставленные кубками, блюдами и ендавами, гнулись от него дубовые столы на званых царских пирах. Побогаче Оружейной палаты слыла патриаршая ризница. А иной боярский двор старался не отстать от царского в золотом своем изобилии.

Иностранцы при виде этих богатств, кривя губы, говорили: это золото наше или китайское. Бояре же через толмачей отвечали так: нам золота вашего не занимать – сами везёте. И,

встряхивая искристые собольи шкурки, добавляли: вот оно, наше богатство, рухлядью зовем, а на золото ваше меняем.

Тем не менее золото в России постоянно искали. Самодержцы принимали по этому поводу самые крутые меры. Со времен Ивана III страну бороздили бесчисленные экспедиции. Укрепленные иностранцами-рудознателями, они побывали в самых глухих местах: на Северной Земле, Соловках, острове Медвежьем в Белом море. Но найденные месторождения оказывались незначительны.

"Золотой" же парадокс России между тем заключался в том, что на Урале и в Сибири люди буквально ходили по золоту. Но все в стране – от вольного рудознатца, заводчика до дворянина или купца – знали: царским указам верить нельзя, найдешь золото – беды не оберешься. Особенно боялись дворяне: объявишь находку – тотчас лишишься своих земельных угодий, ибо недра их принадлежали государству.

Все причастные к открытию или промышленному освоению золота испили лиха. Первыми среди них были известные горнозаводчики: Никита Демидов и его сын Акинфий.

Серебряная пыль

До Петра I Россия не имела своей серебряной и золотой монеты. Так что не совсем был прав Карамзин, полагая, что первые "свои" золотые монеты были отчеканены в Москве при Иване III. Факт этот действительно имел место. Но монеты не были пущены в обращение, а использовались как наградные медали "служилым людям".

Вскоре после эпохального открытия Колумба из Америки в Европу потянулись каравеллы с награбленным американским серебром и золотом. Привозную европейскую монету – испанскую, голландскую и немецкую (под общим названием "талеры") царь Алексей Михайлович перечеканивал в русские рубли. Они получили название "ефимков". А вот его сын Петр в 1699 году выбил уже свою серебряную полтину. В 1701 году он стал чеканить и золотые червонцы. Но собственных промышленных месторождений, за исключением очень незначительного, Нерчинского, император так и не приобрел.

Большие надежды в поиске золота и серебра Петр I возлагал на Никиту Демидова, поскольку тот уверял царя в непрременном успехе. Получив во владение на Урале государственный Невьянский завод, Демидовы быстро развернули его в огромное предприятие. Железо, пушки, ядра Никита поставлял государству "вполну" (т.е. в половину) цены, запрашиваемой другими заводчиками. Он же вовремя успевал обеспечить строительство флота дубовым лесом. По демидовским чугунным трубам потекла вода к фонтанам царских петербургских дворцов. Но в отношении обещания найти серебро... Здесь Никита Демидов вместе с сыном Акинфием не иначе, как обманули Петра.

Серебро, правда, не на Урале, а на горном Алтае нашел еще в 1720 году сын Никиты, Акинфий Демидов. Нашел, конечно, не сам, нашли олонецкие старцы-раскольники по его настоятельной просьбе. Последние платили добром за добро. Демидовы приютили раскольников, жестоко преследуемых правительством Петра. Их тайно укрывали в Невьянске, а многие из них были опытными рудознатоками.

Каким-то образом сведения об открытии серебра Демидовыми дошли до Петра I. Реакция его была незамедлительной: отправляясь в Персидский поход в 1722 году, император "забыл" подписать заготовленный указ о присвоении роду Демидовых дворянского звания. Такая забывчивость была не случайной: Петр к этому времени перестал доверять отцу и сыну Демидовым.

...Совсем несладки оказались последние дни потерявшего фавор императора Никиты Демидова. Но его сын Акинфий, по-прежнему скрывая тайну открытого его людьми месторождения серебра на Алтае, ждал своего часа. И он пришел.

28 января 1725 года Петр I умер, в ноябре того же года скончался Никита Демидов. Похоронив отца в Туле, Акинфий, едва дождавшись последнего дня "сороковин", ринулся в столицу. Получив при протекции Меншикова дворянство, Демидов немедленно выехал в Невьянск. Летом 1726 года он снарядил большую экспедицию на Алтай. Сотни посланных им людей в короткие сроки построили Локтевский медеплавильный завод. А через несколько лет близ Колыванского озера, окаймленного дикими утесами, было построено Колывано-Воскресенское предприятие. К 1740 году к нему добавились Барнаульский и Шульгинский заводы.

Горный инженер В.Рожков, используя многие не дошедшие до нас документы, в "Горном журнале" (1891 год) впервые раскрыл причину столь быстро выросшего в Сибири нового комплекса заводов. Демидовские рудознатоки открыли на Алтае своеобразное чу-

до природы: на месте древних разработок, исчезнувших тысячелетия назад, они обнаружили медную руду с признаками серебра. Отделить в то время серебро от меди было делом нелегким: требовалась его многократная переплавка. Но и полученное серебро оказалось не простым, а "золотым", то есть имело определенный процент золота.

Пока Акинфий разворачивался в Сибири, на Урал в 1734 году с высокими полномочиями вернулся его давний недоброжелатель Василий Татищев. Разобравшись в архивных делах Уральского горного правления, он нашел в них доносы на Демидова. В одном из них сообщалось, в частности, что Демидов тайно плавит на Алтае не медь, а серебро. Татищев тотчас принял меры: Акинфия Никитича срочно вызвали в столицу и завели на него следственное дело. (Колыванские же его заводы тем временем отошли под управление государства.) Но подтвердить версии уликами не удалось: важнейшие архивные материалы из Уральского горного правления таинственным образом исчезли.

Между тем дело о колыванском серебре могло обернуться для заводчика... смертью. Казна была пуста, и Анна Иоанновна могла поступить в "серебряном" деле покруче Петра I. Но все обошлось, пока не скончалась Анна Иоанновна, и после кратковременного царствования Иоанна VI на престол не взошла Елизавета Петровна. Обманув последовательно Петра I, Екатерину I, Петра II, Анну Иоанновну, Демидов надеялся "обойти" и дочь Петра Великого. Несмотря на свои 66 лет, хватку он сохранил прежнюю. И используя старые связи, удостоился "высочайшего случая" – личного приема у императрицы Елизаветы Петровны. Заводчик преподнес ей слиток серебра более 10 килограммов весом. На словах же объяснил, что серебро выплавлено им из 3,5 тонны "черновой" меди "через искусство нанятого им по контракту" саксонского мастера Иоганна Юнганса. Таким неожиданным поступком Демидов перекрыл дорогу грядущему доносу Трегера. Он просил также императрицу "послать сведущего доверенного человека" на его Алтайские заводы и на месте все досконально проверить. Относительно судьбы своих заводов Демидов выразился при этом весьма дипломатично. Он просил Елизавету Петровну, чтобы ему и его заводам быть "под ведением Высочайшего Кабинета". План Демидова был весьма соблазнителен: он просил "ведать" его заводами не государство (представляемое Берг-Коллегией), а непосредственно Кабинет, или императорскую фамилию.

Тем не менее усидеть на двух стульях Демидову не удалось. Дальнейший ход событий показал, что сколько бы ни боролся за свои заводы горнозаводчик, выстоять против короны он не смог...

Итак, первый крупный промышленный центр по добыче серебра (не считая незначительного Нерчинского) в середине XVIII века, наконец, был открыт. В 1747 году он официально перешел в ведомство Кабинета его величества. Оставалось дело за главным – золотом.

Ерофей Марков

Имя человека, открывшего первое наиболее крупное месторождение золота в России, наверное, затерялось бы в истории. Но на-

шелся среди горных инженеров Урала человек, который по полустлевающим архивным документам восстановил в общем-то простую, но драматическую жизненную коллизию рудоискателя, подарившего державе поистине золотую кладовую. Таким историком, прокорпившим над "делами" Уральского горного правления многие годы, был Н.К. Чупин.

Именно он впервые еще в прошлом веке твердо сказал: первое промышленное золото России открыл житель деревни Шарташской под Екатеринбургом Ерофей Марков. Он появился на Урале в 1724 году. Крестьянин Троице-Сергиевого монастыря ушел, будучи раскольником, в бега. В мае 1725 года Марков, отыскивая горный хрусталь, выкопал в окрестностях приютившей его раскольничьей деревни яму-шурф. В ней он неожиданно для себя нашел камешки с вкраплениями золотистых зерен. 21 мая Ерофей явился в Уральское горное правление и объявил, что нашел золото. Посланные немедленно горные чиновники золота в раскопе Маркова, однако, не обнаружили, но уведомление в Петербург направили. "Ясно, — пишет Чупин, — что образцы, представленные Марковым в канцелярию, были взяты не из жильного месторождения (которое и искали некомпетентные горные "служители"), а из песчано-глинистого золотосодержащего пласта, и что Марков открыл первую в России золотую россыпь". На указанном же Марковым месте следовало копать "не вглубь, а разрабатывать во все стороны и промывать тот слой, в котором были найдены признаки золота. Но члены канцелярии хлопотали только об отыскании твердых жил золотосодержащего камня и ничего не знали о золотых россыпях".

А знать, конечно, им следовало. Татищев, оставляя пост главы уральского горного ведомства, внушал им: золото "находится двояко: 1) самородное, которое в реках и других водах, как песок, собирают и вымывают; 2) из руд разных званий выплавливается или от других крушцов, яко ртути, свинца и меди, отделяется". Но Татищева на Урале уже не было, а его нерадивые последователи Маркову не поверили. В результате чиновники вынесли такое решение: "горные работы в этих местах более не производить, Маркову объявить с крепким подтверждением", чтобы он показал "истинное" нахождение золота. При этом дать ему на это "сроку две недели", отпустив на поруки, "а буде порук не даст, приставить к нему караул". Прошло две недели — результат был тот же, Марков повторял то же, что говорил и раньше. Между тем на посланное в Петербург донесение 11 ноября 1745 года пришел ответ: с Марковым "строго или с крепким пристрастием" поступать не нужно. Был дан и дельный совет. Поскольку в "яме" Маркова "яко кварц, глина и песок" находятся, то именно в таких местах "обыкновенно золото находится". При этом петербургское горное начальство не преминуло указать на некомпетентность местных "знатоков": "И тако иноземцам обер-штейгерам (на Урале. — Ю.А.) надлежит известным быть, как за морем бывает при тех заводах, которые зейфенверком (немецкое название "золотой россыпи") называются, и в тех заводах промывается из песку и глины, и из кварца". И если даже золото в марковой яме "глазам видеть не можно", то следует породу опробовать в лаборатории "толчением, промыванием" или "рпутью".

Прошло два года после заявки Маркова, и в мае 1747 года золото именно таким способом, наконец, и нашли. Были заложены шахты, устроены золотопромывальные заводы, и к 1758 году золота стали добывать более пуда, а в 1808–1810 годах более 22 пудов в год.

Но объем этот огромную страну, естественно, не удовлетворил. Начиная с царя Алексея Михайловича и до конца царствования Александра I государственный бюджет России пребывал в постоянном прорыве. Выпуск медной или недоброкачественной монеты приводил страну или к "медному бунту", или наводнению страны бумажными ассигнациями, ходившими по курсу 1/3 серебряного рубля. Готовясь к войне с Россией, Наполеон предпринял диверсию: направил контрабандный поток фальшивых ассигнаций.

Между тем уральские горные чиновники, медленно разрабатывая единственное пока в стране Березовское месторождение золота, толкли, что называется, "воду в ступе": золото в окружающих речных поймах по-прежнему не промывалось. Наконец заведующий "рудотолчейной и промывальной фабрикой" Лев Иванович Брусицын совершил то, что следовало сделать еще 69 лет тому назад. В 1814 году он вспомнил, что, сопровождая как-то горного начальника Шленева в поездке на Уфалейские заводы, слышал от него, "что в некоторых иностранных государствах есть песчаные россыпи, богатые золотом". "Вспомнив" это, Брусицын приступил к поискам "песочного" золота в окрестностях Березовских шахт. На берегу речки (с тем же названием) он осенью 1814 года "намыл" около килограмма золота (2 фунта, 63 золотника). Только после этого на Урале началась настоящая золотая лихорадка. "Песочное" золото к началу 20-х годов XIX века стали намывать десятками пудов.

114
Первым решился "открыть" свое золото в 1819 году владелец Верхне-Исетского горного округа корнет Яковлев. Оказывается, еще в 1813 году в ручье его Верх-Невьянского завода "малолетняя дочь заводского служителя Катерина Богданова нашла случайно в песке золотой самородок значительной величины и принесла его заводскому приказчику Ивану Ефтедьевичу Полузадову". Вместо награды она была высечена розгами "со строгим приказанием молчать о своей находке". К этому времени уже был издан (в 1812 году) указ Александра I о свободной добыче золота на всех землях, кому бы они ни принадлежали. Но в нем были оговорки: золотопромышленник платил налог (от 10 до 15 процентов с добычи) и обязательно все добытое сдавал государству, последнее же расплачивалось за него "по предельной цене золотою монетою" с вычетом "расходов". Поэтому еще несколько лет на Урале с "открытием" золота не торопились. Но после 1819 года искусственную плотину, сооруженную из ограничений, лжи и осторожности, прорвало: золото стали добывать во всех частных владениях Урала. Среди них выделялись Яковлевы, Шуваловы и, понятно, самый большой куш на первых порах сорвали Демидовы.

В 20-е годы золото добывалось десятками пудов (в 1824 году на казенных промыслах более 53, а на частных – 152 пуда). Государственные промыслы отставали в объеме добычи, но превзошли всех по находкам огромных самородков. В знаменитой Миасской золотой долине нашли, например, самородок в 24 фунта. И это было только началом. Сведения о наконец свершившемся в империи чуде досконально передавались Александру I. Решив увидеть все своими глаза

ни, император выехал на Урал и летом 1824 года оказался в самом центре своего "горного" царства – Екатеринбурге. Последние два года жизни Александр Павлович словно метался по всей России. Возможно, совершая свои длительные вояжи, император пытался найти ответ: как ему быть дальше, что предпринять, куда вести страну? Поэтому и искал он в своих поездках людей неординарных. А находя, долго беседовал с ними. Таким человеком на Урале для него оказался Зотов, с ним он и встретился в Екатеринбурге.

"Полезный человек"

В северо-восточной части Екатеринбурга есть место, со времен основания завода-крепости окутанное таинственной славой. Это Вознесенская горка. Именно здесь в 1723 году построил редут, укрепленный пушечной батареей, капитан Татишев. Здесь же он в личном домике и жил, возводя вместе с Гениным Екатеринбург. В конце XVIII–начале XIX веков горку украсил Вознесенский собор. В это же время купец Лев Иванович Расторгуев, купив земельный участок по склону горы, начал строить дворец. К приезду Александра I он был почти закончен. Поселившись в нем, император рассматривал гладь заводского пруда, простиравшегося ниже. (Через несколько десятков лет напротив дворца выстроят двухэтажный дом, известный теперь всему миру по имени последнего владельца как Ипатьевский. Теперь на его месте водружен железный крест, который не мешает любому вновь увидеть из окон Расторгуевского дворца гладь заводского пруда.) В Расторгуевском дворце император беседовал с глазу на глаз с человеком необычной судьбы. Знаком истории Урала журналист Весновский писал о нем: "Относительно знаменитого Григория Федотыча Зотова исторические данные говорят следующее: это был сначала кричный мастер, крепостной человек заводов Яковлева, а затем дошел до звания главного заводского управляющего. В течение 20 лет своего управления Верх-Исетскими заводами (главный – в черте Екатеринбурга. – Ю.А.) Зотов настолько поднял их, что они давали владельцу их корнету Яковлеву 3 миллиона ежегодного дохода.

За услуги владелец дал Зотову "вольную" и, сделавшись свободным человеком, Григорий породнился с богачом-землевладельцем Львом Ивановичем Расторгуевым, у которого было две дочери: старшая вышла замуж за Петра Харитоновна, а младшая Екатерина – за Александра Зотова, сына Григория Федотыча. Александр Зотов совсем не вмешивался в заводские дела, предоставив все отцу, то же сделал и Харитонов". Беседа Александра I с Зотовым продолжалась долго. Император спросил, в частности: "Любезный Зотов, скажи мне истинную причину – почему мои заводы здесь вообще гораздо хуже частных заводов и в особенности Верх-Исетского?". "На казенных заводах много начальников и заводские люди в большой нужде, – отвечал Зотов, – ибо задельная плата весьма недостаточна... А у нас на заводе начальник один, хорошо знает каждого рабочего, знает его нужды и способности, а задельная плата вдвое больше, чем на казенных заводах".

Государь писал о Зотове императрице, что он в первый раз в жизни встретил человека с таким светлым умом. А когда Александр I

узнал, что Зотов не приглашен на обед, данный в честь государя, то заметил: "Очень жалею, что здешнее горное начальство не обратило внимания на столь опытного в горном деле и столь полезного человека. В продолжение одного часа я узнал от Зотова более о положении здешнего производства, нежели во все мое путешествие по Уралу".

Но "горное начальство", проглотив обиду (все оно было куплено Зотовым), не оправдывалось. "Начальство" более опасалось другого: доносов, ибо злодеяний на Урале совершалось бесчисленное количество. (По прибытии императора на Кыштымские заводы ему неожиданно были поданы три прошения: от "посельника" Седельникова, крестьянина Батина и "женки" Назаровой. Александр прочесть их не успел, они словно по волшебству исчезли в объёмистых дорожных сумах придворной свиты...)

"Горное начальство" развернуло перед императором поистине фантастическую картину. На приисках наследников Расторгуевых только за два года было намыто 40 пудов золота. Его демонстрировали императору, он пересыпал желтые зернышки из ладони в ладонь, а потом в Миассе удивлялся весу найденных самородков. Именно на Миасских промыслах были найдены крупнейшие в Европе золотые самородки. Когда императора привезли на наиболее богатую россыпь, он самолично решил попробовать счастья. А поджальмы этого только и ждали: Александра Павловича привели на место, где к его приезду был зарыт ранее найденный самородок. Облачившись в робу, царь взял в руки кайло. Кайлил он долго, но безуспешно; те, кто закопал самородок, явно не рассчитали: одно дело — кайло в руках мастерового, иное — в руках царских. Затея едва не провалилась. Выручил один из посвященных придворных. Он взмолился: ваше величество, дело это не простое, кто-то "отводит" (здесь он перекрестился), ударьте кайлом еще раз... И "чудо" свершилось, через минуту император держал в руках довольно крупный самородок...

Что здесь правда, а что вымысел, точно сказать невозможно. Так или иначе, но в таком солидном издании, как "Россия. Полное географическое описание" под редакцией В.П.Семенова-Тян-Шанского отмечено: "В 20 верстах от Миасского завода работал император Александр I. Инструменты августейшего работника хранятся в заводском музее".

Горные чиновники Урала, доказав царю, что государственные золотые промыслы не уступали частным, едва не попали впросак. Прочитай тогда Александр прошения мастеровых Кыштымских заводов, возможно, он увидел бы уральскую действительность иными глазами. Но "кыштымское дело" было раскрыто только после его смерти.

В 1827 году на Урал с тайной ревизией направился Строганов. Подкупить графа было невозможно, он был слишком богат и независим. В Кыштыме в ходе ревизии выяснилось, что в марте 1822 года мастеровые Кыштымских заводов подали местному начальству жалобу на творившийся здесь произвол и страшный голод. Дело дошло до прямого восстания, при помощи солдат подавленное. После бурных событий заводами стало управлять горное начальство. На самом же деле всем заправлял по-прежнему Зотов. Он, пи-

сал Строганов, находясь в коротких связях с главным чиновником губернии, не говоря уже о местных, творил беззаконие. В 1823 году в районе Кыштымских заводов были открыты богатейшие месторождения золота, и тогда Зотов в бесчинствах превзошел себя. Главным театром жестокости, как выяснил Строганов, стали Саймоновские золотые промыслы, где завели даже кладбище для скорострельно умерших, а мастеровые по положению не отличались от "каторжников и негров". Строганов доносил: "Хотя высшим правительством командированы чиновники для обозрения заводов, но все это служило только к сокрытию истины". Граф отметил также, что еще во время пребывания Александра I на заводах ему были поданы "просьбы посельника Седельникова, найденного потом мертвым в лесу, крестьянина Батина и "женки Назаровой". Зотов же впоследствии объявил Батина сумасшедшим, Назарова же, просидев четыре месяца "под караулом", отказалась от жалобы.

За вопиющие беззакония Зотова и Харитонова "по тогдашним порядкам" ждали шпицрутены и каторга, но... слишком много золота они добывали. Сам Григорий Зотов во время следствия умер, а его сын Александр и П.Харитонов были высланы в Кетсгольм. Их дворец долго пустовал, пока его вместе с заводами в 1907 году не купили англичане...

Благодаря найденному в 30-х годах XIX века сибирскому золоту Россия постепенно становилась одной из самых золотодобывающих стран. Но опыт добычи, приобретенный на Урале, не сразу получил размах на сибирских просторах.

Мужички сибирские

117

Во второй половине XVIII века в городе Верхотурье жил купец Яков Попов, происходивший, как и большая часть основателей старинных торговых домов Сибири, из Новгорода. Торговые и промышленные обороты его дома простирались на весь приуральский, приколымский и припечерский край, на заводы Горного ведомства и всю Сибирь. Торговали Поповы и с Китаем. Их караваны ходили в Ташкент, Бухару, киргизские степи, Поповы брали винные откупы и соляные подряды.

В начале 20-х годов XIX века в Томске обосновался внук Якова, купец-миллионщик Федот Попов. Прослышав об открытии уральского золота, он решил также попытать счастья. В 1823 году он направил в томскую тайгу 10 первых поисковых партий. После их возвращения весь город стал дивиться тому, что вернувшиеся из тайги, зайдя в кабак, пили досыта водку бесплатно: штейгер (горный мастер) – первые два месяца, рабочие – месяц. Попов обещал своим приказчикам в случае находки "хороших россыпей" (кроме денежных наград до 2000 рублей) назвать прииски по их фамилиям (слово это он впоследствии сдержал).

Поиски сопровождались небывалыми трудностями. Золотоискатели плыли на вертких лодчонках по горным речкам. Местные проводники заводили их в гиблые места, а когда кончилось продовольствие, бросали. Прорубаясь через тайгу, мужички тонули в болотистых зыбунах. Первая партия, снаряженная Поповым, не вынесла из лесного марева ничего, кроме "шлака и золотой пыли,

которая при сыпке на бумагу издавала "звук". Прошло четыре года, и Попов подсчитал, что он потратил на поиски золота около двух миллионов рублей. Золота же нашли мало, общим весом не более фунта.

Удача пришла к Федоту Попову летом 1830 года: на его вновь открытых приисках было намыто более 4 пудов золота. И тогда, закрепляя успех, Федот Иванович, когда подмерзли болота и реки, сам двинулся в путь.

Что-то иное помимо наживы позвало купца-миллионщика в этот поход: он должен был найти сам то, что превосходило человеческую фантазию. Экспедиция Попова была снаряжена наилучшим образом, лошади везли инструменты и съестные припасы. Деньги, которые щедро платил Попов, спирт, а главное — азарт ожидаемой удачи помогали выдержать тяжелые испытания. По поводу азарта "Тобольские ведомости" отмечали позднее: "Золотомания заразила до того мирный город Томск и привела его в какое-то лихорадочное состояние". Сибиряки неуклонно шли к цели, все дальше углубляясь в девственную тайгу. Попов был предусмотрителен: через каждые 25-30 верст он приказывал рубить зимовья. В них оставляли по 2-3 человека. Пройдя 200 верст по лесам, горам и болотам, экспедиция вышла к границам Енисейской губернии, на реку Придюль. Но до "заветного" места, куда они шли, оставалось еще верст 60. На этом отрезке пути первыми не выдержали не люди, а лошади (от бескормицы они обезножели). Оставив в очередном зимовье большую их часть, Попов двинулся далее. Выйдя, наконец, на искомое место, сибиряки срубили последнее зимовье.

118 В нем, торопясь, при свете факелов, ломаями они вскрыли земляной пол. Под ним пошел песчаный пласт. Его тотчас же промыли. Когда горный мастер и Попов склонились над дырчатым железным листом, они убедились: было найдено богатимое, т.е. большое золото. Попов, дав людям немного отдохнуть, приказал идти назад от зимовья к зимовью. Все шли теперь по пояс в снегу. До ближайшего зимовья осталось не ближе 15 верст, когда подошли к реке Придюль. Первая группа преодолела ее благополучно. Вслед за ней на легких санях поехал и Попов. Но на середине реки лед внезапно затрещал и обрушился. Мгновенно под лед затянуло коренника и сани. А в них была еда, бочонок спирта и найденное золото.

Течение неглубокой, но стремительной горной реки не позволило людям встать на ее дно: они, цепляясь за льдины, погибали. Вот здесь и отозвалось то, как хозяин относился к своим спутникам. Одновременно с двух берегов они бросились на помощь, вытащив гужевую лошадь и остальных людей. Но когда Попов оказался на берегу, выяснилось, что все промокли до нитки, а огонь развести нечем. Мороз крепчал, а кругом ледяная пустыня. Оценив это, Попов сказал: "Мужики, я не женат, нет у меня и детей. Я свое дело кончил. Бросьте меня, спасайтесь, бегите к зимовью".

Но надо знать характер сибирского таяжника-челдона. Один из них, озлясь, вдруг сгоряча бросил шапку в снег. Другой, подобрав ее, не спешил вернуть хозяину. Он молча рванул из шапки меховую тулью. Размышлять было некогда: моментально гора сухих шапочных подкладок легла у ног Попова. Затем, раздев хозяина донага, рабочие растерли его и, обернув тульями шапок, завернули в выжа-

тый досуха зипун. 15 верст до зимовья, положив купца на срубленные лесины, его люди промчались рысью. А кто-то по дороге еще и посмеялся над бросившим шапку в снег. Чуть шевеля губами, силез: что-то ты, паря, больно долго нырял: хозяина вылавливал или бочонок со спиртом искал?

Добежав до зимовья, мужики отогрелись. Партия благополучно вернулась в Томск. Но Попов вскоре слег. Через год он, завещав заветные прииски и несколько миллионов родным и брату Степану, скоропостижно умер.

А дело, начатое им, не пропало. В 40-е годы Сибирь "обошла" по добыче золота Урал. Пришедшие вслед за Поповым золотопромышленники: Казанцевы, Рязанцевы, Баландины и Асташовы и многие другие повели дело круто. И заправляли всем теперь уже не одиночки, а акционерные золотые компании.

Россия, благодаря открытию уральского и особенно сибирского золота, заняла лидирующее положение по его добыче. Впрочем, лидерство оказалось коротким. Вскоре крупные месторождения были открыты в Калифорнии и Австралии. (За 20 лет там было добыто золота больше, чем за предшествующие 300 лет со времени открытия Америки Колумбом.) Доля России в мировой добыче упала. Но несмотря на потерю первенства, которое к ней уже не вернулось, Россия к концу прошлого века имела обеспеченный золотым запасом золотой рубль.

В начале XX века страна уже жила в условиях бездефицитного бюджета...

✓
*Золото убивает больше дуцц, чем железо — тсл.
Вальтер Скотт.*

Предлагаемые вашему вниманию книги посвящены истории Отечества. Все они могут быть заказаны по почте.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ГРААЛЬ»

Военно-исторический архив. Вып. 2. М.: 1997. 256 с., ил. – Цена 15000 р.

Журнал интересен всем, кто увлекается отечественной военной историей. В нем публикуются не издававшиеся ранее архивные материалы.

Вып. 2: Трагедия РННА (онанг.), Мэртирролог РННА – Чечня: вооруж. борьба в 20-30-е годы; Сов.-Финл. война 1939-40 гг.; трагедия окруженных. Из истории создания ударного оружия. Великая отечественная война - эвакуация заключ. в 1941-42 гг.; у истоков советской гвардии; Парад Победы 24 июня 1945 г.

КНИЖНАЯ ПАЛАТА

Библиотека «История государства Российского»

Книги этой библиотеки повествуют о пути и судьбе России. В подготовке участвуют исторические коллективы Российской государственной и Российской национальной библиотечные истории. Книжки иллюстрированы и содержат рекомендации, позволяющие расширить круг чтения по интересующему вас предмету.

Серия «Историко-библиографические очерки»

Дает весь спектр исторического знания: от войн и царствований до описаний русского зостоя.

Бугаев С.В., Миронов Г.Е. История государства Российского: Историко-библиографические очерки (IX-XVI вв.) – II кв. 1997. – 554 с.; ил. (в пер.). Цена будет объявлена, дополни.

Бугаев С.В. История государства Российского: Историко-библиографические очерки (XVII вв.) – 1994. – 416 с.; ил. (в пер.). Цена 18000 р.

Миронов Г.Е. История государства Российского: Историко-библиографические очерки (XIX в.) – 1995. – 740 с.; ил. (в пер.). Цена 21000 р.

Книжки для чтения по русской истории и путеводители по источникам и литературе.

Серия «Жизнеописания»

Серия представляет историю в лицах: от Владимира Мономаха и Андрея Рублева до Николая II и Петра Столыпина.

Жизнеописание IX-XVI вв. 1996. – 478 с.; ил. (в пер.). – Цена 20000 р.

Жизнеописание XVII в. 1996. – 478 с.; ил. (в пер.). – Цена 20000 р.

Жизнеописание XIX в. Первая половина II кв. 1997. – 784 с.; ил. (в пер.). – Цена ориент. 23000 р.

Серия «Хрестоматия»

Серия представляет историю России в первоисточниках, документах, иных научных и публицистических текстах, рассчитана на 10 томов.

Хрестоматия XV вв. 1997. – 384 с.; ил. (в пер.). Цена 22000 р.

Морозов В.Н., Федоров В.А., Щетинин Ю.А. История России. Пособие для старшеклассников и абитуриентов. – 1996. – 496 с. Цена – 17000 р.

Книжка содержит полный курс российской истории. В основу положен многолетний опыт преподавательской работы со студентами МГУ и абитуриентами. Пособие отражает современный уровень исторического знания и предлагается как базовое для подготовки и вступительным экзаменам в любой вуз страны.

Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XII вв. / Отв. ред. А.Я. Дегтярев. – 1996. – 688 с. (в пер.). Цена – 60000 руб.

Впервые публикуемая фундаментальная монография академика М.Н.Любавского, законченная им в начале 1930-х годов, является первым обобщающим трудом по истории заселения и освоения русскими, украинскими и белорусскими народами пространств Евразии. Исследование, безусловно, должно быть отнесено к выдающимся явлениям отечественной историографии.

СОВРЕМЕННОЕ

Серия «Государи Руси Великой»

Многотомная серия, издается с 1992 г. Она знакомит читателей с наиболее значительными произведениями исторического жанра – как широко известных авторов, так и редко дошедших до нас и теперь открываемых заново. Тысячелетняя история России представлена в разнообразии оценок и интерпретаций. Книжки сопровождаются справочным аппаратом.

Жданов Л. По воле Петра Великого (Былые дни Сибиря): Роман. – 1997. – 320 с. – Цена 13500 р.

Роман популярного беллетриста конца XIX – начало XX вв. Льва Жданова посвящен эпохе царствования Петра Великого: первой четверти XVIII столетия.

Назанин И.Ф. Казаки: Исторический роман из времени царствования Алексея Михайловича Леопольдовича. – 1997. – 368 с. – Цена 21000 р.

Роман известного русского писателя И.Ф. Назанина (1874–1940) «Назанин» (1926) в течение четверти века был переведен на все европейские языки и пользовался неизменной

иском. Роман – яркое, правдивое изображение яростного противостояния народной воли князя Степана Разина и царя-реформатора Алексея Михайловича, а еще – захватывающее чтение, своеобразная энциклопедия русской жизни XVII века, данной в столкновении судеб и характеров.

Северин Е. Звезда царствы Роман. – 1997. – 304 с., ил. – Цена 13000 р.

Роман создан талантливой писательницей конца прошлого-начала нынешнего столетия Н.И. Мердер, известной под псевдонимом Н. Северин. В нем воссозданы драматические моменты, предшествовавшие восхождению на престол дочери Петра Великого Елизаветы.

Шальдерст К.Г. Кубок олим Роман. – 1997. – 272 с.; ил. Цена 13000 р.

Роман популярного в 30-е годы нынешнего столетия писателя Н.Г. Шальдерста посвящен событиям, происходившим в Петровскую эпоху, – войне со Швецией и Турцией, заговорам родовой аристократии, недовольной реформами Петра.

Шехина А.В. Волею императрицы: Боле Стародубские; На заре Ист. романы. – 1997. – 352 с. – Цена 14000 р.

В романи «Боле Стародубские» остринено царствование Алексея Михайловича, в романи «На заре» – эпоха Елизаветы Петровны.

Серия «История России в рассказах для детей»

Основана в 1992 году. Книжки, составляющие серию, не переиздавались в советское время, но и днесь сохранили научно-познавательную ценность, а форма обращения к читателю, свойственная автором этих книг, помогает легче постигнуть внутренний смысл исторических событий. Богатый иллюстративный материал, которым снабжены все книжки серии, служит той же цели: обогатить ум и душу читателя драгоценными для каждого истинного гражданина сведениями о его родине и людях, способствовавших ее процветанию. Книжки серии с интересом читают не только юные, но и взрослые читатели.

Ишимова А.О. История России в рассказах для детей – 1997. – 575 с. – Цена 25000 р.

Книга А.О. Ишимова, писательницы прошлого века, – это история России от древних времен до царствования Александра I, изложенная в лицах и картинках. Повествование заканчивается событиями конца XVIII-начала XIX века.

Красавский А.И. Русский чудо-вождь: Граф Суворов-Рымницкий, князь Италийский, его жизнь и подвиги – 1995. – 398 с. – Цена 13500 р.

Книга дарит встречу с А.В. Суворовым. Читатель охнет в славу эпоху блестящих побед, ознакомится с фрагментами из основных военно-теоретических работ гениального военачальника.

Лушачевич К.Д. Оборона Севастополя и его славые защитники: Из истории Крымской войны 1853–1856 годов – 1995. – 254 с. – Цена 9500 р.

Посвященная вниман героям-севастопольцев, книга Н.В. Лушачевич рассказывает о героической обороне Севастополя в Крымскую войну 1853–1856 годов.

Тихомиров Д.И. Из истории родной земли – 1996. – 351 с.; ил. – Цена 16000 р.

Выдающийся русский педагог Д.И. Тихомиров (1844–1915) в доступной и занимательной форме показал в этой книге судьбу Руси с древнейших времен до царствования Николая II. Исторический текст чередуется с литературно-художественными произведениями, а многочисленные иллюстрации помогут зримо представить прочитанное. Книга будет хорошим дополнением к школьному учебнику.

Доставку заказов по всем регионам России обеспечивает ТОО «Алекс»

109548, д/п 1, ТОО «Алекс». Тел. (095) 353-76-11 E-mail: mishak @ realline. ru

В заявке укажите название книги, количество экземпляров, форму оплаты, а также ваш адрес и телефон.

Напоминаем, что в ТОО «Алекс» вы можете заказать книги, перечень которых опубликован в № 6 журнала «Смена» (тема «Учебная, развивающая и информационная литература»), а также следующие каталоги «Книга-палочка»:

каталог Российской книготорговой палаты (общий периодический каталог);

каталог изданий Российского Библиейского Общества;

каталог литературных комплектов-насос Государственного литературного музея «Голоса, звучащие вновь»;

каталог учебной и развивающей литературы;

каталог изданий Московского государственного университета (наличие и план выпуска 1997 года);

каталог изданий Российского государственного гуманитарного университета (наличие и план выпуска 1997 года);

каталог мультимедийной литературы и нот (учебный и исполнительский репертуар);

каталог видео- и аудионасос и компакт-дисков (только классика, искусство);

каталог литературы по устройству и эксплуатации автомобилей отечественного и зарубежного производства.

Более полную информацию о заказе книг и каталогов см. в № 6 журнала «Смена».

АДЕЛЬ АЛЕНСЕЕВА

Автопортрет, 1803 г.

СОМОВ

122

Настоящий художник на протяжении жизни создает свою среду, свой мир, свой сад. К примеру, Виктор Васнецов строил деревянный терем в старой Москве; Кустодиев поселил своих купчих и купцов в городке у реки, в доме с балкончиком. Константин Сомов избрал местом для своих героев окрестности Петербурга и время выбрал для них – XVIII век.

Род Сомовых древний, восходит к XIV веку. В числе предков – некий Лев по прозвищу “Широкий Рот”, а сын его Андрей Львович прозван был Сомом, отсюда и фамилия. Отец Константина – старший хранитель Эрмитажа, знаток искусств, занимался живописью, так что Эрмитаж стал первой школой будущего художника. В семье музицировали, рисовали, гравировали, и часто вся семья располагалась у мольбертов. Музыка, книги, театр – колыбель Сомова. Часами он рассматривал рисунки Брюллова, Иванова, Федотова, Дюрера. Особое восхищение вызывали старофранцузские мастера, а также Ватто, Буше, Фрагонар, Энгр. Наслаждением было рассматривать, или сравнивать, например, изящные рисунки Энгра, от которых исходил покой, и полные движения, энергии рисунки Делакруа.

Словом, Сомов дома прошел основательную школу, а в двадцатилетнем возрасте (родился он в 1869 году) поступил в Академию художеств. Учился там семь лет, но первые пять считал потерянными. Лишь когда попал к

Репину, узнал Куинджи, появился интерес к Академии. И все же он так ее и не окончил, предпочел школу самостоятельного изучения искусства. Побывал в Париже, влюбился в картины болезненного и изысканного Бердслеев.

У Сомова словно и не было трудного и долгого вхождения в искусство: он сразу выступает как самобытный художник. Александр Бенуа в первом номере журнала "Мир искусства" посвящает ему восторженную статью. И Сомов становится одним из мэтров нового художественного направления, получившего название "Мир искусства".

Современники отмечали, что Сомов был крайне придирчив к своим работам, часто уничтожал сделанные листы. Его увлекала извилистая, причудливая линия в рисунке. Любимым его веком стал XVIII-й, век красоты, галантности и милых забав. Он черпал вдохновение в изысканных вещах того времени (кстати, коллекционировал их), в парковой архитектуре, томных гавотах и менуэтах.

Внешне Константин Андреевич производил впечатление оригинального человека; уделял много внимания своей наружности, носил изысканные галстуки, слыл эстетом, на нем лежала печать утонченности.

Вместе с тем он глубоко несчастный человек, ибо никогда не был доволен собой, умалял свои заслуги, проявлял вечное недовольство.

Одна из его соучениц Остроумова-Лебедева вспоминала, как поразил он академистов одним своим ранним эскизом: необыкновенной изысканностью в сочетании красок, свежестью и, в то же время, чем-то болезненным.

Работа над портретом становилась для него каждый раз тяжким испытанием (и как мучил свою натуру!), потому что он хотел проникнуть не в сиюминутное состояние человека, а видеть его сущность. Та же Остроумова-Лебедева жаловалась, что была она веселой хохотушкой, но Сомов изобразил ее мечтательной и грустной. 73 раза пришлось ей позировать художнику! Вначале сделал на холсте рисунок и покрыл его акварелью, затем стал писать лицо, причем небольшими частями. "Начиная со лба, который писал в несколько сеансов, он опустился к бровям и работал так долго, потом один глаз, потом другой и так далее... Когда кончил подбородок, то есть все лицо, он не вернулся уже к ранее написанному, не сделав на нем ни одного мазка, чтобы поправить или связать воедино". Очевидно, что в "веселой хохотушке" Сомов увидел будущую прекрасную художницу. Поистине он обладал абсолютным художническим зрением.

Если пересмотреть все автопортреты Сомова, то можно заметить четкую эволюцию. Природа наградила его круглым, "расплывчатым", похожим на детское лицом с пухлыми губами (небольшое "счастье" для мужчины), но постепенно он превращается из меланхолического юноши в молодого человека с капризным взглядом, а затем мы ви-

дим холеного, светского господина, который мрачно смотрит на себя в зеркало.

Сомов — мирискусник, гордость нового объединения, истинный его представитель. Его закон — Красота, его принцип — тонкая стилистика, его пристрастие — былое, прошлое. Он отверг натурализм передвижников, его мало волнуют социальные проблемы. Пишет пейзажи, но не как Шишкин, вырисовывая подробности или воодушевляясь высоким небом, как Куинджи, он поэтизирует пейзаж, связанный с дворянской усадьбой. Его занимают пышные кроны деревьев и отражения их в воде. В "Прогулке после дождя" — старый парк, уходящее грозное облако и радуга. В "Даме у пруда" — не так сама дама, как причудливые отражения ее в воде. А "Вечерний пейзаж. Мартышкино" наполнен мистическим настроением. Сомов любит солнечные лучи, проникающие сквозь ветви деревьев, тени, лежащие на песчаные дорожки, легкое кружево листвы...

Как истинному мирискуснику, Сомову дорого нечто отдаленное, отстраненное от сегодняшнего дня. Так Бенуа захвачен классицистским пафосом Версаля, Рерих обращен к национальным древностям, Кустодиев — к купеческому миру, Зинаида Серебрякова "оглядывается на Венецианова, разрушая его скромность веронезовскими ракурсами". Сомов же окончательно влюбляется в уютный и галантный мир XVIII столетия, всем своим существом переносясь туда, но не стилизуя. Игорь Грабарь восхищается сочетанием в нем прелестной наивности как бы простого любителя и поразительного мастерства. "Спящая дама", "Отдых на прогулке", "Две дамы на террасе", "В боскете"... Как восхитительна "Спящая дама" в синем платье с очаровательными белыми рюшами, погруженная в сладкое томление! Веки ее неплотно прикрыты, и кажется, замечает она все, что происходит вокруг...

Сколько неги и счастья, сколько игры и восхищения у его томных дам и их кавалеров! Трудно поверить, что автор этих картин может быть несчастен. И все-таки он человек XX века со всеми вытекающими отсюда сомнениями, рефлексией, недовольством. Критики даже относили его к экзистенциалистам, то есть к людям, утратившим гармонию и пропускающим время сквозь больное свое сердце.

Несколько отрывков из писем Сомова подтверждают это. К Бенуа: "Мой нежный друг, Шура, твое письмо растрогало меня, оно было для меня как бы утешением, — я в последнее время все грустно и гадко настроен и совсем одинок". К отцу: "Ты не можешь представить, как тяжел Париж с его сложностью после тихого Петербурга. Иногда я чувствую такую нравственную усталость, не говоря уже о физической, что способен только лежать". Он не удовлетворен тем, что делает, жалуется на свое "дилетантство", на "мнительность и щепетильность". И жестко характеризует картину, над которой работает: "Очень

ПАРИЖАНКА.

КУЗНЕЦКІЯ МОСТЬ, 4.

работал над знакомой Вам поначалу сценой старопомещицкой жизни, где уродливый балкон, радуга, голубая корова и т. п." Еще из письма к Званцевой: "Внутри пустота — не работаю, потому что не имею никакого желания и, главное, веры в необходимость для меня быть живописцем..." Ей же: "Я ужасно жалею, что характер у меня нудный, тяжелый, мрачный. Я бы хотел быть веселым, легким, чтобы все было морем по колена, влюбчивым и сорвиголова. Только таким людям весело, интересно и не страшно жить!"

Не оттого ли на какое-то время Сомов утрачивает часть своего очарования любимым веком? В отношении его к своим героям появляется что-то насмешливое, ироничное (кстати, кажется, это совпадает со столь же насмешливым отношением к купчихам товарища его по живописи — Кустодиева). Его грациозные дамы уже не так красивы, а кавалеры не так ловки. Проглядывает горечь. Одну картину он называет — "Эхо прошедшего дня": женщина, изображенная на ней, вызывает в памяти болезненного и изломанного Бердслея. А "Дама в розовом", шедевр серо-розового колорита, хитра и некрасива. Отчего это? Неужели, вглядываясь в окружающий мир, художник наблюдает все меньше источников радости? Давно ли мечтал о революции? Писал: "...насколько я могу выйти из моего я, негодовать или восхищаться, я восхищаюсь каждой новой победой революции, не сомневаюсь в ее добре, зная, что она выведет нас не в пропасть, а к жизни... Всякому народу дано родиться, жить и умирать, наш же многомиллионный народ еще ведь в колыбели и ему суждено зацвести пышным цветом — в этом я уверен!"

Увы! — короткая вера в революцию пролетела как фейерверк на картине Сомова. И окрепло ощущение непрочности мира. Не оттуда ли и бердслеевский излом? С другой стороны, что бы Сомов делал без этих шаловливых и грациозных существ? Да и без любимого Левицкого, который писал тонким, тональным мазком? И постепенно Левицкий побеждает Бердслея.

Вот они снова, как живые, смотрят на нас: красивые дамы и кавалеры с их чудным и манящим миром, созданные фантазией художника. Только один портрет из всей этой галереи — "Портрет Е. Владимирской" — написан с натуры. Но и тут художник выбрал любимую "натуру": кругленькое миловидное личико и широко посаженные глаза. А прочих своих дам, конечно же, пишет по воображению: "Вечер", "Осмеянный поцелуй", "Арлекин и дама", "Язычок Коломбины", "Синяя птица"... Поразительна способность художника писать по памяти. Пример тому — "Зима. Каток" — прелестная зимняя сценка, но написана она не зимой, а летом! А как удалось передать тончайшие нюансы зеленоватого зимнего неба, холод голых деревьев!

Картины "Вечер" и "В боскете" — пример того, как музыкальны и продуманны у Сомова ритмы. Причудливо по-

Портрет Е. Е. Панзера. 1907 г.

стриженные кусты образуют арки, в одной из них – девушка с собакой, в другой – греческая фигура, в центре на скамейке дама и паж. Под фантастическими гроздьями винограда – высокая дама в грандиозном парике. Покоем и значительностью былого веет от полотна, и на память вновь приходит король тональной живописи Левицкий, крестный отец Сомова.

И все-таки, несмотря на “фантазийный” характер, внимательный исследователь, рассматривая картины, может обнаружить приметы родной Сомову местности – пейзажи вдоль Петергофского шоссе, Ораниенбаум, заброшенные дворянские усадьбы, пруды и парки, бесед-

ки и даже оставленную там мебель. Дворянские усадьбы с конца XIX века пусты, хотя слышалась еще там музыка, которая переносила в былые, кажущиеся чудными дни...

В 1900–1910 годах Сомов работает над графическими изображениями русских интеллигентов: поэтов Вячеслава Иванова, Александра Блока, Михаила Кузмина, писателя Федора Сологуба, художников Добужинского и Лансере.

Особенно интересен портрет Блока. У Сомова в лице поэта есть что-то отрешенное, пророческое, высокомерное, лицо его похоже на застывшую маску.

“Очень прямой, немного надменный, голос медленный, усталый, металлический. Темно-медные волосы... лицо словно из камня высеченное, красивое и неподвижное”, – вспоминала Кузьмина-Караваева о Блоке. “Художник Сомов, – пишет современник, – в портрете Ал. Блока задачей своей точно поставил выявить, подчеркнуть эту восковую маску до ужаса неподвижных черт его лица”. Сомов видит в любимом поэте нечто отвлеченное, наделяет его отблеском смутной эпохи – смены веков и времен, а также способностью стоять над временем.

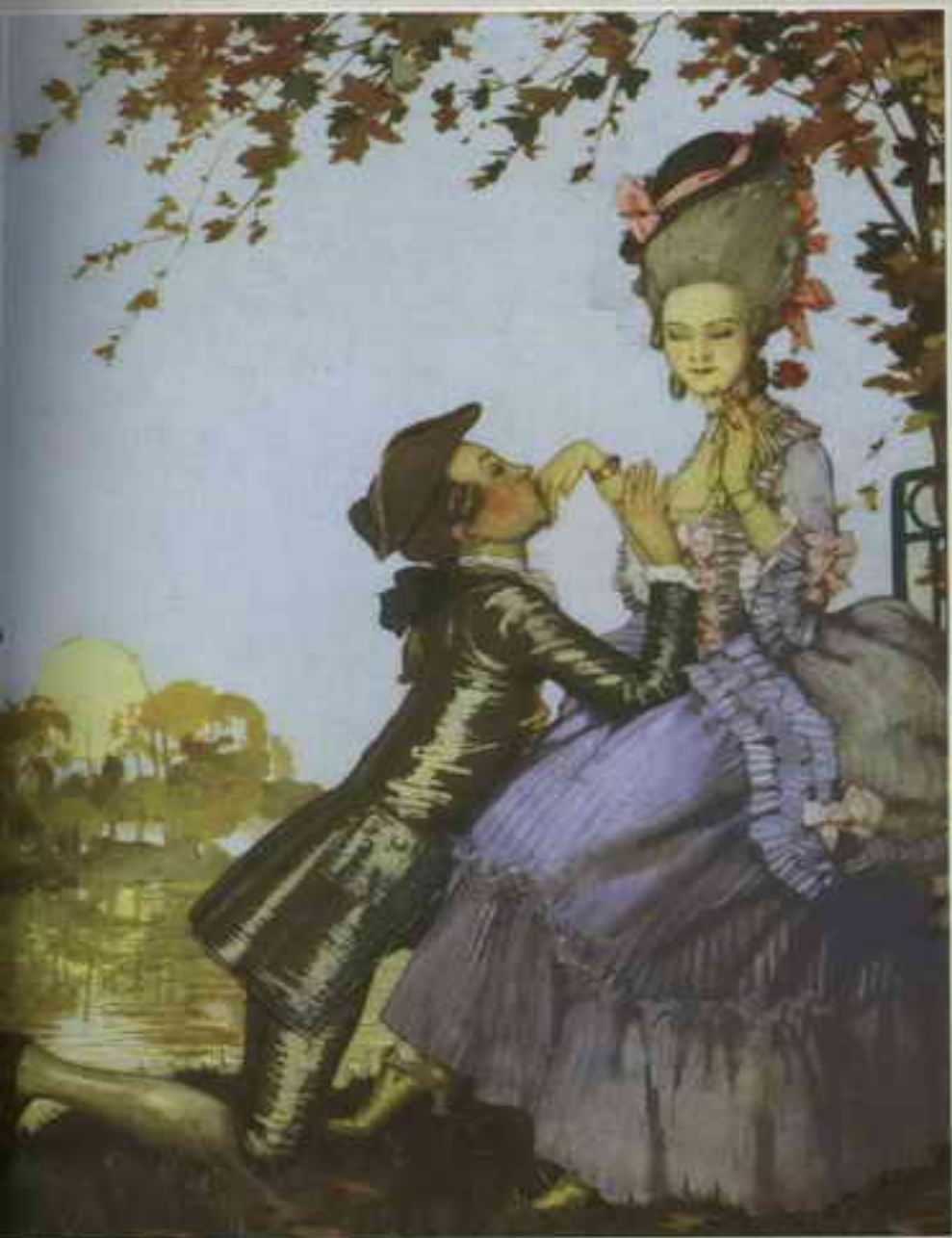
Нельзя представить себе жизнь и творчество Сомова без музыки, без поэзии. Он посещал поэтические вечера в “Башне Вячеслава Иванова”, слушал Блока, Кузмина (его портрет кажется просто шедевром в этой “портретной галерее”), Ахматову, Гумилева, Философова.

128 Не раз наблюдал своего друга за работой над рисунком Александр Бенуа: “Интересно видеть Сомова за работой, часто он сидит часами (без всякого преувеличения) над какой-нибудь одной линией; даже случалось, что я досадовал на него за то, что он, как мне казалось, теряет столько времени на пустяки, и в душе как-то гордился, что тем временем я успеваю сделать чуть ли не дюжину этюдов, и очень подробных. Но когда я глядел на окончательный рисунок Сомова, на ту самую “линию”, наконец удовлетворившую художника, то мне становилось совестно за свои многочисленные, но грубые и какие-то совершенно лишние, сравнительно с ней, работы. В этой-то линии, в таком крошечном кусочке, нарисованном Сомовым, было больше истинного искусства, нежели в сотнях очень ловких и очень блестящих картин. Он был “маг линии”.

Сомов не только рисовал лица многих поэтов – он оформлял их книги.

В полномучие.
Осмеленный поцелуй.
Вечер.
Дамы в парне.

О книге Вячеслава Иванова, крупнейшего поэта-символиста, мистика и эрудита, в своих воспоминаниях В. Ходасевич пишет: "Не верится, что эта книга (ее оформлял Сомов - А.А.) - создание одного человека; кажется, будто она, подобно венецианскому собору, слагалась веками, что каждая деталь ее имеет свою собственную историю... "духовные стихи" - и стихи "в старофранцузском вкусе"; повесть о "девственно-супружеской чете V века - и стихотворение, внушенное картиной К. Сомова: все вмещается в этой книге, слагаясь в стройное целое. Обломки умерших веков оживают, становясь частью нового, воздвигаемого здания".

Оформление этой сложнейшей книги Сомов сделал в некоем отстраненном, театрализованном стиле, сумев передать всю сложность, мистичность, горячность сердца поэта. На черном фоне латинский шрифт, по бокам - театральный занавес, низ украшен гирляндами цветов, а жертвенник венчает пламенеющее сердце.

Удивительно, как много времени Сомов уделял книжной графике, причем от юности до самой старости. Он оформляет знаменитую "Книгу маркизы", - в нее вошли отрывки из Вольтера, Шенье, Казановы, из русского эротического Баркова. Сомов и тут верен себе: множество изящных своеобразных фигур и поз, обнаженных дам, не обходится даже без грубоватых мотивов. Эти рисунки художник делал в самые невероятные годы - двух революций. Он писал: "Красил оттиски, все это на фоне трагедии. Самоубийство генерала Крымова. Расправа в Выборге с генералами и офицерами, сброшенными в воду. Корниловщина".

В мастерской, где температура порой не поднималась выше пяти градусов, он писал обнаженных купальщиц. "Я себе удивляюсь, как при такой грустной моей жизни я мог так работать. И что странно, все мои вещи выходят какие-то беспечные и радостные. Ищу ли я в искусстве контраста невольно, или так, случайное совпадение..." В работах его - ни ужаса, ни страха, ни волнения - только красота и покой! Хотя... в "Синей птице", написанной в 1918 году, стрелок уже прицелился и вот-вот пошлет смертельную стрелу... Может, только так и надо встречать опасность: глядя ей в глаза, имея лишь одно оружие - Мечту и Красоту?

Самое известное произведение Сомова, ставшее в некотором роде символом XX века - "Дама в голубом". Конечно, художник одел ее в платье XVIII века, конечно, вложил в руки томик стихов, на втором плане возле бассейна поместил двух флейтистов и охотника. Сомов верен своим привязанностям, однако откуда эта болезненность, естественная бледность (в XVIII веке ее добивались лишь искусными снадобьями)? Невольно задаешься вопросом: какая печаль подтачивает девушку? Ум, глубина и грусть модели далеки от былого прекрасного

века; она, конечно же, современница художника. Эта "печальная дама в голубом", просто "Портрет художницы Е.М. Мартыновой", как определено в подписи к портрету.

Елизавету Михайловну Мартынову, видимо, следует отнести к одному из немногочисленных увлечений Сомова. К ее поэтическому образу он обращался много раз ("Портрет в профиль", "Женский профиль в шляпе на воздухе", "Мартынова в черном на фоне весеннего пейзажа"). Долгое время они были друзьями. Главный ее портрет – "Дама в голубом" – писался в течение четырех лет. Такой длительный срок объяснялся тем, что Елизавета Михайловна часто болела, уезжала на воды.

На картине: дышащее волнением небо, романтическое звучание пейзажа – все способствует выявлению характера героини. Особой грации, женственности полна хрупкая ее фигура: тонкая шея, худые покатые плечи, нежный овал умного лица, затаенная грусть и боль.

Между тем в жизни все знали веселую, жизнерадостную Елизавету Мартынову. Подруга ее, Ямщикова, писала: "Что сделал художник с этим лицом, с этими когда-то сияющими торжеством глазами? Как сумел вытащить на свет глубоко запрятанную печаль и боль, горечь неудовлетворенности? Как сумел передать это нежное и вместе с тем болезненное выражение губ и глаз? Глубина проникновения Сомова в образ поразительна. Она мечтала о большом будущем и презирала житейскую суету, хотела осуществить себя в большом искусстве. А случилось так, что в тридцать с небольшим лет скончалась, не успев ничего исполнить из задуманного..."

В 20-х годах хрупкая мечта Сомова о прекрасной революции "раскололась". Что оставалось делать в России мягкому, тонкому художнику, эстету, давно переселившемуся в XVIII век? Ему было невыносимо душно и тесно на Родине. А в 1923 году возник случай: в Америке открывалась выставка русских художников. И Сомов отправился за океан.

В Нью-Йорке он встретился с композитором Рахманиновым; они сблизились, появились заказы. Впрочем, Америка художнику не понравилась: "Уж очень трудная страна Америка, – пишет Сомов, – Все реклама, а я совершенно не способен на нее..." Другое дело – Париж, туда-то и переселился художник, там, в тихом месте близ Парижа прошли последние четырнадцать лет его жизни. Скончался он в самом начале великой войны, в 1939 году.

Наследие Сомова этих лет мало исследовано. Известно, что более всего он занимался портретами. Самые известные из них – Рахманинова, а также портреты его дочерей. Любимого композитора Сомов изобразил на фоне весеннего пейзажа; писал его крупными мазками, а сестре своей сообщал: "Вышел он у меня грустным демоном – сходство

внешнее не разительно, по-моему, но все говорят, что я изобразил его душу".

При всем своем "западничестве" Сомов оставался истинно русским человеком, честным, принципиальным, верным своим взглядам. Одна из его современниц писала: "Небольшого роста, крепкий и собранный, ровный в речи и движениях, исключительно простой в обращении, он мало походил всем своим обликом на автора изящных и изощренных пейзажей с их изысканными любовными сценами"... И все-таки Сомов вошел в историю живописи прежде всего как певец галантного века, смотрящий на него то влюбленными глазами, то с легкой иронией, то с симпатией.

...В природе время неподвижно, меняется только день и ночь да времена года, а время само по себе стоит на месте. И лишь человек наполняет его собою, и в каждом отрезке оно обретает свои черты, свой характер. Сомову не нравился наступающий XX век, но он понимал, что человек бессилён остановить время. И что же? Он вернулся назад, воскресил век, более близкий его душе. Там можно жить без забот, играть в жмурки, в театр, прятаться за боскетами, слушать старинную музыку нежных инструментов — клавирина и флейты. А еще играть в театр. В старинном театре, как и в жизни, есть вечные маски: Пьеро, Арлекин, Коломба. Арлекин — всегда счастливый соперник несчастного Пьеро, а Пьеро — не есть ли образ самой России?

✓
Постоянный труд, без которого нет истинно великого, является необходимым условием художественного творчества.

А. С. Пушкин.

ТАТЬЯНА
СМОЛЬЯКОВА

НАЦИЯ и деградация

Мы жили на одном этапе студенческого общения, поэтому скоротечный роман Ольги и Славы, закончившийся свадебными столами в общеницком холле, протекал на глазах всей нашей братии. Так что ни для кого не являлось секретом: в основе их брачного союза была большая любовь. И выпивка. Конечно, трезвость не являлась нормой нашей студенческой жизни, но в этом смысле Слава и Оля просто не были равных. Он и она и сошлись за рюмкой, и для всех оставалось загадкой, каким образом, прогуливая массу занятий, умудрялись сдавать сессии и не вылететь из университета еще на младших курсах.

Супружество их ничуть не изменило, как ничего не изменила и Ольга беременность: живот у моей однокурсницы рос, но пить меньше она не стала. Как-то я не выдержала: «Ты что, мать, с ума сошла? — говорю ей. — Или кончай пить, или делай аборт». Она беззаботно отмахну-

тась: «Я баба крепкая, все будет нормально!»

Родилась девочка. Хорошенькая, без каких-либо видимых патологий, назвали Женей. Иногда я захожу к ним – мало ли чем можно помочь нормящей матери. Однажды застала Ольгу врасплох: она поила из стакана вином пятимесячную Женю. «Понимаешь, – стала оправдываться горе-мамаша, – она никак не спит, все плачет и плачет. Вот я и решила дать ей немного сухонького, чтоб заснула. Это ж не водка!..»

Цифры, в которые не хочется верить

История из студенческой юности всплыла через пятнадцать лет в памяти, когда ознакомилась с данными, свидетельствующими о катастрофическом состоянии психики подросткового поколения россиян. По данным Минздрава, от 70 до 80 процентов наших школьников страдают теми или иными нервно-психическими расстройствами. Проведенное в прошлом году НИИ профилактики наркомании обследование среди московских школьников показало: до 90 процентов девочек и мальчиков пробовали спиртное, а около половины напивались до алкогольного отравления. Алкогольные психозы сегодня регистрируются уже у семилетних детей! У совсем еще, кажется, малышей, чья жизнь в эту их детскую пору должна быть, как яркая, веселая радуга...

Нутные сведения. Они кажутся столь страшными, что в них с трудом верится: неужто и вправду все у нас так плохо? С этими тревожными сомнениями отправилась к одному из патриархов отечественной детско-подростковой психиатрии и психотерапии **Борису ДРАПКИНУ:**

– Борис Зиновьевич, приведенные выше данные прозвучали совсем недавно на одной из международных конференций из уст авторитетных специали-

стов, в том числе – директора Института психиатрии академика А. Краснова. Но, насколько я поняла, они не являются официальной статистикой. Как, по вашему мнению, заявленное отечественными психиатрами отражает истинное положение дел? Может, нас просто запугивают?

– Боясь, в реальности ситуация еще хуже. Что касается нервно-психических расстройств школьников – это данные начала 90-х годов. В последнее время – вы верно все поняли – официальная статистика практически не ведется; и у нас, увы, нет оснований полагать, что психическое здоровье российских детей улучшилось. Российская ассоциация независимых детских психиатров утверждает, что сегодня уже 93 процента ребятишек нуждаются в помощи специалистов нашего профиля. Но обычно и наркологу или психиатру родители больных ребят обращаются тогда, когда уже деваться просто некуда. Такие же «пустыни», как отставание ребенка в развитии от возрастных норм, замечают, мягко говоря, далеко не все отцы и матери, и еще большее число родителей, даже почувствовав неладное, не считают нужным показать сына или дочь врачу-специалисту. Между тем совершенно определенно могу сказать: сегодня среди всех неврозов у детей на первое место вышла задержка психического развития. И если, скажем, детей с онкозаболеваниями в России насчитывается 25 тысяч, то, по самым грубым подсчетам, контингент маленьких пациентов «нашего профиля» составляет 2,5 миллиона.

– Нервно-психические расстройства у детей – это уже тяжелые, необратимые заболевания или состоящие психики, из которого ребенка еще не поздно вывести?

– Да, конечно, это болезни, но еще не те, что мы называем душевными болезнями и относим к большой психиатрии. Это так называе-

мое пограничное состояние. Психиатрия, детская в том числе, делится на две части: большая психиатрия и малая. В сферу большой входят истинно душевнобольные люди, болезнь которых чаще всего обусловлена генетически. Процент таких больных относительно невелик и практически стабилен как во всем мире, так и в России. Ребенка-дауна опытный анушер может определить, едва тот появился на свет...

Но душевнобольные дети – лишь вершина айсберга психического нездоровья подрастающего поколения. Малая психиатрия – вот где основная проблема. Это и неполноценность – врожденная или приобретенная – нервной системы, и задержки психического развития, в основе которых могут лежать как органические поражения головного мозга (снайем, полученные вследствие родовой травмы), так и педагогическая и социальная запущенность (вспомните хотя бы современных Маугли, о которых время от времени сообщают газеты). Сюда же относятся патологии поведения, все неврозы: расстройство сна, головные боли, повышенная утомляемость, тик, заикание, энурез...

— Но все эти относящиеся к малой психиатрии патологии – они поправимы?

— Все они лечатся. И если, например, у ребенка-олигофрена есть самой природой установленный предел интеллектуального развития – тут выше головы не прыгнешь, то задержки психического развития – трагедия неостребованного детского интеллекта, интеллектуальное банкротство ребенка. Причем в подавляющем числе случаев – по вине взрослых. Однако банкротство – вещь поправимая.

— Наверное, запас времени на коррекцию психики таких ребят все же ограничен, и с какого-то момента может начаться необратимая деградация?

— Конечно. Человек станет больным... Что самое страшное, количество детей и подростков, нуждающихся в помощи малой психиатрии, нынче растет катастрофически. Как я уже сказал, большая часть этих ребят страдает именно задержками психического развития. И если до начала 90-х годов их было 7 процентов от общего числа младшего поколения россиян, то сейчас – 35-40. И число таких наших реальных и потенциальных маленьких пациентов продолжает увеличиваться.

— Как же можно остановить этот ужасный рост?

— Прежде всего необходимо восродить частично разрушенную за последние годы систему детской и подростковой психиатрической помощи и профилактики. Ведь что случилось? Волна разоблачительных газетных публикаций конца 80-х – начала 90-х годов о применявшихся в тоталитарном государстве методах карательной, репрессивной психиатрии породила в людях страх. Появился своего рода условный рефлекс: психиатры, в том числе детские и подростковые, – если и не враги свободному человеку, то уж, по крайней мере, специалисты, обращение к которым крайне чревато ужасными, непредсказуемыми последствиями. Закон «О психиатрической помощи населению» и правила оказания психиатрической помощи, принятые в 1991 году, лишь закрепили в сознании людей тот рефлекс. И родители теперь приводят к нам ребят, когда уже – край; болезнь сильно запущена, возможностей помочь ребенку у психиатра не много.

Второй удар, который закон нанес детской психиатрии, – он, по сути, запрещает нашим специалистам заниматься профилактической работой. Раньше в детских садах проводились регулярные профилактические осмотры малышей врачами-специалистами, среди которых обязательно был психоневролог. Детям это ничем, естест-

венно, не грозило, но можно было вовремя выявить отклонения, помочь ребенку, чья психика находится в пограничном состоянии, успеть подготовить его к учебе. Такие же осмотры проводились и в школах. А сейчас? Проверяют, начав осанка у ребенка, это очень важно, а его психическое здоровье оставляют на усмотрение родителей, которые зачастую и не замечают...

«Отстойник» для нестандартных?

- Тем не менее в наших общеобразовательных школах появились коррекционно-развивающие классы. По какому же принципу и кто, если не врачи-специалисты, отправляет туда детей?

- По существу, эти классы — отстойник, в который «сливают» всех, у кого трудности с учебой. В Москве таких классов уже более двух тысяч — это десятки тысяч учеников. И я с полной ответственностью могу заявить, что практически все эти дети больные. В основном с нервно-психической патологией, с задержками психического развития различной этиологии. Там дети с патологией поведения. Там находятся и истинно умственно отсталые дети, которые не диагностированы. И таких ребят никто серьезно не обследует. Никто не занимается ни их лечением, ни психокоррекцией.

- Простите, Борис Зиновьевич, но на основании чего вы делаете такие жесткие выводы, если эти дети, как вы утверждаете, не обследовались специалистами?

- Там мы же их все-таки посмотрели! («Мы» — это, как тут не выяснилось, группа специалистов, приглашенных Московским комитетом образования. — Т.С.). Только посмотрели как бы подпольно, завуалированно: никаких официальных диагнозов никому не выставляли и нигде свои результаты осмотров не вписывали. Не

имеем права. Впрочем, важнее всего нам было понять: что же в этих самых классах происходит? Что за дети там собраны? Узнали. Узнались.

- Но если ребята нездоровы, выходит, такие коррекционно-развивающие классы со специальной, «растянутой» по времени учебной программой все-таки нужны? Не можем же мы эти десятки тысяч детей спихнуть в спецшколы для умственно отсталых, откуда они выйдут с «валтовым билетом» и клеймом-диагнозом на всю оставшуюся жизнь. Тем более вы сами говорите, что большинство нервно-психических расстройств вполне поправимы.

- Классы-то, конечно, нужны. Но для учеников необходимо сочетание специального, коррекционного обучения и воспитания с непрерывным соответственным лечебным воздействием. Им нужна помощь не только педагогов, но и врачей-специалистов. Эта работа для детских, подростковых психиатров. А они не востребованы.

Правда, некоторые школы частным образом, «по знакомству», все же приглашают специалиста, чтобы он хоть посмотрел детей, чтобы хоть чуть-чуть подсказал учителям, что им делать с ребятами, вызывающими у них тревогу. Но это все равно незаконно. По-настоящему помочь больным детям нынешняя детская психиатрия, увы, не может...

- Но ведь есть еще и родители. Кому-каму, а им не безразлична судьба родных детей...

- Немало таких, кому безразлично. Впрочем, большинство пап и мам считают, что их ребенок вполне здоров. Ну, двойки хватает, ведет себя неадекватно... Выпороть его хорошенько... Но только не к психиатру! Только не во вспомогательную школу. Пусть уж лучше идет в коррекционный класс, там вытянут.

- Но ведь ее вытягивают, так?

- Увы. Предполагалось, что в коррекционно-развивающих классах будут созданы особые условия, при ко-

торых ребята усвоят программу и затем реинтегрируются в обычный класс. Но ни о какой реинтеграции на сегодняшний день и речи нет. Ребенка переводят в нормальный класс, а у него тут же возникают все прежние проблемы. Беда ведь не только в том, что отсутствуют школьные психиатры, психотерапевты, — до сих пор нет ни специальных, выверенных программ, ни особым образом подготовленных педагогических кадров для классов коррекции.

— *Однако и вспомогательные школы, наверное, тоже не решают проблемы. Еще недавно отстойниками, куда «сливали» не только детей с ограниченными умственными возможностями, но и, скажем так, весь педагогический брак, были именно они. Профессиональная несостоятельность учителей, не умеющих и не желающих работать с нестандартными детьми, легко покрывалась соответствующими диагнозами створчатых врачей. Все-таки не на пустом месте возник у нашего народа страх перед психиатрами.*

— В этом я с вами отчасти согласен. Мы любим все доводить до крайности, до абсурда. И раньше у меня к вспомогательным школам было негативное отношение. Теперь же я думаю, что они — не самый худший вариант. Сегодня мы не так богаты, чтобы возле каждого больного ребенка посадить группу специалистов: психолога, дефектолога и так далее. А вспомогательные школы небольшие, там еще сохранились и квалифицированные кадры, и неплохая материальная база. Там детей наблюдают врачи-специалисты.

Но подчеркну: в такие школы могут направляться лишь те ребяташки, которые не просто не хотят, а объективно не могут осилить программу массовой школы. Их не надо насилловать, им надо дать лишь те знания, которые они в состоянии принять: научиться читать, писать. Обучить какой-то подходящей посильной профессии, чтобы, подрастая, ребенок не чувст-

вовал себя изгоем в обществе, а ощущал себя социально полезным и потому полноправным его членом. Во вспомогательных школах для этого есть все условия. В коррекционных классах массовых школ — нет. Впрочем, и учеников, которым по их состоянию требуется вспомогательная школа, там все же меньшая часть. Большинство находится просто в пограничном состоянии, которое чаще всего можно поправить. Не без вмешательства врачей, разумеется.

Накипело...

— *И что же делать с ребятами, которым вспомогательная школа не по плану? Как быть с топчавшим большинством?*

— Поправлять! Хотя, если всерьез говорить о здоровье подрастающего поколения (а значит, о здоровье нации), то, разумеется, начинать надо с самых истоков — со здоровой беременности матери и далее рожавшей... Но вот они, больные дети, они уже у нас есть, и им надо помочь — не вчера, не завтра, а сегодня.

Что для этого нужно? Препятствую всего дать психиатрам возможность работать. Сегодня нам говорят: вы можете вмешиваться только тогда, когда больной опасен для окружающих или для себя самого. Но маленький ребенок никого не убивает. И никто, включая его родителей, долгое время не замечает, что с ним происходит неладное. Распознать болезнь может только специалист, а ему не позволяют «вмешиваться». Сколько за эти годы уже погибло людей... Сколько подростковых неврозов привело детей к суициду...

Никаных коррекционных классов на первом-втором году школьного обучения быть не должно. Пусть это прозвучит громко, но именно в первом-втором классах начинается формирование личности человека. И тут нужны лучшие учителя, а рядом с ними — и психолог, и логопед, и дефек-

тож. И если у ребенка есть легкая задержка в психическом развитии, надо ли в этом случае не списывать его в коррекционный класс, а попытаться помочь, поработать с родителями, чтобы они могли стать союзниками в борьбе за здоровье малыша.

Еще совсем недавно, всего несколько лет назад, у нас в России была стройная система лечебно-профилактических учреждений для детей и подростков, психоневрологические санатории и т.д. Нам со всего мира коллеги учиться приезжали. Знаю, что, например, в Германии сегодня широко используют наш, российский опыт в сочетании с собственной великолепной государственной службой социальной поддержки семей с проблемными детьми. А все составляющие нашу вчерашнюю гордость учреждения нынче либо дышат на ладан, либо уже вовсе прекратили существование...

- Борис Зиновьевич, помните, вы создали прекрасный реабилитационный центр для детей и подростков на базе столичной детской психиатрической больницы № 6. Этот центр еще существует?

- Правильнее сказать – школа. Да, это уникальное заведение для проблемных ребят. Там были заложены и взяты на вооружение все самые лучшие, интересные идеи современной детской и подростковой психиатрии. Фундаментальными принципами этой школы стали максимальное раскрепощение ученика, сочетание психотерапии и педагогики, использование всех средств для развития способностей и резервных возможностей каждого ребенка. И главное – душевный подход к детям. Я вообще исповедую и проповедую нашу, чисто российскую психотерапию, а не западную с ее основой – психоанализом. Секрет эффективности нашей психотерапии абсолютно прост – душевность отношений врача и пациента... Да, школа, о которой идет речь, к счастью, пока

жива, ее поддерживает городской Комитет образования.

Вообще, за годы происшедших в стране перемен в нашей сфере утрачено многое, что мы имели, но ничего не создано нового. И хотели бы – не получается. Скажем, существует прекрасный и крайне важный для Москвы с ее особой стрессовостью жизни проект подросткового реабилитационного центра. Нашли мы под этот центр великолепное здание – дворец Шереметьевых на Волоколамском шоссе. Огромная территория, хотели сзади дворца построить корпус. Рядом большой совхоз, с которым уже договорились о продовольственных поставках и сотрудничестве. И что вы думаете? Бизнесмены, что называется, изо рта вырвали у нас этот ланомый для них кусочек...

Каждому плоду – свой срок

- Сегодня многие задаются вопросом: не перегружаем ли мы своих ребят в школе и за ее пределами? Может быть, чрезмерные нагрузки являются одной из причин нервно-психических расстройств у детей?

- В точку попали! Наши учителя недостаточно грамотны в вопросах возрастной физиологии и психологии. Без учета возрастных особенностей детской психики и организма составлены и школьные программы. Скажем, с пяти до семи лет у ребенка идет бурное развитие двигательной сферы. Что делает система образования? Нелепо: ребенка заставляют примерно сидеть на уроках, а ему двигаться надо. Заставляем шестилетнего ребенка писать, но ведь нельзя. Он еще не готов. Из детей, которых рано заставляют писать, получаются пониженообразные безграмотные люди, потому что их несвоевременно перенапрягли в этом виде интеллектуальной деятельности. То же с чтением. Ну, конечно, все дети разные,

кто-то созревает раньше. Не беспокойтесь, такой ребенок и без ваших похвал и тычков сам научится читать по газетам и вывескам.

Истату, по вопросам раннего обучения точна зрения наших врачей полностью совпадает с мнением французских коллег. Нельзя истязать ребенка! А мы его, того не ведая, самым натуральным образом начинаем истязать, едва он вылез из пеленок: чтоб в три года уже читал, в пять играл в большой теннис и шахматы и – пораньше в школу. А там уж это наше «благое дело» продолжит учителя.

В 11–13 лет у ребенка формируются чувства, эмоции... В это время его надо учить видеть и понимать красивое, развивать его эстетические. Это кто-то учитывает?... А в 13–15 лет уже полным ходом развиваются мыслительные способности, человек становится взрослым, у него уже складывается собственная низменная философия. Значит, в этот период к нему нужен другой подход, необходимо предъявлять к нему другие требования и ставить перед ним совершенно новые задачи. Вовсю начинают работать половые железы – как можно не учесть и этот важнейший фактор развития? Большие нагрузки тогда для подростков опасно-утомительны, в им ставят в расписание по 7–8 уроков... Налечат ребят.

Совершенно очевидно: педагоги и врачи должны работать вместе, рука об руку. Только так мы можем создать оптимальную систему образования и воспитания, при которой развитый интеллект и физическое здоровье станут равноценными составляющими гармонической личности. Посмотрите: военные имеют свою медицинскую службу, милиция, железнодорожники... Уж системе-то образования сам Бог велел иметь собственную специализированную службу. Со своими лечебно-профилактическими центрами, со своими методиками. От сегодняшнего сотрудничества Минобразования и Минзд-

рава на уровне взаимных пожеланий и полного отсутствия взаимной ответственности за конечный результат толку мало.

На последнем рубеже

– Понимаю, что все ваши предложения о том, как можно и нужно растить здоровые поколения россиян, если как профессионалам выносите и выстраданы. Но ведь реализация этих мер потребует от государства огромных денег. А все, что требует денег и не обещает скорых дивидендов, сегодня в России не проходит.

– Почему же «не проходит»? Вот, скажем, «великая идея» – программа полового воспитания школьников, не обещающая ничего, кроме ускорения процесса деградации нации, – на нее уже и отсылали, и ухлопали 23 миллиарда рублей... Бог ты мой, да на эти миллиарды можно было бы восстановить всю систему профилактической психиатрии для детей и подростков. Создать десяток реабилитационных центров для детей-наркоманов, где их не накачивали бы транквилизаторами, а дали бы им почувствовать вкус и прелесть здоровой жизни.

Если мы сегодня, сейчас не предпримем мер для оздоровления нации, можно, даме не будучи пророком, предсказать развитие процесса ее деградации. В недалеком XXI веке, боюсь, нам даме физически и психически здорового президента не из кого будет выбрать. Нынче мы разрушаем свою армию – ее, должно быть, еще все-таки можно будет восстановить в будущем. Мы разрушаем науку, промышленность, сельское хозяйство – все это, хоть и с неимоверным трудом и напряжением для всего народа, все же возможно возродить. Генотип нации разрушается на протяжении жизни всего лишь одного поколения, а восстанавливается он тысячелетиями. Как можно говорить о деньгах, если речь сегодня

идет о разрушении нации, и значит, о гибели государства?!

С ног сбились – все ищем по призыву Президента национальную идею. А чего ее искать? Вот она – дети России. Здоровые дети – здоровый народ, здоровая страна – здоровое будущее...

- Борис Зиновьевич, что вы посоветуете родителям, которым не безразлично психическое здоровье их детей? На что надо обращать внимание в поведении, в развитии маленького ребенка? Какие симптомы должны насторожить? Как не пропустить начало болезни?

- Ребенку свойственна любознательность, подвижность, адекватность в общении, улыбочивость. Есть некое общее представление о том, что такое ребенок. Это радостное, непосредственное, счастливое существо. Вот в этих рамках, очевидно, родители и должны чувствовать ребенка. Они должны доверять своей интуиции.

Если ребенок был таким, а потом вдруг становится грустным без видимых причин, необщительным, все воспринимает с протестом, значит, есть о чем подумать и обеспокоиться. Потом появляются более серьезные симптомы: плохо спит, слишком капризен, испытывает неадекватные страхи, плохо переносит жару, физические нагрузки, плохо ест... В чем тут опасность? Был ребенок одним и вдруг становится другим. Если ребенок очень резко меняется, любой сообразит, что надо срочно бегать к врачу. А вот если он постепенно «тухнет», очень важно уловить эти тонкие признаки заболевания. Внимательные родители это заметят. Что делать? Сначала пойти к своему педиатру, невропатологу, потом к психоневрологу. Не надо пугаться, лучше своевременная профилактика заболевания, чем его лечение.

А в сущности, надо просто любить ребенка. Тогда заметите любые нюансы в его состоянии. Тогда сможете вытаскивать ребенка из любой болезни...

АЛЕКСАНДР КРАВЦОВ

АРТИСТ для актеров

Бориса Пастернака называли "поэтом для поэтов". Артистом для актеров был Юрий Толубеев.

Он ушел из жизни 28 декабря 1979 года. Восемидесятый год мы встречали, подняв бокалы, но не "содвинув их разом" — даже лучший из праздников не снял с души камень, траурными были те дни.

Почти каждый год по телевидению повторяют фильм "Хроника пикирующего бомбардировщика". Толубеев играет в нем небольшую, почти эпизодическую роль бортмеханика Нузьмича. Благодаря огромной душевной силе актера-гуманиста эта роль обрела особое значение, решающее успех картины. Погибли молодые летчики, в которых Нузьмич видел своих сыновей. Молчаливый, суровый, остается он один на взлетном поле фронтового аэродрома. Он полон ими, ушедшими, скуп, мужественно спорбит о них. А мы, сколько ни смотрим на эти,

давно выученные наизусть кадры, все равно плачем. И долго длится грустное очистительное "последствие"...

Я редко встречал людей с таким густым концентратом строгости и доброты.

Он никогда не преподавал актерское мастерство, но у него был верный глаз на молодых и желание помочь, поддержать младшего коллегу. Несмотря на то, что он был удостоен всех возможных премий и почетных званий, Толубеев помнил себя молодым кларнетистом театрального оркестра, решившимся на актерскую пробу в Институте сценических искусств. Помнил, что по молодости лет представлял свою будущую профессию не иначе, как умение показывать людей. Это ему удавалось, и он показывал всех подряд, в том числе и педагогов. Не всем из них хватало юмора — некоторые жаловались руководителю творческой мастерской Лео-

ниду Сергеевичу Вивьену. Тот просил ученика быть избирательнее при показах, из доверительной беседы с ним понял, что молодой человек смущает в работе с педагогами, недопонимая главных вещей, и стал работать с ним сам и только сам. Многие десятилетия, до конца своей жизни.

Хотя антерский путь Толубеева начался еще в 1926 году, до академической сцены он дошел только в 1942-м. Так что цену трудам молодого антера и скромным его наградам знал и потому был чуток к театральной молодёнке. Так безошибочно заметил он в труппе театра имени Пушкина Арнадия Волгина. За обаятельной внешней статью "социального героя" острый глаз Юрия Владимировича открыл богатейшие возможности антера многообразного, каким был он сам. В театре на Волгина смотрели как на творческого наследника Толубеева. Но это принесло не только творческие радости, как читатель поймет из моего дальнейшего повествования...

По той же причине, отметив своеобычность дарования молодого москвича Сергея Конорина в труднейшем жанре "театра одного антера", Юрий Владимирович властью председателя Ленинградского отделения Всероссийского театрального общества пригласил антера, а заодно и меня, как его педагога и режиссера, на сцену Дома искусств имени Н.С.Станиславского с моноспектаклем "Кюхля" по роману Ю. Тынянова.

В городе на Неве гостей принимают приветливо, но с благородной северной сдержанностью. Мне это хорошо известно – я родился и вырос в Ленинграде. Но в тот вечер питерские деятели искусств – члены правления Дома имени Станиславского – принимали 22-летнего московского артиста почти с восточным обхождением. Вскоре выяснилось:

они пытались заменить заболевшего Юрия Владимировича. Сообщение нас огорчило, а Сергея Конорина к тому же испугало: он вышел один на один с самой строгой аудиторией – ленинградской элитой искусств. Вечер превращался в суровый экзамен, в это предполагает не лучшее самочувствие для антера любого возраста.

Отзвучало фортепианное выступление, воцарилась атмосфера священнодействия, и Сергей начал проносить текст вполне достойно, хотя, по причине душевного дискомфорта, несколько торопливо.

Справа от него, перед сценой, бесшумно приоткрылась дверь, и неслышно, согнувшись, чтобы не обратиться на себя внимания, прокрался в первый ряд и сел с краю... Юрий Владимирович Толубеев. Это был по ступок, перетряхнувший душу юнши-антера: ради него великий артист преодолел недомогание. С этой минуты он читал и играл только для Толубеева.

В антракте Юрий Владимирович пришел за кулисы, объяснил: "Представил, как трудно без своего человека на такой аудитории, и приехал..."

Затем долго, с тихой улыбкой глядя на молодого коллегу, по-своему интимно говорил:

– Хорошо идешь, Сережа. Нивой, непосредственный, все персонажи видны... Местами Тынянов довлеет над тобой, но это с возрастом углубится. Только говори чуть пореже, не торопи слово. Ты-то всю эту историю знаешь, а мы – нет, так что позволь нам отживать... В нашем деле, говорят, трудно только первые пятьдесят лет... – Засмеялся негромко, поглядел в глубь собственных воспоминаний и закончил: – Хотя потом – еще труднее.

Видно было, что он нездоров – ему хотелось сесть. Но он отверг мое предложение сделать это, простоял весь антракт рядом с юным

гостем, а затем и по окончании спел-
теля стоял, поддерживая поздрав-
ления и добрые слова именитых кол-
лег, как бы охраняя молодого от
слазы и порчи...

Странно: чем дальше отступают
годы наших встреч, тем сострада-
тельнее думаю о Юрии Вла-
димировиче как о человеке столь
не добром, сколь, должно быть, и
ранимом. Его облик, криксивый,
крепко слитый с землей, при жизни
Толубеева не мог вызывать жалос-
ти. Он воплощал в себе надеж-
ность и уважение к собеседнику лю-
бого возраста и ранга, был чужд су-
ешности.

Однажды, перед входом в гости-
ницу "Москва", где разместили га-
стролеров Ленинградского акаде-
мического театра драмы имени
А.С. Пушкина, председатель худо-
жественной коллегии этого театра
Игорь Горбачев в моем присутствии
и на глазах прохожих с барской не-
брежностью похлопал по щеке
Юрия Владимировича, который был
не только старше, но и выше по
опыту и положению в глазах людей.
Толубеев на эту нагловатую воль-
ность реагировал сдержанно, даже
кротко, хотя слегка занузил губу и
окулы его порозовели. До этого
эпизода я много лет был знаком с
Игорем Олеговичем, привык счи-
тать его человеком умным, и неуме-
стный жест вызвал во мне долгое
чувство неловкости. Не за Толубее-
ва - за Горбачева.

Нто из нас, живущих в Москве,
мог знать, что уже тогда, в начале
70-х годов, между двумя членами
художественной коллегии импера-
торского, то бишь, прошу проще-
ния, - академического театра стру-
ился мутный ручеек, который к кон-
цу того же десятилетия перерос в
широкую грязную реку. На одном
берегу остался до своего не лучше-
го часа Горбачев, на другом - в
Большом драматическом театре -
Толубеев. У любимого режиссера

Г.А. Товстоногова ему не пришлось
сыграть ни одной роли - дистанция
от ухода из родной "Александринки"
до ухода из жизни оназалась слиш-
ком короткой...

Юрий Владимирович часто гово-
рил мне, что театр его мечты нахо-
дится в Москве и называется Худо-
жественным академическим, что он
чувствует себя актером "по-Стани-
славскому", и мхатовские хорифеи
постоянно приглашают его к себе в
труппу.

Такие разговоры каждый раз за-
канчивались грустной тирадой:

- Нуда пойду? Ни от Вивьена не
уйдешь, дане когда он сам ушел из
жизни, ни от Ленинграда - этот то-
не без тяжелых последствий не от-
пустит...

Воистину пути Господни неиспо-
ведимы...

Зациклишься на таких думках -
недолго и запыть. Или разрыдать-
ся. Нан запывал и рыдал от чужого
горя толубеевский Бубнов в знаме-
нитой постановке Л.С. Вивьена
горьковской драмы "На дне". До
этого Толубеев еще студентом иг-
рал Кривого Зоба, познке - Медве-
дева, но Бубнов оназался могучим
открытием актера. Ни до него, ни
после никому не удалось, сохраняя
приоритет драматурга, сыграть
старого бирюна-нартузника таким
до личного потрясения любящим
людям.

Вспомним, что у Горького Буб-
нов нелюдим и приоткрывается, ес-
ли уж сильно пьян. Нестона его по-
зиция: "Все люди на земле лиш-
ние". Умирает несчастная женщина -
он произносит: "Нашлять, значит,
перестала" и т.п. Толубеев не пере-
менил в роли ни полслова. Но за
его текстом и действиями прогля-
дывалось стыдливое сочувствие
людям, жалость до слез и скорбь
об их утратах. Бубнов Толубеева от-
носился к населению ночлежки,
как к членам своей семьи - от Са-
тина до изгнанного из полиции

Медведева. Угрюмый, запойный, он с трудом поддерживал маску равнодушия ко всему окружающему. О себе врал, будто ленив, "страсть как не любит работать", а сам — ни секунды без дела...

О, эти толубеевские рудоделия на сцене, превращаемые в поистине художественный фактор, вызывавшие благодарные аплодисменты зрителей! Позже, в спектакле "Сказки старого Арбата" по пьесе А. Арбузова он, подвываясь передничком, работал с тестом — на это можно было восхищенно глядеть без конца. А Бубнов у него танце красиво вдевал нитку в игольное ушко, выкраивал из старого тряпья контуры нартузов.

В бубновском рассказе об измене жены проступали любовь к ней и в те годы, когда был, казалось, счастлив и от души привержен прежней своей профессии красильщика. Толубеев весьма интересно распределялся в спектакле. Этот рассказ Бубнов вел с укмылочной, будто говорил о ком-то постороннем. Только возродивший в памяти облик жены заставлял его делать неожиданные паузы, чтобы побороть прилив тепла и горечи... Ходил Бубнов в рубище, опорках, как человек, которому давно плевать на себя. Но окружающих жалел. И радовался, как ребенок, когда в пьяном загуле одаривал людей ночленки баранками, хренделями, воблой. Позже, от мысли о несчастной их жизни, Бубнов рыдал, и это была сцена, не оставлявшая в зрительном зале сухих глаз.

Русскую натуру босяка Бубнова хорошо разглядывать рядом с его антиподом — Вожаком из "Оптимистической трагедии" Вс. Вишневского, которую в 1959 году на сцене театра имени Пушкина поставил приглашенный режиссер Г.А. Товстоногов. За постановку были удостоены Ленинской пре-

мии режиссер-постановщик, художник А. Босулаев и актер Ю. Толубеев.

Характер Вожака был раскрыт в гениальном многообразии. Толубеевский дар, не обвиняя частного лица, вскрыть прекрасные и уродливые явления, формирующие человека в этой роли достиг апофеоза. Вожак выглядел трагически уродливым по внутренней своей сути при канонично жутковатом и в то же время смешном величии.

Надо сказать, что художник Анатолий Босулаев создал таной поразительный образ спектакля, что и отдельно взятый манер его мог быть художественным событием в истории сценографии. В единой установке яственно "читались" корабль и степь с "наменной бабой" — символом вечности России. На фоне разных красок неба сменялись композиции из черных матросских фигур. И особо, сольно, точно древний степной идол, смотрелся почти всегда отдаленный от матросской массы Вожак. Людей он не любил до физического отвращения и легко объявлял смертные приговоры по незначительной причине или без оной. Власть, настоящая на страхе, — вот единственный Бог, которому он поклонялся. Человек-глыба, слепа деформированная, с тяглым, почти каменно неподвижным лицом, низким лбом и маленькими медвежьими глазами с одиноким выражением, с огромным, как валец его, парабеллумом, передвигался особой походкой. Он ходил вразвалочку. Все матросы ходят вразвалочку — это профессиональная привычка от ходьбы по качающейся палубе. Но Вожак ходил зарнее заученной и не совсем адекватной морской вразвалочкой, и это смешило зрителей. Смешила и его манера втягивать воздух носом и краем рта в моменты сомнений, угрозы или сверхпрезрения к окружающим. Но смех был тоже особый — не весе-

дый, настороженный. Ваняк заряжал зрителей предощущением ежесекундной опасности, исходящей от него. Это чувство не проходило до последней секунды его пребывания на сцене.

Медвежий глаз сменялся бегающими буравчинами, когда новоявленный Комиссар, женщина, пристреливала верзилу-насилльника. После знаменитого ее вопроса: "Что еще хочет комиссарского тела?" – Ваняк каким-то образом взвихрил сразу все мышцы лица, делал знак послушной толпе: до поры до времени считаться с прибывшей. Довольно быстро становилось ясно: человек этот никогда раньше во флоте не служил, всех и все здесь глубоко презирает, но, работая единственным рычагом – страхом, сам втайне страшится взрывоопасной толпы, податливой не только на анархистскую пропаганду.

В сцене разгула режиссер и актер нашли такой образ философии воинствующего индивидуализма: Ваняк наливает себе адскую смесь, выпивает ее, предварительно чокаясь с собственным изображением в самоваре. Но, играя в революционера, он пытается солировать "Варшавянку" жалким надсадным хрипом. Наконец, оценив градус бунта анархистов и явную угрозу краха для себя, этот оборотень с силой бьет кулаком себя в грудь, а затем обнимает и страстно целует Аленсея, любимца и душевного лидера команды.

Смерть Ваняка – еще одна неудачная попытка сыграть на эффектных психологических пассажах. Но на этот раз мешает приступ нутного страха, того самого, которым он мучил и ломал других. Поэтому крик "Да здравствует революция!" получился скорее жалкой мольбой: "Не убивайте, ребята!". В зале вздрагивали – гениальный актер осознанно не хотел, чтобы зрители снизились до мелкого чувства мести: подыхай,

мол, палач подлый, скотина, супермен. Вместо этого мелькала мысль, что и этот родился не таким и был ведь ребенком, пока не носнулись его бациллы человеконенавистнической философии.

Толубеев не складывал сценические образы из сторонних наблюдений "из жизни", он старался извлечь из самого себя все – "от ангела до убийцы". Все присущее человеку и античеловеку так или иначе закодировано в каждом из нас, но одним свойствам и качествам наши воспитатели, а за ними и мы сами позволяем развиться, а другие замораживаем до конца жизни. Только большому артисту дано услышать голос ангела или мерзавца в самом себе, испытать горечь за крайности, которые уместятся в нас, и высказать это через роль, то есть возвыситься от проповеди до исповеди.

При жизни Юрия Владимировича я написал его творческий портрет и назвал очерк так: "Из жизни на сцену – один шаг". Толубеев был так свободен психически и мышечно, как, может быть, только еще один из известных мне актеров его поколения – Андрей Алексеевич Попов. Их мастерство было высшей формы, и невозможно разглядеть, чем, какими нитками "сшивалось" очередное творение в театре или в кино.

Переход Толубеева из быта к поэзии совершался мгновенно, поскольку они естественным образом сосуществовали: занимаясь повседневными делами, великий артист также постоянно жил в творческом состоянии.

Привезли на гастроли в Москву новую постановку "александринцев" – "Горячее сердце" А.Н. Островского. Толубеев второй раз в жизни встретился с ролью Градобоева. Первый раз играл ее в 1949 году. Новая работа ни в чем не повторяет ту, давнюю.

Мы сидим с ним в артистической Малого театра. Он — в костюме и гриме градоначальника старого купеческого города, почти полновластного властелина над малоимущими и почти законченного ланей богачей. Глядит в зеркало, задумчиво подталивая языком изнутри верхнюю губу, — хочет увидеть побольше сходства с обезьяной. Не знаю, зачем это ему нужно, но делается все очень серьезно. Одновременно мы беседуем. О недавней постановке, точнее — восстановлении когда-то поставленного самим Н.С. Станиславским "Торячего сердца" в любимом Толубеевым МХАТе. Я вижу, какое удовольствие для него просто произнести имена Михаила Яншина, Алексея Грибова, Николая Блиникова, Ольги Лабзиной...

— Месяц после этого не мог заставить себя пойти в любой театр, — признался я, не слишком задумываясь, насколько этично все это звучит перед другим спонтанцем, который явно не сильнее и, кажется, в целом не очень нравится самому Юрию Владимировичу. — Можно подумать, что там была режиссура Вахтангова — так сочно, празднично, с такой разгульной фантазией и тонкой игрой актеров в сочетании с почти лубочными формами и красками декораций мы неосознанно повстречались!..

— То-то!.. А до сих пор кто-то норовит изобразить Станиславского натуралистом, причем скучным. Помните — в интермедии Маяковского у Мейерхольда "Пьют чай на диване дяди Вани и тети Мани"?.. Какая несправедливость... Но нашу профессию обогать легко: продукцию не возьмешь в руки и на языке не понатаеешь...

Прозвучали два звонка. Я затопился.

— Ничего, вы меня не отвлекаете, у меня есть еще время, — говорит Толубеев, позабыв, что я еще не видел спонтанца. И я продолжал бе-

седовать, раз ему это интересно. С ним обретаешь редностное равновесие души. Я вижу, что он занят параллельными мыслями, но ведь и меня слушает внимательно, каким-то образом объединяя оба мыслительных потока.

Третий звонок. Мы поднимаемся одновременно, не прерывая беседы. Затем расходимся: он — на сцену, я, ускоряя шаг до бега, — в зрительный зал. Едва успеваю просочиться в щель почти закрытой двери, чтобы все-таки попасть в партер на свое место...

Когда Градобоев появляется в подворье купца Нурослепова, мне кажется, что он начинает с той ноты, которой мы закончили. Но в каждом слове появляется некая магия поэзии. Толубеев был мастером звучащей русской речи: он не только слышал мелодию языка, но даже ощущал и давал ощутить "холодные" и "теплые" звуки, как Рихтер, открывая в нотах невидимое другим.

Помню, что именно речью взял меня антар в роли генерала Пантелеева из "Победителей" Чирского. Я впервые увидел его на сцене. Удивился ясному и красивому произношению, а через несколько минут забыл обо всем на свете, влюбленный в старого интеллигента и одновременно простого и доступного солдатам "отца-командира". Я где-то читал о таких в дореволюционной литературе, но ни в жизни, ни в советской драматургии не встречал. Мягкость и доброта, деликатность, неслыханная среди генералитета, не мешали старому воину быть человеком волевым и стратегически жестким.

Позже появился фильм "Великий перелом" по той же пьесе. Толубеев играл в нем генерал-майор Лаврова, был точен и убедителен во всем, что делал на экране, а я жалел, что кинематографисты не воспользовались случаем увековечить

чить сценический шедевр великого антера.

Я долго не мог понять, отчего Толубеева во всех официальных изданиях и словарях стремились вписать в классики соцреализма: "антер острой классовой темы", "утверждающей социалистический образ жизни", "раскрывающий в своих героях черты социалистической морали". В одной из лучших пьес Артура Миллера "Смерть коммивояжера", Юрий Владимирович сыграл одну из лучших своих ролей, Вилли Ломена. Рушился на наших глазах мир иллюзий маленького дельца, который, ощутив сладковатый запах успеха, подумал было, что вот-вот "ухватит бога за бороду". Безумно горько было наблюдать из зрительного зала процесс крушения надежд, а затем и распада личности наивного американца. Если бы этот спелтантль и толубеевский герой могли воскреснуть ныне в портале сцены, вряд ли нашлось бы что-либо сильнее о сегодняшней драме жизни многих людей: миран полного финансового успеха носил уже столько личностей и низшей. Но и тогда, в эпоху активно насаждения социалистической морали, мы обнаруживали в трагедии Вилли Ломена признаки своих проблем.

Подумал я, что, может быть, репутация суперсоветского артиста создавалась вокруг Толубеева еще в 30-е годы, когда он сыграл в кино одного за другим так называемых "рядовых революций". Тут были Морян в "Человеке с руньем", Егор Бугай в "Выборгской стороне", Железнодорожник в "Янове Свердлове", словом, налицо вроде бы специалист по "положительным героям эпохи". Но в те же годы в фильме о судьбе С.М. Нирова "Великий гражданин" была одна из самых сильных его работ – второй секретарь Ленинградского обкома партии, обвиненный в провокаторской деятельности. Измена была в прошлом, и

обнаружили ее в завалах партархива. В те годы "врагов народа" играли только в отрицательной тональности. Толубеев незабываемо принимал нежданное разоблачение прошлых своих грехов: он был грустен, как человек, совершивший ошибку, поставив в опасный час не на ту лошадь. Теперь-то мы знаем, что двойная игра – в пламенного революционера и в осведомителя охраны – не была из ряда вон выходящей редностью, и некоторые греховные в том достигли высших постов. Но в 30-е годы заставить кинозрителей подумать о непростых путях и такого рода поступкам – само по себе выбивалось из общего ряда. Посудите сами: с высокой партийной трибуны о писателе Андрее Платонове, например, говорят, что "из его рассказов выглядывает классово чуждое нам мурло нуляна", а на экране – предатель партии "с человеческим лицом". И дело тут не в мунестве антера, а в его следовании глубочайшей правде причин и следствий человеческих поступков.

Юрий Владимирович, смеясь, рассказывал мне, как в какой-то театральной роли нашел себе убедительный грим, и вдруг оказалось, что это – портрет известного советского бюрократа. От серьезных паностей власть имущих спасло только одно: антер доказал, что никогда в жизни с данной персоной не встречался. Грим, конечно, пришлось переделать.

Принципиальная, пронзительная человечность отличала нандую работу Толубеева. Он органически не мог создать нечто схематическое вместо объемного характера. В роли Городничего из "Ревизора", сыгранного им в театре и в фильме, Юрий Владимирович пренде всего иснал, где он человек, а не провинциальный функционер российской бюрократии и плутонратии, где он – отец и мун, как одевается, склонен ли и

роскоши или старается скрыть неправедные доходы и т.п. Ничего от шаржа не было в этом городничем. Был Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, уродливое дитя своего времени и клана, а в зеркале этом легко можно было увидеть себя или своего знакомого. К сожалению, ни в спектакле, ни в фильме не было той гоголевской "чертовщины", которую вскрыл в своей постановке "Ревизора" Г.А. Товстоногов. А в толубеевском Городничем она жила постоянно, начиная от увиденных во сне крыс: Он был пронзен охидами неопределенных напастей, и от перенапряжения раньше времени расслабился – пропустил удар, за что и горит себя нещадно.

Вспомним, какой у Толубеева Полоний в знаменитом козинцевском фильме "Гамлет": у этого жирного вельможи бессовестно спокойные глаза, даже когда Гамлет говорит в его адрес явно оскорбительные вещи, но мы вместе с тем не можем отвязаться от мысли, что в этих глазах однанды и навсегда поселилась грусть, – не лучшая доля быть вечным ланеем и лизоблюдом, даже если твой хозяин – сам король.

И как эти глаза преображаются в образе Санчо Панса в фильме "Дон Нихот" того же Григория Козинцева! Мудрость взрослого человека, разумно остерегающего Рыцаря Печального Образа, соседствует с наивностью, едва ли не большей, чем у того. На мой взгляд, Толубеев еще не превзойден в этой роли. Он абсолютно реалистичен, прост в обращении настолько, что кажется внутренне легким, лишенным каких-либо заранее заготовленных актерских приспособлений, полностью импровизационным. И в этом – главный выигрыш роли. Замечательного Н.Н. Чернасова покривлялись за ненужную напыщенность, картинность в том или другом эпизоде, хотя у актера было на то осознанное решение: начитанный ры-

царскими романами, Дон Нихот и сам-то немного книжный, речь его условна, взята напрокат из старой литературы, пафосна, эйфорична. Но, видно, прав оказался Толубеев: надо было обоих героев делать абсолютно естественными, житейскими – Дон Нихот ведь тоже растворен в воображаемых образах, они и есть его реальность. Но, честно говоря, я так любил Чернасова, что и эту его работу принимаю с волнением.

Санчо Толубеева народен в некоем высшем понимании. Конечно, он прежде всего – русский, но его благополучно узнавали французские, итальянские, английские простодушники. Он вырастает до масштабов Дон Нихота в своей печали великого гуманиста, обманутого людьми в жестокой игре "на губернаторском острове", но не разлюбившего их, беспутных.

Черты Санчо, скромно делающего хотя бы маленькое добро и от этого получающего удовлетворение, так или иначе присутствуют в толубеевском Петровиче, портном из фильма "Шинель", следователе Пилипенко из картины "Авария", бормеханике Нузьмичеве...

Вот опять вернулся этот Нузьмичев, словно и не уходил вовсе.

А, быть может, он и не уйдет, как не ушел от будущих поколений великий русский актер Юрий Толубеев, который жив не только в своем сыне, замечательном артисте ЕДТ имени Г. Товстоногова Андрее Толубееве...

Снова перед глазами заключительные кадры фильма "Хроника пикирующего бомбардировщика". Плотной стоит на земле человек огромного сердца и прощается с нами оттуда, из нашей истории – из своего бессмертия. Мы понемногу удаляемся – он остается, вмещая в себя утрату за утратой. Любовью к людям он заслужил это право – оставаться навсегда.

ЦИРКАЧКА

Я не знаю, не помню, не брежу...
 Колесам, колесам, колесам
 Эта женщина шла по манежу
 С разрисованным бледным лицом.
 Бог ей – цирк, эта чертова скачка.
 Купал в халку ложился другой.
 Я хотел, я мечтал, что циркачка
 Смоет краску и станет другой.
 Но по кругу, по кругу, по кругу,
 Лихоманку влетая в косу,
 Нас швыряло навстречу друг другу,
 Примеряя, как маски к лицу.
 Не другая – все та же, все та же –
 Без игры, без любви, без надежд
 Возникла со мной в экипаже
 И влекла за собой на манеж.
 Ты циркачка! Твой выход, твой намер –
 Колесам, колесам, колесам...
 Я рискую, как на ипподроме,
 У меня тоже что-то с лицом.
 Но потом, но потом... Извините,
 Дайте приз. На коня, на коня!
 Я лечу, но какие-то нити
 Возвращают на землю меня.
 Я устал. Эта чертова скачка
 Загнала удивительный сон,
 Где по жизни ходила циркачка:
 Колесам, колесам, колесам...

МАГИЯ

Я – белый маг.
 Представь моим пульсам
 дождь.
 Свет в домах.
 А я – та улица,
 которой ты идешь.
 У тебя на руках сын-гном.
 Взгляд – летучая мышь.
 Нищешь меня.
 А я – окно,
 на которое ты глядишь.
 Я – скамья,
 зову: «Присядь».
 Не слышишь тихое
 мое приглашение.
 Часы – на мне уже пять –
 прижался к руке твоей, тихою.
 Женя, ты привыкла,
 тебе скучается –
 не умалкает дождь.
 Оглянись, ведь она кончается,
 улица, которой ты идешь.

СВЕТЛАНА МАСТЕРКОВА:

"В
ИСПАНИИ
я не
развле-
каюсь..."

Одна из героинь прошлогодней летней Олимпиады – российская бегунья Светлана Мастеркова. В Атланта она одержала двойную победу – на дистанциях 800 и 1500 метров. В том же году Мастеркова установила два мировых рекорда в беге на милю и 1000 метров, выиграла Кубок мира и неофициальный мировой чемпионат – финал "Гран-при".

Неудивительно, что ее назвали лучшей спортсменкой России, Европы и планеты в сезоне-96.

Сейчас Светлана с мужем – профессиональным велогонщиком Асятом Сантовым, мамой и маленькой дочкой Настей живет в испанском курортном городе Сантополо. В Москву они приезжают лишь летом и осенью...

– Как вам, Светлана, живется за границей?

– Нормально живется. В Испании, с ее теплым климатом, удается хорошо подготовиться к летним стартам. В Сантополо для этого есть все условия, включая наш уютный дом в нескольких десятках метров от моря. Я там создала настоящий русский уголок. Шторы, занавески и даже салфетки привезла из Москвы. Готовим блюда русской кухни, поэтому, кстати, у нас часто бывают гости.

– В прошлом году Асят ушел из профессионального спорта. Говорят, для того, чтобы помочь вам завоевывать медали...

— На семейном совете мы решили, что он достаточно "нагонялся" и пришла пора заняться воспитанием дочки. И мы слишком соскучились друг по другу за те годы, пока мотались по соревнованиям, встречаясь только изредка.

— Саитов известен как победитель многих престижных велотуров. Вы же стали всемирно популярны лишь недавно. Не ревнует муж к вашей сегодняшней славе?

— Исключено! Он прекрасно знает, какой ценой мне достались олимпийские медали. Н тому же Асят замечательный, умный человек, готовый ради меня на все... Когда мы впервые увиделись в Ашхабаде, Асят показался мне громадным, уставшим, загоревшим до черноты сердцеedom. Он пригласил меня в бар, но я отказалась — на сборах нельзя нарушать режим, да и такой подход мне не понравился. Он заметил оплошность и в следую-

щий раз позвал в цирк. Тут уж я не устояла. Он ухаживал за мной почти три года, в перерывах между своими гонимыми, пренебрегая тем, что мы наконец поменялись.

— Многие "новые русские" сейчас активно покупают в Испании недвижимость. Наверняка они есть и среди ваших соседей...

— Я к ним отношусь безразлично. А дружим с "русскими испанцами". Они либо выходцы из России, либо вернулись после вынужденной эмиграции 1936-го. Это открытые, приветливые люди. Они уверены в завтрашнем дне, это придает уверенности и нам.

— Коррида, фламенко... Нравится такая экзотика?

— Сначала уточню: я в Испании не развлекаюсь, а напряженно работаю... Наверное, когда-нибудь и отправимся на корриду. Хотя вряд ли мне понравится — по телевизору бои быков показывают постоянно, и эти кровавые сцены я воспринимаю с содроганием. С другой стороны, испанцы таким образом самовыражаются. Стало быть, рано или поздно мы должны посетить корриду, чтобы испытать те же ощущения, что и местные жители... А вот на нарконе хану часто, там мне нравятся. Друзья, пригласившие нас, не знали, что я говорю по-испански, и были приятно удивлены, когда мы с Асятом начали подпевать на их языке.

— Вы составляете мужу команду в велопрогулках?

— Желания крутить педали не возникает даже в тренажерном зале. Это неприемлемо для меня — так же, как лыжи или коньки. Даже увлечение мужа тут не играет роли.

— А я-то решил, что ваша дочка, когда подрастет, будет выбирать между велоспортом и легкой атлетикой...

— Не буду возражать, если Настя захочет стать по примеру родителей спортсменкой. Только пренебрегая объяс-

ню ей, каких лишений требует большой спорт.

— Вы блистательно проявили себя еще на юниорском уровне. Потом начались травмы, из-за которых долго не могли себя по-настоящему проявить. Может быть, вылавшие вам испытания и сформировали стойкий характер Мастерской?

— Возможно. Обидно только, что сейчас, когда у меня есть опыт, известность и не мучают травмы, отчетливо понимаю — бегать осталось всего три-четыре года. Впрочем, и за этот срок можно успеть достаточно.

— Но ведь Екатерина Подкопаева в сезоне-97 стала чемпионкой мира в закрытых помещениях в беге на 800 метров, а ей — 45...

— С огромным уважением отношусь к ее спортивному долголетию, но бегать так долго никогда не собиралась.

— В прошлом году за мировой рекорд в беге на милю вы получили уникальную призу — килограммовый слиток золота. Если не секрет, где храните?

— Столь оригинальным способом себя прорекламировал один из спонсоров соревнований в Цюрихе — солидный швейцарский банк. Там этот килограмм и лежит. Я по первому требованию могу получить его денежный эквивалент. Он, к слову, не такой и внушительный — тринадцать с половиной тысяч долларов.

— Вы довольны своими гонорарами за прошлогодние победы? В частности, я имею в виду ваше недовольство якобы не полностью выплаченными деньгами от Олимпийского комитета России за две золотые медали...

— Порядком надоели разговоры на эту тему. Сегодня спортсменам за победы на чемпионатах мира, не говоря уж об Олимпиадах, выплачивают премиальные, которых хватит на безбедную жизнь до конца дней. Лично для меня заработанные деньги — возможность помогать нуждающимся друзьям и знакомым.

По поводу "обеспечения" моих медалей, выигранных в Атлантах. Сор-бор разгорелся из-за того, что Олимпийский комитет России, как вышло позже, обязался выплачивать 100 тысяч долларов только за первую высшую награду и по 50 тысяч – за все остальные. Главное – российское правительство выполнило свое обещание в условиях той сложнейшей экономической ситуации, в которой пребывает наша страна. Все остальное – мелочи.

– После Атланты вас узнают не только в Испании, но и в Москве. Для каких легкоатлетов это нетипично. Простительное внимание вас не раздражает?

– Пока нет. Популярность – неизбежный атрибут жизни любого известного человека, независимо от того, где он живет – в России или на Западе. Да и лишняя реклама никогда не помешает "действующим" спортсменам. Кто действительно раздражает, так это иные журналисты... Я уже смирилась с тем, что пугают дистанции, которые преодолевает Мастеркова, место моего рождения, неправильно называют тренеров. Но когда на газетной полосе с моим интервью печатают фотографию другой спортсменки – это, согласитесь, слишком.

– Вы, увы, не первая, с кем случаются подобные казусы. Однако задам вопрос совсем из другой оперы: какие смотрите фильмы, кто любимые актеры?

– Плохо отношусь ко всяким триллерам и драмам, не говоря про ужасы. Другое дело – исторические картины. Только не из советского периода. Антеров-мужчин, которые мне импонируют, слишком много, чтобы назвать конкретного. Из наших актрис обожаю Людмилу Гурченко и очень жалею, что не удалось с ней пообщаться на балу олимпийцев в Кремле. Из иностранок привлекает Мадонна – своей универсально-

стью и постоянным желанием удивлять.

– Вы производите впечатление человека, хорошо представляющего свое будущее. А на самом деле знаете, чем будете заниматься лет, скажем, через семь?

– Об этом меня пока никто не спрашивал, поэтому дайте сообразить... Прежде всего, у нас с Асятом будут еще дети, которых постараемся обеспечить всем необходимым. Это главное. Но замыкаться только на семейных заботах не собираюсь. После Атланты потихоньку зреет идея попробовать себя в роли телеведущей собственной программы. Цель – рассказать зрителям о наших спортсменах, которые оказались незаслуженно забыты. Начать можно было бы с Татьяны Назанкиной, Людмилы Брагиной, других выдающихся бегуний, а потом перейти к рассказу о Василии Алентееве, Валерии Брумеле – суператлетах, без которых были бы невозможны нынешние победы российского спорта.

– Вы довольно долго живете в благополучной Испании. Не хотите там остаться навсегда?

– Невозможно. Двойное гражданство там брать запрещено, а уехать из России навсегда не соглашусь ни при каких обстоятельствах – я люблю свою родину и не променяю ее ни на один райский уголок на Земле.

Беседовал
ВАЛЕРИЙ РАДНАВЛИ.
Фото **ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ**

АНДРЕЙ ИЛЬИН

ОБЕТ МО

Предисловие

Распечатка магнитофонной записи диспетчерской службы 02 города Москвы. Выдержка.

- Милиция! Але! Милиция! Вы меня слышите?
- Говорите, вас слушают.
- Это милиция?
- Говорите.
- У нас в подъезде лежит человек! Весь в крови...
- Назовите адрес.
- Тупиковый проезд, дом двенадцать. Второй подъезд.
- Потерпевший жив?
- Кажется, нет. Я не знаю. Он весь в крови. И не дышит.
- Кто обнаружил тело?
- Мы. То есть я.
- Ваши фамилия, имя, отчество.
- Заикина Алевтина Петровна.
- Адрес?
- Тупиковый проезд, двенадцать, квартира 24.
- Кто передал сообщение?
- Я, Заикина Алевтина Петровна.
- Ждите. К вам выезжает наряд милиции...

Приняла: дежурный диспетчер Смирнова В.П. Время приема: 17 мая, 22 часа 17 минут.

Конец распечатки.

ДУШАННЯ.

4

Из доклада старшего оперативной группы 78-го отдела внутренних дел города Москвы капитана Федорова С.Т. Выдержки.

155

Тело было обнаружено по адресу: Тупиковый проезд, двенадцать, на лестничной площадке между третьим и четвертым этажами. Тело обнаружила Заикина Алевтина Петровна, проживающая в том же доме в квартире 24.

В результате предварительного осмотра места происшествия было установлено, что пострадавший был убит пятью выстрелами в упор в область головы и груди из пистолета калибра 9 миллиметров. (Найденные гильзы отправлены на экспертизу.)

В руке потерпевшего был найден газовый пистолет иностранного производства, из которого сделано четыре выстрела.

На площадке второго и первого этажей, на полу и перилах, а также на выходе из подъезда на асфальте были обнаружены многочисленные следы крови, обрывающиеся на проезжей части улицы.

Старший группы капитан Федоров.

17 мая. 23 часа 55 минут.

Из заключения патологоанатомического вскрытия. Выдержки.

Смерть потерпевшего наступила в промежутке от двадцати двух до двадцати трех часов в результате трех смертельных огнестрельных ранений в область головы и сердца...

CENTRAL INTELLIGENCE

Top Secret

На правой руке с тыльной стороны ладони найдены следы порохового нагара. На пальцах левой руки на дистальных фалангах первого и второго пальцев установлено присутствие мышечной ткани и крови, не соответствующей группе крови потерпевшего. Под ногтями указательного и безымянного пальцев найдены клетки белковой оболочки глаза и ткани мозгового вещества...

Вскрытие проводил Петров С.М.

Из телепередачи "Городская криминальная хроника". Эфир 20 мая. 19 часов 30 минут. Цитата.

- Непонятны мотивы совершенного убийства. Судя по всему, погибший не имел отношения ни к криминальному миру, ни к серьезному бизнесу. Тем не менее почерк преступления совершенно соответствует стилю заказного убийства, которые мы теперь имеем возможность наблюдать чуть не каждый день...

Свидетели видели трех окровавленных мужчин в масках, вталкивавших в стоящую возле подъезда автомашину импортного производства находящегося без сознания сообщника. Машина на большой скорости скрылась в сторону центра. Операция "Перехват", объявленная милицией после приезда на место преступления, результата не дала. К сожалению, это не последнее преступление, случившееся на этой неделе...

Оператор видеоматериала Сладков А.Д. Видеозапись от 17 мая.

Из разговора следственной бригады на оперативном совещании, посвященном расследованию убийства по Тупиковому проезду. Выдержки.

- ...Как он, получив пять пуль в башку и грудь, мог успеть произвести четыре ответных выстрела из газового пистолета? Эксперты утверждают, что смерть наступила мгновенно. Какого черта мгновенно, если ему надо было вытащить и взвести оружие. Или он знал заранее о засаде, или преступники стреляли не сразу?

...И главное, совершенно непонятно, откуда взялись на его ногтях волокна сетчатки и мозга. Он что, успел ткнуть им пальцем в глаза? И достать до мозга? Чувшь какая-то. Тайваньский боевик. С голым пальцем против четырех вооруженных убийц! Она что, ждали, когда он доберется до их лиц? Спокойно стояли и ждали? Ни черта непонятно!..

...Кровь на лестнице имеет три разные группы. Значит, ранены были как минимум три преступника. Из газового пистолета? Как-то сомнительно. Для этого надо было стрелять в упор, чуть не приставив ствол к головам. Какой же преступник, сидящий в засаде, такое допустит? На их стороне внезапность, заранее подготовленные диспозиции... Может, потерпевший был не один? Может, их было несколько человек, и остальные после перестрелки скрылись? Но при чем тогда сетчатка и мозг на пальцах?

Из оперативной сводки горотдела милиции от 24 мая. Выдержка.

...обнаружено тело неизвестного мужчины с проникающим ранением в голову... Смерть, судя по всему, наступила в результате проникающего удара острым предметом через правую глазницу в лобные доли головного мозга...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Меня затребовали в Центр. Срочно. Как пожарную команду на загоревшийся пороховой завод. На передачу дел — час, на сборы — минута. Промедление смерти подобно. В самом прямом смысле. В нашем учреждении нельзя замешкаться, нельзя опоздать и нельзя оправдать свое опоздание объективными, семейного или служебного свойства, причинами. Потому что у нас нет службы, давшее службы Конторе, и нет семьи. И постоянного имени нет. И постоянной биографии. Все временное — на одно конкретное задание. Постоянная величина только одна — необходимость как можно лучше и как можно быстрее исполнить полученный приказ. Без ссылок на неодолимые обстоятельства.

И обычно таких не находится. Потому что в нашем учреждении неумение приравнивается к должностному несоответствию. Несоответствие ведет к немедленной отставке. А отставки в Конторе нет — есть скоропостижная, во имя сохранения общей Тайны, смерть.

Редко бывает, чтобы Резидента срывали с подведомственного ему региона без предупреждения, без соответствующей замены. Но бывает. Сегодняшний случай именно из этой серии.

“Текущие дела, требующие надзора Резидента, законсервировать. Техническую сторону передать доверенному агенту. Оперативные встречи перенести до востребования. Документацию ликвидировать. Отчеты об использовании финансовых средств не предоставлять... Явиться в...” И гриф сверхсрочно. С которым только дурак отважится поспорить.

Вот и все. Дела законсервированы, встречи перенесены, компроматы уничтожены. Самолет подан на полосу. До свидания, регион моего служебного интереса. Возможно, надолго. Возможно, навсегда...

Глава вторая

В Москве я сразу из аэропорта поехал в Контору. За лишние запрошенные за доставку дензнаки с таксистами не торговался. Соглашался на то, что требовали. В некоторых случаях время дороже денег. В некоторых случаях время ценнее жизни.

Я не доехал до известного мне адреса четыре улицы. Расплатился с водителем. Проследовал три остановки на автобусе назад

и три вперед. Прошел два квартала пешком. Зашел в обычный подъезд обычного многоквартирного дома, поднялся на шестой этаж, открыл ключом дверь. В типовую двухкомнатную квартиру.

Эта квартира и была сегодня Конторой. Без вывесок, парадных въездов, охраны и тому подобной привлекающей общественное внимание мишуры. Я зашел в квартиру, которая по лежащим на холодильнике документам была, согласно договору краткосрочной аренды, моей квартирой. И ключ мой подошел к замку, потому что это был ключ от моей квартиры. Теперь мне надо только ждать. Через час, или через два, или через сутки я обнаружил бы в своем почтовом ящике конверт. В конверте пространное письмо от тети Клары о жизни в деревне. А между строк о надеждах, погоде и раннем созревании огурцов — инструкция о том, куда и когда явиться и каким образом принять предназначенную мне информацию. Съездив в назначенное время по указанному адресу и сняв с какого-нибудь заштатного столба объявление о размене или потерянной собаке и проявив его в специальном растворе, я получал полную инструкцию о том, что делать сегодня, завтра, послезавтра и так далее, до следующей повешенной на столбе или напечатанной в газете в форме нейтрального объявления начальственной "посылки".

Я лег на "свой" диван, включил "свой" телевизор и расслабился. Я не думал ни о чем. Потому что думать еще было не о чем. Просто отдыхал. Умение отключаться в любой обстановке отличает профессионала от играющего в разведку дилетанта. Профессионал не может позволить себе расходовать мозговое вещество понапрасну. Только тогда, когда это необходимо. В остальное время он должен находиться в состоянии покоя. Иначе не выдержит такой жизни и недели.

Я лежал так час. Ночь. Сутки. И еще сутки. "Посылки" не было. Я подъезжал продукты, оставленные в холодильнике, гулял по близрасположенным улицам, проверял почтовый ящик. На улицах ко мне никто не подходил, в почтовом ящике ничего не добавлялось, телеграмм с почты не приносили, телефон не звонил. Информации не было.

На третьи сутки в дверь позвонили.

— Лопухов вы? — По очередным своим документам я был Лопухов.

— Я.

— Такси вызывали? — Такси я не вызывал.

— Конечно, вызывал! Заждался уже.

— Адрес не изменился? — спросил водитель, рассматривая какую-то бумажку и вставляя ключ зажигания в замок.

— Адрес тот же, — подтвердил я. Наверное, пункт назначения я сообщил еще раньше, сторговывая машину по телефону.

— Только больше я никуда заезжать не буду. У меня времени в обрез, — предупредил таксист.

— Больше никуда заезжать не надо.

Машина свернула на проспект, с него на кольцевую, с нее на какую-то второстепенную дорогу, с той дороги вообще в какую-то глухомань.

— Черт вас несет в такие дебри. Знал бы — отказался, — ворчал водитель, вырвав по грязной грунтовке.

Дорогу перегородил шлагбаум с "кирпичным" знаком. Дальше пути не было.

— Здесь? — удивленно спросил таксист.

— Здесь, — подтвердил я, впервые видя окружающий пейзаж. — Тут немного осталось. Я пешком доберусь.

— Тогда с вас...

Я отсчитал названную сумму и еще половину этой суммы дал сверху.

— Если вам надо будет выезжать — звоните, — ожинился таксист. — Места у вас тут хорошие. Наверное, грибы есть и рыбалка?

— И грибы, и рыбалка, — подтвердил я.

— Если что, скажите диспетчеру мой номер. Скажите, что я вас уже возил и дорогу знаю...

— Скажу.

Такси развернулось и отбыло. Я подошел к шлагбауму. За ним ничего не было, кроме сворачивающей в лес грунтовой дороги. Я решил выждать полчаса. А там видно будет.

Ждать пришлось меньше. Через десять минут подъехал заляпанный грязью "уазик". С таким же грязным водителем.

— Я за вами?

— За мной.

— Садитесь. А то ваш друг сильно переживает, что вы можете опоздать.

— Теперь не опоздаю.

— Теперь конечно. Мне и самому спешить надо. Если председатель хватится, голову оторвет.

Полчаса грунтовых дорог и поворотов. Остановка. Дальше пути нет. Забор.

— Сколько я вам должен?

— Ничего не должны. Ваш друг уже расплатился. Веселый он у вас мужик! И щедрый. Каждый день с таким бы встречаться. Ну, я поехал.

— Спасибо.

— Вашему другу спасибо.

Возле забора никого не было. Я выдержал минуту и подошел к калитке. Раз никто не встречает, значит, это дача моя. Ключ к калитке подошел. По выложенной асфальтовой плиткой дорожке я проследовал к дому и тем же ключом открыл еще одну дверь.

Сумрачно, пыльно, тихо. Давненько я на собственной даче не бывал. Замотался, запустил хозяйство. Непорядок.

Я прошел в комнату и включил свет.

— Здравствуйте.

Это было что-то новенькое. Меня сводили с живым человеком. Не с объявлением на столбе, не с набором букв на шифрограмме и даже не с телефонным голосом. Это было нетипично для Конторы — знакомить работников друг с другом. Если, конечно, я не влез на чужой приусадебный участок.

— Здравствуйте.

— Здесь можете говорить спокойно. Помещение защищено.

Нет, адресом я не ошибся. Прибыл, куда надо. В Контору. И приветствовавший меня незнакомец типично Конторский — абсолютно никакой. Закроешь глаза и тут же забудешь. Ни роста, ни веса, ни особых примет, Усредненная величина.

— Как мне к вам обращаться?

— Как угодно. Например, Семен Степанович.

— Я зачем сюда, Семен Степанович, на отдых или на работу?

— На службу. Вы прессу читаете?

— Конечно. По производственной необходимости.

Семен Степанович развернул газету.

— Вот это, — показал он пальцем.

В заметке сообщалось о покушении на человека, проживающего по адресу Тупиковый проезд, двенадцать. Пострадавший скончался на месте, получив в тело пять пуль.

— Это был наш работник. Он вел специальное расследование. Вполне возможно, что его гибель могла быть случайной, но вероятнее всего, это хорошо продуманный ход. Случайность это или нет, вам и придется разбираться. Вы более всех других походите на него. По складу мышления, характеру и некоторым другим параметрам. Вам проще других представить его мотивы и действия.

Понятно. Расследование с использованием аналога. Чем больше люди похожи друг на друга, тем выше шансы, что они при решении однотипной задачи пойдут одним и тем же путем. Или совершат одни и те же ошибки.

Короче, провокация. Как бы мне не пришлось в конце расследования в каком-нибудь подъезде получить те же пять пуль, в то же самое место. По аналогии.

— Где я могу получить дополнительную информацию?

— Здесь. И в дальнейшем по указанным почтовым ящикам. В случае необходимости мы придадим вам в помощь группу из нескольких человек.

Группу? То есть они готовы засветить передо мной еще несколько физиономий? Это уже вообще ни в какие рамки! Похоже, я ошибся. Похоже, предлагаемое мне дело далеко не рядовое. Группой в Конторе разрабатывают только особо важные или особо спешные дела.

— Когда приступить к работе?

— Немедленно.

Следующие несколько часов я знакомился с протоколами осмотра места происшествия, свидетельскими показаниями, актами экспертиз, видео- и фотоматериалами. Информации было много и одновременно не было совсем. Следствие зашло в тупик. Ни мотивы преступления, ни личности убийц установлены не были.

— Для дальнейшего расследования мне необходимо знать, чем занимался погибший в последние перед покушением месяцы.

— Понимаю. Но дать информацию по известным причинам не могу. Кроме последнего задания.

— Когда я смогу получить требуемые мне сведения?

— Запрашиваемые материалы получите завтра...

Задание моего погибшего предшественника было по меньшей мере странным. Он должен был осуществлять надзор за одним из высокопоставленных членов правительства.

— Зачем нужна слежка за первыми руководителями страны? — спросил я.

— Я не могу вам дать объяснения в полном объеме. Скажем так — существует опасность утечки информации.

— Куда?

— В третьи страны.

— Почему этим должны заниматься мы?

— Потому что этим можем заниматься только мы. И никто больше. Безопасности, МВД и прочим силовым госучреждениям запрещено разрабатывать первых лиц государства. Все оперативные мероприятия, будь то слежка или допрос свидетелей и потерпевших, запрещены. Максимум, что возможно, — это доложить о полученных сигналах прочим членам Правительства.

— То есть наши правители находятся вне закона?

— Да, пока они правители. Но мы тоже находимся вне закона. И здесь наши шансы уравниваются.

— От кого было получено задание на разработку объекта?

— Этого я сказать не могу.

Глава третья

И все-таки расследование о гибели работника Конторы я начал с бытовых мотивов. Вначале мне необходимо было исключить все возможные простейшие объяснения происшествия и лишь затем переходить к более сложным.

Представившись и представив соответствующее, выписанное на имя майора внутренних дел Свиридова А.П. удостоверение, я еще раз поговорил с соседями потерпевшего. Но ничего нового не узнал. К погибшему никто домой не ходил. Он никого из соседей не посещал и ничего необычного не рассказывал. Водку не пил. Во дворе не дебоширил. Матом прилюдно не ругался. Ни с кем не ссорился. Деньги не очень охотно, но занимал. В подъезде не сорил. От участия в субботниках не отказывался. Особой дружбы ни с кем не водил. Женщин не приводил. И сам больше чем на несколько дней никуда не отлучался. Обыкновенный, каких большинство в каждом доме, гражданин.

Убийство на почве бытовых неурядиц исключалось. Неурядиц не было. Покойный жил со всеми в мире и согласии.

Пьяная месть также не подходила. Потерпевший не пил и дружбы с местными алкашами не водил.

Мотив ограбления был сомнителен. Брать у погибшего, кроме старой, которую и за треть цены не продашь, мебели, было нечего.

Коммерческие разборки? Покойный в акционерных обществах и производственных кооперативах не состоял. Согласно документам он до последнего дня числился технологом в бессрочном отпуске на небольшом, еле сводящем концы с концами заводе.

Из-за чего же тогда его застрелили? Получается, из-за работы. Скорее всего той, которую он вел в последнее время. Но об этой работе милиция догадываться не могла. И списала дело в архив.

Я отправить дело в архив не мог. Я должен был докопаться до истины.

Я снова оказался перед единственным и главным вопросом – кому и зачем нужна была его смерть?

Как на него ответить? Только повторяя путь своего предшественника. След в след! Как при ходьбе по глубокому снегу. Я должен пойти туда, где чаще всего бывал он. И делать там то, что предположительно делал он. То есть пойти в библиотеку? Интересное место для агента, распутывающего заказное убийство своего коллеги. И тем не менее – в библиотеку. Туда, в ворох старых газет и журналов, которые перебирал, пересматривал, перелистывал погибший агент. След – в след. Лист – в лист. Где-то там, среди замусоленных страниц газетной бумаги, скрывается ответ на мучающий меня вопрос. Где-то там...

Потому что больше ему скрываться негде.

Глава четвертая

В библиотеках меня не узнавали. Потому что я сам себя не узнавал, если в зеркало посмотреть. Не мог же я позволить себе являться пред очи библиотекарей в том же самом – проверяющего из министерства – виде. Пришлось с помощью грима, одежды и актерского мастерства "рисовать" совсем другие, не похожие на прежние, образы.

Наверное, проще было бы достать все требуемые подшивки совсем в других библиотеках, где меня ни разу не видели, но мне нужны были именно те газеты и журналы, которые листал мой покойный коллега. Так существовала хоть малая, но вероятность, что я наткнуусь на какую-нибудь оставленную им пометку.

Четвертая библиотека. Пятая. Шестая... Дома ночами я сортировал добытую информацию. Визиты – к визитам. Встречи – к встречам. Поездки – к поездкам. Банкеты – к банкетам.

Потом на листах ватмана чертил замысловатые схемы и графики. Лицо главного моего интереса – жирная точка в центре. Все прочие – небольшие квадратные листочки с записанными на них фамилиями по периферии. Повторяющиеся фамилии накладываются друг на друга и сдвигаются к центру. Упомянувшиеся только раз или два смещаются к краю листа.

Таким образом каждый занимал свое, в зависимости от частоты встреч, место. Все очень наглядно и понятно.

Каждую такую стопку фамилий я соединил друг с другом с помощью разноцветных фломастеров. Это была горизонталь – контакты контактеров между собой. Лист ватмана покрылся паутиной сотен линий.

От точки в центре расходились векторы десятков фамилий и должностей. Иногда они пересекались, иногда, встретившись и разбежавшись, уже не соединялись никогда.

Это уже кое-что. И все же этого мало. Нужна была дополнительная информация.

Я вызвал Семена Степановича. Своего нынешнего Шефа-куратора.

- Мне необходим доступ в архивы информационных агентств, а также пресс-службы некоторых министерств.

- Каких?

- Вот список.

- Какую информацию запрашивать?

- Все визиты, встречи, поездки и прочие контакты человека, за которым должен был наблюдать ваш погибший работник. Фамилии, должности, время, география.

- Это как-то относится к расследуемому вами делу?

- Возможно, нет. Но скорее всего, да.

- Хорошо, мы рассмотрим вашу просьбу. Это все?

- Нет, не все. Прошу разрешения на реанимацию установленной моим предшественником звуко- и видеозаписывающей аппаратуры.

- Это не входит в задачи расследования.

Другого ответа я не ожидал. Я требовал почти невозможного — вновь запустить в работу "замороженную" в целях безопасности операцию до выяснения причин ее возможного провала, до завершения расследования.

- От этого может зависеть результат всей моей работы.

- Нет.

- Взгляните сюда, — показал я на отредактированную и приведенную в порядок схему.

- Что это?

- Центр — интересующий меня человек. Цветные точки — его контакты.

- Откуда информация?

- Только из открытых источников. Из журналов и газет. Из тех, которые просматривал мой коллега.

- Хорошо. Я попытаюсь что-то сделать.

Добро на расконсервирование аппаратуры было получено на следующий день.

Глава пятая

- Характеристики аппаратуры. Частоты. Шифропароли самоликвидаторов. Подходы. Места установки микрофонов, промежуточных усилителей, приемников...

- Предварительные записи?

- Предварительных записей нет. Возможно, он не успел их снять.

Хорошо поработал мой предшественник. На совесть. Если судить по количеству и местоположению внедренных микрофонов. Вот только вопрос, какие из них остались на местах, а какие повымали добросовестные уборщицы, повылуцивали из щелей любопытные птицы, повытащивали гости и домочадцы. Вопрос, какие из них еще могут давать информацию, а какие умолкли навсегда.

Подключив к центральному кабелю коробочку специального сереносного, вроде "Ноутбука", компьютера, я запустил тест самопроверки.

По экрану забегали разноцветные точки. Первая линия. Обратного сигнала нет. Полная тишина.

Микрофон либо отсутствует, либо сдох. Вторая линия. Сигнал отсутствует. Результат тот же. Третья. Тишина. Четвертая. Никакой реакции. Так, с работой понятно. Похоже, там была большая чистка. Все "уши" повывергивали. Посмотрим, что дома. Пятая линия. Здесь чуть более благополучно. Микрофон действует, но слышимость оставляет желать лучшего. Похоже, его задвинули каким-то предметом.

Шестая. Молчание. Поди, хозяйская канарейка микрофон склевала. Или кот слизал. И такое в нашем деле случается.

Так, пошли дальше. Седьмая и восьмая? Исправны. Теперь машина? Молчит. Возможно, слетел промежуточный усилитель. Подведем итог. Итого, из девяти установленных "клопов" функционируют только три. И то с грехом пополам. И не на рабочем месте.

Не самый утешительный результат. Неужели они обнаружили прослушивание? Тогда — пиши пропало. После съема микрофонов они удвоят бдительность. На каждую дохлую букашку будут бросаться с поисковым детектором, каждую пылинку протирать между пальцев.

Если, конечно, они их обнаружили. Ладно, попробуем проверить цепи.

Утром, обряженный в форму пожарного инспектора, я в сопровождении работников местного ЖЭКа ходил по интересующим меня чердакам, где моим предшественником была установлена усилительная аппаратура.

— А здесь что?

— Там ничего. Чисто. Мы недавно убрали.

— Все вы недавно убрали, — ворчал я, забираясь по приставной лестнице к входу на чердак. — А замок где?

— Был. Вчера был.

— Вчера... А где же он тогда сегодня?

— Наверно, хулиганы сняли.

— А вы на что?

— Разве за всем уследишь.

— Ладно, подождите меня здесь. Я посмотрю, как там у вас с проводкой. Или нет, лучше идите в последний подъезд и откройте чердачную дверь. Если, конечно, на ней замок есть.

— Есть! Есть!

— Дождитесь меня.

— Может, с вами электрика послать?

— Не надо мне электрика. Пусть он лучше пока в подвале лампочки свернет.

Чердак был пыльный и замусоренный. Вокруг валялись обломки старой мебели, строительный и бытовой мусор, лампочки не горели, электропроводка дрянь... А вот промежуточный передатчик был в порядке. Отчего инспекция осталась довольна результатами проверки. В целом.

— Ну что могу сказать? — вздохнул я, спустившись в подъезд. — Пожарное состояние, конечно, ни к черту. Довольно вспышки одной спички. — Представители ЖЭКа потупили взоры. — Но и хуже чердаки я видел. Например, у ваших соседей. — Жэковцы облегченно выдохнули воздух. — В общем так, штрафовать я вас ва

первый раз не буду... — Не хватало еще, чтобы при генеральной уборке они скovyрнули передатчик. — ...посчитаю состояние чердака удовлетворительным. Черт с вами — живите... — Жэковцы согнулись в признательном полупоклоне. — ...но замки в двери оставьте. Имейте совесть. Того и гляди, залезет какой-нибудь бож или подросток с зажигалкой и спалит дом.

— Сегодня же повесим.

— Хорошо. Поверю. Но завтра непременно проверю. И если обнаружу двери открытыми, пеняйте на себя.

Где у вас тут следующий объект?..

Все передатчики работали исправно. Значит, дело было в микрофонах. Или в их отсутствии. Что гораздо хуже. Двое суток я отсидел на работающих домашних микрофонах. Зря отсидел. Домочадцы члена Правительства несли типичную бытовую дребедень.

— Ты с собакой гулял?..

— А уроки сделал?..

— Как я от вас от всех устала...

— Да выключите вы наконец магнитофон!..

Следовало начинать все сначала. И снова я пошел в след моего предшественника. Еще раз просмотрев список затребованного им в последние месяцы оборудования, я отчеркнул лазерный сканер. Сканер — это прямое наблюдение. Как говорится, из окна — в окно. Похоже, надо брать сканер...

— Когда он вам нужен?

— Завтра. И еще машина-фургон "Аварийная" Горсвета на перекрестке улиц... И документы электрика.

Утром я прошел на названный мной перекресток, открыл поджидавшую меня машину и поехал по известному мне адресу. На месте я переоделся в синий форменный комбинезон, взял чемоданчик с инструментами, стремянку, обмотался проводами и зашел в ближайший подъезд.

— Вы электрик? — привязалась ко мне первая же встретившаяся на лестнице бабушка.

— Ну?

— Вы бы не могли ко мне зайти? У меня лампочка не горит.

— Ну...

— Я не так просто. Я вам заплачу.

— Лады. Аварию устранию и зайду. Какая у тебя, бабка, квартира?

— Сорок третья.

— Ставь самовар. С водкой...

Снова чердак. По чердаку до конца дома. Выход на крышу. По крыше на соседний дом. С него на следующий. Чердак. Нужное мне слуховое окно.

Я надел тонкие хлопчатобумажные перчатки — негоже оставлять свои пальчики, где бы ты ни находился и что бы ни делал. Перекусил, размотал, свесил с балок какие-то провода, поставил стремянку, повесил табличку "Не подходить — высокое напряжение" и раскрыл инструментальный ящик. Под кучей гаечных ключей, пассатижей, отверток и напильников в специальном футляре находился лазерный сканер.

В глубине чердака, на поперечной балке, я отыскал единственное место, с которого была видна нужная мне стена стоящего в четырех кварталах дома. В деревянную балку ввинтил обыкновенную фотографическую струбцину. К ней присоединил направляющие сканера. Поставил, настроил сам сканер. Завесил его какой-то случайной, грязной тряпкой. Совмещая мушку и целик, навел сканер на одно из окон.

Зафиксировал положение.

Теперь мне не нужно было торчать возле лазера. Теперь я мог копать возле своих проводов.

Я надел на уши плеерные наушники, положил на колени прибор, напоминающий внешним видом электрический пробник, и нажал кнопку пуска.

Тонкий, не видимый невооруженным глазом луч лазера прорезал пространство от чердачной балки до окна и уперся в стекло. Теперь окно перестало быть окном, а стало гигантской площадью в несколько квадратных метров, мембраной слухового, сканирующего устройства. А луч лазера — передающей нитью. Довольно было самого малого, буквально в несколько микрон, колебания оконного стекла, чтобы световой луч уловил и передал, а лазер зафиксировал данное отклонение от нормы, чем бы оно ни было вызвано — проходящим по соседней улице трамваем или голосом человека. Дешифратор, лежащий у меня на коленях, преобразовывал механические колебания в звук. Любое произнесенное в отслеживаемом помещении слово, любой шорох немедленно передавался на наушники и на записывающее устройство.

Замечательное изобретение отечественных ученых. И бесполезное. Потому что окна молчали. Выждав полчаса, я перевел лазер на следующее окно. И на следующее. Результат тот же. То есть никакой. Окна были мертвы. Нет, это не значило, что квартира пустовала. Это означало гораздо худшее — стекла были "зафиксированы". Можно совершенно смело спускаться в сорок третий этаж, чтобы хоть какую-то пользу принести сегодняшним прожитым днем.

Неожиданно открылась чердачная дверь. Этого мне только не хватало.

— Что это вы здесь делаете? — зашумел крупного вида мужчина.

— Электрику, — как можно спокойней ответил я.

— Какую электрику? Это наш эксплуатационный участок. А мы никого не вызывали!

— Вы не вызывали, а другие вызывали, — пожал я плечами, подсоединяя болтающиеся провода к прибору. — Вы там поаккуратней, все-таки напряжение, — предупредил я незваного визитера, показывая на табличку.

— Какое напряжение? Покажите документы!

— Пожалуйста, смотрите. — И я, изображая соответствующую моей должности работу, присоединил к прибору еще один провод.

Визитер приблизился к обрывкам висящей проводки и попытался отодвинуть ее рукой в сторону. Все-таки здорово я замаскировал подходы к своему гнездышку.

— Ну, где твой документ?

— Вот он.

И я включил прибор. Несколько большеемкостных конденсаторов подали напряжение в проводную оплетку, которой я завесился со всех сторон, как паук паутиной, и разрядились на оголенных концах.

— Ах мать... — успел сказать невежливый проверяющий и кулем свалился на засыпанный золой пол.

Я подошел к лежащему человеку и быстро ошупал его со всех сторон. У "работника ЖЭКа" под левой подмышкой торчала рукоять автоматического пистолета. А в кармане отсвечивала красным глазком индикатора переносная радиостанция.

Ого! Хорошо стали экипировать жэковских работников! Теперь надо делать ноги. И как можно быстрее. Уже через несколько минут сюда вломится целая бригада жэковцев. Всякие там сантехники, дворники, уборщики.

Я быстро снял сканер, собрал инструменты, подхватил стремянку и — был таков. По пути, по которому сюда пришел.

Теперь понятно, почему молчали интересные мне окна. Потому что их "пасли". И, судя по оперативности охраны, пасли очень тщательно. А это, в свою очередь, говорило о том, что мой предшественник погиб не случайно. Теперь я в этом был уверен.

Я взял след!

Глава шестая

И все-таки мне нужно было протиснуться в кабинеты подопечного. Просто необходимо! Потому что там была завязка всех интриг, сведших в могилу моего коллегу.

Я был уверен, но не знал, как эту свою уверенность подтвердить. Я не мог представить, как в нужных помещениях установить "жучки". Просто в голову ничего не лезло. Как попасть туда, куда попасть невозможно в принципе?

Загадка. Я снова и снова отсматривал подходы и все более убеждался, что осажденная мною крепость неприступна.

Может, с крыши? Но там столько электрических проводов повязано, что, маневрируя в темноте, можно сгореть...

Стоп. Притормозимся. Что я сказал — проводов? Вот именно, проводов. Очень много электрических проводов. Перекинутых с крыши на крышу. С ненужной крыши — на нужную!

А что из себя представляют провода? Туго натянутую стальную проволоку. Между прочим, не самого маленького сечения!

Желая проверить свои соображения, я немедленно поднялся на ближайшую крышу. Вот они. Диаметром чуть не пять миллиметров. Такие и бегемота средней упитанности выдержат. Если он не будет раскачиваться.

Хорошо, допустим, я могу соскользнуть по наклонной плоскости с более высокой крыши на менее высокую. А как я поднимусь обратно? Но у меня же есть электричество!

Значит так, на каждый из двух проводов я ставлю роликовый каток. Причем катки беру с зауженным желобком, чтобы они заклинивались на проводе. К роликам прикрепляю электрический

двигатель с редуктором на несущий каток. Затем ко всей этой механике через изоляторы привешиваю подвеску для водителя. То есть для себя.

Чем не средство передвижения? Вот только как сделать, чтобы меня вместе с этим воздушно-электрическим транспортом не засекала охрана? Очень просто.

Поздним вечером, за час до намеченного срока, в охрану члена Правительства поступил анонимный звонок о том, что вблизи главного входа злоумышленниками установлена бомба с часовым механизмом.

При предварительном осмотре указанного места была обнаружена картонная коробка из-под торта. Приблизившись с помощью телескопической рукоятки к коробке металлодетектор показал наличие в ней железа.

Охрана немедленно оцепила опасное место и вызвала спецподразделение службы Безопасности. Саперы прибыли через двадцать минут.

В это время я, облаченный в черный комбинезон, с замазанным серой краской лицом, приспособливал свой проволокоход на воздушную электрическую линию. Когда ролики встали на место, между ними и проводами проскочила искра.

Питание включено. Я сел на подвеску и, постепенно распрямляя руки, спустился со среза крыши. Я действовал очень медленно и аккуратно, опасаясь, что от рывка многокилограммового груза провод может не выдержать. Стропы подвески натянулись. Провода просели, но ненамного.

Я включил моторчик. Снизу доносились отзвуки десятков сирен. Это прибывали машины саперов, пожарных, "скорой помощи" и передвижных милицейских гарнизонов.

Набирая обороты, закрутился, пополз по проводу несущий ролик. Проволокоход двинулся вперед. Я в подвеске закачался, поплыл над домами. Вверх никто из охраны, прохожих и жильцов близрасположенных кварталов не смотрел. Все толпились возле парадного входа в правительственные апартаменты. Одни пытались пролезть за ограждение, чтобы получше разглядеть, что там происходит. Другие их не пускали. В общем, всем занятие нашлось. Моими стараниями.

Вот и нужная мне крыша. Я быстро отстегнул подвеску, снял с проводов свою самодвижущуюся машину и зашел в тень ближайшей вентиляционной трубы. Аккуратно расковыряв защитную решетку на трубе вытяжной вентиляции, я на тонкой проволоке опустил внутрь несколько микрофонов. А еще более тонкую, практически не различимую глазом проволочку накинул на один из проводов воздушной электрической сети. Теперь, даже если прослушивать стены специальными детекторами, никто ничего не услышит, так как микрофоны в открытый эфир никаких сигналов не подают. Связь идет по проводам. Здесь — передатчик, там — в конце линии — приемник. И обнаружить их взаимодействие можно, только зная, что оно существует, и только приложив специальный дешифратор именно к этой электрической линии. И никак иначе!

Завершив дело, я поставил на "рельсы" свой электрический одноместный автомобиль и незамеченным убыл восвояси. Короб-

ку из-под торта наконец вскрыли с помощью особой механической руки, управляемой из-за бронированной стенки специально обученным сапером.

Коробку вскрыли и убедились, что в ней был торт. Кремовый. И записка — "Это вам от меня к чаю. С наилучшими пожеланиями. Пейте и не берите в голову!" В общем нормальное именинное пожелание. А железка, которую учуял металлодетектор и из-за которой разыгрался весь этот сыр-бор с сиренами, пожарными и саперами, была под коробкой. Просто кто-то очень неудачно забыл свой торт. А кто-то неумно пошутил, сообщив о том по телефону. Всякое случается.

Через два дня я установил в здании еще несколько микрофонов. И снова в это здание не заходя. На этот раз проводником звуков служила... канализация. В унитазах ведь тоже застаивается вода, поверхность которой покрыта тончайшей пленкой, способной выполнять роль натяжной мембраны. Правда, эти микрофоны были гораздо менее информативными. Просто не в самом удачном месте стояли...

Теперь информация пошла. Со всех микрофонов. И даже с того, что был установлен посредством канализации. Оказывается, в подобных помещениях тоже разговаривают и даже больше и откровенней, чем за обеденным столом.

Через полторы недели я подбил бабки. Записал на одну пленку все наиболее интересные выдержки из разговоров, причем смонтировал их таким образом, чтобы разрозненные, произнесенные в разное время и по разному поводу фразы встали одна за другой.

Я разложил на столе диаграммы и схемы и дал прослушать запись своему куратору. Но не увидел ожидаемой реакции.

— И что из всего этого следует? — спокойно спросил Семен Степанович.

— Из всего этого следует, что гибель агента не была случайностью. Что это — тщательно спланированная и исполненная акция. А причиной послужила работа агента по известному вам объекту. Из всего этого следует, что заказчиком убийства был...

— Возможно, но лишь при условии, что он является преступником.

— Но он действительно является преступником. Занимая государственную должность, он не выполняет своих государственных обязанностей, более того, поступает вопреки им. При возникновении угрозы его изобличения, он пошел на прямое уголовное преступление.

— Это еще надо доказать. Мы имеем дело не с бытовым преступником, которого можно задержать на тридцать шесть часов и вытянуть, выколотить из него всю правду, а с членом Правительства. То есть лицом неприкосновенным. Нам никто его не отдаст.

— Что же тогда?

— Продолжать собирать информацию. Но на новом качественном уровне. Необходимо проследить его жизнь и жизнь людей, с ним соприкасавшихся. Узнать, что он и они делали каждый день. Желательно по минутам. Найти и запротоколировать показания

свидетелей. Просчитать моральный и материальный урон, нанесенный Государству их деятельностью. Только с таким докладом я решусь выйти на власть. И то не уверен, что это не обернется против нас.

— Но это же потребует невероятной работы. Я проводил очень выборочную проверку и то не смог до конца осмыслить всю информацию.

— Это потребует большой работы. Но иного пути нет. Не уловника к стенке жмем. Подумай, какая помощь тебе требуется для завершения работ. Люди, средства, спецтехника? Не стесняйся. На этот раз отказа не будет.

Глава седьмая

Помощь мне понадобилась. И люди, и средства, и техника. В одиночку я мог только повторить тот путь, по которому уже прошел. И с тем же результатом. Я вышел на то поле, где одиночка был не воин.

— Мне необходим персональный компьютер. Из последних, с максимальным быстродействием и максимально большим объемом памяти. К нему сканеры, принтеры и прочая периферия. И хорошего программиста.

— Все?

— Нет. Зеленый семафор по всему пути следования.

— Семафор будет открыт. А вот программист...

— Понимаю, но без программиста не обойтись. Моих званий в этой области не хватит.

Компьютер со всей требуемой периферией я получил на следующий день. Программиста — спустя неделю. Мой шеф Семен Степанович, а может быть, тот, кто сидел над ним, нашел выход из положения. Типично Конторский. Они перебрали все, от Калининграда до Владивостока, онкологические больницы. Узнали профессиональную принадлежность всех безнадежных, но пока еще остающихся в здравом уме и светлой памяти больных. Выбрали из них наиболее сведущих в своем деле программистов. Просеяли через фильтр профессионального экспресс-экзамена. Выявили самых сильных. Профанов, мнящих себя специалистами, отсеяли. Избранных проверили на психологическую и эмоциональную устойчивость. Самых уравновешенных среди самых профессиональных самолетами переправили в Москву. Здесь их еще на несколько часов передали в руки психологов.

Двоим программистам, выбранным по итогам последнего теста, предложили заключить годовой контракт на участие в специальных работах, направленных на поддержание безопасности и обороноспособности страны.

Один отказался. С него взяли подписку о неразглашении государственной тайны и отправили в закрытую клинику в инфекционный блок. Там под присмотром врачей ему и надлежало закончить свой земной путь.

Оставшийся согласился и подписал контракт. И еще подписал обязательства по неразглашению государственной тайны, где в десяти пунктах говорилось об одном — если он кому-ни-

будь что-нибудь расскажет, его будут судить по статье за измену Родине. И приговорят к расстрелу.

Через двадцать минут он был у меня.

- Так это вы будете моим шефом?

- Я.

- Как мне к вам обращаться?

- Как угодно. Например, Федор Федорович. Или Иван Иванович. Не суть важно.

- Тогда лучше Федор Михайлович. У меня свояк был Федор Михайлович. На вас походил.

- А как вас звать-величать?

- Александр. Александр Анатольевич. Сиротин.

- Очень приятно.

- Тем же ответить не могу, но явной антипатии к вам не испытываю. Пока.

Ну что ж, и на том спасибо.

Глава восьмая

Начинать пришлось с повторения пройденного. Со сведений, которые я собрал до того и хранил на слайдах, в диаграммах, но большей частью в голове.

- У вас компьютерное мышление, - похвалил мои способности Александр Анатольевич, рассматривая представленные материалы. - Только знаний основ математического моделирования не хватает. Вот здесь можно было сделать проще. И здесь. И здесь. А этого можно было вообще не вычислять. Это следовало неизбежным продолжением вот этих построений. Вы только логический мостик не смогли перекинуть. Но в целом здорово! Кто бы мог предполагать в работнике подобного учреждения такие аналитические способности.

- Спасибо за доброе слово. Оно и работнику такого учреждения приятно.

Всю информацию, которую я раскопал за последние две недели, Программист перевел на понятный машине язык.

- И уместилась вся ваша информация вот здесь, - показал он маленькую, трехдюймовую дискету. - Еще и место осталось. Немного вы информации накопили. С такой базой данных ни о каких математических моделях даже разговора идти не может.

- А с какой может?

- С десяти-двадцатикратно большей.

Итак, мне нужна дополнительная информация. И обязательно из первоисточника! Той, что вокруг да около, я насобирав с избытком. Пусть теперь о себе расскажет сам герой дня. Я решил обратиться к личному эпистолярному творчеству своего подопечного. Писал же он отчеты о проведенных мероприятиях. И командировочные сдавал. И авиационные и железнодорожные билеты. До того, как на такую высоту взлетел, где вместо купейного вагона скорого поезда - персональный правительственный самолет. Без билетов. Не всегда же он был Мэтром. Когда-то и в служках ходил.

И интересно, где ходил? С этого, с выяснения его бывших мест работ, я и начал. Летуном оказался наш Правитель. Из кресла в

кресло так сигнал, что только штаны в швах трещали. Причем не когда вниз, только — вверх.

Вот по этим креслицам мы и пройдем. От тех, что внизу, — к тем, что повыше...

Глава девятая

— Здравствуйте, — сказал я молоденькой и очень милой на вид работнице бухгалтерии. — Тут такое дело, помощь ваша требуется. Очень. — И улыбнулся, как можно более обаятельно.

— И какая же помощь? — ответила она, автоматически поправляя прическу и тоже улыбаясь.

— Так, пустичок. Требуется мне навести кое-какие справочки по командировочным документам.

— И все?

— И все.

— Я не имею права показывать финансовые документы посторонним людям!

— И все же я рискну повторить свою просьбу. Я из милиции.

— Минуточку, — вспыхнула девушка и схватилась за телефонную трубку.

— Мария Ивановна, здесь из милиции пришли. Просят документы показать.

В бухгалтерии наступила мгновенная тишина. Даже мухи перестали летать, почуяв что-то неладное.

— Вас просит зайти к себе главный бухгалтер, — деревянно произнесла девушка и указала изящным пальчиком на дверь.

— Я подойду к вам еще. Попозже, — многозначительно пообещал я, разворачиваясь к указанной двери.

Главный бухгалтер не была молода, не была привлекательна и не улыбалась.

— Я вас слушаю, — сухо сказала она и посмотрела на часы.

Нет, здесь мягким обхождением ничего не добьешься. Здесь надо запугивать. Сразу. И желательно до судорог.

— Отдел по борьбе с особо опасными экономическими и финансовыми преступлениями, — представился я. — Следовательно по особо важным делам майор Филимонов. Вот мое удостоверение.

Лицо главбуха напряглось и стало напоминать кирпич. Красный. Видно, не все в ее хозяйстве благополучно, раз она так каменеет.

— Мне нужна ваша помощь.

Главбух кивнула. Похоже, надо переходить к просьбам, пока ее паралич не разбил.

— Дело крайне серьезное... Мне необходимо просмотреть все командировочные предписания, доверенности и еще некоторые документы за период... Впрочем, это дело следствия. Об этом я говорить не буду. Вы готовы представить мне требуемые материалы? Или мне обращаться в вышестоящие инстанции для оформления изъятия?

— Нет. То есть да. То есть, конечно. Мы готовы помочь, — затараторила главный бухгалтер, поднимая телефонную трубку. — Лиза! Помогите, пожалуйста, товарищу мили...

— Не надо! — остановил ее я. — Давайте без должностей.

- Просто товарищу, - растерянно повторила главбух, - в просмотре документов... - Она подняла вопросительно бровь.

- Я сам скажу каких.

- Он сам скажет.

- Вот и славно. Значит, мою помощницу зовут Лиза?

- Да, Лиза.

- Спасибо за оперативную помощь. Да, и еще. Пожалуйста, никому не рассказывайте о моей просьбе. Сами понимаете - следствие еще не закончено. Хорошо?

- Хорошо!

Примерно по тому же сценарию я действовал и в других бухгалтериях и канцеляриях. Где-то как майор милиции, где-то как взрывковник Безопасности. В зависимости от того, какого страха хотел нагнать.

И только в последних, приближенных к власти организациях мне пришлось сменить тактику. В архивы этих Учреждений посторонних без согласования со службой охраны не допускали. Даже если они были майорами МВД. Здесь метод нахрапа не подходил.

Здесь приходилось брать на жалость.

Вечером после работы я вылавливал кого-нибудь из работников бухгалтерии или архива и рассказывал слезливую историю.

- Мне очень стыдно вам признаваться, но я подозреваю, что моя жена гуляет. Она мне изменяет. С... - и наклонившись, я на ухо шептал искомое имя.

У женщины глаза на лоб лезли. Но одновременно в них вспыхивал огонек любопытства. Это же не сплетня - это всем сплетням сплетня!

- Да. Так получилось. Я человек не из последних. И тем не менее... Она предпочла его.

Женщина сочувственно вздыхала и спрашивала:

- Чем я могу вам помочь?

- Пустяк. Я подозреваю, что это началось в командировке. И продолжается в командировках. Она все время ездит. Все время с ним. Наверняка с ним! Я должен узнать! Прошу вас, просмотрите время приездов и отъездов. Ведь это никому не повредит. Скажите мне, куда он ездил. А я сравню. Я знаю дни, когда ее не было дома. Только вы можете спасти меня. Я готов заплатить. Любую сумму. Деньги для меня ничего не значат! Только любовь. Вот возьмите. - Я совал в сумку женщины скомканные купюры и плакал. - Я буду ждать вас здесь завтра. И послезавтра. И столько, сколько будет необходимо. Вы поможете мне? Ведь это только командировки, в которых нет ничего запретного. Я могу надеяться?

Когда получал требуемую информацию, я совал в сумку еще денег и говорил:

- На этот раз я, кажется, ошибся. Нет, сроки командировок не совпадают. Они не ездили вместе. Наверное, это был кто-то другой...

- Возьмите обратно деньги, - кричала вслед женщина, протягивая мне купюры.

Я останавливался и жестко говорил, переходя на "ты":

— Оставь их себе. Они тебе нужнее. Взгляни на себя в зеркало и купи макияж и новую одежду. Ты сделала работу. Работа должна оплачиваться.

После этих слов дальнейшее расплывание сплетни было исключено. Не о чем было рассказывать.

Глава десятая

— Вот все, что я дополнительно накопал, — передал я Александру Анатольевичу вновь добытые материалы.

— Негусто, — заметил он, запуская машину.

Машина заглотила один лист, испещренный цифрами и названиями городов, и еще один, и еще.

— Свято. Ну что, пускаем в работу?

— Давайте! С Богом!

— Давно ли вы стали верующим, начальник? — съехидничал

Программист. — С чего начнем? С хронологии или географии?

— С географии. Хронология вторична.

Карта страны распалась на отдельные составляющие. Дальний Восток. Забайкалье. Центральная Сибирь. Урал. Европейская часть. И снова точки и пунктиры. Но уже гораздо более подробные.

— Бывшие республики?

— Давайте.

— По одной? Или блоками?

— Блоками. По три-четыре. Слишком они маленькие, чтобы для каждой свой лист заводить.

— Я могу масштабы увеличить.

— Не надо масштабы увеличивать. Много чести будет.

— Прибалтика. Украина. Белоруссия. Молдавия. Кавказ. Средняя Азия. Куда теперь?

— Давай за кордон. Надоело дома пасть.

Снова распались карты и снова прорисовались тонкой контурной линией. Европа.

— Детализируйте. Северная. Центральная. Южная. Точки по столицам и по крупным промышленным центрам.

Много точек. И много линий. И почти все пунктирные. Здесь подопечный на поездах почти не ездил.

— С Европой все. Куда дальше?

— Прыгаем через океан.

— Что выводить?

— США и Канаду. Есть США и Канада. Точка. Точка. Еще точка. Перепрыгнули через канадскую границу, рассыпались городом в районе Нью-Йорка.

— Детализируйте.

— Масштаб?

— Максимальный.

Карта города. Пересекающиеся авеню и стриты. И сразу сбой. Красный, мигающий квадрат посреди экрана. И надпись:

“Не могу отобразить информацию”.

— В чем дело? Что случилось?

— Ничего. Отсутствуют входные данные. То есть нет конкретных адресов.

Все правильно, их и не должно быть. Их просто никто не собирал и не загружал в память машины. Разговор шел только о городах, а не улицах, из которых они состоят. Только о городах. А можно было и о улицах! Надо будет потом вернуться к этому вопросу. Надо будет уточнить.

- Дальше. Мексика. Мелкие страны Карибского бассейна. Смотрим оптом или в розницу?

- Оптом.

Негусто. Три точки - Куба. Точка - Никарагуа. Никарагуа? Каким ветром его занесло туда? И зачем?

Когда отсматривал газеты, я эту информацию пропустил. А компьютер заметил!

- Дальше.

Венесуэла. Бразилия. Парагвай. Африка. Северная. Центральная. Южная. В Южной три точки. Это значит как минимум три визита. Переезжаем в Азию. Ближний Восток. Израиль. Индия. Афганистан. Сплошные точки. Скорее всего, какой-нибудь визит по линии шефства над войсками. С известными артистами и раздачей новогодних подарков. Еще в те, военные, времена.

Китай. Япония. Австралия. Новая Зеландия. Ну ты подумай, и сюда добрался одной точкой и длинным-длинным пунктиром аж из самой Москвы. Все!

- Накладываем время?

- Накладываем.

Снова запрос. Уточнение. Согласие. Надо выстроить все в хронологическом порядке. Что за чем. Где он был. Сколько раз. Где был вначале, где потом. Как долго задерживался в одном месте. И куда отбывал после этого.

- Время расставлено. Какая следующая составляющая?

- Следующая составляющая - люди. И их должности на тот момент.

- Принял. Начинаю работать.

На чистые контурные карты легли фамилии. И должности на момент визита. Очень много фамилий. И очень много должностей. Похоже, объект не любил путешествовать в одиночестве. Предпочитал брать с собой в вояжи немалую компанию.

Возле каждой фамилии время визита. Приезд - убытие.

- Информация не вмещается в листы.

- Изменяйте масштабы.

Укрупняются точки, увеличивается свободное пространство. А фамилии все не вмещаются.

- Переходим в Европу. В Америку. В Африку.

- Сделано.

- Рассортируйте по хронологии и накладывайте.

Вызов. Запрос. Согласие. Карта времени и маршрутов географических перемещений легла на карту фамилий и должностей, поглотила ее и превратилась в единую карту времени - места - людей. Теперь достаточно было вызвать нажатием клавиш любое географическое название, чтобы наглядно увидеть, кто, когда, сколько раз и с кем там побывал.

- Карта сохранена. Что дальше?

– Дальше? Дальше надо думать. Механическая работа кончилась. Теперь не ему, – показал я на компьютер, – теперь мне надо файлами шевелить.

Глава одиннадцатая

Я узнал многое: я узнал, кто, где и когда находился в непосредственной близости от объекта изучения в последние десять лет. Я стал обладателем огромного фактического материала, но не знал, как им правильно распорядиться.

Море информации – и полная невозможность ее использовать. Уверен – больше ничего искать уже не нужно. В памяти компьютера есть все, что требуется, – и подозрения, и улики, и доказательства, и сделанные на их базе выводы. Все! Надо только уметь их вытянуть из гороподобного нагромождения разрозненных фактов. Из всех этих имен, географических названий и должностей. Имен и ... должностей.

Стоп! А если действительно так? Если это и есть выход из положения? Почему бы и нет?

Я немедленно разбудил Александра Анатольевича, который отсыпался здесь же, возле рабочего места, на раскладушке.

– Запускайте свою машину. Есть работа!

– Какая работа?

– Такая, которую может сделать только она, – я ткнул пальцем в персоналку, – и мы!

– Вводим новую составляющую. Должности.

– Что?!

– Должности людей, вступавших в контакт с объектом. В динамике! От дня знакомства – до сегодняшнего дня.

На этот раз Александру Анатольевичу пришлось попотеть. Запрос. Ввод информации. Уточнение. Еще уточнение. И еще три с половиной часа молчаливого диалога с машиной.

Все лица, когда-либо имевшие контакт с интересующим меня объектом, были уложены в систему временных, географических и должностных координат.

– Все?

– С русским алфавитом все. Но есть еще латинский шрифт.

– Иностранные контакты?

– Иностранные. Будем писать?

– Конечно. Всех будем, даже тех, кто с ним один-единственный раз случайно вместе в сортир сходил! Никаких привилегий! Чем иностранцы лучше наших?

– Ничем.

– Тогда пишите.

– Пишу. Готово!

– А теперь проведем сортировку. Неудачников – к неудачникам. Карьеристов – к карьеристам. Середнячков – к середнячкам. Возможно такое?

– Отчего же нет. Получите.

– Замечательно.

– Что замечательно?

– Замечательно быстро у нее все это получается.

- На то она и машина. Что дальше?

- А дальше мы сделаем следующее...

С тем, что "дальше", нам пришлось ломать голову три дня.

Мы никак не могли друг друга воспринять. Программист - меня. Машина - его. Я - их обоих.

- Я не пойму, что вы хотите в результате всего этого получить?

- Итоговую таблицу. Окончательный вывод.

- Но выводы уже есть. Отдельно по каждой позиции.

- А мне нужно не сто таблиц, а один вывод!

- Не понимаю!

- Ну хорошо, давайте сначала... - И снова отсматривая предлагаемые варианты, я говорил: - Нет. Не подходит. Нет! По новой! По новой! И лишь на сто первый раз я прервал бесконечную цепочку провалов: - Остановитесь!

Я откинулся на спинку стула и замер, широко раскрытыми глазами уставившись в экран.

Тот вывод, что он предлагал мне, истиной быть не мог. Потому что не мог быть истиной никогда!

Какие там, к черту, подозреваемые мной должностные злоупотребления и финансовые махинации! Какие мелкомафиозные разборки! Дело было совсем не в них. В сравнении с тем, что я увидел на экране, они были детской шалостью воспитанниц института благородных девиц!

- Что с вами? - напряженно спросил Александр Анатольевич. - Вам плохо?

- Мне плохо! - ответил я. - Но помочь мне нельзя.

Тысячи усвоенных памятью компьютера страниц газетных сообщений и документов, сотни географических названий и фамилий, перетасованных друг с другом и упорядоченных с помощью математических формул, превратились в одну-единственную коротенькую, из трех слов, фразу. Фразу, в которую я не хотел поверить.

- Ваш компьютер не мог сойти с ума? - спросил я.

- Компьютеры не умеют сходить с ума. Потому что у них нет ума. У них есть только микросхемы.

- Тогда с ума сошли мы.

- Да скажите же наконец, что там у вас получилось, - нетерпеливо спросил Александр Анатольевич. - Мировая война, что ли?

- По масштабам разрушений - почти. Из всего того, что мы здесь нагородили, получается, что наш клиент - агент влияния.

- Что?

- **ОН АГЕНТ ВЛИЯНИЯ!** - повторил я три роковых слова.

- Какого влияния? Кого над кем?

- Агент влияния - это человек в верхних эшелонах власти, способный оказывать влияние и влияющий на политику своего государства в удобную кому-то сторону, - повторил я, словно строку из учебника прочитал, азбучную для разведчиков истину. - Агент инородных сил.

- Каких-каких сил? - еще раз переспросил Александр Анатольевич.

- Не наших. В том-то и дело, что не наших, не внутренних. Он агент влияния ИХ сил.

– Ого! – присвистнул Александр Анатольевич. – Так он шпион, что ли?

– Хуже. Шпион – мелочевка. Шпионы могут воровать государственные секреты. Но не могут влиять на ход дел в этом государстве. А агенты влияния – могут.

– Но почему вы решили, что он агент этого самого влияния?

– Это не я решил. Это он решил, – кивнул я на компьютер. – Смотрите. Из всех визитов, которые происходили за границей, компьютер выделил двадцать восемь. В этих двадцати восьми визитах наш подопечный контактировал почти с тремя сотнями иностранцев.

Но лишь с шестьюдесятью – больше, чем два раза. И лишь с тремя десятками свыше трех раз. И лишь с девятнадцатью еще больше.

С этими девятнадцатью иностранцами он контактировал от девяти до двадцати раз с каждым! До двадцати! А с подавляющим большинством всех остальных меньше трех! Впечатляет?

– Впечатляет, но ничего не доказывает!

– Все верно. Если рассматривать только эти цифры. Вне зависимости от остальных цифр и событий.

Все эти девятнадцать иностранцев в разное время, от трех до двадцати пяти раз, побывали в нашей стране. И встречались с объектом. В то время как остальные контактеры если и гостили у нас, то от силы один – два раза. А большинство так и не пересекли наших границ. Остальные были просто иностранцами.

Но самое интересное не это. Каждый из этих девятнадцати иностранных гостей занял на территории нашей страны какую-нибудь должность. Каждый! И каждый при органах государственной власти. Большинство – экономическими, научными и прочими консультантами.

Каждый из тех, кто имел контакты с объектом наших исследований, получил в свои руки рычаг управления! Теперь все ясно?

– Теперь все.

– А мне, похоже, нет! С этими данными мы не можем докладывать о завершении работ. Не можем выходить на власть.

– Но почему?

– Потому что у меня нет полной уверенности в своей правоте. Потому что у нас нет эталона, на котором мы можем проверить степень достоверности используемой методологии. Например, нет статистического анализа деятельности всех прочих членов Правительства. Нам необходимо проверить себя еще раз. Слишком большой банк поставлен на карту.

– Но это миллионы бит информации!

– Я понимаю. Но другого пути у нас нет. Вы выдержите, потому что кроме вас эту работу сделать никто не сможет.

– Нет! – твердо сказал Александр Анатольевич.

– И все-таки – да!

Глава двенадцатая

Дело явно не заладилось. То “зависал” компьютер. То обессиленно ложился головой на клавиатуру программист.

– Ну в чем, в чем проблема? Ведь мы уже делали все то же самое.

– То же самое, но совсем в других масштабах. И значит, совершенно иное.

– Может быть, я могу вам чем-нибудь помочь?

– Можете. Помолчите хотя бы полчаса.

Я отсаживался подальше, наваливался руками и подбородком на спинку стула и замирал.

Потом он меня будил.

– Ну что, попробуем?

– Попробуем!

И... снова ничего не получалось. И еще раз... А когда наконец получилось, я этому не обрадовался. Совершенно! Я открыл глаза после очередного получасового задремывания и увидел недвижимо сидящего перед экранами, уперевшего сжатые кулаки в виски Александра Анатольевича.

– Опять ничего? – спросил я, мало надеясь на положительный ответ.

– Нет, на этот раз “чего”. Даже очень “чего”.

Я вскочил со стула, подбежал к компьютерам.

– А почему так невесело?

– Потому что я получил абсолютно тот же результат.

– Какой тот же? – не понял я.

– Тот же, что и в первый раз.

– Но этого не может быть. В первый раз мы отсматривали только одного человека. А здесь – десятки.

– Ну и что? От перемены мест слагаемых сумма не изменилась. Можете посмотреть сами.

Я приник к мониторам. На четырех экранах застыли четыре одинаковые картинки. Потом Александр Анатольевич вернул на мониторы первоначальную таблицу. Ту, которую мы создавали раньше. Самую первую таблицу, ради проверки которой я затеял весь этот сыр-бор.

– Теперь все понятно?

Теперь все было понятно. Я сел на стул. А если бы его не было, я, наверное, сел бы на пол.

– Я так понимаю, что на этот раз надеяться на ошибку нельзя?

– Нельзя. Можно ошибиться в одном случае, но невозможно во всех. Ошибка исключена.

– И что теперь с этим делать? – задал я совершенно идиотский вопрос.

– Что хотите. Это ваша затея.

Затея действительно была моя. Это я догадался заливать огонь бензином! Это я, пытаясь выбраться из ямы, провалился в бездонную пропасть. Я видел на экранах то, что не хотел видеть. Я падал, падал, падал в пропасть...

Возле каждого из десятка взятых наугад политиков кучковались свои иностранные прилипалы. Больше подле удачливых правителей, меньше возле неудачников. Но обязательно возле всех.

Каждое такое знакомство возникало после визита облеченного властью лица за рубеж. Или приема зарубежного гостя здесь. Ни позже, ни раньше.

После каждого знакомства этот политик снова ехал за рубеж докладчиком на научную конференцию или симпозиум. Ехал за счет принимающей стороны.

После каждого такого доклада он выпускал на Западе книгу. Или две книги. И получал за них гонорар.

После каждого такого знакомства, доклада и книги его новый знакомый занимал определенный пост в непосредственной близости от руководства страны.

Из всего этого можно было сделать единственный вывод — согласно придуманной нами схеме все они были агентами влияния. Или агентом влияния не был объект нашего изначального интереса.

Или — или. Без промежуточных вариантов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава тринадцатая

Президент затребовал начальника лаборатории долгосрочного прогнозирования.

— Я хочу вернуться к нашему старому и, как показало время, незаконченному разговору. Меня интересует вопрос — как мы можем убыстрить изложенные в вашем докладе процессы? Возможно ли это в принципе? И что для этого требуется делать?

182 Прощу отвечать просто, без оглядки на субординацию, без соблюдения дистанции и опаски сказать что-либо для меня неприятное. Мне не нужна искаженная информация. Надеюсь, вы меня поняли?

— Понял.

— Итак?

— Это возможно. Но прежде следует уточнить степень допустимого воздействия. Насколько важно сохранить тайну факта оказываемого влияния? Будут ли задействованы силовые структуры? Разведка? Посольские службы?

— Тайна должна быть абсолютной. Вооруженные силы в массе своей не используются. Разве только для демонстрации силы в приближенных регионах. Посольства и разведка в полной мере.

— Тогда придется ограничиваться мерами косвенного воздействия, которые просчитать практически невозможно. Они, конечно, менее действенны, чем меры прямого давления, но все в комплексе и при длительном временном использовании дадут неплохой результат.

— В чем они состоят?

— В первую очередь, культурная экспансия. С ее помощью мы добиваемся убыстрения процесса брожения. Подобная тактика с успехом применялась еще римлянами.

— Какие каналы наиболее действенны?

— По статистике и в порядке убывания — телевидение, радио, кино, печатная продукция. По форме — комиксы, музыка и детские мультфильмы.

- Хорошо. Дальше.

- Экономические санкции. Везде, где возможно, их надо вытеснить с прибыльных рынков. Препятствовать приобретению передовых технологий, чтобы продавать по завышенным ценам готовый продукт.

- Это понятно. Еще.

- Сконцентрировать усилия на развале административных окрестностей. Всякая империя сильна объединением составляющих ее сил. Но в этом же ее слабость. Поддержание порядка на множестве географически удаленных от центра территориях, если вдруг этот порядок не станет, требует огромных силовых и финансовых затрат. Следует использовать любые мотивы, способствующие напряжению отношений между окраинами и центром. Национальные, религиозные, территориальные, экономические. И даже личные. Демонстрировать интерес по совместным экономическим и финансовым проектам. Обещать кредиты и тому подобную прямую и косвенную помощь. Наконец подкупать первых должностных лиц.

- В каком смысле?

- В самом прямом. За доллары.

- Что еще?

- Дестабилизировать третьи страны, которым противник оказывает экономическую, военную и прочую помощь.

- Что еще?

- Всячески способствовать разделению монолита правящей партии на соперничающие группировки по возрастному, национальному, административному и клановому признакам...

- Еще...

- Еще...

- Еще...

- Спасибо. Я получил от вас исчерпывающую информацию. Если понадобятся какие-либо уточнения, я вызову вас еще раз.

Президент услышал все, что хотел услышать. И даже сверх того, что ему сказали. Потому что он обладал гораздо более обширным объемом информации, чем простой завлаб. Он имел возможность сравнивать.

Глава четырнадцатая

Начальника лаборатории вызвали уже через пять дней.

- Я попросил просчитать затратную сторону изложенной вами программы. Итоговая цифра, как я и предполагал, получилась значительной. Очень значительной.

Разработчик программы согласно кивнул.

- И все же стократно меньшей, чем требуется на разработку, испытание, тиражирование, внедрение и поддержание в постоянной боевой готовности новых типов вооружения. Подготовка к войне — это очень затратное дело. Пожалуй, самое затратное из всех.

Я готов рассмотреть вопрос субсидирования ваших разработок. Но для этого мне надо узнать ваше мнение еще по ряду проблем.

Скажите, через какой промежуток времени, в лучшем и худшем случаях, ваша программа может дать конкретные результаты?

— В лучшем: через пять-шесть лет. В худшем: через десяти-пятнадцать. В среднем: восемь-десять лет.

“Десять лет это немного”, — подумал про себя Президент, и вслух произнес:

— Еще один вопрос. В химии придуманы катализаторы, которые добавляют в раствор, когда хотят убыстрить ход реакции. Можно ли придумать подобный “катализатор” для политико-экономических процессов, начавшихся в известной нам стране? Существует ли, пусть даже чисто теоретическая, возможность убыстрить реакцию распада?

— Конечно. Если действовать с позиций силы.

— Нет, силовые методы исключаются.

Завлаб задумался.

— Чтобы ответить на ваш вопрос, мне надо подумать.

— Сколько вам потребуется на это времени?

— Сутки. Может быть, трое. Трудно сказать.

— Я даю вам неделю. Через неделю вы доложите мне свои соображения по поставленной проблеме. И постарайтесь выдать максимально возможный результат. Я знаю, что вы это можете. Я уже убедился, что вы умеете работать.

— Я готов ответить на ваш вопрос, — ровно через семь дней сказал аналитик. — Я готов ответить на него положительно.

— Значит, это возможно?

— Да.

— Что для этого требуется?

— Разработать заведомо ложные программы экономического и политического переустройства страны.

Выбрать из тех, что находятся у власти, а если таковых не найдется, создать собственными усилиями лидеров, потенциально готовых принять за основу переустройства предложенные программы.

Подготовить лидеров замены, которые, в случае неудачи, могут перехватить власть, поменяв лозунги, но не изменив прежнего политико-экономического курса.

Обеспечить данным лидерам максимально возможную поддержку представителей наиболее значимых финансовых, административно-хозяйственных кругов.

Организовать кампанию поддержки через привлечение наиболее известных деятелей культуры, искусства, науки, пользующихся авторитетом у широких слоев населения.

Окружить лидеров командой сторонников, которые будут, с одной стороны, гарантированно поддерживать предложенные им программы, с другой стороны, блокировать подходы к лидеру для людей, с ними не согласных.

Приложить максимум усилий к разрушению существующего административно-управленческого механизма, через него — промышленного потенциала страны, через него — сложившегося рынка товаров и услуг...

— Минуточку. Вот этот пункт. Разве можно представить народ или хотя бы большую его часть, которая была бы способна разрушить то, что уже существует, не получив взамен равнозначной и быстрой компенсации? Боюсь, вы ошибаетесь в данном предположении.

- Нет. Я не ошибаюсь. Такой народ есть. С таким народом нам предстоит иметь дело. Они готовы разрушать настоящее без гарантии дальнейших материальных и даже моральных компенсаций. Мы отсматривали их историю. Подобные процессы имеют устойчивую тенденцию к повторению в течение каждые сорока-пятидесяти лет. Сразу после того, как уйдет предыдущее поколение реформаторов. Они нация без отрицательной памяти. Им процесс важнее результата.

- Это невозможно. Нации должен быть присущ инстинкт самосохранения.

- Этой - нет.

- Я не могу этого понять.

- Я тоже. Мы люди другого мира и другой истории. Нам важен результат. Возможно, подобная формула закодирована в их генах. У нас разная история. И разная наследственная информация.

- Хорошо, продолжайте.

- Кроме тех пунктов, что я уже перечислил, необходимо...

Президент слушал долго. Президент выслушал все, но так и не смог принять окончательного решения. Он боялся попасть на удочку легкого решения.

Глава пятнадцатая

Начальнику лаборатории долгосрочных прогнозов Центра стратегических исследований повезло. Сказочно повезло. Как Золушке, попавшей на бал к Королю. Собственно говоря, он и был этой Золушкой. А доброй Феей - Президент Соединенных Штатов Америки.

- Мне представляется, что ваша нынешняя должность не соответствует вашим способностям и вашему доходу. Наша страна нерационально использует ваш потенциал. Хочу предложить вам возглавить самостоятельное дело.

- Какого характера будет это дело?

- Того же самого характера. Вам не придется делать ничего нового. Но придется делать это на принципиально новом уровне. Достойном ваших способностей.

- Каковы материальные условия?

- На ваше усмотрение. Мы даем вам карт-бланш. Так что успевайте выкручивать нам руки. Пока это возможно.

- Каким образом будут строиться мои взаимоотношения с непосредственным руководством?

- У вас не будет непосредственного руководства. Кроме вас самих. Вы не будете подчинены никому.

- В таком случае кому я должен буду докладывать результаты работ?

- Лично мне. И никому более.

- Я так понимаю, что когда нет руководства, но есть не лимитированное субсидирование, речь идет о какой-то из форм частной собственности? Которая, тем не менее, работает по заказам государства.

- По гарантированным на много лет вперед заказам! Вы все очень правильно просчитали. А я имел возможность лишний раз

убедиться в ваших аналитических способностях и правильности нашего выбора.

— С государственной службы мне, конечно, придется уйти?

— Да, вам придется подать в отставку. Материальные потери, связанные с подобным шагом, будут, естественно, компенсированы.

— Причина отставки?

— Ваша не поддающаяся лечению болезнь. У вас найдут неоперабельную опухоль. Или что-нибудь еще. Вы вынужденно уйдете в отставку. Вы будете лечиться. Но все равно умрете.

Завлаб еле заметно вздрогнул.

— Вы умрете под своей старой фамилией, чтобы возродиться под новой.

— Программа защиты свидетелей?

— Да, нечто в этом роде. Вы получите новые документы и новый внешний облик.

— Зачем такие сложности?

— Иначе мы не сможем вывести вас из-под опеки вашего ведомства.

— Неужели Президент и подчиненная ему Государственная разведка не могут договориться обо всем полюбовно? Без этих смен фамилий и пластических операций.

— Не могут. В некоторых случаях не могут. Вы работник закрытого учреждения, имеющий допуск к государственным секретам. Вы не можете просто уйти с работы и открыть частную фирму. Вас будут отслеживать всю оставшуюся жизнь. Поэтому она у вас будет такая короткая.

— Но не значит ли это, что мне предстоит заниматься противозаконной деятельностью?

— Ваша работа будет направлена исключительно во благо нашего Государства. И в убыток ее недругам.

— Я понял — вы не желаете впутывать в это дело госструктуры, чтобы вам на хвост не сел Конгресс. Вы опасаетесь международного скандала. И поэтому придумали частную фирму, отвечающую перед законом только своим капиталом. И головой своих владельцев.

— Вы опять все поняли так, как надо. И значит, вы поняли характер работ, которые вам предстоит выполнить.

— Подготовка сценариев дестабилизации, а в идеале — политического переустройства названных вами стран. А что станет с моей семьей?

— Одно из двух: либо они овдовеют и осиротеют. Либо тоже "умрут". Как и вы.

— Когда я должен дать ответ?

— Сейчас.

— Но я имею право не принять ваше предложение? Имею возможность отказаться?

Президент промолчал.

186

Заведующий лабораторией долгосрочных прогнозов Центра стратегических исследований Центрального Разведывательного Бюро США умер через два с половиной месяца после ухода в отставку. Умер в главном военном госпитале во время операции по удалению злокачественных новообразований в правом легком.

Близкие получили выписки из его больничного дела, заключение патологоанатомов и нотариально заверенное, продиктованное в последний момент завещание. Медицинский персонал утверждал, что в последние перед операцией дни покойный предчувствовал свою кончину.

Родственникам и близким друзьям продемонстрировали тело умершего в морге и далее, согласно его, высказанной в завещании просьбе, уложили в закрытый гроб, который так и не вскрыли до самой могилы.

Заведующий лабораторией долгосрочных прогнозов умер. Но в тот же день родился другой, с другой внешностью, другой фамилией и другой биографией человек. Его не вытаскивали в самый последний момент из гроба и не вывозили из морга на каталке мимо толпы скорбящих родственников, прикрыв с головой простыней. Ничего такого не было. Просто в удобном месте, в удобное время заранее подготовленные медбратья подменили гроб. Полный завернули в предварительно освобожденное от больных и персонала помещение. Пустой передали близким покойного.

Выждав четверть часа, гроб перегрузили в машину-катафалк и вывезли в неизвестном направлении.

Потом были три подряд пластические операции и бесконечные беседы с психологами и людьми, обеспечивающими программу защиты свидетелей. Эти люди много говорили, советовали, предостерегали и почти ничего не спрашивали. Они не имели привычки спрашивать. Работа отучила их от излишнего любопытства.

- Вот ваши новые документы. Ключи от машины. Ключи от гаража. Ключи от дома. Вот кредитные карточки. В гостиной на секретере вы найдете свой семейный архив, в прихожей чемоданы с предметами домашнего обихода. Из прежней жизни.

Вы только что через посредническую контору и адвоката купили этот дом. Вы переехали в этот город, чтобы забыть о том, что ваша семья погибла в автомобильной катастрофе. Ваша семья погибла вся. Целиком. Жена. И дочь с мужем...

- Не надо. Я знаю.

- Тогда счастливо обустроиться. Если возникнут проблемы — звоните вот по этому телефону.

Аналитик остался один. Вообще один. В целом мире. Он. И еще Президент.

Глава шестнадцатая

Форт Колорадо-Бронкоуз — бывшая база вооруженных сил США, переданная во владение частной, никому не известной в округе фирме, была обнесена еще одним четырехметровой высоты забором, на ближних подступах были установлены запрещающие въезд и вход знаки, окружные шерифы предупреждены о нежелательности появления вблизи означенного объекта праздно шатающихся местных жителей.

В провинциальных газетах была помещена реклама о выполнении работ, связанных с информационно-аналитическими услугами. И указан почтовый адрес и телефон.

Нескольким, заинтересовавшимся предложением и сумевшим дозвониться по указанному телефонному номеру, заказчикам в исполнении работ было отказано. В связи с тем, что портфель заказов фирмы был заполнен по меньшей мере на пять лет вперед.

Но на самом деле заказ был один – от Президента Соединенных Штатов Америки.

С фирмой был заключен соответствующий, обязывающий ее к сохранению тайны договор, а в их офис, по просьбе соответствующих чиновников канцелярии Президента, был направлен взвод морских пехотинцев, для исполнения охранных функций.

Но пехотинцев для охраны такой значительной по протяженности территории было мало, и фирма, дабы не рисковать не принадлежащими ей секретами, наняла на работу еще несколько десятков работников из числа бывших полицейских.

Из местных жителей на территорию базы никто не попал и самих работников базы никто не видел. Привычки шляться по окрестным кабакам и прочим местным достопримечательностям у них не было. С местными девушками они не знакомились. За свежими продуктами в магазины не заходили – видно, имели всего в достатке. Работников базы привозили и увозили на шикарных, с затененными стеклами автобусах, которые в ближних поселках и даже на автозаправочных станциях не останавливались.

Злые языки утверждали, что такого не может быть, чтобы молодые симпатичные охранники и прочие наемные работники мужского пола не хотели бы попить свежего пивка и попялить глаза на местное женское население. Но это были только слухи, не имеющие никакого фактического подтверждения. Постепенно слухи затихли, и все привыкли к базе, к царящим там порядкам и к завесе секретности, ее окружавшей.

– Вам достает средств? – спросил Президент.

– Вполне, – ответил Аналитик.

– Требуется еще какая-нибудь помощь?

– Да, мне нужна информация. Входящая информация. Мне нужны газеты и журналы. В том числе местные. И особенно отдельных административных областей. Мне нужны записи радио- и телевизионных передач. Стенографические записи их съездов, совещаний и других партийных и административно-хозяйственных мероприятий. Отчеты социологических опросов. Научные статьи, посвященные демографии, экономике и культуре.

Одним словом, мне нужно все, что у них печатается и передается в радио- и телевизионном эфире.

– Чем вам может помочь периодика?

– Рейтинг политического, равно как и оппозиционного, деятеля проще всего установить по тому, сколько раз, в каком контексте и в обрамлении чьих фамилий он упоминался в средствах массовой информации.

– Зачем вам рейтинги, если у вас есть исчерпывающий поименный список всех их партийных и хозяйственных функционеров?

– Меня интересуют не ныне существующие политики. А будущие. Которые придут им на смену. Их должности в общегосударственных списках не фигурируют.

– Хорошо, я постараюсь выполнить вашу просьбу. Какие средства массовой информации интересуют вас в первую очередь?

– Все!

Через месяц компьютер выдал Аналитику три десятка имен.

– Я сделал свое дело. Следующий ход ваш, – сказал он Президенту.

– Что от меня требуется на этот раз? – спросил Президент.

Аналитик положил на стол лист бумаги с распечатанным списком фамилий.

– Об этих людях мне необходимо знать все. Место и обстоятельства рождения, характеры родителей, детские привычки и болезни, образование, образ жизни в период учебы, этапы карьеры и имена непосредственных начальников.

– Это может помочь делу?

– Это может решить исход дела.

– Хорошо, оставьте список. Постараюсь сделать все, что в моих силах.

Глава семнадцатая

Аналитик занял целую комнату. У которой не было окон и ключ от которой был только у него одного.

Он раскатал на полу гигантский рулон бумаги и, прохаживаясь по нему как по ковру, стал наносить толстым фломастером какие-то знаки.

Он не мог мыслить масштабно, глядя на экран компьютера. Ему нужна была наглядность. Он хотел видеть всю информацию разом.

Аналитик ходил по рулону бумаги. От компьютера – в угол. Из угла – к компьютеру. И от компьютера – в центр. В другой угол. И еще в один. Без остановки.

Направо. Налево. Прямо. И каждый такой проход оставлял на бумаге понятный только ему значок, или столбец слов, или цифры. Скоро бумага действительно напоминала ковер, потому что на ней не было ни единого свободного места.

– Привесите мне стремянку, – попросил Аналитик. – Желательно подлиннее.

Ему принесли стремянку. Он расставил ее посредине листа, забрался наверх. И, устроившись на последней перекладине, надолго замер.

Тысячи рассеянных под его ногами и понятных только ему знаков он должен был сцепить друг с другом, выстроить друг за другом и, заставив двигаться так, как угодно ему, привести к единственно верному результату.

Это было трудно. Почти невозможно. Но это было необходимо.

Претендент номер один:

Личные качества. Политическое окружение. Личное окружение. Рейтинг. Поддерживающие сегодня и потенциально поддерживающие его в дальнейшем слои населения. Финансовые возможности сейчас. И в перспективе. Потенциальные враги. Их сегодняшние и завтрашние возможности. Характерологические и имиджные характеристики. Теперь в целом. Умен. Тщеславен.

Имеет хорошо читаемую, принадлежащую к национальному большинству внешность. Телегеничен. Но не достаточно четко излагает свои мысли. Опора на средние слои населения и армию. Армию — это очень важно. Конфликтен. Не всегда способен обуздать свои эмоции. Это можно использовать. Не имеет устоявшейся команды единомышленников. Это и хорошо и плохо. Плохо — потому что не сможет в одиночку противостоять натиску конкурентов. Хорошо — потому что эту команду ему можно помочь создать...

Пороки. Комплексы. Отрицательные качества характера. Компрометирующие факты биографии. Степень управляемости...

Семья. Состав. Характеры. Степень влияния на претендента. Имевшие место двусмысленные, за которые можно зацепиться, события. Вторая семья, оставленная двенадцать лет назад...

Дальше. Дальше. Дальше...

Претендент номер два:

Личные качества. Политическое окружение. Финансовые возможности... Имеет два высших образования. Интеллигентен. Не уверен в себе. Не принимает многие правила политической игры. Партийный стаж... Комплексы... Семья... Компрометирующие факты...

Претендент номер три:

Окружение... Возможности... Семья... Рейтинг... Возбуждающая психопатия в детстве... Тщеславен... Жесток... Сентиментален... Поддержка в силовых структурах... Умеет держаться на людях...

Претендент номер четыре:

Возможности... Окружение... Характеристики...

Претендент номер пять... Шесть... Семь... Десять... Тринадцать. Бесконечно. По кругу одних и тех же вопросов. Во взаимосвязи со всеми прочими нанесенными на бумагу претендентам, командами их поддержки, общим раскладом сил, стороной поддержкой, личными качествами.

Снова: истеричен... выдержан... злопамятен... честолюбив... эмоционален... холоден... вспыльчив... лоялен по отношению к друзьям... склонен к национализму... пьянству... наркотикам... женскому полу... честен... состоял под следствием, но дело было закрыто...

Информация. Информация. Информация. С ума сойти! Изрезать старый лист. Перенести рисунок на новый. Но перетасовать, разместить по-другому. И еще раз разрезать и перетасовать.

Этого туда. Этого сюда. Этого отбросить. Они уже не пригодятся. Они бесполезны на листе и в реальной политической драке. За ними никто не стоит. Они должны уйти, чтобы освободить место для настоящих лидеров.

Вот. Претендент номер один. Номер три. Номер пять. Девять. Двенадцать. Шестнадцать. Двадцать один...

Это они будут править бал. На них нужно обратить особое внимание. На них делать ставку.

Но на кого конкретно? Кто более перспективен? Более управляем? Пользуется наибольшей поддержкой? Кто более других скомпрометировал себя? Кто?..

— Передайте Президенту. Я готов к встрече.

Президент не заставил себя долго ждать.

— Дело сделано?

— Дело сделано!

— И каков его результат?

— О результате говорить еще рано. Есть варианты сценарных разработок. И есть претенденты на исполнение главных ролей. Все остальное будет зависеть от умения продюсеров, режиссеров и декораторов. От суммы вложенных средств. И от игры случая.

— Случай не исключается?

— Случай не исключается никогда. Жизнь — рулетка. И происходит в ней всякое. Иногда и то, что не ожидалось. Я проанализировал всех явных и скрытых лидеров, способных в той или иной мере помочь нам в достижении нами же поставленной цели. Я собрал о них все возможные сведения, систематизировал их, построил поведенческие модели в координатах действительной и предполагаемой политической ситуациях.

Я обобщил все эти модели и для упрощения оперирования ими выделил в четыре основные группы. Группы уже существующих и тех, что объявятся позже, лидеров.

Первая. Состоит из тех, кого я условно назвал "традиционалистами". Это ныне правящие в первом, втором и частично третьем эшелоне власти руководители. Они привыкли к системе, к своему положению. Они впитали официальные легенды строя, в котором живут. Они стали частью и оплотом этого строя. Они нам бесполезны, как позапрошлогодний снег для строительства снежной горки под нынешнее Рождество. Они сыты. И вялы. Им ничего не хочется. И даже не потому, что у них все есть, все-то быть не может, а потому, что они не успеют прожить даже то, что уже имеют. Их невозможно искусить. Их устраивает сложившееся положение вещей. И они считают, что оно устраивает и всех остальных. Они не подвластны даже дьяволу. На них ставить нельзя.

Вторая категория — голодные. Или, как я их называю, "прагматики". Это те, кто еще не наелся. Те, кто еще чего-то хотят. Вернее, хотят многого. Очень многого. Гораздо больше, чем получают при нынешнем уже сложившемся положении дел. Кормушки разобраны. Чужаков от них гонят или пускают на правах десятых номеров. На таких условиях — не разжиреешь. А аппетиты у них много выше, чем у предшественников. Они воспитывались уже по-другому. И к тому же они моложе. Им есть на что употребить деньги и власть.

Их самый надежный, самый многообещающий шанс — переустройство общества. Только замутив воду, они смогут выловить в ней всю рыбу. В смуте, в разжигании пожара — они союзники.

У власти — опасны. Потому что не любят делиться. Ни с кем. И ничем. Они лижут руку хозяину, пока он им за это дает косточку. И не задумываясь откусывают ее, когда косточка заканчивается.

Но тем же они и слабы. Тем и продажны.

Третья группа. "Идеалисты". Они тоже рвутся к власти. Но не для того, чтобы попользоваться ею, урвать от общего пирога кусок пожирней. Они действительно хотят переустроить мир, как им кажется, в лучшую сторону. И им даже кажется, что они способны это сделать.

Их сила — вера в окружающих их людей и в лучшее завтра. Их слабость — в том же. И еще в излишней интеллигентности, в милотелости, в постоянно мучающих их сомнениях. Они не способны идти вперед, потому что они постоянно оглядываются, чтобы не оторваться от идущих сзади, постоянно смотрят под ноги, чтобы ненароком не задавить подвернувшуюся под башмак букашку. И поэтому они идут медленно и постоянно спотыкаются.

Они очень полезны как союзники в разрушении. И очень ненадежны в дальнейшем. Для реального переустройства мира они слишком слабы. Как ежики с выбритыми колючками.

Четвертая категория. "Игроки". Они самолюбивы, тщеславны. Вышли из глубинки, нередко из неблагополучных семей. Они всего добились сами. И это движение снизу вверх, или, как говорят они же: из грязи — в князи, не прошло для них безболезненно. На крутых подъемах они до мяса ободрали руки, бока и спины. Но более всего изранили самолюбие. Это их самая саднящая точка. И это их основной движитель. Результат, высота подъема им важнее последствий. Важнее того, чем они будут за это платить.

Чем все за это будут платить. Таким был их вождь Ленин. Таковыми были другие их вожди.

Таких руководителей они любят больше всего. Их трудно использовать напрямую. Их сложно купить и почти невозможно запугать. Они фанатики. Но не образа жизни и не идеи. Они фанатики самих себя. Своей карьеры и своей борьбы.

На таких людей можно ставить.

— Но почему вы предлагаете ставить на трудноуправляемых и сложнопрогнозируемых, если использовать вашу терминологию, "игроков", а не на "прагматиков", с которыми можно договориться?

— С "прагматиками" нельзя договориться. Они слишком себе и для себя на уме. Их можно использовать в качестве союзников вначале, но потом они непременно постараются использовать вас. И с гораздо большим наваром.

— Но их можно попытаться усмирить финансовыми выгодами. Можно попытаться купить!

— Их невозможно купить.

— Купить, в конечном итоге, можно всех. По крайней мере политиков — точно. Если использовать не одни только деньги.

— Этих купить нельзя. Потому что нельзя предложить достойной цены. У них очень завышенные аппетиты. И они слишком хорошо умеют считать.

— Значит, наша опора...

— "Идеалисты". Процесс разрушения должны начать именно они. Они это сделают лучше всех остальных. И быстрее всех остальных. Потому что будут делать это самозабвенно. С верой в собственную миссию. Они будут разрушать, доказывая всем, но в пер-

вую очередь себе, что лишь проводят шадящий ремонт. Замену износившихся конструкций. Они смогут убедить в своей правоте всех. Им поверят. И народ. И "традиционалисты".

А потом они неизбежно уберут оказавших им поддержку "традиционалистов". Потому что другого выхода у них не останется. Потому что два медведя в одной берлоге не уживаются, а напротив, грызутся насмерть. И их снова поддержат. Потому что они очень интеллигентны и симпатичны. И потому что они были инициаторами этой миссии. "Идеалисты" сделают то, что должны будут сделать. Раскачают здание. И уйдут. А место займут другие.

- "Игроки?"

- Да, "игроки". Но и они придут не навсегда. А лишь на отпущенное им ходом истории время.

- Кто же придет за ними? Кто будет последним?

- Последним будет диктатор. Тот, который более всего устроит нас. Тот, который сможет держать эту страну в узде. И который не будет интересоваться, в чьих руках зажат ее дальний конец.

- Кто будет этим диктатором?

- Номер Семь. Или номер Шестнадцать. Или кто-то еще, кто выплывет на поднятой не без нашей помощи политической волне. Но в любом случае это должен быть человек, которого приведем к власти мы.

- Вы сказали мне о действующих лицах вашего сценария. Но вы ничего не сказали мне о происходящих в нем событиях.

- Развитие сюжета определяют персонажи.

- Персонажи известны. Вы сами распределили роли. Что они играют в отведенных мизансценах?

- Дрaму. Дрaму целого народа.

- А если подробнее?

- От начала до конца?

- От начала до конца!

- Акт первый. Разделение блока Восточных союзников на самостоятельные государства.

Акт второй - воссоединение Германии.

Акт третий - борьба за независимость административных окраин. Создание целого ряда новых буферных государств. Территориальные, межнациональные и клановые распри.

Четвертый - развал экономики. Пятый - конфликты с территориальными автономиями внутри страны. Шестой...

- Вы рисуете коллапс. Нам не нужна страна, которая развалится на мелкие государства, каждое из которых способно иметь эшантажировать друг друга и весь мир атомным оружием. Нам не нужна победа такой ценой.

- Расчлeния целое на куски, не приходится удивляться, что края раны кровоточат.

- И все же, как можно сдерживать процесс распада? Если вы умеете только разрушать, то зачем ваш сценарий?

- О полном разрушении речь не идет.

- Что его сдержит?

- Два диаметрально противоположных по отношению друг к другу рычага. Предложенная, если хотите, навязанная нами диктатура. И появившийся в стране класс средних собственников.

Первый будет удерживать в повиновении национальные территории и обуздывать преступный разгул. Второй — оказывать ему поддержку, потому что всякий здравомыслящий человек предпочтет жесткий порядок полному беспределу.

— Почему собственник будет поддерживать диктатора, если он по отношению к нему антагонистичен?

— Потому что ему есть что терять. Он получил то, чего у него не было раньше, — легальное богатство. Он вцепится в него всеми возможными силами. Но удержать его сможет только в управляемом государстве. Пусть даже в управляемом одним только кнутом.

Средний класс — гарант равновесия. Если мы создадим класс средних собственников и поставим во главе их подотчетного нам диктатора — мы получим зависимое государство. Зависимое от нас.

В этом и заключается наша главная стратегическая цель. Все остальное лишь тактика. Это и есть последний акт нашей пьесы.

— Вы уверены, что именно так все и будет?

— У меня нет полных гарантий, что будет именно так, как я сказал. Возможны варианты. Но очень близкие к тому, что я сказал! И вот в этом я уже уверен.

— Абсолютно?

— Абсолютно! Или я даром ел свой хлеб.

Через три недели в стране предполагаемого Действия после тяжелой продолжительной болезни умер еще один Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза. Последний из старой гвардии.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава девятнадцатая

Мы передали результаты наших работ по инстанции. У нас не было другого выхода. С нас все равно бы его спросили. Ведь чем-то же мы занимались все это время. Что-то делали.

Теперь они, поди, сидят над этими самыми схемками и кумекают, что с их авторами сотворить.

Как они к ним попали? До противного просто! Я передал бумаги Шефу-куратору, тот — своему начальству, тот, в свою очередь, своему. А то начальство — единственному главному начальнику — Президенту. Или кому-нибудь из очень приближенных к нему людей. Из тех очень немногих, кому доступна Тайна существования Конторы.

Что дальше? Президент все это почитал. И сделал выводы. Боюсь, свои выводы. Не совсем те, которые бы нам хотелось. И, наверное, других сделать не мог. Если он здравомыслящий Президент.

Я предполагал самое худшее. И из того худшего — еще более худшее: что нас четвертуют, гильотинируют, посадят на два, стоящих друг против друга, электрических стула или на один, по очереди, дубовый кол. Но я не предполагал того, что про-

изшло в действительности. На это моего воображения не хватило.

- Ну что, исследователи, доигрались? - спросил наконец обившийся Шеф-куратор.

Мы пожалы плечами.

- Молчите? Подведения итогов своей кляузной деятельности ждете? Не зря ждете. Есть итог. Всем итогам итог! Такой, что мог бы быть хуже, да хуже некуда...

Я вам уже не начальник. И никому не начальник. Я безработный!

- Неужели все так плохо? - напряженно спросил я.

- Нет. Гораздо хуже.

- Так что же случилось?

- Случилось то, что должно было случиться. КОНТОРУ ЗАКРЫЛИ. Финансирование прекращено. Текущие дела приостановлены до выяснения.

- До выяснения чего?

- До выяснения "целесообразности субсидирования организации на существующих на сегодняшний день началах". Короче, реформация, плавно переходящая в смерть. Сейчас рассматривается вопрос о проведении полномасштабной ревизии оперативной и финансовой деятельности.

- Кто же нас может ревизировать?

- Вот это и есть самое неприятное. Ревизорские функции предлагается возложить на Безопасность, как наиболее компетентную в вопросах разведки. Они обкладывают нас со всех сторон. Теперь, боюсь, нам не уйти.

- Как же нас можно ревизировать, если нас нет?

- Теперь объявимся. Того, кого нет, действительно ревизировать нельзя. С нас снимут шапку-невидимку и употребят в голом виде. То-то будет радости Безопасности потоптать бранные косточки покойного, о котором при жизни они ничего не знали. То-то будет удивлений.

- А мы?

- Пойдем в ассенизаторы. В худшем случае - на пенсию.

- Почему на пенсию в худшем? - искренне удивился Александр Анатольевич. - Чем вас заслуженный отдых не устраивает?

Я и Шеф одновременно усмехнулись. Не очень весело усмехнулись. Так что физиономии перекошило. Да так и оставило.

- Нет, ничего не имеем. Пенсия дело хорошее. Вечный покой на старости лет.

- О том я и толкую...

Александр Анатольевичу было простительно говорить глупости. Александр Анатольевич был чужак. Он не знал правил игры. Он не догадывался, какой отдых скрывается для работников Конторы за словом "отставка". Он об этом не догадывался, хотя это касалось в том числе и его.

В Конторе не уходят на пенсию. В Конторе выносят на пенсию. Вперед ногами.

- Сколько у нас есть времени?

— Думаю, недели четыре. Пока все утрясут. Документы готовят. Пока на подпись Первому принесут. Как минимум четыре.

— И что нам эти четыре недели делать?

— Ждать, спать, развлекаться. Или водку пить. В общем, все, что угодно. Что в голову взбредет.

— А дело?

— Нет у вас дела. Было, да все вышло. Как вода из дырявой бочки. Осталось дно да дырка. От бублика. А чтобы вам не сильно скучалось, я вам развлечение привел.

— Развлечение?

— Ну да, в виде не очень молодого, но очень занятого для вас собеседника. И хорошего знакомого. Пригласить?

Такого в Конторе, чтобы с кем-то без особой нужды знакомить, не случилось. В той Конторе, которая была...

— Кто это?

— Я же говорю, очень хороший знакомый. До последней складочки на пиджаке.

Не понравилась мне эта последняя фраза Шефа-куратора. Да поздно было.

— Заходите, Петр Савельевич.

Дверь открылась.

— Добрый день, — немного смущаясь, сказал вошедший человек.

Это действительно был знакомый. Более знакомых не бывает! Вечер кошмарных сюрпризов продолжался.

— Что же вы не приветствуете своего подопечного? — криво усмехнулся Шеф. — Это даже невежливо как-то. Что гость подумает?

— Здравые, — сказал ничего не понимающий Александр Аватольевич.

— Здравствуйте, — еще раз поздоровался гость.

— Тебе что дать — воды или пистолет? — съехидничал Шеф.

— Гранату. Одну для всех. — Я видел того, кого не мог видеть. На под каким видом. Это не могла быть галлюцинация, но это не могла быть и явь. Это было нечто среднее.

Я видел разрабатываемого мной Члена Правительства. Я видел врага!

— Только не надо резких движений, — предупредил Шеф. — Это не предательство. Это реорганизация.

Глава двадцатая

— Значит, вы и есть автор проекта? — спросил гость. — Значит, вы и есть тот человек, который попытался навесить на меня ярлык предателя? Очень приятно познакомиться.

— Я никого ни в чем не обвинял. Я только собирал, анализировал и передавал по команде факты. Ярлыки — это не моя специальность.

— Да вы не кипятитесь. Я не отношения пришел выяснять. Мне вашей крови не надо. Хочу с вами поговорить. По душам.

— Александр Аватольевич, а для вас у меня тоже сюрприз, — перебил его мой бывший начальник. — В соседней комнате.

— Какой?

— Весточка из дома. Идемте. А они пусть поболтают. Им есть о чем поболтать.

– Должен сделать вам комплимент, – начал за здравие Петр Савельевич. – Вы удивили меня предложенной вами концепцией. Информация из ничего, из пустоты. Это почти гениальный ход. Поздравляю.

Я ничего не ответил. Я промолчал.

– И все-таки в вашей методологии есть один дефект.

– Какой?

– Она отображает фактическую сторону событий – кто, где, с кем. Но она не дает представления о скрытых пружинах этого внешнего действия. То есть – зачем. С какой целью. Во имя чего. Вы режете вершки, как тот медведь из русской сказки. И оттого делаете неправильные выводы.

Например, вот здесь. И вот здесь. И вот здесь... Но в одном вы правы. Без стороннего воздействия здесь не обошлось. Кто-то разыгрывает нашу страну, как козырную карту в большой игре. В очень большой игре. И все мы, того не желая, и я в том числе, в этой игре участвуем.

У меня было множество контактов, направленных, как я думал, на пользу отечеству. Я выбивал столь необходимые нам кредиты, отсрочки и погашения прежних долгов. Я просил новые технологии и гуманитарную помощь. И получал их. За все это я платил кабальными, но отсроченными на десятки лет процентами, сдачей бывших союзников, территориальными уступками, бессрочными арендами, демпинговым сырьем, обещаниями и унижениями. Унижениями я платил больше всего. И еще должностями.

И сейчас я не могу сказать, что был прав. Что оплата не повысила цену товара. Чем больше я получал, тем более зависимым себя чувствовал, чем на большие уступки шел, тем более вищим становился. Я не могу утверждать со стопроцентной уверенностью, но иногда мне кажется, что все это было чужим злым умыслом. Очень хорошо продуманным, учитывающим всю сумму факторов, умыслом.

У меня нет фактов ни в доказательство, ни в опровержение данного предположения, но у меня есть итог. Который не в нашу пользу. Как говорят сыщики, если хочешь узнать виновника преступления, найди того, кому оно выгодно.

– И кому оно может быть выгодно?

– В том-то и дело, что всем. И по ту и по эту сторону границы. Слишком лакомый кусочек брошен на чашу весов истории.

– Всем – это никому конкретно. Это безадресно. Я допускаю, что заинтересованных в своей доле исполнителей может быть много. И даже очень много. Но заказчик, тот, кто все это затеял, все организовал, должен быть один.

– Или двое. Но действительно не одновременно все. Все присоединились потом.

– Что же вы хотите от меня?

– Профессионального поиска. Я не сыскарь. Я не умею брать след и идти по следу. А вы, судя по вашим таблицам, по тому, как вы взяли меня за глотку, умеете. И гораздо лучше других.

– Моя организация умеет это лучше меня.

– Организации уже практически нет.

– Так верните ее к жизни.

— Это не в моих силах, я узнал-то о вас всего несколько дней назад. Принятие решений по подобным вопросам — прерогатива Президента. А его окружают разные люди. И видно, не всем из них ваша организация пришлась по нутру.

— Но как же я могу работать без приказа?

— На свой страх и риск.

— И на мой страх и риск, — крикнул из соседней комнаты Шеф-куратор. — На мой тоже. Семь бед — один ответ. Вижу, вы тут без меня обо всем уже договорились? — наконец легализовался он на пороге.

— Еще нет! Лично я ни с кем ни о чем не договаривался.

— Зря. Я думал, ты просчитаешь эту ситуацию быстрее. Думал, ты не захочешь уходить без боя. Ведь у тебя есть еще три-четыре свободные недели до... пенсии.

— Когда предлагают работу — говорят, что это за работа, а не призывают к любви к работодателю.

— Работа та же самая. Почему к тебе и обратились. Никаких изменений прежнего курса. Только акценты немного другие. Ты искал большой заговор внутри заданных координат. А теперь надо искать очень большой заговор снаружи. Широкое поле деятельности для пытливого ума.

— Всю возможную поддержку я гарантирую, — добавил Петр Савельевич. — В рамках моих возможностей.

— А если я по вашему наущению, за ваш счет, выведу на чистую воду вас же? Что тогда? — злорадно ухмыльнулся я. — Может такое быть?

— Может. Если вы докажете, пусть даже косвенную, мою вину — я уйду в отставку.

— Ну что ж, такие правила игры меня устраивают. Если они, конечно, будут выполняться.

— Они не могут не выполняться, потому что все козыри будут в ваших руках. Подумайте, что вам нужно для работы.

— Все то же самое — тихое место, компьютеры и моего напарника. Я к нему привык.

— Может быть, деньги?

— Не нужны ему деньги, — снова встрял Шеф. — Он же Резидент. Он их умеет добывать лучше и быстрее, чем все мы вместе взятые. Включая Центробанк.

— С помощью противозаконных методов?

— С помощью разных методов.

— У меня еще один вопрос.

— Какой?

— С чего вы собираетесь начать работу?

— С вас!

— С меня?

— Именно с вас. Я хочу знать, когда, где, с кем, при каких обстоятельствах вы встречались, о чем говорили и что за этим последовало.

— Но этих встреч было сотни! В сотнях городов! Едва ли я могу вспомнить о всех.

— Вы заинтересованы в результате?

— Конечно.

— Значит, вы вспомните все!

- Продолжаем? - спросил Александр Анатольевич, присаживаясь к компьютеру.

- Продолжаем!

- Что на этот раз?

- Все то же самое, но под другим углом зрения. Высеиваем места встреч, контакты, назначения, перемещения и все прочие сведения по следующим фамилиям...

Александр Анатольевич завис пальцами над клавиатурой.

- Не забудьте переключиться на латинский шрифт.

- Зачем?

- Затем, что это будут не наши фамилии. Это будут иностранные фамилии. Только иностранные.

- А наши?

- С нашими мы больше не водимся.

Итак, систематизируем все фамилии. По месту. По времени. По участникам встреч.

Отсеем реальных специалистов, работающих в тех или иных областях науки и творчества и бывавших только на узкопрофильных, по своей тематике встречах. Уберем ученых и общественных деятелей с мировым именем, которые заняты своим делом и в межгосударственных интригах не участвуют. Исключим известных журналистов, которые появляются везде, но которые имеют скандальную репутацию и на политический сговор, без того, чтобы в последствии о нем не раструбить по всему миру, не пойдут. Вынесем за скобки еще три-четыре категории случайных участников.

Получим в остатке около сорока фамилий. Тех, кто бывал везде, вне зависимости от профиля мероприятия, и встречался там с нашими, тоже не имеющими представления о теме дискуссии, представителями.

А теперь этот поименный перечень прогоним через фильтры списочного состава иностранных диппредставительств и разведок.

Я обратился за помощью к Шефу.

- Мне необходимо узнать, имеют ли эти люди какое-либо отношение к спецслужбам иностранных государств. И если да, то какое.

- Мы подобными сведениями не располагаем. Мы работаем и всегда работали внутри страны. Данным контингентом занимается МИД и внешняя разведка.

- Запросите сведения у них.

- Мы не можем ничего запрашивать, потому что мы не являемся официальной организацией.

- Обратитесь за помощью к Петру Савельевичу.

- Боюсь, такие запросы рано или поздно выведут Безопасность напрямиком на нас.

- Но другого выхода все равно нет. Без этих сведений дальнейший ход дела невозможен.

Шеф только тяжело вздохнул. Уж что он там делал, по каким туссекам скреб, я не знаю, но ответ пришел неожиданно быстро.

Никто из указанных нами фамилий в списках названных учреждений не значился. Все они служили в обществах Дружбы... Взаимопомощи... Содействия... Распространения... в различных Фондах и Общественных организациях.

Но все эти общества, фонды и организации странным и иногда очень замысловатым образом субсидировались... Внешней Разведкой и Министерством иностранных дел.

Круг замкнулся. Люди, имевшие постоянные и очень плотные контакты с представителями высших эшелонов власти моей страны, люди, которые их консультировали на правах международных экспертов, были нелегальными, под крышами общественных организаций, работниками разведки. То есть людьми, меньше чем кто-либо заинтересованными в оказании реальной помощи стране своего потенциального противника.

Глава двадцать вторая

— Дело дрянь, — сказал Шеф. — Сегодня на мне полчаса висел хвост. Как пришитый.

— И куда он делся? — наивно спросил Александр Анатольевич.

— Отсох и отпал. Судя по их хватке, не сегодня-завтра они объявятся здесь.

— Безопасность?

— Не знаю. Может быть, и она.

— Что будем делать?

— Запирать на дно.

— Когда?

— Немедленно.

Александр Анатольевич начал выдергивать из компьютеров шнуры.

— Оставьте, — придержал его за руку Куратор. — Снимайте только "винты".

— А компьютеры?

— А компьютеры не работают. Компьютеры упали на пол. Случайно, — жестко ответил Шеф. — У вас пятнадцать минут.

— Они же новые, — то ли удивился, то ли возмутился программист.

— Нет, они уже старые, — сказал я и, сдвинув, уронил со стола ближний монитор. Экраном вниз.

Случайных в разведке людей лучше всего убеждать действием. Слова до них доходят дольше. И не всегда в полном объеме.

Александр Анатольевич на секунду замер, уставившись на разбитый монитор, и быстро, один за другим, начал открывать корпуса.

— Только "винты"! — напомнил я.

— Только их. Только. Я понял.

Машины на улице не было. Кроме той, на которой приехал наш начальник. Но ее можно было не считать.

— Шесть километров до железки и еще полтора до платформы, — огласил маршрут следования Шеф-куратор. — Пошли?

— Ногами? — ахнул программист.

— Нет. Пешком.

Шли напрямую, без дорог, через перелески и заборы чужих садовых участков. Шеф отрубал слезку. В первую очередь от нас. Если бы мы поехали на машине, нас вычислили бы на первом перекрестке.

— Быстрее, быстрее! Через двадцать восемь минут прибывает электричка.

— Может, не будем надрываться? Может, лучше на следующий поедем? Не последняя же она, — вяло протестовал Александр Анатольевич.

— Для нас последняя!

Шеф страховался. Если за ним следили и если он не смог оторваться от хвоста, то его преследователи наверняка уже шуруют в домике и в оставленной рядом с ним машине. Еще минут через пять они ринутся на ближайшую железнодорожную станцию. Но там нас не обнаружат. Потому что мы пошли не на ближнюю, а на дальнюю, стоящую на совсем другой ветке. Пока они сообразят, что почем, пока определят по карте все возможные маршруты ухода, пройдет время. Но не настолько много, чтобы они опоздали на станцию нашего назначения больше чем на полчаса. Значит, мы их сможем опередить лишь на полчаса. Отсюда следует, что других электричек для нас быть не может. Все более поздние поезда могут попасть под "просеивание".

Все. Пришли! Сумрак. Непролазные кусты и лужи со всех сторон. Никаких признаков присутствия человека. Как в таежных дебрях.

— Скидавайте одежду, — приказал Шеф, расстегивая большую, висевшую на плече сумку.

Я молча исполнил. А Александр Анатольевич только глаза округлил. Особенно когда увидел доставаемый из сумки косметический набор.

— Ну же! Время!

Я взял в охапку и развернул голову растерявшегося программиста к свету.

— Раскройте рот, — скомандовал наш начальник и тут же, оттянув ему щеку, запихнул за зубы одну, а затем еще одну специальные наклейки.

— Зачем это? — запротестовал было программист.

— Затем, чтобы походить на образчик на фотографии, — пояснил Шеф, засовывая ему в карман новый паспорт.

— А образчик кто?

— Вы сами.

— Я же не фотографировался! Тем более в таком виде.

До чего же наивными бывают люди. Как будто трудно нормальную фотографию с помощью компьютерного моделирования превратить черт знает в какую. Хоть в женскую.

— Далее — я к Москве, вы — в противоположную сторону, — распорядился Шеф. — Если не встретимся, вся необходимая информация в почтовом ящике на Самотечной. Все. Ваша электричка через четыре минуты.

— Куда он? — спросил Александр Анатольевич, наблюдая продирающуюся сквозь кусты фигуру.

Что ему было ответить? Шеф ехал не "куда", а "откуда". Он ехал от нас, уводя за собой возможную слежку. Шеф вызывал огонь на себя.

— Мы его еще увидим?

— Как знать?

Но надеяться хотелось бы.

Глава двадцать третья

Наша новая база была шикарнейшей. Отдельный особняк. Машиный зал с кондиционерами и защитой от электронного прослушивания. Два ряда колючей проволоки по периметру. Фонари. Скрытая сигнализация. Вооруженная до зубов охрана с собаками.

Одним словом, комфортабельная, с чистыми постелями и услужливым персоналом, крепость. Все, которые только можно пожелать, удобства для творческой работы.

Только нас в этой крепости не было. Вернее, мы были. Но не мы, а внешне похожие на нас дублеры. Так называемые "двойники". Они, как им и было предписано, по четырнадцать часов в день сидели в компьютерном зале и что-то такое там вычисляли. Вычисляли запрограммированную ерунду, но очень похожую на правду. Главное, чтобы машины работали. Этот прием предложил Шеф. Он понимал, что Безопасность, если села нам на хвост, так просто не отважится. И Шеф принялся за дело. Через подставных лиц нанял этот оснащенный по последнему слову охранной техники особнячок. Нашпиговал его десятком суперсовременных компьютеров. Нанял охрану из числа бывших афганцев-спецназовцев, ныне подвигающихся в сфере полукриминального охранного бизнеса. Рассеял по ближним окрестностям дополнительные системы оповещения и слежения. В общем, такую пыль в глаза напустил, что правды в двух вершках от носа не углядишь. Он лично, раза два в неделю, навещался в свою резиденцию, чтобы за текущими работами проследить и заодно в сауне попариться. А основная располагалась совсем в другом месте и выглядела совершенно иначе.

— Вот здесь вы и будете трудиться, — сказал Шеф, стоя возле старого заброшенного склада. — Вполне милое сооружение. Небольшой косметический ремонт — и можно вселяться. Берете?

— Нет.

— Тогда пройдемте внутрь. Прошу!

И открыл дверь.

В облупленном, залитом краской, мазутом и чуть ли не дерьмом строительном вагончике была воссоздана обстановка скромного европейского офиса. Тихо шуршал кондиционер, свисали самого современного дизайнера светильники, по углам стояли роскошные кожаные кресла, на евростолах длинным рядом располагались новенькие компьютеры, в автоматической кофеварке кипел кофе.

— Ох! — единственное, что мог сказать при виде всего этого Александр Анатольевич.

— Там, — показал Шеф на еще одну дверь, — небольшая кухня со всеми необходимыми для домохозяйки приборами и с запасом

продуктов, за ней спальня, за спальней туалет и душ. Ванна, извините, не поместилась.

- А как насчет охраны?

- Тут все в порядке. Можете не беспокоиться.

- Число людей, входящих в вагончик?

И я услышал ответ. Совсем не тот, который знал.

- Трое.

- Почему трое? Лично я насчитал четверых.

- Нет. Трое. Я, вы и Программист.

- А-а?..

- А Петр Савельевич в это число не входит. Он даже не знает, где вы находитесь.

- Но почему? Ведь работа выполняется по его заказу.

- Потому что береженого Бог бережет. А всех остальных только случай.

Глава двадцать четвертая

Тревожный зуммер охранной системы. Тонкий и противный. Что там такое? Что случилось? Подбежать к охранному пульту. Поднять рычаг реостата подачи напряжения на внешний периметр на три деления вверх. Нажать кнопку общей тревоги.

Теперь осмотреться. Первый, третий и седьмой видеомониторы. Легковая машина с трех обзорных точек. Сзади, сбоку и сверху. Открылась дверца. С переднего сиденья поднялся человек.

- Александр Анатольевич, кажется, к нам гости.

Программист ничего не понял. И даже от экранов не оторвался.

- Какие гости? Разве мы кого-то ждем?

- В том-то и дело, что не ждем. А они пришли. Вот что, заглушите-ка пока компьютеры.

- Зачем?

- Затем, что не след дорогого гостя принимать в процессе работы и как бы между прочим. А вовсе даже наоборот: в непринужденной, домашней обстановке, с чаем-сахаром-маслом и баранками.

Второй, четвертый, пятый, шестой, восьмой мониторы. Нет, на подходах чисто. Гость явился в единственном числе.

Ничего не понятно! Подошел к вахте. Что-то такое говорит бабушкам. Бабушки тянутся во фронт перед приехавшим на такой дорогой машине гостем, но на территорию не пропускают. Молодцы, бабульки. Понимают солдатскую службу. Гость горячится, какие-то бумажки показывает.

Что делать? Или ничего не делать? Дискуссия зашла в тупик. Бабушки разводят руками, говоря что здесь никогда таких не было, а в сарайке лежит позапрошлогоднее сопревшее сено.

Но гость не уходит. Гость поворачивается лицом к седьмой камере, поворачивается очень даже со смыслом. Значит, он знает, где располагается эта камера, и знает, что эти камеры существуют. А о видеонаблюдении осведомлены только три человека. Я, Программист и Шеф-куратор. Мы гостю об этом ничего не говорили. Значит, сказал Шеф. А раз так, то этот визит с его согласия, равного разрешению.

Я открыл дверь вагончика и крикнул:

— Баба Валя, кто там? А то я какие-то голоса слышу.

— Да мужчина чей-то. Иванова ищет. Я ему говорю, что здесь таких нет, а он не уходит. Сердится.

— Пропустите его. Я с ним сам поговорю.

Скрип калитки. Шаги. И в полуоткрытые двери сарая протискивается Петр Савельевич. Вот уж действительно — здрасьте — не ждали.

— Я к вам. От вашего начальника. У нас ЧП. И очень мало времени.

— Эвакуация?

— Да, именно так он и сказал. Эвакуация.

Дискутировать я не стал. Раз большой босс здесь, значит, действительно что-то случилось.

Выходит, опять передислокация. И опять в самом спешном порядке.

Я шагнул в вагончик. К Александру Анатольевичу.

— Пятнадцать минут на сборы?

— Пять!

— Только "винты"?

— Только.

Те же обстоятельства, те же слова. Отличие лишь в участвующих в мизансцене лицах. С одной стороны, я и Александр Анатольевич. С другой — Петр Савельевич.

— Как вы нас нашли?

— Это неважно.

— Где Шеф?

— Потом скажу. Быстрее. Пожалуйста, быстрее.

— Вы уверены в том, что делаете?

— Да. Я выполняю просьбу вашего начальника. В случае высказанных сомнений он просил показать вам вот это.

Клочок бумаги с рядом цифр. С рядом цифр, обозначающих код Конторы за прошлый год. Устаревший, но не ставший от этого менее секретным. Да, его мог назвать только Шеф. Большой начальник не блефует.

— Куда нам следует двигаться?

— Он сказал, что адрес знаете вы.

Я понял, о каком адресе идет речь. Я действительно его знал. Только это была не конспиративная квартира, как наверняка предположил наш спаситель, а аварийный, на случай вот таких непредвиденных случаев, "почтовый ящик". Там должно было ожидать меня сообщение, как и что дальше делать. В том числе, возможно, и очередной перевалочный адресок.

Ходу!

— Вы можете сказать, что случилось?

— Теперь могу.

— Что?

— Беда. Нападение на первый адрес.

— Где в это время был Шеф?

— Там.

— Где он сейчас?

- Не знаю. Он был ранен. И сказал, что будет выбираться сам. А меня направил к вам. Больше я ничего сказать не могу.

- Как вы узнали, где искать нас?

- От него. Он заранее, еще несколько дней назад, указал место, где будет спрятана тревожная информация. На случай провала. Когда все это случилось, он позвонил и сказал, что время пришло.

- Именно так сказал или как-то по-другому?

- Именно так. Слово в слово. Он сам предложил эту фразу. Я нашел пакет, вскрыл его и прочитал указания.

- Где пакет и записи?

- Я сжег их. Он так в записке велел.

- А пепел?

- Размял и рассеял. Все, как было написано.

- А что вам делать дальше, там не было написано?

- Нет.

- Тогда так. Сейчас вы добираетесь домой. Никакой бурной деятельности не развивайте. Но постарайтесь узнать через ваши каналы, кто конкретно имел отношение к нападению - Безопасность, ГРУ или МВД. И куда делся Шеф.

- А информация?

Я остановился.

- Какая информация?

- Которая была в компьютерах.

- Она останется у меня. Можете считать это моим ноу-хау.

- Но как же так? Я тоже имел к ней некоторое отношение.

- Может быть. Но я вынужден страховаться.

- От кого?

- От всех. В том числе и от вас.

- От меня?!

- Естественно. А вдруг все это - нападение, ваш приезд и наше успешное бегство - только спектакль? Инсценировка, с целью изъять у нас компрометирующий материал? Могу я сделать такое предположение?

- А главный инсценировщик - я?

- Почему бы и нет? Я с вами в одних окопах не сидел. И кто вы такой на самом деле, доподлинно знать не могу. Вас знает Шеф, но он с ваших слов куда-то подевался.

- Но это же смешно. Просто какая-то детская игра в казаки-разбойники. Если бы мне так нужна была эта информация, я бы мог просто навести своих людей на ваш адрес. Зачем мне было приходить самому?

- Затем, чтобы получить информацию, а не пепел. Вы же понимаете, что подобные сведения без надежного присмотра не остаются. Что каждый жесткий диск каждого компьютера сторожит, как цепной пес, самоликвидатор. И мне нужна доля секунды, чтобы привести их в действие.

- И все же вы говорите глупость. Ведь если бы я хотел заполучить эту информацию без вашего согласия, я бы мог это сделать сейчас.

- Не могли бы.

- Почему?

— Потому что ее у меня нет!
— Как нет?!

— А вот так. Я что, недоумок, таскать с собой то, за чем готова охотиться половина руководящего состава страны.

— Не верю.
Я молча расстегнул и распахнул бывшую при мне сумку. В которой кроме дна ничего не было.

— Как видите, пусто. Стерильно пусто.

— А где же диски? — удивленно спросил Александр Анатольевич.

— По дороге обронил. Случайно, — ответил я. — Шел, споткнулся и обронил. Сам, может быть, найду. А другие — вряд ли.

— Зачем вам эта информация?

— Затем, чтобы выжить. Физически. Пока она у меня, меня трогать поостерегутся.

— Вы хотите продолжить дело?

— Я не получал приказа о его завершении.

— Но вы не получали приказа и о его начале.

— Получал.

— От кого?

— От себя. И от своего непосредственного начальника.

— Но его нет.

— Пусть мне продемонстрируют его тело. А лучше — покажут его живого, и пусть он отменит свой приказ. Тогда я подумаю.

— Вы не сможете обойтись без поддержки со стороны. Хоть даже с моей стороны.

— А вдруг? Может, я хочу попробовать. Может, я по натуре единоличник.

— Вы не единоличник. Вы — безумец. Невозможно в одиночку воевать против системы.

— А я, знаете, предпочитаю другое определение безумства. Безумец — тот, кто торгует своей Родиной, прикрываясь сомнительного свойства рассуждениями на тему, что лучше я, нежели другой. Потому что я менее жадный. Прощайте.

— Когда и как мы с вами встретимся?

— А мы встретимся?

— Надеюсь.

— Надеемся. Надежда — это единственное, что нам осталось в этой жизни. Нам и нашей стране. Александр Анатольевич, вы со мной?

Александр Анатольевич только глазами моргал. Он решительно ничего не понимал.

— А что будет, если я останусь?

— Ничего хорошего.

— А если пойду?

— То же самое.

— Тогда я с вами. Между ничем хорошим в одиночку и ничем хорошим в компании я выбираю компанию.

— Ну тогда оставшимся — счастливо оставаться.

Большой начальник только обреченно махнул рукой. Я не знаю, правильно ли поступил, лишаясь последнего союзника. Не могу с уверенностью сказать, вел ли он свою игру или она мне только при-

придлась. Наверное, не вел, раз нам позволили уйти живыми. Или вел, раз спросил о том, о чем не должен был спрашивать. А может, вел, но какую-то совсем другую, мне совершенно не понятную.

В любом случае рисковать я не мог. Я привык работать только с теми, кому доверял абсолютно. А ему я не доверял. Потому что фамилия его была – Политик. И потому что заказывал информацию он. А для чего – я не знал.

Глава двадцать пятая

Ситуация сложилась безнадежная. Вроде вечного шаха в шахматах. Ни поражение, ни победа. И в то же время бесконечная перестановка с места на место фигур.

– А я вам шах. А я – сюда. А я вам снова шах. А я снова – сюда. А я опять...

Сдохнешь со скуки. Если раньше боевики противника не найдут.

– И что мне делать сегодня?

– То же, что вчера.

– А что я делал вчера?

– То же, что позавчера. То есть ничего.

Александр Анатольевич вздыхал и шел к компьютеру играть в электронные игрушки. А я, в очередной раз изменив внешний облик, отправлялся в традиционный обход точек реализации печатной продукции. Нам было необходимо постоянно пополнять банк данных. Ведь жизнь не стоит на месте, и каждый прошедший день добавляет новые, со старыми персонажами, события. Новые встречи, новые поездки, новые назначения. Информация – не антиквариат, где ценность тем выше, чем старше вещь. Информация – очень скоропортящийся товар.

Моя задача усложнялась тем, что я не мог в одном и том же месте покупать более трех-четырёх газет одновременно. Времена изменились. Раньше можно было целые подшивки таскать без опасения, что кто-то что-то заподозрит. А теперь, если исходить из предположения, что за нами идет охота, лишней газетки не прихватишь. Даже если вдруг потребуется использовать ее не по прямому назначению. Потому что если нас будут ловить, если нас и можно поймать – то только через информацию. Вернее сказать – через интерес к информации, к тем самым, будь они трижды неладны, периодическим изданиям.

Подойдешь к киоскеру, спросишь все газеты за сегодня и сразу попадешь под хорошо оплаченное противной стороной подозрение. А другой раз придешь, так уже и не уйдешь. Припрут с боков бравого вида молодцы и возьмут под белы ручки, в которых зажата очередная партия прессы.

Нет. Только в удаленных друг от друга точках и только по несколько газет. Утомительно, но другого выхода нет.

– Заряжайте, – протягивал я Александру Анатольевичу очередную партию периодической прессы.

– Готово!

И новая проблема – куда и каким образом сбыть накапливающиеся горы макулатуры, чтобы не привлечь к себе внимания?

Излишки бумаги – это второй след, по которому нас можно вычислить. Достаточно только опросить пару тысяч мусорщиков, чтобы установить подъезды, где мусоропровод или мусорные баки систематически перегружаются старыми газетами и журналами. И проверить адреса.

Это только кажется, что подобная работа неподъемно тяжела, а на самом деле – самая типичная для Безопасности. Именно таким образом они всегда и находили самые махонькие иголки в самых больших стогах сена. И диссидентов, и фальшивомонетчиков, и всех прочих. Походят, поспрашивают работников коммунальных служб, а потом соседей по дому, а потом по подъезду и лестничной площадке – и нет диссидента, который читал ночами запрещенную литературу.

Вот и приходится, как заключенным, копающим в тюрьме подземный ход, выносить газеты в карманах и рассовывать по городским урнам.

И самое обидное, что от всех этих моих героических усилий пользы –дохлый кот наплакал. Нет региональной прессы. Нет прессы на национальных языках. Нет ведомственных изданий. Гигантский пласт информации отсутствует. А как можно построить целое здание, если в его фундаменте не хватает пусть даже нескольких блоков? Никак нельзя. Рухнет адание. От первого же хлопка входной двери.

– Готово!

Еще одна партия периодики, которую я, можно сказать, по всему городу собирал, обработана. Чуть не за несколько десятков минут. Вот что значит опыт. И снова можно играть в игрушки. И откуда он их только берет? Практически не выходя из дома.

– Откуда игрушки, Александр Анатольевич?

– Из телефона, вестимо, – смутился Программист.

– Из какого телефона?

– Да вот из этого. Это я от нечего делать к сетям подключился и периодически таскаю что поинтереснее. Не надо было?

– К каким сетям?

– К компьютерным. Они же, компьютеры, через телефонные сети друг с другом соединяются. Посредством модема. Ну дешифратор такой, плата дополнительная...

– И сколько компьютеров в таких сетях может быть?

– От двух до бесконечности.

– Скажете тоже. До бесконечности!

– Точно вам говорю. Этот телефонный провод, "лапша", как его называют монтеры, он же из нашей квартиры в подъездную коробку идет. Так?

– Так.

– А к коробке еще три кабеля подходят еще от трех телефонов.

– Ну?

– А если к ним подключить компьютеры, то нам будет доступна записанная на них информация. Например, те же игры.

– Так-так, понимаю. А с нашей этажной коробки провод на нижний и на верхний этаж уходит?

- Да, и в соседний подъезд. И в следующий...
- И в следующий дом. И соседний квартал. И улицу...
- Ну да. И если в тех подъездах и домах к тем телефонным проводам свои компьютеры подключить, то и с ними можно общаться. Вот это и есть компьютерные сети. Если, конечно, примитивно объяснять.

- А с той улицы - на следующую. И в другой район. И город, - продолжал я вслух размышлять о своем. - А в том районе или городе есть учреждения, а в учреждениях архивы, а в архивах телефоны и компьютеры. Так что же вы раньше молчали?

- О чем?

- Об играх.

- А вы что, играми заинтересовались?

- Теперь - да! Но еще больше - способом их получения.

Больше я за газетами не ходил. И в мелкую лапшу, чтобы опознать было нельзя, не нарезал. И по карманам и урнам не распахивал. Зачем? Если есть редакции газет, Библиотеки. И госучреждения. И... компьютерные сети.

Ай да Александр Анатольевич! Ай да золотой программист! Я заметил жертвы, накупил полную сумку модемов и пошел по адресам.

- А вы знаете, черт вас возьми, что вы своим компьютером заводите помехи на два этажа? - строго говорил я в очередной редакции.

- Да вы что? - удивлялись они.

- Вот вам и что? Вы думаете, другим работать не надо? Только одним вам?

- Извините, ради Бога. Мы не знали.

- Не знали! У нас что, программиста своего нет? Который за порядком мог бы смотреть?

- Нет.

- А кто компьютеры обслуживает?

- Никто. Сами. Если что-то ломается, мы мастера вызываем.

- Вот и довызывались. Мастеров-домашеров.

- И что теперь делать?

- Вам - ничего. Делать буду я. Сейчас кое-что перенастроим, поставим глушитель помех, и жалобы прекратятся.

- И сколько это будет стоить?

- Ничего не будет стоить. Соседи ваши все оплатили. Но если в следующий раз... По вашей вине... То тогда по полному прейскуранту, - и я называл умопомрачительную цифру. - Ну, показывайте, где аппарат. А то мне некогда.

Я снимал крышку с компьютера и долго, с чрезвычайно умным видом, копался у него в потрохах. И все лишь для того, чтобы установить очередной модем и программное обеспечение.

- В общем так, смотрите на экран. Сюда и сюда не лазить. И сторонних мастеров не допускать. Категорически. Иначе я ни за что не ручаюсь. На случай возникновения очередных помех я присоединил ваш компьютер к телефонной сети. Если что произойдет, он даст мне сигнал. Сам. Без всякого вашего вмешательства. Ясно?

- А что, уже и такая техника существует?

– Разная существует. И такая тоже. Смотрите, чтобы больше без глупостей. А то покупают, понимаешь, электронику, а как с ней обращаться, не знают...

В более солидных организациях я и действовал более солидно.

– Фирма "Внедрение", – представлялся я, одергивая изысканный с визиткой на лацкане пиджак. – Подключаем ваши компьютеры к сетям. Обеспечиваем наладку, гарантийное обслуживание, бесплатные консультации...

– Нет, нет, – махали руками сотрудники. – Не надо. У нас сейчас со средствами напряженка.

– Вы меня совершенно не поняли, – широко улыбался я. – Мы не предлагаем вам купить наши услуги. Мы предлагаем воспользоваться ими. Бесплатно! На взаимовыгодной основе.

– Как бесплатно? – ахали сотрудники. – Разве такое возможно?

– Возможно. Но только в нашей фирме!

И я объяснял, что в рамках проводимой нами рекламной кампании, мы подключаем потенциальных пользователей к сетям и полгода даем им возможность пользоваться ими бесплатно. А вот через полгода клиент вправе решить, нужна ему подобного рода услуга или нет. И либо заключить с фирмой контракт. Либо... Но обычно такого не случается.

– Просто какая-то сказка! – удивлялись потенциальные потребители.

– Не сказка, а цивилизованный бизнес, – скромно расшаркивался я.

– Давайте мы напишем о вас в газете! Как о совершенно новом явлении на нашем диком рынке услуг.

– Нет, нет. Пока не надо. Пока это только эксперимент. Вот когда он будет завершен, тогда с удовольствием. Тогда непременно...

Вот и еще один модем стоит там, где ему надлежит стоять. И еще один. И еще полсотни.

– Ну что, работаем, Александр Анатольевич?

– Теперь, конечно! Теперь работаем!

Так-то. Это вам не игрушки из чужих компьютеров таскать...

Глава двадцать шестая

Теперь информация текла рекой. По вездесущим, вхожим в любое помещение, телефонным проводам.

Редакция газеты "Вечерний телетайп". Дневной выпуск. Верстка.

Снято! Информационное агентство "Новости". Папка текущих сообщений. Сканировано! Статотдел Министерства сельского хозяйства. Сводка за прошедший месяц по сорока позициям. Убрано! Хорошо, что у них компьютер сломался. А я починил. И хорошо, что они о характере этой починки не догадываются. Радуются бесплатному, согласно гарантии, устранению поломки.

– Куда еще?

– Теперь давайте вот в этот архив. Покопаемся там. Сможете?

– Попробую.

Запрос. Ответ. Еще запрос. Пауза.

- Информация закрыта.
- В каком смысле?
- В прямом. На интересующих нас файлах повешен пароль.
- Вы можете узнать, какой?
- Может быть, слово. Может быть, ряд цифр.
- Я имею в виду, можете ли вы его взломать?
- Если многосложный – нет. А если простенький, как на играх, – можно попытаться.

Запрос – отказ. Запрос – отказ. Запрос – отказ. Запрос – уточнение – разрешение.

- Есть доступ! Какая конкретно информация нас интересует? Ну что за программист. Что за умница!
- И еще один архив. И еще пять редакций. И три Министерства... День. Второй. Третий. Неделя...

И вдруг – непонятная тревога в глазах программиста, застывшего перед экраном монитора.

- Что такое?
- Нет, нет, ничего. Наверное, померещилось.
- Что померещилось?
- Да ерунда какая-то.
- За самой малой ерундой, уважаемый Александр Анатольевич, обычно скрываются самые грандиозные провалы. Что случилось?

- У меня такое ощущение, что кто-то параллельно нам, проделывает ту же самую работу.

- Какую “ту же самую”?
- Ну, в смысле сбора информации.
- Вы это знаете?
- Я это чувствую. Можете считать, интуитивно.
- А если не интуитивно? Если фактически?
- Понадобится специальная программа. И несколько зафиксированных на конкретные адреса компьютеров.

- Так в чем же дело?
- В программе. Ее еще надо придумывать.
- Ну так действуйте. А я попробую прокачать информацию по своим каналам.

- По каким своим?
- По таким, которых я еще тоже не знаю.

Я не мог рассуждать, как программист. Я рассуждал, как работник Конторы. Как Резидент с двадцатилетним стажем работы.

Итак, у нас есть определенного рода подозрение. Подозрение, основанное на предположении, которое, в свою очередь, подкреплено только интуицией. Можно им пренебречь? Можно. Но не нужно. Интуиция есть продолжение разума. В той ее части, где логика уже не способна справиться с поставленной задачей.

Что насторожило Программиста? Неизвестно. И вряд ли это “неизвестное” поддается просчету. Возможно, какой-то случайный сбой в работе машины. Возможно, элементарная логика человека, выполняющего какую-то работу – если ее делает он, почему ее не может делать другой? В любом случае высказанное подозрение очень здраво. Если нас и будут искать – то по аналогам ра-

бот. По действию. По тому, что мы должны и будем делать. А это, кроме уже напечатанных газет, прямой выход на редакции и архивы.

Нас будут ловить там, где мы должны непременно появиться!

И как мы можем установить, так это или не так? Идет слежка или нет?

Да точно так же! Но только с точностью до наоборот. Нам надлежит ловить противника там, где он ловит нас! Нас ловят на источники информации, а мы будем — на чужой интерес к этим источникам.

Так? Именно так! Я снова надел униформу телефонного монтера и прошел, в сильно измененном виде, по адресам, где не так давно устанавливали модемы.

— Профилактическая проверка телефонных сетей. Как у вас аппараты, не барахлят? Нареканий к связи нет? Дополнительные отводы не устанавливали? Компьютеры не подключали?

Ах подключали? И кто подключал? Фирма. В рекламных целях? Нет, нет, ничего криминального в этом нет.

А больше никто? А компьютерным подключением никто не интересовался? А то, знаете, бывает, две конкурирующие фирмы дерутся, а страдает от этого владелец телефонного номера. Есть у них такие, ниже пояса, приемчики.

Нет? Никто не приходил, ничего такого не спрашивал? Ну тогда все в порядке. Можете пользоваться.

Но если кто-нибудь все же придет и поинтересуется, вы позвоните мне вот по этому телефону. Я обслуживающий вас монтер. А то они друг другу пакостить начнут, а крайними выйдете вы. И лишитесь телефона. А без телефона сейчас, сами понимаете...

И таким, или подобным образом, со стремянкой и сумкой с инструментами, я прошел еще по десятку адресов.

Нет, все чисто. Никто не был. Ничего не спрашивал. А если и качает информацию, то через установленные нами модемы. Так сказать, загребают жар чужими, натруженными на ниве обслуживания телефонных линий, руками.

Стоп! А если посмотреть там, где эти руки не трудились? По аналогии. По местам вместилищ информации, где мы еще не копались. Куда только планируем запустить свои электронные пальца. Вдруг нас опередили?

Ну-ка, что у меня там по списку? Еще одно Министерство? С него и начнем.

— Здравствуйте. Где вы покупали компьютеры? Ну, значит, все точно, значит, у нас. Профилактическая проверка техники. Ах, у вас гарантия кончилась? У вас-то она может кончилась, да мы-то ее продлили! Вот так вот! Такое обслуживание. Такое внимание к потенциальному клиенту.

Сейчас все посмотрим, почистим, что надо, заменим, что требуется, поправим. А вы пока расширитесь вот в этом направлении. У нас порядок. Учет и контроль. Сделал работу — принес подтверждение начальству. А как иначе? Командиры у нас строгие, но справедливые. Как в армии.

Вот здесь расширитесь, и здесь. А я пока, с вашего разрешения, технику посмотрю...

Вот компьютер. Вот начинка. А вот то, что я искал, — “жучок-зучок”. Вот он, притаился среди хитросплетений микросхем. И звучит, где-то рядом, на чердаке, в подвале или электрощитовой, должен находиться принимающий сигнал промежуточный передатчик и подключенный к сети модем. “Жук” снимает электрические колебания с кабеля, идущего от компьютера к монитору, передает на модем, а тот, в свою очередь, транслирует на принимающий компьютер. И всякая картинка, возникающая на экране монитора, автоматически дублируется на экране другого, удаленного на десятки метров или сотни километров, монитора. Монитора слежения. Вот такая премиленькая схема.

— Вы компьютеры к сетям подключать не думали? Нет? А чего же так? Дорого? Это вы верно сказали, теперь все недешево.

А кроме меня, кто-нибудь машины смотрел? Смотрели? С полвека назад? И что сказали? Что все в порядке? А как выглядел тот ремонтник? Такой высокий, седой? Нет? Наоборот, низенький, пухлый, с залысинами здесь и здесь. И прихрамывал? А, ну тогда знаю я его. Это Сергей Петрович, с соседнего участка. У нас прорыв был, и всех перемешали. Видите, как получается. Знал бы, что компьютеры уже смотрели, так не беспокоил бы вас лишней раз.

Ну ничего, техника, как женщина, лишнего ухода не боится. Только лучше становится. Ну, счастливо вам оставаться. Пошел я...

Вот и результат! По аналогам. Видно, не одни мы такие ушли. Кто-то еще, параллельно нам, в ту же самую игру играет. Из тех же самых источников черпает. Кто? Знать бы!

Я зашел еще по трем десяткам адресов и выявил еще два “леших” и три официальных модема. Вот как все интересно получается...

Дома мой электронный напарник, обхватив голову руками, сидел возле включенных мониторов. И разве только зубами с догады не скрипел.

— Ну, что у вас такого хорошего?

— Ничего хорошего, кроме самого плохого, нет. Не идет программа. Хоть тресни! Я уж и так и этак. Ничего не получается. Уже начинаю подозревать, что она в принципе невозможна.

— В мире ничего невозможного, кроме вдавливания зубной пасты обратно в тюбик через то же самое отверстие, не бывает.

— Вы что-то узнали?

— Узнал. Узнал, что вы были правы. Не подвела вас интуиция, Александр Анатольевич! Кто-то работает параллельно нам. Тонко работает. И в очень похожем стиле.

— Как вы это вычислили?

— Посетил наших потенциальных клиентов. И нашел там модемы.

— Ну и что? Может, они там и должны были быть?

— В том-то и дело, что не должны, потому что их там либо никто никогда не устанавливал, а они тем не менее есть, либо устанавливал на безвозмездной основе, так сказать, в виде благотворительной помощи. В которую я не очень-то верю.

— Но это значит...

— Это значит, что либо таким образом пытаются выловить нас, либо кого-то еще, кроме нас, интересует информация точно той же направленности.

— Но кого именно?

— А это и есть самый трудный, но и самый интересный вопрос. И если мы на него ответим, то, считайте, мы ответим и на все остальные...

Глава двадцать седьмая

Из архива документов "Для служебного пользования" Канцелярии Президента США. Выдержки из стенограммы рабочего совещания от...

Гриф: совершенно секретно. Гриф: один экземпляр. Гриф: личная папка Президента.

На совещании присутствовали:

Глава ЦРУ... Начальник отдела технической разведки ЦРУ... Начальник Восточного отдела ЦРУ... Представитель Президента... И далее, посписочно, еще шесть человек.

... — Развитие ситуации требует от нас постоянного ее отслеживания. Причем отслеживания в динамике. Любой упущенный сегодня момент завтра может в корне изменить положение дел. Если мы не будем успевать за событиями, если не сможем просчитывать их хотя бы на день, на час вперед, ситуация выйдет из-под контроля. Она уже выходит из-под контроля...

... Отсюда следует, что использованные нами ранее каналы снабжения интересующими нас сведениями исчерпали себя. Нам необходимо ежедневное, ежечасное пополнение банка данных. При этом крайне важно получение информации из первоисточников. Существуют ли еще какие-нибудь технические или иные средства для бесперебойного снабжения ею?

— Мы задействовали все имеющиеся в наличии технические возможности.

— Существует ли вероятность решить данную проблему в ближайшие дни или недели?

— Исходя из имеющихся у нас на сегодняшний день ресурсов — нет. Все наши каналы работают в чрезвычайном режиме. Выжать из них больше, чем они дают, — затруднительно. Техника просто посыплется.

— Я не спрашиваю вас о ваших возможностях. О них мы уже знаем. Я спрашиваю о потенциальных возможностях. Какие дополнительные, возможно, не подчиненные вам впрямую, мощности мы могли бы использовать?

— Ну если вопрос ставится так. В целом...

— Именно так.

— Тогда это может быть простаивающая из-за неполной загрузки техника союзников. Тех, что ближе всего располагаются к границам рассматриваемых стран. Если бы они согласились,

пусть даже в усеченном объеме, предоставить в наше распоряжение существующие мощности...

- Еще?

- Практически полностью мог бы снять названную проблему запуск дополнительных спутников с соответствующей сканирующей аппаратурой на борту. Либо перепрофилирование уже находящихся на орбите космических объектов.

- Хорошо, мы свяжемся с НАСА. Возможно, они смогут пересмотреть цели ближайших запусков. Но в любом случае это потребует времени. А нам нужен результат уже сейчас. Что еще вы можете предложить?

- Наверное, специализированный компьютерный поиск. Если не оглядываться на правовые акты и соглашения, регламентирующие использование международных компьютерных сетей.

- Если возможно, раскройте этот пункт подробнее...

Конец цитаты.

Глава двадцать восьмая

- Все, пап! Больше того, что я сделал, я сделать не могу. Просто не в состоянии! Я и так на порядок превысил свои возможности. Я специалист по программированию, а не по компьютерным сетям. Этот барьер мне не перепрыгнуть.

- Докуда вы дошли?

Александр Анатольевич показал на лист бумаги с распечатанными столбцами электронных адресов, состоящих из мешанины цифр, букв и графических значков. И с точно такими же столбцами расставленных против них телефонных номеров.

- Вот досюда. Они там таких паролей повесили, что сам черт захнется.

- Чьи это телефоны?

- Откуда я знаю. Я шел по цепочке и дошел до них. А что это за телефоны, кому принадлежат, где располагаются - я знать не могу. У меня и так чуть мозги не заплелись, пока я их с адресами идентифицировал. А уж абонентов устанавливать, это и вовсе не мое дело.

- Хорошо, будем считать, что это мое дело, - согласился я, пересчитывая и запоминая цифровые комбинации.

Необходимые справки я навел довольно быстро. По означенным, где были установлены телефоны с известными мне номерами, адресам проживали на съемной площади иностранцы. В одних случаях журналисты, в других - представители торговых фирм и обслуживающий персонал Посольства.

Все это было очень интересно.

- А если поднатужиться, Александр Анатольевич! А?

- Если сильно поднатужиться, то можно родить! - ответил Программист. - И уйти в декретный отпуск. А это не входит ни в мои, ни в ваши планы. Ну не в состоянии я больше ничего сделать. Я же вам говорил.

- А кто в состоянии?

- Кто в состоянии, тот свои таланты не рекламирует. Такие способности - сродни дару вскрывать сейфы. С ним, и болтливым вьхом в придачу, на свободе долго не живут.

- Но вы таких людей знаете?
- Не знаю!
- Но хотя бы предполагаете, где их можно найти?
- Предполагаю. В милицейских сводках.
- Не понял.
- А что здесь понимать? Если человек умеет взламывать пароли и коды, он рано или поздно добирается до банковских сейфов.
- Какая связь компьютерных сетей и банковских сейфов?
- Прямая. Расчет банковских операций и движения денег сейчас производится только на компьютерах. Арифмометры, счеты и калькуляторы давно выброшены в мусор за ненадобностью.
- А банки имеют телефоны, - догадался я.
- Даже больше. Почти все банки подсоединены к специализированным сетям, чтобы более оперативно осуществлять двустороннюю связь с клиентами. Это гораздо проще и удобнее, чем выписывать и возить туда-сюда платежки, выписки и прочую финансовую документацию. Нажал несколько клавиш в головном офисе, и в удаленном на десятки кварталов или даже сотни километров филиале клиент, без проволочек и изматывающей душу бюрократии, получает живые деньги. Даже зад от стула отрывать не надо. Удобно?
- Удобно.
- Но если это возможно делать из центрального офиса, почему это нельзя сделать с любого другого телефона, включенного в данную сеть? Отчего не влезть в их документацию и переписать на свое имя пару-тройку миллионов долларов? А на следующий день получить их наличными?
- Но тогда получается, что всякий, имеющий доступ к сетям и имеющий компьютер человек может в любой момент поправить свое финансовое положение?
- В принципе может, но пусть попробует. Подходы к специализированным сетям перекрыты десятками хитромудрых паролей. Точно так же, как доступ в сейфы - номерными замками. Попробуй, подбери из сотен тысяч комбинаций единственную требуемую.
- Но сейфы тем не менее взламывают.
- Компьютерные сети тоже. Только талантов таких - днем с огнем. Те, кто на свободе, сидят тихо. А те, кто сидят в тюрьме, сидят в тюрьме. Помню, даже читал что-то о подобных процессах в прессе.
- Когда читали?
- Год назад. Или полтора. Был какой-то умелец, который взломал коды чуть ли не Британского национального банка.
- Их умелец?
- Нет, в том-то и дело, что наш умелец. Откуда-то с периферии. Может, из Новгорода, может, из Пскова. Но умудрился. С домашнего телефона и с помощью чуть ли не первых выпусков компьютера! Правда, кто-то ему там помогал, то ли международные телефонные счета оплачивал. То ли какую-то информацию раздобыл. Честно говоря, я не помню всех подробностей.
- Я засел за прессу. На этот раз за желтую и за колонки криминальной хроники. Убивают. Грабят. Мошенничают. Насилуют. Снова убивают. И опять убивают. И снова грабят, а потом непре-

менно убивают. И почти ничего из области высокоинтеллектуальных преступлений.

Впрочем, нет. Вот, похожее на то, что рассказывал Александр Анатольевич. Выпускник политехнического института, умный мальчик, отличник, медалист, победитель математических олимпиад, так и не смог после выпуска из родной альма-матер найти работу. Трудился грузчиком, дворником, сторожем. Разочаровался в жизни. Потом случайно сблизился с друзьями, имеющими связи с криминальным миром. Помог в одном деле, в другом. На какой-то вечеринке, шутки ради, высказал идею о возможности бескровного изъятия денег из банковских хранилищ. Ему не поверили. Над ним посмеялись. Он обиделся и поспорил на символическую сумму, что вскрыет какой-нибудь частный счет, в любом указанном ему банке. И вскрыл. И получил свои выигрышные копейки.

А дальше талантливого мальчика взяли в оборот плохие дяди. По их заказу он выпотрошил один банк, потом другой, потом третий. Причем так, что эти пострадавшие банки ничего не заметили. А может, и заметили, но предпочли покрыть недостачу, не поднимая лишнего, способного отпугнуть выгодную клиентуру, шума.

Споткнулся компьютерный самородок на втором или третьем иностранном банке. Слишком понадеялся на свои силы, слишком на большие суммы замахнулся.

Компьютерного воришку вычислили, поймали и посадили, чтобы другим неповадно было. На пять лет с конфискацией!

Вот такая трагическая и одновременно поучительная история. Особенно для меня поучительная.

Я поехал в Новгород.

— Ну как ваш сынок, пишет? — спросил я найденную с помощью местных журналистов его мамашу.

— А вы кто? Из милиции?

— Нет, я из школы. Я его учитель. По физике. Вы уж меня, наверное, и не помните. Каким талантливым мальчиком был ваш сын!

— Да, был. Именно был... — запричитала женщина.

— Ну так как он?

— Плохо. Вот, просит прислать сигарет. А зачем они ему? Ведь он никогда не курил! И еще теплые носки.

— Мерзнет?

— Конечно. Там такие холода. Такие метели...

— Где там?

— На севере. — И тронутая сочувствием мамаша показала адрес на конверте.

Действительно, не близко. За три дня не обернуться. А придется.

Глава двадцать девятая

— Заключение Баранников по вашему приказанию явился!

— Вот это и есть наш герой.

Дохлаватый на вид герой. Одна башка только здоровая. А все остальное — как высушенный гороховый стручок. Не просто, видеть, далась парню тюрьма.

— Что же это ты, Баранников, над нами издевался? Чего горбато лепил? Интеллигента из себя корчил. Очки носил. А того не сказал, что за тобой не одни только финансовые грешки числятся. А кое-что и похуже.

— Извините, не понял.

— Извините! Не понял! Ты дурочку-то не ломай. Вот за тобой следователь специально из Москвы приехал. Говорит, “мокрое” за тобой тянется. Ну очень “мокрое”.

— Это какое-то недоразумение.

— Недоразумение или нет, мы разберемся, — встрял в разговор я. — А пока собирайтесь.

— Куда?

— Вас забирает Центральная Прокуратура. А если персонально, то я — следователь по особо важным делам Егоров Андрей Григорьевич.

— Вот так, Баранников, до “важняка” доигрался. Теперь добра не жди.

— Здесь какая-то ошибка!

— Ничего, разберемся, — строго повторил я. — Готовьте заключенного к отправке.

— У вас конвой где?

— В машине. А машина — во дворе.

Конвой был. Причем самый натуральный. Без всякого блефа. В гимнастерках, сапогах, при погонах и “черном воронке”. Да, и еще с автоматами с полным боекомплектом.

Я их тут недалеко, в соседней области, за пять ящиков водки прикупил. Увидел, подошел и сторговался. С солдатами срочной службы, если с правильным подходцем, всегда столкнуться можно.

— Смотримся туда-обратно, возьмем человечка — и всех дел. А потом пир горой, — по-простому объяснил я.

— А сейчас?

— И сейчас тоже, — и я вытащил из карманов аванс. Что и решило исход затянувшихся было переговоров.

А вы говорите, где взять конвой? Да там же, где зекам водку. И чай. И наркоту. В тех самых внутренних войсках.

— Вот сопроводительные документы, вот личные вещи, — показал заместитель начальника колонии по режиму, — а вот здесь распишитесь. И здесь.

Это сколько угодно. Хоть левой, хоть правой рукой. Я этих росписей за время своей службы по стране наоставлял — сотни. И ни одна на другую не похожи. Но зато очень похожи, ну просто один к одному, на те, что в липовых документах проставлены. В том числе и на этих, по которым я нужного мне заключенного из-за колючки достал на три года раньше истечения срока.

— Шагайте, Баранников! И не вздумайте сотворить какую-нибудь глупость. Конвой будет стрелять без предупреждения!

— Давай, давай, вундеркинд дерьмовый. Топай! И больше не возвращайся!

— Не вернется, — пообещал я. — Уж это я гарантирую.

На том мы и расстались с “Учреждением а/я номер...” И поехал Баранников из мест очень отдаленных в гораздо более близ-

хив. Ну не оставлять же вундеркинда, математика, медалиста и просто хорошего человека на съедение не отличающим формулу бесконечных величин от теоремы Ферма рецидивистам. Они его, отличных от прочих, способностей все равно не оценят.

А я оценю. Потому что мне без них – полный зарез! Солдат с ишиной и водкой я отпустил за первым же поворотом. Они свое дело сделали – массовку обеспечили.

Я остановил первую попавшуюся машину, усадил туда не осознающего, что с ним происходит, зека и сел рядом сам.

– В аэропорт.

– Кто вы? – спросил Баранников.

– Ангел-спаситель.

– Но вы следовательно?

– В некотором смысле, да.

– Вы сказали, что я убийца...

– Точно. Убийца.

– Но кого я убил?!

– Себя. Себя ты убил. И почти насмерть!

В аэропорту я протянул освобожденному заключенному паспорт.

– Держите документ, Козловский.

– Почему Козловский?

– Чтобы легче было запомнить. По ассоциации с прежней фамилией.

В паспорте на имя Козловского была вклеена фотография Баранникова. Только чуть более молодого. Другой фотографии при просмотре его семейного альбома я не нашел.

– Ну что, перебираемся в самолет?

– Я ничего не понимаю. Кто вы? Что вам от меня нужно? Откуда паспорт? С моей фотографией. Я никуда не полечу, пока вы со мной не объяснитесь.

– Не полетите?

– Нет.

– Ну хорошо. Тогда я не настаиваю. Тогда мы вернемся обратно. – И я шагнул от стойки регистрации в глубь зала.

– Нет! – вскричал Козловский-Баранников. – Нет! – И лицо его исказила гримаса страха.

– Ладно, я скажу вам то, что вы хотите от меня услышать. Я не преступник и не следователь. Я нечто среднее. Вы мне нужны как специалист, быть может, единственный в своем роде. Когда вы выполняете свою работу, я отправляю вас за границу. В любую страну, которую вы выберете на карте мира. Я не хочу, чтобы ваш талант погиб где-нибудь вблизи параша. Вы заслуживаете большего. Возможно, спасая вас, я делаю одолжение цивилизации. Если вы собой действительно что-то представляете. Но это вам персонально мне, как вашему спасителю, еще придется доказать. Докажете – ваше счастье. Нет – отправлю обратно на нары. Потому что помочь непризнанному гению – это одно. А сбежавшему зеку – совсем другое. И совсем по-другому оценивается обществом. Так что у вас есть самые прямые стимулы для ударного труда. Вы все поняли?

Козловский-Баранников судорожно кивнул.

– Тогда, надеюсь, мы больше к этой теме не возвращаемся.

— Ну что, потрудимся во славу отечества?

— Потрудимся, — ответил Александр Анатольевич. — Нам не привыкать.

— Так потрудимся? Или как? — громко повторил я.

— Конечно, конечно, — закивал Козловский-Баранников. — Что надо делать?

— Все то же самое, что вы делали раньше. Только с большей пользой для народа. Ломать буржуинские коды. Справитесь?

— Я постараюсь.

— Вы уж постарайтесь, а то на севере зимы холодные, а телогрейки худые, — напомнил я и тут же пожалел о том, что сказал.

— Хорошо, хорошо. Я сделаю все, что в моих силах. Я сделаю...

— Ладно, работайте, и ни о чем таком не думайте. Не будет больше в вашей биографии тюрьмы. При любом исходе не будет. Вы свое отсидели. Амнистия! Александр Анатольевич, давайте первый телефон.

Запрос — отказ. Запрос — отказ. Запрос — отказ. Пауза. Отказ. Запрос — пауза — пауза — и первая цифра.

Запрос — отказ. Запрос — отказ. Запрос — уточнение. Пауза. Вторая цифра... Через десять часов первый пароль пал.

— Пошла! Пошла информация! — радостно сообщил Александр Анатольевич.

Цифры. Факты. Фамилии. Географические названия. И снова цифры, названия... Сотни и сотни страниц! Как все похоже на то, что мы уже делали. Похоже и в то же время не одинаково! Есть отличия. Здесь. Здесь. И здесь. Немного иной подход к сбору информации. К ее систематизации.

Другой и в то же время очень подобный!

Кто же повторяет наши шаги? Кто идет шаг в шаг с нами?

Второй номер. Запрос — отказ. Запрос — уточнение. Запрос... Новые десять часов.

Валомано! Опять фамилии, цифры, географические названия. Из других источников. Но подбор тот же. Те же года, те же числа, те же фамилии.

Дальше, дальше! Третий телефон! Это что-то новенькое! Это такое новенькое, что дух захватывает! Документы "ДСП" и "Совершенно секретно". Самых разных учреждений. Государственного статуправления, Министерства иностранных дел, Таможни, других министерств.

— Вы можете узнать, куда эта информация пошла дальше?

— Если куда-то ушла — возможно. А если была сброшена на дискеты — нет.

— Попробуйте.

Запрос — отказ. Запрос — отказ. Уточнение. Уточнение. Отказ.

— Проникнуть не могу. Но могу назвать номер.

— Какой?

— Вот он.

Номер был пятнадцатизначный. Иностраный номер. То есть получается, что информация была сброшена через границу.

— Внимание! — крикнул вдруг Александр Анатольевич.

– Что такое?

– Смотрите! – он показал на точку, пульсирующую в одной из рамок на экране.

– Что это?

– Я не знаю. С подобными вещами я дело не имел. Увидел только изменение на картинке и привлек к нему ваше внимание.

– Зачем же вы так громко кричали?

– Черт его знает.

В этой пульсирующей, бьющейся в замкнутом пространстве рамки точке было действительно что-то тревожное, мешающее отвести от ее пульсации и колебаний взгляд.

– Он правильно кричал, – тихо сказал Козловский-Баранников. – Эта точка обозначает, что нас обнаружили и ищут.

– Кто ищет?

– Хозяева информации. Или кто-то еще. Меня так же вылавливали, когда я забирался туда, куда забираться не следовало.

– И что вы делали?

– Немедленно отключал компьютер.

– А если не отключать?

– Тогда в зависимости от того, в каком режиме идет поиск. В автоматическом или ручном. Если в автоматическом, возможно, убедившись в отсутствии дальнейших движений с нашей стороны, “сторож” затихнет. А если в ручном, то непременно запустят более сильную программу и вычислят посторонний сигнал, узнают, откуда пришел чужак.

Точка билась и металась в узкой для нее рамке, все увеличиваясь в размерах.

– Они приближаются. Надо уходить.

– Вы сможете снова найти этот адрес?

– Наверное, смогу. Но придется начинать все сначала. После обнаружения постороннего присутствия, пусть даже это будет расценено как случайность, они непременно сменяют все пароли.

Точка росла.

– Все, уходим!

Щелчок тумблера, и экран погас.

– Но ведь так нас смогут вычислить всегда!

– Совершенно верно – всегда. Потому что мы всегда будем входить в сети с какого-то конкретного телефона.

– И это значит, что вести постоянный, планомерный поиск мы не можем. Нас просто-напросто поймают за... провод.

– Поймают.

– А если менять телефоны?

– Тогда нам придется менять их каждый день.

Тупик. Если каждый день менять квартиры, перетаскивая с места на место компьютеры, засветишься еще быстрее. Полный тупик! Сидеть на месте нельзя. Бегать с места на место – тоже нельзя. Надо так, чтобы бегать и одновременно оставаться на месте. То есть совершать взаимно противоречащие действия.

Возможно такое? Нет! Разве только... И я внимательно посмотрел на своих коллег-подчиненных.

Машину я подогнал прямо к подъезду.

— Выходи строиться! — по-армейски скомандовал своим соседям по конспиративной квартире.

— Съезжаем?

— Съезжаем. Пора менять обстановку.

— Совсем съезжаем?

— Безвозвратно. Умные нелегалы в одной и той же квартире два раза подряд не появляются.

— Куда теперь?

— Никуда конкретно.

— Готовность через четверть часа? — уже привычно спросил Александр Анатольевич.

— Через четверть.

— Только "винты"?

— Нет, на этот раз можно и компьютеры. У меня машина.

— Большая?

— Большая. Влезет все, что нужно. Еще и место останется.

Со сбором уложились в двадцать пять минут.

— Готовы?

— Готовы.

— Ну тогда на выход.

Вышли все разом, держа перед собой объемные спортивные сумки. В каждой — по компьютеру. А те, что не влезли, — оставили на подоконнике, предварительно выдернув из них диски. То-то хозяевам будет радость. Пока они во всем не разберутся.

Подъездную дверь пришлось открывать ногами, потому что руки были заняты.

— Ну и где обещанная машина?

— Да вот она.

— Где?

— Перед вашими носами.

— Да ведь это "холодильник".

— Вот она и есть наша машина.

— В ней же мясо возят.

— Вы тоже не флора. Не фрукты-овощи.

— Мы, может, и нет, но кое-кто точно фрукт, — попытался пошутить Александр Анатольевич.

Я молча открыл заднюю дверь.

— Бросайте сумки сюда.

— А сами?

— А сами, так и быть, в кабину. Выедем за город, там разберемся, кому какие авто по чину.

Выехав за город, я завернул в первый же встретившийся по пути лесок и заглушил двигатель.

— И что дальше?

— Дальше? Я за баранку. Вы — в кузов.

— А не замерзнем?

— А вы не раздевайтесь.

Я снова распахнул рефрижераторную дверь. У входа висели мороженые говяжьи туши. Я отодвинул одну из них, затем по-

крытую инеем полиэтиленовую пленку и открыл небольшой люк.

— Прошу! — За тушами было еще одно, гораздо большее, чем первое, помещение. С удобными креслами, откидным диванчиком, микрокухней, несколькими полками под аппаратуру и утепленными многими слоями пенопласта и пенопропилена, стенами. — Вот здесь вы и будете жить. По коням.

— Скорее по... морозильным камерам.

Я вырулил на автостраду. По ней — на кольцевую дорогу. С нее — на проспект. Потом свернул в малоприметный переулок. У первого же "шкафа" связи затормозил.

Встал я очень расчетливо, чтобы длинным корпусом рефрижератора перекрыть подходы к телефонному распределителю. Открыв отмычкой "шкаф", подсоединился к ближним клеммам, затем залез в кабину и приложил к уху наушник. Пошла связь!

— Я начинаю. Вторая, третья, четвертая, пятая, шестая машина — готовы...

— Программа пошла...

— Не могу открыть файл.

— Попробуй в другом режиме.

— Не могу открыть файл!

Запрос — отказ. Запрос — отказ. Отказ. Отказ. Отказ. Час. Второй. Третий. Все, дальше тянуть нельзя. Три часа — критический срок.

Улица. Еще улица. Еще одна. Переулок. "Шкаф". Остановка. И снова запрос. Запрос. Запрос. Отказ. Отказ. Отказ. Час. Второй. Третий. И новое перемещение. Отказ. Отказ. Отказ. День. Второй. Третий.

— Эй, в кузове, как у вас дела?

— Как сажа. Никак не можем пробиться сквозь защиту.

— Почему не можете?

— Возможно, она у них слишком мудреная, возможно, мощности наших машин не хватает. А может, и то, и другое вместе взятое.

— Вы что, о двигателе внутреннего сгорания говорите? Какой мощности?

— Судя по всему, у них стационарная машина. Суперкомпьютер. А у нас — бытовые персоналки. Они в минуту перерабатывают информации больше, чем мы в час.

— И что можно сделать?

— Теоретически?

— Хотя бы.

— Искать узкое место в их обороне. Или равный по возможностям компьютер.

— Хорошо, давайте найдем такой компьютер.

— Найти-то можно. Да пользоваться им нельзя. Машин подобного класса в стране — единицы. И все в секретных, за семью замками, ведомствах. Но и это полбеда. Беда — что они просчитываются на раз. А в холодильник их, между говяжьими тушами, не впишешь. Так что остается обходиться тем, что есть. И надеяться на то, что даже в самой продуманной обороне встречаются плохо охраняемые лазейки...

— Я могу вам чем-то помочь?
— Только если еще компьютерами. Включая их параллельно, мы хоть как-то выигрываем в мощности и в быстродействии.

— Сколько?

— Что сколько?

— Сколько вам еще надо компьютеров?

— Штук пять. А еще лучше, десяток.

— Хорошо, будут вам компьютеры.

И я отправился за оптовыми закупками. Из шестидесяти разных магазинов я привез шестьдесят самых новейших, которые только смог разыскать в розничной сети, компьютеров.

— Сколько?! — ахнули мои технические напарники.

— Пока шестьдесят. Но если понадобятся еще, привезу. Был бы результат.

Кресла из салона автомобиля выбросили. Откидной диван свали. На их место водрузили компьютеры. Рядами — друг над другом, друг рядом с другом и друг на друге. Сидели на компьютерах. Ели на компьютерах. Спали на компьютерах.

— Ну что? Запускаем?

— Запускаем.

Шестьдесят компьютеров одновременно загудели своими внутренностями, загрузились, вышли на рабочий режим. Десяток экранов мониторов замигали картинками.

— Первый блок есть. Второй блок есть. Третий блок...

— Начинаю поиск. Поиск пошел.

Запрос — отказ. Запрос — уточнение. Уточнение. Уточнение...
Согласие.

— Первый файл открыт. Второй файл открыт. Третий файл...
Пошел по цепочке...

Запрос — уточнение. Уточнение. Согласие.

— Черт! Ничего не понимаю. Здесь какая-то совершенно незнакомая мне комбинация шифров. Что-то совершенно новое. Принципиально новое. Безнадёжно. Не хватает быстродействия. Мы не успеваем перебирать требуемый объем комбинаций цифр.

Они что, с ума сошли? Я не могу больше ходить по магазинам, скупая компьютеры, как алкоголик водку. Да их просто некуда больше впахивать. Свободных объемов в машине почти не осталось.

Вызов обратной связи.

— Начальник, у нас ничего не выходит. Не хватает мощности.

— Я слышал.

— И что вы предлагаете?

— Отдыхать. Вы работаете уже двадцать часов. Отрубайте аппаратуру и ложитесь спать. Я отъезжаю на стоянку.

— А дальше?

— А дальше вы проснетесь. И будете снова работать.

— Сколько?

— Столько, сколько нужно для получения положительного результата.

— Послушайте...

— Все, конец связи.

Я выдернул подвод к "шкафу" и завел мотор. Опять тушик. Больше полусотни компьютеров, и все равно тушик.

Мы имели пять компьютеров и не могли почти ничего. Мы добились шестьдесят, и на порядок возросли наши возможности. А если компьютеров будет еще больше? Например, в десять раз? Значит, ровно в те же десять раз вырастет их суммарная мощность? Кажется, я знал, что надо делать.

Глава тридцать вторая

Через полторы недели я завершил подготовительные работы.

— Вставайте, засони, — сыграл я по внутренней трансляции побужду. — День в разгаре. Работа не ждет.

Переулок, “шкаф”, уже привычная процедура подключения. Только место подключения необычное. Под боком одного неприметного склада. Готовой продукции. Интересно, что выйдет на этот раз.

— Запуск. Первый блок к работе готов. Второй готов. Третий...

— Пошла программа...

— Первый файл открыт.

— Второй файл открыт.

— Третий файл. Активная защита. Отказ. Отказ. Отказ.

— Все. Система слетела. Загружаемся по новой.

— Первый файл. Второй. Третий... Отказ. Отказ...

— Внимание! Они начали встречный поиск!

— Сколько у нас времени?

— Минута, может быть, две.

— Поиск активизируется. Возможно переключение в ручной режим.

— Выключаюсь.

К машине подошел человек. Малоприметный ночной вахтер того самого, возле которого встал рефрижератор, склада.

— Ну что?

— Готово. Куда подключаться?

— Вон к тому кабелю. Ты все помещения соединил?

— Все.

— Проверил?

— Проверил.

— Ну тогда суй “папу” в “маму”.

— Слушай, а ты мне, часом, здание не спалишь?

— Дядя, ты получил, если исходить из твоей ежемесячной зарплаты, пожизненное содержание. Чего же тебе переживать по поводу своего рабочего места? Но если ты боишься, мы можем вернуться на исходные позиции.

— Чего?

— Я говорю, мы можем совершить обратный обмен — ты мне деньги, я тебе провод. И разойдемся, как в море подводная лодка с самолетом.

— Нет, я ничего. Я просто так сказал.

— А раз просто так — стыкуй провода и иди в сторожку, досматривать прерванный сон. И пусть тебе приснятся Канарские острова, на которых ты, дядя, в лучших пятизвездочных отелях можешь отдыхать теперь безвылазно почти год.

Пятясь, спотыкаясь и подобострастно улыбаясь, “дядя” отбыл в сторожку.

- Начало работы через две минуты, - объявил я. - Готовы?
- Запускаем.
- Первый блок... Второй... Третий...
- Открываю файлы.
- Что за черт?
- Что такое?
- Быстродействие?
- Что быстродействие?
- Ты посмотри, что творится!
- Мамочку твою!
- Не хочу вмешиваться в вашу беседу, но должен сообщить, что в настоящий момент к нам подключены еще около полутора тысяч компьютеров.
- Сколько?!
- Полутора тысяч. Так что не теряйте время и используйте предоставленные вам новые возможности с максимальной пользой.

- Как вам удалось?

- Это к делу не относится. Это моя кухня.

Это действительно была моя кухня. С известными только мне рецептами.

В складе, предназначенном для хранения завезенной из далекой юго-восточной азиатской страны вычислительной техники, на стеллажах, от пола до потолка, вплотную друг к другу стояли полторы тысячи новеньких персоналок. К каждой подходил кабель. И от каждой уходил кабель. К соседнему компьютеру. А от того - к следующему. И к следующему. И так от первого - до последнего.

Все очень просто. Мне необходимо было раздобыть полторы тысячи компьютеров? Я их раздобыл.

Найти место скопления требуемой техники труда не составило. Довольно было отсмотреть рекламу фирм оптовой торговли и выбрать наиболее подходящие по местоположению, подъездам, количеству и составу обслуживающего персонала. Сложнее было приобрести, так, чтобы не вызвать вокруг своей персоны опасный ажиотаж, транспортировать и подсоединить "полторы тысячи штук кабеля" и шнуры сетевого питания к каждому из полутора тысяч компьютеров. Но и эта проблема худо-бедно разрешилась. Спасибо, подмогла усиленная технарями-электронщиками бригада местных грузчиков. Трудились они очень ударными, потому что очень щедро оплаченными, темпами весь вечер, всю ночь и часть утра. Чем и высвободили для работы еще два выходных дня.

Программное обеспечение, гарантировавшее одновременную, согласованную работу полутора тысяч компьютеров, превратившихся путем "арифметического" сложения в многопроцессорный суперкомпьютер, предложила группа разработчиков-программистов, сформированная из участников очередной научно-практической конференции по проблемам вычислительной техники. О которой я узнал из газет. "Халтуру" через цепочку доверенных лиц заказал какой-то то ли наш, то ли не наш, то ли вовсе Брунейский шах, толстосум, который решил воплотить в жизнь

свою очередную безумную идею. За что ему большое спасибо от сумевших поправить свой семейный бюджет ученых.

- Файл открыт.

- Файл открыт.

- Открыт...

- Открыт...

- Открыт...

Отказ - уточнение - согласие.

- Вошел в сети. Телефонный номер. Фиксирую. Следующий. Фиксирую. Вошел в локальные сети. Открываю файл. Файл системный.

Мимо. Мимо.

- Есть информационный файл. Файл архивирован. Начинаю подбор программ. Не подходит. Не подходит. Не подходит. Есть! Файл разархивирован. Сканирую информацию. Ввожу в память. Сравниваю с аналогом. Запрос - ответ. Надпись на экране. Информация повторная. Дублирует уже существующую в памяти. Информацию сохранить? Информацию уничтожить? Нажатие кнопки - информацию не сохранять. Информация стерта.

- Закрываю файл. Ухожу в сети. Двигаюсь по каналам передачи информации... Запрос - ответ. Запрос - ответ. Еще один телефонный номер. Пятнадцатизначный. Вошли в сети другой страны.

- Какой?

- Боюсь, не скажу.

- А если по международному коду?

- Они наверняка пользуются не своим кодом. Какой-нибудь третьей страны. Или не существующим, придуманным.

- Еще один телефонный номер.

- Прошел. Все. Дальше хода нет.

- Начинаю работать. Пытаюсь открыть файл. Запрос - отказ. Запрос - отказ. Отказ. Отказ. Отказ. Отказ. Активная защита. Повторяю запрос. Запрос - отказ. Отказ. Отказ. Надпись на экране: "Я вас не знаю. Введите пароль опознавания. В противном случае файл будет заблокирован. В вашем распоряжении пять минут".

Начинаю отсчет.

Пять минут. Четыре минуты пятьдесят девять секунд. Четыре минуты пятьдесят восемь. Четыре минуты пятьдесят семь... Примерить уже взломанные пароли. Один за другим. Один, второй, третий. Не проходят. Четыре минуты. Три минуты пятьдесят девять секунд. Три минуты пятьдесят восемь. Три минуты пятьдесят семь..

Теперь все пароли вместе в сотнях миллионов различных комбинаций. Осилить такое, в такие короткие сроки возможно только с помощью компьютеров.

- Ну же, ну же. Давайте, машинки! Трудитесь!

Полторы тысячи процессоров, соединенных в единую электронную сеть и ставших единым суперкомпьютером, совместными усилиями просчитывали тысячи вариантов цифровых комбинаций в секунду. Каждый - по своей позиции. Все вместе - по всем.

— Две минуты. Одна минута пятьдесят девять секунд. Одна пятьдесят восемь... Первый миллион комбинаций — ответ отрицательный. Второй миллион комбинаций — ответ отрицательный. Третий миллион... Четвертый... Тысячные доли секунды на просчет каждой комбинации.

— Минуты — на все.

— Не успеваем. Не успеваем! Проработано только тридцать семь процентов информации! Еще минута, и машина заблокирует файл. И поднимет тревогу. Тогда все. Тогда не пробиться. Она просто отрубается от сети.

— Что делать? Александр Анатольевич!

— Не знаю. Не знаю! Может, выключиться? Может, уйти?

— Безнадежно. Отсчет все равно идет. Отсчет все равно будет продолжаться. Пока машина не убедится, что файл требует открыть кто-то из своих.

— Что еще может ее заставить прекратить отсчет?

— Ума не приложу. Поломка системного блока. Или угроза поломки, если запущена программа самосохранения или сохранения информации. И если эта программа приоритетна перед обыкновенным чужаком.

— Одна минута. Пятьдесят девять секунд. Пятьдесят восемь... Стоп! Угроза! Именно угроза. Для сохранения информации.

— Где у нас вирусы?

— Какие вирусы?

— Самые обыкновенные. Которые разрушают память компьютеров. Те, которые ты применяешь для взлома.

— Черт возьми! Точно! Как я не догадался! Вирус для нее приоритетен. Вирус для машины смерти! Она должна переключиться на программу защиты. Она не может не переключиться!

— Ну же! Осталось двадцать пять секунд! Давай скорее! Давай самые убийные!

— Файл "Вирусы". Вызов. Готовность. Запуск! Вирусы в сети...

— Двадцать один. Двадцать. Девятнадцать...

— Есть! Подавилась, зараза! Переключилась на большую опасность. Теперь пока распознает и не уберет все вирусы, будет висеть.

— Сколько у нас времени?

— Минут пятнадцать. А может, и меньше. Я не знаю возможности их машины. И не знаю быстродействие их защитных программ.

— Делим компьютеры!

— Делим! Первому блоку компьютеров — продолжать сброс информации. Второму и третьему — взлом пароля.

— Тысяча сто компьютеров перебирали, перебирали, перебирали цифровые комбинации, высеивая одну-единственную, являющуюся паролем. Тысячи — в секунду.

— Сто сороковой миллион комбинаций. Сто сорок второй. Сто пятидесятым...

— Есть первый уровень защиты. Есть второй. Есть третий...

— Пароль распознан.

— Отключаю вирусы.

— Отключай.

Продолжаю отсчет. Восемнадцать. Семнадцать. Шестнадцать...

- Ввожу пароль! Пошел пароль!

Пятнадцать. Четырнадцать. Четырнадцать. Четырнадцать...
Замерли бегущие цифры. "Пароль узнан. Спасибо."

- Есть доступ! Открываю файл.

Вот оно где - главное хранилище. Я откинулся на спинку водительского сиденья. С моего лица на колени капал пот. Как будто это не компьютеры, а я лазил по сетям, искал цифровые комбинации и запускал во все стороны вредоносные вирусы. Как будто это я взломал сейф со столь необходимой мне информацией.

Ай да Козловский-Баранников! Ай да Александр Анатольевич! И я.

- Эй, в кабине. Начальник! Какую информацию скачивать?

- Какая есть?

- Папка статистики. Папка имен. Географических названий. Папка сценариев...

- Как вы сказали?

- Сценариев.

- Вот с нее и начните.

- О'кей! Приступаю к считыванию информации.

Александр Анатольевич следил за экранами. За всеми сразу.

- Десять процентов информации прошли. Двадцать. Сорок. Шестидесять. Шестидесять пять... Кажется, нас засекли! Точно. Они активизируют защиту. Они нас ищут!

- Качать! - гаркнул я в микрофон.

- Семьдесят пять процентов информации. Восемьдесят.

- Они нашли нас!

- Качать! Теперь уже все равно.

- Восемьдесят пять процентов... Сбой. Они вытолкнули нас. Все. Вход в систему заблокирован.

- Уходим.

- Сколько процентов информации успели взять?

- Порядка девяносто двух-девяносто трех.

- Они вычислили нас?

- Они поймали наш номер.

- Сколько им потребуется времени, чтобы установить страну передачи, город и телефон?

- Секунды. Они его уже знают. Значит, теперь, если они не лопнут, пойдет мгновенная шифрограмма в Посольство, в Резидентуру. А Резидентура попытается установить, кто и каким образом вел передачу.

Я нажал на клаксон автомобиля. Из сторожки пулей выскочил ночной вахтер.

- Вот деньги тебе и бригаде. Вызывай всех. Немедленно. К утру склад должен блестеть, как кастрюля у доброй хозяйки. Чтобы ни одной лишней пылинки. Чтобы все запаковать и разложить по местам. Понял?

- Будет исполнено!

- И чтобы никому ни единого слова.

- Это уж как водится...

- Ну тогда я поехал. Гуд-бай, дядя.

Дело было сделано. Информация получена. Но толку от этого дела и от этой информации — ноль целых ноль десятых процента. Потому что передавать ее было некому. Все потенциальные потребители, выдавшие заказ на данного рода интеллектуальную продукцию, сняли свои кандидатуры. Бесследно исчез Шеф-куратор. Скомпрометировал себя единственный известный мне член Правительства.

— Я имел первоклассный товар и не имел достойного покупателя.

— Ну и что будем делать? — в который раз спрашивал Александр Анатольевич.

— Пока все то же самое — пополнять банк информации.

— А зачем пополнять?

— Чтобы уже имеющийся в наличии “товар” не пропал.

Александр Анатольевич качал информацию из уже известных, где моими стараниями были установлены модемы, источников. Козловский-Баранников — грустил. И рассуждал.

— Интересно, чем отличается мое недавнее заключение в тюрьме от того, что я имею сегодня? Начальник обещал за границу отправить и все тянет, тянет...

Ну в какую “заграницу” я мог отправить так много знающего Козловского-Баранникова? В Европу? В США? В Канаду? Чтобы он там рассказал о своих выдающихся способностях на примере одной, отдельно взятой компьютерной операции?

230 Не было специалисту по взламыванию компьютерных паролей Козловскому-Баранникову ходу за границу. И не было жизни бегдому зеку Баранникову в своей стране. Не жить Козловскому-Баранникову. Должен я, следуя незыблемым правилам конспирации, отправить отыгравшего свою роль зека-программиста не за кордон, а совсем в другое место. Должен!

Через два дня я велел ему собираться.

— Куда? За границу?

— За границу...

— Ну, наконец-то!

Я посадил его в машину и привез... на кладбище. Отвел его в самый дальний, не посещаемый ни родственниками, ни случайными ротозеями квартал. Туда, где закапывают безымянные, неопознанные тела и умерших и неостребованных близкими заключенных. И всех прочих, которых желают укрыть от посторонних глаз, безвременно почивших покойников.

Я подвел его к срезу свежееотрытой могилы и попросил:

— Загляни туда.

— Зачем?

— Загляни, загляни!

Козловский-Баранников наклонился над обрывом. Я вытаскивал пистолет с глушителем.

— Видишь?

— Но там ничего нет.

— Там должен быть ты.

Баранников отшатнулся. И увидел пистолет.

— Но почему? За что?

— За то, что сбежал из тюрьмы, за то, что познакомился со мной, за то, что лазил по сетям и влезал туда, куда влезать не следует.

— Но об этом просили меня вы!

— Да, просил. Но таким было мое задание. А теперь я должен тебя устранить. Как очень опасного свидетеля. У меня нет другого выхода. И у тебя нет. Извини.

Я поднял пистолет. И выстрелил. Баранников схватился за голову и упал. В открытую персонально для него могилу. Теперь должен был прийти могильщик, забросать яму землей и воткнуть в холмик дощечку с обезличенным, тысяча каким-то номером. С номером неопознанного и не востребовавшего трупа.

Я подошел к могиле. Баранников был жив. Пуля прошла ему правое ухо. На воротник, на плечи толчками текла кровь. Мне нужна была кровь. Мне нужно было много крови. Кровь и боль убеждают лучше всех прочих аргументов.

Баранников ждал второго, на этот раз окончательного выстрела.

— Теперь слушай. Слушай внимательно, — сказал я. — Я даю тебе шанс. Один на миллион. Сегодня ты уедешь за границу. Не в Америку и не в Канаду. Туда тебе путь заказан. Там ты погибнешь еще вернее, чем в этой могиле. Ты уедешь в Африку. От твоего имени я подписал пятилетний контракт с одной фирмой. Ты будешь работать в этой стране безвыездно и безвылазно десять лет. Я же обещаю, что жизнь твоя будет сахаром, но это жизнь. Любые попытки выхода за означенную зону будут пресекаться.

Смертью.

Вот твои документы. Вот контракт. Вот билет на самолет. — Я бросил в могилу папку с документами и бинты. — Подымайся. Самолет отлетает через три часа!

Я отвез его в аэропорт и проследил, чтобы он сел в самолет. Прощай, Козловский-Баранников, талантливый самоучка из российской глубинки. Может быть, тебе повезет. Дай Бог, чтобы тебе повезло. И дай Бог, чтобы мы никогда больше не встретились.

Перечень всей имеющейся у нас информации мы перебросили на компьютеры нескольких Помощников Президента. И оставили контактный адрес. Для тех, кто захочет узнать подробности.

Мы ждали месяц. Два. Три. Мы ждали полгода. Информацию никто не востребовал. А потом в стране все пошло как по писаному. Как по писанному и хорошо известному нам сценарию.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава тридцать третья

— Вы радио слушаете? — спросил Александр Анатольевич.

— А что такое? Очередной переворот? Повышение цен на воду? Или объявление Москвы пятьдесят первым штатом Америки?

— Нет. Только информационное сообщение.

— Какое?

Александр Анатольевич кивнул на лист бумаги, куда он спрятал информацию. Информацию об уходе в отставку по состоянию здоровья и личной просьбе одного ответственного чиновника Правительства.

Хорошо знакомого нам чиновника. Того, который дал нам заказ на работу.

Как же это его угораздило? На вид вроде здоровенький был. Жизнерадостный. Жить собирался до ста сорока лет. Что же это с ним приключилось, что он так быстро сдал?

Очень занято. Но не очень понятно.

— Ну-ка, давайте пошарим по закрытым каналам информации. По тем, которые для "служебного пользования".

Александр Анатольевич "набрал" нужный номер. И еще один. И еще...

Так. Приказы о назначениях и перемещениях. Дальше. Сводки происшествий по Центральному региону. Пролистываем. Сообщения об имевших место в последние двое суток особо тяжких преступлениях. Стоп! А вот и он. Наш подопечный. Теперь понятно, отчего у него так неожиданно здоровье пошатнулось. От того, что в его здоровье, в упор, засадили пять пуль вблизи подъезда собственного дома. А вначале три — в телохранителя.

Очень интересный расклад. Был телохранитель — и нет. Был Член Правительства — и весь вышел.

— Вот что, Александр Анатольевич, соберите-ка всю возможную информацию по данному происшествию. Все факты, гипотезы, суждения, комментарии, сплетни...

— А вы?

— А я, пожалуй, больного навещу. С визитом вежливости.

Вначале я осмотрел место происшествия. В бинокль и очень издали. Ближе из-за обилия мельтешащего служилого, в форме и без, народа пробраться было невозможно. Зато я понял, с такого расстояния, когда никто по причине трех смертельных ранений, полученных в корпус и голову, уже не мешает, промахнуться невозможно. Если ты хотя бы один раз в жизни держал в руках хоть какое-нибудь оружие. А это значит, что покушения на убийство не было. Было покушение на испуг. Большого Начальника не убивали. Большого Начальника запугивали и предлагали уйти в отставку. Что он и сделал. Едва только перебинтовав раны.

А зачем его таким невежливым способом убирали из обоймы действующих правителей? Кто на это может ответить? Пожалуй, только тот, кто убирал. И еще, возможно, он сам.

Получается, мне надо с этим переставшим быть Большим и переставшим быть Начальником пациентом обязательно встретиться.

В больницу я провик с черного хода под видом доставившего из прачечной постельное белье медбрата. Для чего пришлось это белье, целую машину по сходной цене, приобрести. У обслуживающего персонала той же самой больницы. Чтобы рисунок, кодер и печати на наволочках не отличались от оригинала.

Чуть сложнее было пройти на Правительственный этаж. Пришлось забивать канализацию и действовать уже под видом слесаря-сантехника, пока настоящий после двух употребленных внутрь бутылок водки спал у себя в мастерской.

— Ну где течет? Тут? Тогда это колтун в трубе на верхнем этаже. Там его искать надо.

— Ну так посмотрите.

— Это не мой участок. На этот колтун у вас свои работники должны быть в наличии.

— Наш не может.

— Почему?

— Заболел он. Неожиданно.

Пришлось согласиться. За дополнительное вознаграждение.

В туалете я быстро исправил канализацию и переоделся.

Я даже внешность почти не менял. Только причесался немного да другое выражение лица "надел". Рабочая одежда — сначала слесарная роба, а потом белый медицинский халат — обезличивает лучше любого грима.

Я вошел в нужную, даже не охраняемую палату.

— Процедуры. Пожалуйста, ложитесь на живот.

Но перевернуться Петр Савельевич не смог, перебинтованный и загипсованный с ног до головы.

— Вы! — ахнул он.

— Я. Подрабатываю в свободное от основных занятий время. На хлеб не хватает. И патроны.

— Я думал, вы давно...

— Нет, как видите, живой и здоровый. Что не скажешь о вас.

— Да, так получилось. Уже и до членов Правительства бандиты...

— Только давайте не будем вести детские разговоры. Я не верю в случайные покушения. Оставьте эту легенду для журналистов. Кто и зачем попросил вас выйти из состава Правительства, причем таким убедительным образом?

— Зачем вам это?

— Затем, что теперь я знаю гораздо больше, чем знал раньше. Но хочу знать еще больше.

— Что вас интересует?

— Кто на вас покушался?

— Те же люди, что сказали мне о существовании вашей Организации.

— Вы выполняли их указания?

— Вначале — да. Они предполагали с вашей помощью собрать компрометирующий материал на прочих, не подчиненных им, Руководителей Государства. Лишний козырь в политике никогда не помешает. Иногда от него может зависеть весь ход игры. Особенно если его вовремя выложить на стол. А ваш козырь оказался всем козырям козырь.

— И вы решили приберечь его для себя?

— И я решил приберечь его для себя.

— В еще большие начальники потянуло?

- Только для пользы государства.
- Эту теорию я уже слышал — лучше мое дерьмо, чем чужое. Хотя народу один черт, чье дерьмо нюхать.
- Петр Савельевич пожал плечами.
- В общем, кому-то ваша двойная игра не понравилась, и вас предупредили? Пятью пулями в корпус.
- Примерно так.
- А что же не убили?
- Не знаю. Возможно, из-за опаски разглашения компромата в случае моей смерти. Я тоже подстраховался.
- Как вы приручили моего начальника?
- Я его не приручал. Он ничего не знал. Он выполнял приказ.
- Чей?
- Тех людей, которые знали о вашей Организации.
- Где он сейчас?
- Его нет. Он умер.
- Когда, где, при каких обстоятельствах?
- Еще тогда. На отвлекающей внимание вилле. Он застрелился, когда понял, что объект отстоять не удастся.
- Кто-нибудь еще погиб?
- Нет. Только он. Он сам отдал приказ о прекращении сопротивления. И покончил с собой.

Это было похоже на правду. Работники Конторы никогда не сопротивлялись “до последнего патрона”, рискуя попасть противнику в полон. Они кончали с собой задолго до наступления этого момента, тогда, когда осознавали безвыходность ситуации.

Шеф ушел, так и не отдав тайну виллы. Шеф победил. Но проиграл, доверив ее Большому Начальнику.

- Кто были нападающие?
- Неизвестно. Но вероятнее всего, какое-то подразделение Безопасности. А теперь можно задать встречный вопрос вам?
- Валяйте.
- Что вы собираетесь делать с имеющимся у вас материалом?
- Использовать по назначению.
- Каким образом?
- Еще не знаю.

— Разрешите дать вам добрый совет. Не отдавайте добытый вами компромат никому. Никому! Сколь бы обаятельным и убедительным ни показался вам просящий. Какие бы аргументы он ни выдвигал и чем бы ни клялся. Вас все равно обманут. Уничтожьте все сведения. Сожгите их в печке и развейте пепел по ветру. И вы лишите оружия людей, которые пытаются им завладеть.

Или действуйте сами. Только сами. Не передоверяя это право никому.

Я вышел из палаты, зашел в туалет, переоделся в сантехническую робу, спустился в подвал, переоделся еще раз и вышел на улицу.

Я узнал, что хотел. Я узнал даже больше, чем хотел. Но легче мне не стало. Мне стало тяжелей.

Наверное, в чем-то бывший, разжалованный в рядовые пациенты Руководитель был прав. Жизни мне ни с этими документами, ни без них — нет. Я мешаю этими документами всем и одно-

временно всех, словно красной тряпкой стадо быков, привлекаю к себе... теми же самыми документами. Замкнутый круг.

На следующий день один из пациентов Правительственного этажа больницы скончался. От пяти огнестрельных, полученных в мягкие ткани и не угрожавших его здоровью ран.

В последующем информационном сообщении и в некрологе было указано, что причиной смерти явился приступ сердечной недостаточности...

Глава тридцать четвертая

Я очень долго готовился к следующему своему шагу. Я переделал за несколько месяцев столько черновой, подготовительной работы, сколько не умудрялся делать за иной год. Я недосыпал сутками и недоедал килограммами. Я измотался морально и физически, прежде чем смог произнести итоговую, к которой так долго шел, фразу:

— Переодевайтесь, Александр Анатольевич.

— Во что?

— Вот в это. В спецовку телефонного монтера. Мы выезжаем на линию. Устранять аварии согласно заявкам населения.

— Значит, опять машина? — упал духом Александр Анатольевич, прижившийся в очередной съемной квартире.

— Опять.

— Зачем?

— Затем, что на этот раз, предполагаю, нас будут довить с утроенным усердием. И не какие-нибудь, за тридевять земель, импортные электронщики, а наши, доморощенные Пинкертоны, которым до запеленгованного телефона добраться — только пять автобусных остановок проехать.

— Снова говяжьих туши? Снова холодильник?

— Нет. На этот раз машина профильная — аварийная, городской телефонной сети, со специальной раскраской и со всеми необходимыми причиндалами. Фургон на базе ЗИЛа. Еле нашел подходящий.

— А мы тогда кто?

— А мы бригада аварийщиков, устраняющая разрывы и прочие повреждения в сети. Кстати, ради такого случая произвожу вас сразу в ремонтники шестого разряда. Заметьте, без экзаменов и бюрократических проволочек. Цените. И получайте удостоверение.

— Когда выезжаем?

— Как только вызов получим.

Фургон передвижной телефонной мастерской излишних удобств не предлагал. Грязный стол, грязная скамейка, грязный топчан и пара шкафов в углах. Там же, в шкафу, один стационарный компьютер, пара миниатюрных "Ноутбуков" и факс.

— Лучше бы в холодильник, — заключил осмотр Александр Анатольевич.

— Может, и лучше, но приметней. К тому же нам не требуется теперь возить с собой столько техники, сколько мы возили раньше.

Первый выезд. Первое подключение. На этот раз "шкафы" я не закрывал и провода не маскировал. На этот раз я действовал легально.

— Подключился! — орал я что есть мочи, — Проверь сигнал.

— Есть сигнал! С чего начинаем?

— Первое сообщение вот по этому адресу.

Александр Анатольевич загонял в факс бумагу.

— Готов!

— Запускай!

Минутная пауза.

— Сообщение пошло.

В сообщении было несколько красноречивых, из личной и служебной биографии адресата, фактов, касающихся того, с кем и где он встречался и что в результате этих встреч получал в виде подарков, бесплатных билетов, гонораров за книги, лекции и публичные выступления по радио и телевидению. По числам. По очередности.

Но была маленькая приписка. "Как вы считаете, имеет ли моральное право государственный чиновник с подобной биографией претендовать на новый, вновь предложенный ему высокий пост? Или из морально-этических соображений должен отказаться? С уважением, группа независимых журналистов".

И постскриптум. "Готовы предоставить вам соответствующие документы, с частью которых (малой) вы имели возможность ознакомиться".

Всякий чиновник, если он не был полным дураком, увидев такую о себе информацию, от должности должен был отказаться. По крайней мере до выяснения каналов утечки информации и имени "независимых журналистов".

Он и отказывался. Под каким-нибудь благовидным предлогом. Не то здоровье. Не тот опыт. Благодарю за внимание...

— Второй адрес пошел.

— Принято.

— Третий адрес пошел.

— Принято.

— Четвертый... Пятый... Шестой...

Новое, устраивающее третьих лиц правительство не вытанцовывалось. Ну никак не вытанцовывалось. Самоотвод за самоотводом. Что за чертовщина?

— Десятый адрес пошел. Одиннадцатый. Двенадцатый. Принято. Принято. Принято.

— С первым списком закончено.

Коротенький список. Но очень звонкий. Другой — чуть подлиннее, потому что касается фигур второго и третьего плана. Этим компроматом не запугать. Этим еще нечего терять. Потому что они еще ничего не имеют. Этим на политический испуг не возьмешь. С этими надо воевать по-другому.

Новая точка стояния. Возле двадцать какого-то "шкафа".

— Заряжай первый объект.

— На связи.

— Запускай.

— Сделано!

На стол первого объекта из пасти факса выползла короткая бумага. С выдержкой из одного прелюбопытного для него разговора. Того, где известное ему лицо А говорило так же хорошо ему известному лицу Б о партии одного, опять-таки хорошо известного ему товара, направляющегося из пункта С в пункт Д. И о том, что по дороге этот товар может исчезнуть в районе пункта Х. Если, конечно, Б столкнется с А. И совместными усилиями нейтрализуют В. Которым и был адресат.

В конце получателю письма предлагалось спуститься в подъезд и взять в почтовом ящике копию магнитофонной записи данного человека, вставить ее в магнитофон и еще раз прослушать.

Что адресат незамедлительно и делал.

Потому что товар действительно существовал и действительно шел из пункта С в пункт Д.

Но никто его не собирался перехватывать в пункте Х. И никакого разговора между А и Б не было. Но была вражда между Б и В. Не на жизнь, а на смерть. Что я и использовал.

Необходимую мне для проведения данной комбинации информацию я получил за немалую сумму от одного известного мне человека. Голоса записал с установленных мною в известных же мне местах "жуков". А смонтировал разговор с помощью талантливого звукоинженера, студента актерского факультета провинциального театрального вуза. И не только этот разговор. А еще два десятка. На самые разные темы.

Конечно, квалифицированная экспертиза, проведи такую, несоответствие голосов установила бы довольно быстро. Но кто будет эту, требующую времени, экспертизу проводить? В такой ситуации хватаются не за высокочувствительную экспертную аппаратуру, а за примитивный пистолет. На что я и рассчитывал.

Таким образом одна не нужная ни мне, ни стране партия лишилась части субсидированных ей на политику и предвыборную кампанию средств. Потому что спонсоры самым неожиданным образом перестреляли друг друга.

Перекрывая финансы, я перекрывал возможности. Другое письмо уходило к другому денежному мешку. В нем сообщалось, что отделу по борьбе с экономическими преступлениями стало известно об одной не очень чистоплотной внешнеэкономической сделке. И что сообщил о ней в органы один из руководителей филиала данной фирмы. Под маской анонимного и потому неуловимого доброжелателя. Сообщил с двойной целью — чтобы насолить шефу и чтобы прибрать к рукам, после его отсылки в места не столь отдаленные, головную фирму.

И действительно, милиция, тот самый доблестный отдел, получила соответствующее письмо, где был подробно изложен механизм противозаконной сделки. С извещением о посылке дубликата письма в вышестоящие инстанции. Ну чтобы они шустрой шевелились. И они шевелились, так что пыль столбом стояла.

Характерно, что эти сведения мог знать только этот человек. Только руководитель филиала. И только он и знал. Потому что именно он посредством приляпанного с помощью пневматического ружья к стеклу кабинета микрофона обо всем мне в доверительной беседе с главным бухгалтером рассказал.

Отдел по борьбе с экономическими преступлениями в полном составе прыгал в машины, ехал в указанную фирму и изымал все возможные документы.

Глава фирмы, конечно, выкручивался, все валил на замов и помов и освобождался под подписку о невыезде. А потом разбирался с руководителем филиала, который решительно ничего не понимал и от всего отрекся. Начиналась очередная бесконечная и небезобидная междоусобная разборка. Филиал закрывался. Головная фирма терпела убытки.

В результате еще одна партия теряла живительный, столь необходимый ей именно сейчас, для проведения предвыборной кампании, финансовый ручеек.

Подобным же образом я, не без успеха, стравливал между собой партии и целые блоки партий. Уж не говоря о всяких там мелких, мечущихся между ними политических группировках.

Политики оказались очень управляемыми, потому что очень скандальными типами. Просто на удивление скандальными. Им довольно было подбросить самый примитивный, самый малоаппетитный, но обязательно дурно пахнущий факт, чтобы они тут же вцепились друг другу в глотки.

Работать с ними было одно удовольствие.

Наверное, спустя какое-то время они разберутся в своих претензиях и поймут, что их попросту стравливали друг с другом. Как голодных, бездомных и оттого злых псов. Но будет уже поздно. То, что они согласно чужой воле и чужому сценарию должны были сделать, они уже не сделают. Не успеют.

— Информация передана! Подтверждение получено. Еще адреса есть?

— Есть!

Наконец пора теоретических изысков прошла. Началась большая драка...

Глава тридцать пятая

В известном промышленном районе одновременно забастовали шахтеры трех угольных разрезов. Через четыре дня их поддержали горняки еще двух регионов. И еще трех.

— Но почему именно шахтеры? — удивлялся Александр Аватольевич.

Потому что это был очень умный, очень расчетливый и очень действенный, с точки зрения влияния на внутреннюю политику, ход. Правда, он случился чуть не вовремя, не тогда, когда был предусмотрен сценарием. Но он случился!

— Чего они добиваются?

— Дестабилизации отдельных районов страны.

— Нет, я имею в виду шахтеров.

— Шахтеры здесь ни при чем.

Шахтеры здесь действительно были не в счет. Они служили только средством. Только разменной картой в большой игре больших политиков. Очень удобной и потому козырной картой.

Забастовка шахтеров являлась идеальным инструментом для манипулирования общественным мнением. В любую удобную сторону. Хоть вправо. Хоть влево.

Остановка угольного конвейера как напрямую, так и косвенно, отражалась на всех прочих отраслях промышленности. Уголь не получали металлурги. Металлурги не давали металл. Отсутствие металла лишало работы десятки тысяч людей в тяжелой и станкостроительной промышленности. Но самое главное, отсутствие угля било по расположенным в ближних регионах тепловым электростанциям. А падение напряжения в сети — по всем. Без разбору. От промышленных гигантов до мерзнувшей в своей квартире старушки-пенсионерки. Именно поэтому забастовка случилась в шахтах. Забастовка угольщиков должна была послужить тем фитилем, который способен взорвать бомбу социального недовольства целого Региона.

Какого-то одного Региона. Только одного. Так было предусмотрено сценарием. Вопрос, какого? Я сел за учебники географии. Любой город, любая область и даже государство существуют не в безвоздушном пространстве, а на вполне конкретных, с конкретным рельефом и климатом, участках суши. Эти, доставшиеся им участки во многом влияют на экономику, характеры и уклад жизни проживающих там людей и на политику. Рассматривая карту под таким специфическим углом зрения, иногда можно увидеть больше, чем на ней нарисовано.

Меня в первую очередь интересовали климатические условия, количественный и качественный состав населения, транспортные развязки, наличие энергоисточников, приближенность к границам и еще многое другое.

Я остановился на трех Регионах, но все еще не знал, какой из них избран для социального эксперимента.

— Александр Анатольевич, а не слабо вам дотянуться своим сканером “от Москвы до самых до окраин”?

— До каких?

— До самых дальних.

— Что вы все ходите вокруг да около? Что требуется конкретно?

— Периферийная печатная продукция. В больших объемах.

— Будет вам продукция. Если там есть хотя бы одна, подключенная к компьютерным сетям редакция...

Неделю я потратил на просмотр периодики. Я смотрел ее непрерывно с утра до вечера, отмечая плюсиками и минусиками по десятибалльной шкале негативную либо позитивную информацию.

Ругают существующее положение дел — минус три. Сильно ругают — минус семь. Ругают распоследними словами — минус десять. Хвалят за наше счастливое сегодня — плюс четыре. Сильно хвалят — плюс шесть. Разливают елей так, что он со страниц медом капает, — плюс десять с половиной. А в итоге? А в итоге явное, процентов на сорок выше, чем в прочих местах, преобладание негатива в одном из регионов. Уж не здесь ли запланирован и любовно взращивается взрыв народного негодования?

Попробуем подтвердить свои подозрения. Или опровергнуть их.

Я просмотрел сводки поступления в отдельные регионы материальных и финансовых средств. Очень занятно. Мой Регион на фоне остальных выглядел как пасынок, живущий рядом с родными и горячо любимыми детьми. Питаются из одного и того же котла, но очень по-разному. Недопоставка. Задержка. Отказ. Отказ... Сплошные отказы! Кому-то куриные ножки, а кому-то воробьиные горлышки. Или голая отварная картошка.

К чему бы это? А если зайти с другой стороны? Там, где оживается проявление народного недовольства, обычно начинают подкармливать органы правопорядка и армию. Чтобы они из братской голодной солидарности на сторону противника ненароком не переметнулись. Чтобы они руку дающую не кусали, а, оскалившись, защищали.

Как у нас с этим дело обстоит? Занятно обстоит. Если верить служебной, только для "их" пользования, статистике, в означенном Регионе проблем с жалованьем для офицерского и сержантского состава МВД и армии нет. Никаких задолженностей. Более того, даже кака-то квартальная премия выдана. За что выдана? За то, что прошло девяносто календарных дней?

Странная для наших прижимистых руководителей щедрость. Дурно пахнущая щедрость.

Теперь посмотрим грузопоток. Что из того Региона ушло и что туда взамен прибыло.

Так, лес, уголь, другие полезные ископаемые, транзитный груз и прочее. Тут все ясно.

А туда? Шиш на постном масле. В очень значительных количествах. И еще, если судить по запрашиваемым платформам и местам погрузки, — бронетехника. И воинские, подробно не раскрываемые в сводках, эшелоны. И дополнительная горючка. Наверное, для той бронетехники.

Отчего это вдруг военные по стране разъездились? Может, они всегда так разъезжали? Согласюсь со временем года. Как дикie перелетные птицы. Ну-ка, полюбопытствуем, как обстояло дело в предыдущие годы.

По-другому обстояло. Никто никуда не ездил. Все по зимним квартирам сидели.

И что на это нам скажет прес-служба Министерства обороны? Если я представляюсь корреспондентом Би-Би-Си. И заплачу за информацию зелененькими.

Ах, учение? Плановое? С целью отработки взаимодействия различных родов войск? О'кей. В смысле, понятно.

Вот только не понятно, почему именно там и именно в это время? Ни раньше, ни позже? Или наоборот, очень даже понятно! Создают на всякий пожарный случай силовой буфер. Если вдруг ситуация выйдет из-под контроля.

Итак, подводим итог. Если где-нибудь, что-нибудь и может случиться, то только в этом обиженном со всех возможных сторон, кроме разве незапрашиваемой военной помощи, Регионе.

Значит, туда мне и путь держать! Но прежде чем туда отправляться, мне следует решить, что я там смогу полезного сде-

лить. Как совладать с таким скопищем искусственно возвращенных проблем? Учитывая, что я не глава Государства, а только рядовой его гражданин.

И я снова, как всегда, когда не знал, что делать, начал задавать себе вопросы. Точнее один единственный вопрос.

Что будет являться главной пружиной затеваемого между населением и властями конфликта?

Главной — деньги! Официальной, а впрочем, и реальной причиной забастовки шахтеров была невыплата им за несколько месяцев зарплаты. Это было странно. Потому что деньги в стране были. Деньги были даже в поселках шахтеров — у милиции, у пожарных, у административно-управленческого аппарата, у многих других категорий граждан. Им зарплаты выплатили. В том числе, наверное, и потому, что их участие в акциях неповиновения не предусматривалось. Сценаристам не нужен был всеобщий бунт, им нужна была лишь демонстрация недовольства, несогласия с существующей политикой. Не более того. Более — это уже революция. Которая в рамки кабинетных сценариев не укладывается.

В конечном итоге все задолженности будут погашены, все зарплаты выплачены. Что лишний раз докажет наличие требуемых средств. Но это будет потом.

А за это время, время забастовок и выяснения отношений между народом и Правительством, кое-кто успеет протащить через законодательные органы устраивающие его поправки к законам, оставить на ключевые должности нужных людей и сделать еще очень много полезных, лично для себя и для своих негласных хозяев, дел.

В этом и есть основная цель хорошо срежиссированной бузы.

Это понимал я. Но это не понимали и не могли понять лишенные средств к существованию шахтеры. Они не осознавали, что их бурчащие от голода желудки — это лишь прелюдия, первый звук в чужой, очень сложной и очень длинной музыкальной импровизации.

Наверное, я мог попытаться объяснить им всю эту, в которой их использовали в качестве основного аргумента, комбинацию. Но я никогда бы не смог донести свою мысль до их жен и детей, которые хотели есть и одеваться в более-менее приличную одежду.

Поэтому я пошел другим путем. Тем, который лишил бомбу главного ее запала.

Я просто нашел деньги. Всем тем, кто их не получал. Как? Как умел. От имени стачечного комитета я отправил пять факсов в пять наиболее крепко стоящих на ногах местных банков. С просьбой оказать материальную поддержку семьям голодающих шахтеров до погашения им долгов государством.

Банкиры посмеялись над наивностью стачкома. И сделали заявление в местной прессе о большом желании оказать материальную помощь нуждающимся и о полной невозможности это сделать из-за хронического отсутствия каких-либо свободных средств.

В отличие от всего прочего населения, сидящего на голодном финансовом пайке Региона, они догадывались, кто и с какими силами не переводит шахтерам причитающиеся им средства. По

крайней мере думали, что догадываются. С людьми из центра, дирижирующими региональной политикой, банкиры ссориться не хотели. И положили факсы "под сукно".

До момента, пока не пришли следующие факсы. Теперь уже именные, Управляющим, "Лично в руки".

В факсах доказывалось наличие в данных банках излишков сумм, которые можно было бы направить бастующим горнякам.

Периферийные банки, в отличие от столичных, не так рьяно и изопренно защищали свои дебиты с кредитами, чтобы нельзя было вытянуть требуемую информацию из их компьютеров. А сами банкиры оказались исключительными, в быту, болтунами, к тому же мало образованными в сфере техники промышленного шпионажа. Они боялись только грабителей и "медвежатников", вооруженных отмычками, автогенами и автоматами. И не предполагали, что обыкновенный телефонный провод и не различимый глазом микрофон, наклепленный на оконное стекло, способны причинить куда большие финансовые потери, чем просто банальный взлом.

В заключение финансового обоснования я рекомендовал задуматься над тем, что предпримут оголодавшие горняки, если узнают о наличии у них под боком излишков так не хватающих им средств. И что скажут рядовые вкладчики, которым из-за полугодового отсутствия прихода не выплачивают причитающиеся им проценты по вкладам. И какие выводы сделает налоговая инспекция, если ей, как-нибудь случайно, попадут в руки вот эти цифры...

242 Утром следующего дня четыре местных банка удивили общественность заявлением о готовности выдать шахтерам беспроцентную ссуду для погашения задолженности по зарплатам. С принятием долговых обязательств государства на себя. Пятый банк заявления не сделал, потому что объявил себя банкротом, а его управляющий и главбух ударились в бег.

Недостающую сумму я известными мне и другим работникам Конторы методами получил в других банках и переправил на счет стачкома. В качестве благотворительного взноса от пожелавших остаться неизвестными бизнесменов.

Шахтеры покинули митинговые колонны и встали в очереди к кассы, а потом в кассы магазинов. Накал страстей пошел на убыль. После сытного обеда и тихого отдыха в кругу семьи охотников идти на продуваемую всеми ветрами улицу обычно не приходится.

Это был успех. Но это была еще не победа. Согласно сценарию невыплата зарплат не являлась единственным способом политической и социальной дестабилизации региона. Были еще недопоставки товаров первой необходимости, перебой с электроэнергией, рост преступлений против личности, массовый террор. Последний подходил лучше всего. Он не просчитывался, как интрига государства против отдельно взятой административной территории, и при минимальных вложениях давал максимальный положительный эффект. Два-три, сопровождающиеся многочисленными жертвами, взрыва, и население проголосует за любые предложения, обещающие им быстрое избавление от страха за се-

би и своих детей. Старый, апробированный во множестве стран прием.

На их месте я взорвал бы бомбу. А лучше две. Раздул пламя общественного возмущения с помощью прессы. А потом собрал многочисленные митинги. Выдвинул политические требования. И методом стихийного волеизъявления народа поддержал бы того... кто всю эту кашу заварил.

Я бы сделал именно так. И именно поэтому я постараюсь сделать все наоборот. Я пошел в аптеку и купил без рецепта несколько необходимых мне лекарств. В большом количестве. Потом пошел в хозяйственный магазин и прикупил кое-что из бытовой химии. Смешал все эти лекарства и всю эту бытовую химию в извешной мне пропорции. И получил мощное взрывчатое вещество!

Умению изготавливать бомбы из ничего, вернее из того, что свободно продается в "любой посудной лавке", и применять их по назначению каждого диверсанта-разведчика учат еще на первом курсе Учебки. Это азы. Это самое простое.

Я сделал две бомбы. Одну положил в урну возле центрального универсама, другую в вестибюле кинотеатра.

И позвонил в милицию.

— Аде! Тут какой-то сверток большой. В кино. И там что-то тлеет. Может, будильник. А может, еще чего. Я его трогать боюсь. Вы посмотрите сами.

Милиция приехала и нашла то, что нашла. Снаряженную к взрыву бомбу. Потом еще одну.

И объявила тревогу. Чего я и добивался. А зачем ждать, когда в городе поразбрасывают в местах скопления людей настоящие взрывные устройства. О которых никто не сообщит и которые сделают свое кровавое дело. В таких случаях лучше опережать ситуацию. Как в медицине с помощью загодя поставленных прививок. Немножко укололся чумой, и уже никогда чумой не заболеешь. И не умрешь.

В город нагнали дополнительные силы правопорядка. На каждом углу поставили по постовому. Каждый подозрительный чемодан или сверток тащили на экспертизу. Каждого подозрительного типа оцепывали силами привлеченных дружинников и курсантов местных военных училищ.

Теперь проведение в городе террористических актов было усложнено. И террористические акты не состоялись. Даже если они и планировались. А если не планировались, то тут лучше переселиться...

Регион был стабилизирован. Но... взорвался другой Регион. Точно по тому же сценарию.

Глава тридцать шестая

Что и должно было произойти. Получился классического покрой "Тришкин кафтан", где я с иголкой и нитками бегал из одного конца страны в другой и штопал худые места, а по швам трещало там, куда я не успевал. Все это было закономерно.

Я знал, что произойдет дальше. Через час. Через день. Через неделю. Я мог сверить это по листам имеющегося у меня сценария.

рия. Конечно, это был не тот Регион, который планировался в качестве главного исполнителя заказанной роли. И даже не запасной, это был третий, наименее приспособленный для бунта Регион. Где "революционные" процессы протекали вяло, со скрипом и с пробуксовыванием. Но тем не менее протекали! Подталкиваемые чьей-то опытной рукой.

— Что, плохи дела? — спрашивал Александр Анатольевич.

— Неважнецкие дела!

— Я могу чем-нибудь помочь?

— Тем, что выбросите телевизор, радиоприемник и газеты. И не будете рассказывать о том, что происходит в стране.

Два раза я выезжал в те внезапно оголодавшие края. Но сделать почти ничего не смог. Болезнь была запущена. Болезнь прогрессировала.

Я попробовал вытрясти деньги из местных банков. Но их хранилища оказались пусты. Кто-то посредством хитрых финансовых махинаций обескровил их раньше меня. Похоже, сценаристы умели учитывать опыт предыдущих ошибок. Банки были нейтрализованы.

Я добыл и направил средства в стачком. И они пропали. В стачкоме. Я попытался через подставных журналистов поднять скандал. И их нашли. Но только часть. И пообещали в скором времени отыскать остальные. Но деньги нужны были сейчас. Как ложка к обеду. Сейчас! А не потом, когда тарелки опустеют.

Я ломал голову над тем, что предпринять еще, но в глубине души понимал, что, чтобы я ни сделал, ситуацию уже не переломить. Я опоздал. Я был обречен на поражение. Потому что рвал верхки. А питающие сорную траву корни оставались в земле. На недоступной мне глубине. Где были эти корни? Кто был этими корнями? Кто? И где? На этом и надо было сосредоточить внимание. А не на бесконечном и безнадежном дерганье сорных стеблей. Кто? И где? Я оставил бестолковую суету и стал думать. Местные руководители? Едва ли. Их, конечно, использовали, но втемную.

Большие Чиновники в Правительстве? Из тех, что числятся в моем досье агентами влияния? Наверняка. Но они тоже лишь пешки в большой игре. Их много, и каждый гадит исключительно в меру своих сил и способностей на своем, строго определенном участке. Минуточку. Как я сказал — "определенном участке"? А кем они определены, эти участки?

Если обращаться к самым истокам, то сценарием. А кто разрабатывал сценарий? Группа специалистов очень широкого профиля. Одной не известной мне страны. А почему неизвестной? Наверное, потому, что я просто не задавался целью выявить конкретного адресата. Мне это было без надобности. Мне было важно не кто делает, а что он делает.

Итак, чья страна? Уж не дяди ли, живущего в большом с белыми колоннами доме? Вполне вероятно. Если исходить из принципа — хочешь узнать вдохновителя преступления, посмотри, кому оно принесло наибольшую выгоду.

Кому же? В первую очередь ему — нашему заокеанскому соседу. И его руководству, сэкономившему своему налогоплательщику за

счет победы в полувековом военном противостоянии многие и многие миллиарды долларов.

Но и его северному соседу. И его союзникам в Европе. И всем прочим, кого не устраивало могущество контролирующей одну большую часть суши империи. Так кому же конкретно? А так ли это важно? Допустим, я установил заказчика сценария. И что с того?

Что я сделаю дальше? Дам ему срочную телеграмму с требованием прекратить чинимые при его поддержке безобразия?

Он, конечно, испугается и затрепещет, и покается, и уйдет в монастырь замаливать свои политические грехи, и дослужится там до звания архиепископа. Так?

К кому обратиться за помощью? Кто может помочь в борьбе с всемогущим Заказчиком? Только равный ему по положению и весу Чиновник. А кто ему равен? Он сам! Заказчик. Только Заказчик может остановить Заказчика! Вот такая логичная и одновременно абсурдная мысль! А может быть, не такая уж и абсурдная? Может, очень даже здравая? Но только как его найти? Я не знаю не только его адреса, не знаю даже страны его пребывания. Я могу строить предположения, но это будут только предположения. А ошибаться мне нельзя!

Как передать тому, кого я не знаю, мое послание? Да очень просто. Через исполнителя! Компьютерный адрес которого мне известен. Разве он не переправит сообщение дальше? Тому, кто принимает решения.

Передаст! Или ему голову снимут. Вот и почтальон отыскался. Очень надежный почтальон.

Потому что работает не за зарплату, а за... голову на плечах. Этот не подведет. И Заказчик получит мое письмо. Кем бы он ни был!

Получит! И прочтет! Что и требовалось доказать! Я сел за стол, взял ручку, чтобы набросать черновичок, и замер в растерянности. А что писать? И кому адресовать это письмо?

"Глубокоуважаемому Президенту не известной мне страны"? "Инкогнито, разработавшему план общественно-политического переустройства известного ему государства"? Просто "Заказчику"?

Не так. И не так. Президент он или только премьер-министр, я не знаю.

"Заказчик" — это сугубо мое, для облегчения работы, название. А об "инкогнито" смешно говорить, посылая конкретное письмо конкретному человеку.

Так как написать? Я написал просто. Как в обезличенных бюрократических повестках. "Получателю! Настоящим извещаю о наличии у меня полного пакета информации по файлу "Сценарий". Прошу рассмотреть вопрос о прекращении разработок в данном направлении. В этом случае обязуюсь:

— не передавать копии файла "Сценарий" в законодательные органы Вашей страны с целью выяснения правомочности Ваших действий с точки зрения существующего закона,

— не обнародовать сметы расходов государственных средств, уже использованных и запланированных к использованию в рамках реализации настоящей программы,

- не ставить в известность о случившемся международные организации,
- не направлять копии документов руководителям оппозиционных партий и организаций,
- не опубликовывать имеющийся у меня материал в международной прессе”.

И в самом конце, в подтверждение серьезности своих намерений, несколько наугад выбранных из того самого “сценария” страниц.

— Ну что, Александр Анатольевич, забросим цидулку на вершину политического Олимпа? Хватит у нас силенок?

— Хоть самому Господу Богу. Если у него компьютер есть.

— За Бога не скажу. А у этих — точно есть.

— Какой адрес?

— Старый. Международный. Тот самый адрес, из архивов которого мы когда-то сканировали самую ценную информацию. Теперь мы возвращаем часть того, что, не спросясь, взяли. Как говорится, долг платежом красен.

— А он им нужен, этот возврат?

— А мы их не спросим. Готовы?

— Готов.

— Ну, тогда ни пуха!

Первый телефон. Вызов. Запрос — ответ. Запрос — ответ. Уточнение. Ответ. Согласие. Пропуск в сети. Второй телефон. Запрос — уточнение. Ответ. “Укажите пароль”. Пошел пароль. Опознание. Запрос — уточнение — ответ. Согласие. Как удивительно легко на этот раз прошла связь. Вот что значит входить в загадя открытую дверь. Даже петли не скрипят! Вот что значит опыт и квалификация! И еще, наверное, чувство собственной правоты, которое в открытом бою не последнее дело.

— Линия открыта. Абонент готов к приему информации.

— Запускайте!

— Информация пошла. Информация принята.

— Уходим! Пока хвост не прищемили.

— Погодите!

— Что еще такое?

— Они просят не прерывать связь. Просят сообщить наш адрес для продолжения диалога.

— А наш вес, рост, объемы груди и талии им для продолжения знакомства не нужны?

— Так и передавать?

— Никак не передавать. Работайте только на прием.

— Продолжают настаивать на диалоге. Сообщают о крайней заинтересованности полученной информацией.

Что предпринять? Уйти? И не узнать о судьбе собственного послания? Не узнать, дошло ли оно до получателя или нет?

Остаться? Рискнув тем, что они вычислят адрес? Но даже если вычислят, успеют ли что-то предпринять? Здесь, на чужой территории? И станут ли что-нибудь предпринимать, зная, чем это им может грозить? Ведь информация уже похищена и может быть легализована в любой следующий момент. Похитителей ловят за руку только в процессе воровства. А когда они этот предмет уже умыкнули, с ними торгуются.

Подтверждение получения письма адресатом стоит риска?
Стоит!

- Встречный поиск зафиксирован?
- Встречный поиск не просматривается. Впрочем...
- Что?!
- Нет. Показалось. Просто секундный сбой программы.
- Тогда передавайте. "Готов к диалогу. О времени следующего сеанса связи сообщу дополнительно. Буду разговаривать только с адресатом!"

Все! Отбой! Но Александр Анатольевич не выключил компьютер.

- Что опять?
- Сейчас, еще минуточку.

Он стучал по клавишам, как опаздывающая на последний поезд профессиональная телеграфистка. Потом смотрел на экран и снова стучал.

- Что произошло, Александр Анатольевич?
- У меня такое ощущение, что в сети присутствовал кто-то еще. Кто-то третий.
- Кто?
- Не знаю. Я даже не знаю, есть ли он, или мне померещилось.
- С чего вы это взяли?
- Сам не знаю.

И тут же резкий, так что мы вздрогнули, телефонный звонок. Странно. Нам на эту квартиру звонить некому. Потому что я нас в этой квартире, в этом городе и в этой стране никто не знает.

Разве только хозяйева, у которых я ее снимал? Или участковый, который желает познакомиться с новыми жильцами. Пока только по телефону.

Звонок продолжал дребезжать. Мы напряженно смотрели на телефон. Нам было не по себе, хотя это был только телефонный звонок. Взять? Не взять?

Александр Анатольевич поднял трубку.

- Але! Тосю позовите!
- Вы не туда попали.
- Да ладно тебе пургу гнать! Тоську давай! Это я, Мишка.
- Вы не туда попали!

Отбой. Длинные гудки. Вот такой почти мгновенный переход с вершин политического Олимпа к полупьяному Мишке.

- Ошиблись номером. Псих какой-то.
- Может, и ошиблись. Может, и псих... Вот что, Александр Анатольевич, сворачивайте свою технику. Кажется, мы слишком долго засиделись на одном месте.

- Неужели вы думаете?..
- Я думаю, что там, где случаются сбоя программы и ошибочные телефонные звонки, лучше не задерживаться. Мы переходим на новую квартиру. Эта нам не подходит. Она слишком глупая...
- Пять минут на сборы?
- Пять.

— Только “винты”?

— Да. Только “винты”.

Пока Александр Анатольевич “выдергивал” диски, я отсматривал подходы. Никаких подозрительных шевелений. Дорога чиста до самого горизонта. На выход!

— Куда вы, Александр Анатольевич?

— К двери. Вы же сказали, мы уходим.

— Для нас выход теперь с другой стороны. И совсем через другие двери.

— Через какие другие?

— Через балконные. Через наш балкон — на соседский. Через него — в квартиру. И в соседний подъезд.

— Но там же люди.

— Боюсь, что за входными дверями тоже. Но гораздо менее дружелюбно настроенные. Давайте быстрее.

Балконы разделяли несколько метров. Я поднял с пола заранее заготовленную доску и перекинул ее с одних перил на другие. Узкую доску, шириной в две ступни. Александр Анатольевич побледнел.

— Я не пойду!

— Вы пойдете. Потому что другого пути нет.

— Но я упаду.

— Если вы упадете и, к примеру, вывернете лодыжку, я буду вынужден вас добить.

— Издеваетесь!

— Нет. Честно предупреждаю. Живым я вас не отдам никому. И ни при каких обстоятельствах. Вы теперь не человек. Вы теперь ходячий архив информации. На двух ножках с языком! Который возможно развязать. Или вы перейдете с балкона на балкон, или умрете еще до того, как долетите до земли.

Александр Анатольевич встал на доску.

— Держитесь за стену. Смотрите вверх. И думайте только о приятном, — посоветовал я.

Шаг. Еще шаг. Мой напарник цеплялся за кирпичи в стене, как за саму жизнь.

— Все, дальше не пойду!

— Без капризов!

— Я не могу дальше.

— Через пять секунд я встаю на мостик. Двоих он не выдержит!

— Я боюсь!

— Раз.

— Но я действительно боюсь!

— Два. Три.

Я встал на доску.

— Что вы делаете?!

— Я иду. Четыре.

— Не надо. Не надо! Я сейчас.

Почти падая, Александр Анатольевич сделал два шага и вцепился в перила соседнего балкона. Шесть его судорожных шагов вместились в три моих обыкновенных. В отличие от него я шел спокойно, как по мостовой. Так, как меня когда-то учили.

- Здорово это у вас получается! – восхитился пришедший в себя Александр Анатольевич.

- Цирковая практика.

- Вы еще и в цирке выступали?

- Ага. В некотором роде. Коверным.

С чужого балкона я ввалился в чужую квартиру. Именно ввалился. Потому что входить в не принадлежащее тебе помещение лучше с громом, молнией и, по возможности, копотью. Дабы феерической формой заглушить противоправное содержание. И не дать возможности испугавшимся до полусмерти жильцам поднять крик.

- Вы почему цветочные горшки с перил не убрали?! – резко спросил я приподнявшихся с дивана хозяев, обалдело уставившихся на незваных, открывших их балконную дверь незнакомцев. И на секунду высунув на улицу голову, крикнул: – Все. Отбойная подъемник. Мы через подъезд спустимся.

- А вы кто, собственно?..

- Я говорю, почему вы, собственно, горшки не убрали? Несмотря на категорическое распоряжение Райкомхоза? А?

- Но мы...

- Но мы, но вы... Зафиксируйте нарушение, – бросил я через плечо Александру Анатольевичу. – И по соседнему балкону тоже. Будем вызывать в Жилкомхозтрест и штрафовать. Нецелесообразно! Сколько можно предупреждать, в самом деле. А если штраф не возмещает действия, расселять!

- Но мы действительно не знали...

- Насчет того, что не знали, это вы комиссии Жилтрестнадзора расскажете. Если они слушать будут. Какая у вас квартира?

- Шестьдесят седьмая...

- А нам куда дальше? – озадаченно спросил я и сам себе ответил, – В шестьдесят девятую. Все. Получите повестку – явитесь по указанному адресу. Деньги с собой сразу брать не надо.

- Какие деньги?

- На штраф деньги. Согласно распоряжению начальника Коммухоза...

- Мы уберем. Мы не знали. Мы обязательно, – поскуливали, сопровождая неожиданно нагрянувшую с балкона комиссию к входной двери, недисциплинированные жильцы.

- Уберете?

- Конечно, уберем. Сегодня же! Сейчас же!

- Ну смотрите. В последний раз. Беру на свою ответственность. Шестьдесят седьмую можете вычеркнуть.

- Спасибо вам.

- Да ладно. Не за что. Если уберете...

В подъезде я прозвонил в три подряд квартиры, пока не нашел пустую. Открыв дверь отмычкой, втолкнул внутрь Александра Анатольевича.

- Сидите тихо и ждите меня.

- А если вдруг вернутся хозяева?

- Если вдруг вернутся, наорите на них, что они по ротозейству входные двери не запирают, а вам, дружиннику, по просьбе участкового, здесь дежурить приходится! Как будто у вас своих дел

нет. Только шумите погромче и обязательно оплату с них за услугу требуйте. Это убеждает. Ясно?

— Ясно.

— Тогда до скорого.

Отъехав за три улицы на общественном транспорте, я на первой встретившейся стихийной дворовой стоянке завел первый поправившийся мне автомобиль и вернулся назад. На колесах.

— Куда теперь? — спросил плюхнувшийся на заднее сиденье Программист.

— Снимать жилплощадь. Не на улице же нам ночевать, в самом деле.

Квартиру я снял уже через два часа. По газетному объявлению. Снял, не торгуясь. И не осматривая. Потому что больше трех дней задерживаться в ней не предполагал. Хотя и заплатил за три месяца вперед.

— А теперь, Александр Анатольевич, расскажите мне еще раз о том, что вам такое при работе с компьютером пригрезилось, — попросил я, едва захлопнув входную дверь в наше новое жилище.

— Может, завтра?

— Нет, не завтра, а сегодня. Причем не откладывая ни на минуту. И максимально подробно!

— Ну, не знаю. Тогда на мгновение мне показалось... Показалось, что я увидел. Вернее, почувствовал. Что-то такое...

— Конкретней!

— Мне показалось, что кто-то посторонний вклинился в нашу связь. И, используя открытый канал, пытался влезть в память нашего компьютера.

— Вы можете проверить свои ощущения документально?

— Наверное, могу. Если снова открыть канал связи.

— А если не открывать?

— Тогда невозможно. Без специальной аппаратуры невозможно.

— Значит, если исходить из худшего?..

— То они могли засечь наш адрес и даже считать отсылаемую информацию.

— А не могли они, используя момент, сканировать что-то из нашей базы данных?

— Это исключено! У нас стоит защита. Я бы сказал — суперзащита! Ее еще Козловский устанавливал. А он в этом деле докой был, каких поискать и все равно не найти! Нет, это невозможно!

— А теоретически?

— И теоретически невозможно.

— И все же, что следует предпринять пользователю, который подозревает, что в памяти его компьютера покопался посторонний? Кто-то совершенно посторонний.

— Найти этого "постороннего" и набить ему морду. И сломать его компьютер!

— А если без шуток?

— Тогда только сломать компьютер. Или выдернуть из него "винт". Можно с мясом.

— А если это невозможно?

- Тогда не знаю. Например, запустить в машину вирусы. Что-бы стереть базу данных. В том числе и ту, уворованную.

- У вас есть такие вирусы?

- Зачем нам они? У нас все равно нет того "постороннего". Я же вам говорю, защита нашей базы данных абсолютно...

- У вас есть такие вирусы?

- Вы что, серьезно?

- Более чем...

- Ну есть.

- Их можно запустить через сети?

- Вполне.

- Что для этого нужно?

- Адрес абонента, открытый канал и нажатие нескольких клавиш. Больше ничего.

- Могут ли они защититься от проникновения вирусов?

- Конечно, могут. На тот случай существуют антивирусные программы. Они просто пропустят всю прибывшую информацию сквозь них, как сквозь фильтры, и отделат "грязь" от чистых, которые употребят в дело, бит.

- Антивирусные программы отлавливают все вирусы?

- Все уже известные вирусы.

- А новые?

- Не всегда. На то они и новые.

- Тогда еще один вопрос. Как быстро уничтожает информацию вирус?

- Иногда быстро. Иногда медленно. Зависит от сорта вируса.

- И если он стирает медленно, его можно остановить?

- Можно.

- Тогда так, Александр Анатольевич, вы должны мне подготовить такие вирусы, которые или очень быстро стирают, или разрушительную работу которых невозможно остановить.

- Это потребует составления специальных программ.

- Так составляйте их.

- Когда?

- Немедленно!

- Но у меня нет компьютеров.

- Считайте, что уже есть. Добраться до ближайшего магазина и вернуться, мне хватит получаса.

- Вы что, смеетесь?!

- Плачу горькими слезами. Я уже говорил, что не верю в странные сбои программ, в непонятные, следом за тем, телефонные звонки. Я не верю в случайности. Но верю в интуицию специалистов. В то, что вы называете "мне что-то такое почудилось".

- Вы считаете, что кто-то проник в ваш компьютер?!

- Нет. Но я обязан так считать! И вы должны так считать. Подозрение - равно происшествию! И поэтому вы должны приложить максимум усилий, чтобы выполнить мою просьбу.

- Хорошо, я постараюсь.

- Прямо сейчас постараетесь?

- Ладно, прямо сейчас. Хотя не понимаю, зачем такая спешка...

— Вот и хорошо. Вот и договорились. Вы пока работайте, а я посмотрю, что там случилось с нашей брошенной квартирой. И заодно подберу еще одну. Или две. Или три.

— Еще?

— Еще. Но вы не беспокойтесь. Раньше завтрашнего вечера мы отсюда не двинемся.

— Я не выдержу такой чехарды.

— Выдержите. Тем более что это не чехарда, а нормальная жизнь раскрытого и находящегося в бегах нелегала.

— Раскрытого?

— Будем считать, что раскрытого...

— Иногда мне кажется, что у вас ярко выраженная мания преследования.

— Иногда мне это самому кажется. Я вернусь через полчаса. С компьютерами. А потом еще через полсутки. Прошу вас никому не выходить, к окнам и телефону не приближаться.

— В туалет ходить можно? Или терпеть?

— В туалет можно. Если это не сопряжено с выходом на улицу.

— Спасибо за доброту.

— Пожалуйста.

На том мы и расстались. Я вернулся раньше, чем обещал. С ключами от новой квартиры и с угнанными и оставленными за углом "Жигулями".

Отсмотрел подходы. Двор. Соседние дворы. Соседние улицы. Все было чисто. Не доходя несколько десятков метров до подъезда, я завернул к телефону-автомату. Мы никогда не возвращались домой вдруг. Только после телефонного оповещения — трех обрванных звонков — тридцатисекундной паузы — и еще двух, столь же внезапно оборвавшихся, звонков.

Я набрал номер, отсчитал три гудка, повесил трубку на рычаг и, выждав условленное время, снова набрал номер, предупреждая этим о своем приходе. Александр Анатольевич должен был открыть задвижку и встать возле глазка.

Я поднялся на этаж, открыл ключом дверь и сказал:

— Передислокация. На сборы пять минут.

Александр Анатольевич не откликнулся уже ставшей привычной фразой "Только винты?". Он ничего не ответил. Потому что не мог ничего ответить. Александр Анатольевич был мертв.

Он лежал на боку. В луже расплзающейся из-под него крови. Еще не запекшейся крови. Я опоздал лишь на несколько минут.

Компьютеров не было. Не было мониторов и даже клавиатуры. Только одна единственная панель осталась возле самой головы покойного Программиста. С кровавыми пятнами пальцев на клавишах. Как будто он пытался ею отгородиться от своих убийц.

Не удалось моему напарнику умереть своей смертью. Ему помогли другие...

Теперь нужно было уходить. Немедленно. Но что-то останавливало меня. Что? Возможно, положение тела покойного. Он должен был умереть у порога. Или возле открытого окна, в попытке найти кратчайший путь к спасению. А он умер лицом к тупиковой стене и к клавиатуре. Может, он пытался, почувствовав угрозу, что-то спрятать?

Я нагнулся и прощупал карманы своего, не дождавшегося пассажира, напарника.

Пусто. Я заглянул в обувь. За пояс штанов. В рукава. Ничего. Очень быстро, сантиметр за сантиметром, я проверил пол и мебель вокруг лежащего тела. Перешел к плинтусу. К стене. И заметил слегка отошедший от стены лист обоев. Я отодвинул его в сторону... И снова ничего не увидел. Кроме пустоты и не потревоженной пыли. Если бы он что-нибудь туда закладывал и это что-то нашли убийцы, пыли бы не было. Пусто!

Я вышел из квартиры и через чердак и дальний подъезд выбрался на улицу. Самым тщательным образом проверился. Снежки не было! Произошедшее по своему почерку напоминало обыкновенное бытовое убийство, где преступники не задерживаются на месте преступления, а наоборот, стремятся оказаться как можно дальше от него. И как можно быстрее. Пока милиция не приехала.

Я вспоминал Александра Анатольевича, лежащего в луже крови. Лицом к стене. Почему все-таки к стене? К стене, а не к окну? Почему он в последний момент не пытался спастись? Пусть даже ценой сломанных ног. Почему поступил так нелогично?

Что он искал возле этой стены? Что искал такого, что не смог найти я?

А может, ничего не искал? Может, специально привлекал к ней внимание своих палачей? Так же, как и мое. Привлекал для того, чтобы увести от чего-то другого.

Например... Я замер и повернул назад. Вернулся к дому, обошел его с обратной стороны, остановился под открытым окном, рассыпал под ноги деньги и ключи, чтобы аргументировать свои поиски, встал на колени и ощупал пальцами землю. Каждый камешек. Каждую травинку. Каждый обрывок бумажки.

И ничего не нашел. Я сдвинулся вправо и снова ощупал каждый квадратный сантиметр почвы до места, куда теоретически можно было добросить камень.

И снова ничего не обнаружил. Я сдвинулся влево и вновь, ползая на коленях, перепахал землю. И нашел то, что искал. Там, где не догадался бы искать никто. Я нашел дискету. Которую Александр Анатольевич в последний момент, в последнее мгновение своей жизни выбросил в открытое окно. Выбросил не вниз, а далеко в сторону.

Выбросил, чтобы ее нашел я.

Глава тридцать седьмая

В дискете помещались вирусы. Наверное, очень действенные вирусы, раз Александр Анатольевич, умирая, помнил не о себе, а о ней.

Вот только использовать эту дискету по назначению я не мог. Потому что мой технический помощник и Программист умер. И еще потому, что адресат, куда следовало направить эти вирусы, был неизвестен. Не оставил адресат на месте преступления визитку.

Ничего не оставил — кроме трупа. А трупы ничего рассказать о своих последних минутах не могут.

Я проиграл бой. Потерял боевого товарища. И все отбитые нашими совместными усилиями трофеи. Я вернулся в исходные позиции — снова был один и гол как сокол.

Впрочем, не стану лукавить, кое-что у меня осталось. Например дубль-информация с утерянных дисков, спрятанная в очень надежном месте. Но что с того толку? Использовать ее и смогу не раньше, чем отвечу на вопрос — кто мой нынешний противник? Кто нанес мне столь сокрушительный, в самое уязвимое место, удар?

Ответ единственный — тот, кому нужна была хранимая в наших “винтах” информация. А кому она была нужна? Всем! А все — это никто. Логическая цепочка вернулась к началу рассуждений. К отсутствию адреса преступников. Что остается делать в этом случае? Только то, что делает всякий хоть районный, хоть по особо важным делам, следователь. Собирать дополнительные улики.

Как? Ножками, ножками. По подъездам, по этажам, по квартирам. По соседям, дворникам, любителям вечерних пробежек и собаководам, выгуливавшим своих собак. По всем, кто что-то мог видеть или слышать, или что-то такое подозревать.

И как можно быстрее, пока не явились настоящие следователи.

Я надел форму капитана милиции, “нарисовал” соответствующее удостоверение и соответствующее фотографии на нем лицо и пошел по квартирам.

— Вы хотя бы знаете, что на четвертом этаже ограбили квартиру?

— Да вы что?

— То самое. Вы тут дремлете, а у вас подъезд за подъездом грабят. Что вы видели вчера с... по?..

— Телевизор.

— Что еще?

— Больше ничего.

— Из дома за чем-нибудь выходили?

— Нет. То есть да. На минутку. Мусорное ведро выносила. И сразу обратно.

— Что видели во дворе?

— Двор.

— А в самом дворе? Машины, посторонних людей?

— Нет, ни машин. Ни людей.

— Подходы к дому загромождают?

— Кто?

— Машины. Водители дурную привычку взяли свой транспорт по дворам расставлять так, что пройти невозможно. У вас, поди, так же?

— Ваша правда. Расставляют. Аккурат — посредине дороги. Намедни шла, плац испачкала. А еще до того...

— И вчера, поди, еле-еле прошли?

— Да. И вчера. Вот так шла, а тут одна легковуха, и еще одна. А места — боком не протиснешься, хоть через них шагай.

- Где не протиснешься?

- Ну вон там, где поворот за дом. Как к мусорным бакам идти.

- И утром было не протиснуться? Опять, поди, испачкалась?

- Утром? Нет, утром не испачкалась. Их утром не было.

- А вечером были?

- Вечером были.

- Когда вы мусор выносили?

- Точно. Когда мусор выносила. Там и так узко, а тут еще ядро...

- Во сколько это примерно?

- Как раз перерыв был между сериалами. Тем, который по первому каналу, и тем, который по второму. Я как раз успела...

- А говорите, ничего не видели.

- Так я думала чего серьезного, а это только машины. Они здесь всегда десятками стоят. Ни пройдешь нормально, ни...

Это был не первый и не единственный свидетель по делу. Я обошел еще сто шестьдесят пять квартир. И еще в двенадцати получил подтверждение своим подозрениям. В отношении двух легковушек. У кого-то возле их колес подняла ножку любимица собачка.

Значит, две машины. "Жигуль" последних моделей красного цвета. С игрушкой в форме растопыренной птернии на заднем стекле. И белая "Волга".

Это была первая полезная информация. Потом я закинул повод глубже. Опросил жильцов еще десяти ближайших кварталов. Здесь, на периферии места происшествия, улов был пониже. Но был. В удалении двух домов в означенный промежуток времени на тротуаре, возле подъезда, стояла еще одна машина. Но самое главное, минимум четыре человека, кто из окна, кто с соседнего тротуара, видели трех молодых людей, несущих какие-то коробки.

- Такие здоровые, из-под телевизора?

- Нет поменьше, прямоугольные, приплюснутые.

- Размером с небольшой чемодан?

- Точно. С чемодан. Похоже, компьютеры.

- А номера на машинах не помните?

- Нет, не помним.

- Ну хоть одну цифру?

- Одну помню. Семь. Точно - семь. Семь и еще один. Как раз сегодня семнадцатое число и цифра семнадцать. И квартира у меня семнадцатая...

- Нет, семнадцать не помню. Тринадцать было. Чертова дюжина. Как на моем "Москвиче".

Итого три машины: "Волга", двое "Жигулей", приблизительные номера, игрушки на ветровых стеклах и другие второстепенные детали.

В ГАИ очень милый майор за очень дополнительное вознаграждение посочувствовал моему рассказу о злостном одновременном наезде на мою новую иномарку трех раздолбанных оте-

чественных легковых и пожаловал меня полусотней адресов автовладельцев со схожими марками и номерами.

Каждый адрес я проверил. Издалека. С помощью бинокля. Большинство машин отсеялись по второстепенным признакам — цвету, оформлению салона и облику владельцев. Остались те, которые были нужны. Я их так и засек — белую “Волгу” и красные “Жигули”, чуть позже добавился еще один, синий “Жагуль”.

Все остальное труда не составило. На каждую из машин я налепил по радиомаячку и, сопровождая их на одолженных у ротозеев автомобилях, установил все адреса, по которым они разъезжали. Таких оказалось немало: от роскошных гостиниц, от банковских офисов — до стоящих на окраинах, покосившихся коммерческих киосков. Но по-настоящему перспективным был только один. К нему сходились нити всех автомобильных маршрутов. С него они начинались и им заканчивались. Этот адрес был центром жизни разъезжавших по городу автовладельцев. Он был их штаб-квартирой.

Туда, уверен, и ушли наши компьютеры. Туда, за ними, и следовало идти мне.

С помощью все тех же перьевых ручек, ластиков, общедоступной бытовой и аптечной химии и преподанных в Учебке навыков подделки документов я изготовил очередные липовые корочки и пошел в жилищные тресты.

— Инспектор горархитектурнадзора. Как у вас обстоят дела с состоянием крыш?

— Хорошо обстоят. Жильцы не жалуются. Значит, не протекают.

— Как давно вы их обсчитывали?

— Кого? Жильцов?

— Крыши.

— В каком смысле?

— В самом прямом. Прочность несущих балок, усталость опорного крепежа, деформации кровельного материала, синусоиды углов стояния...

Работники треста вжимали головы в плечи.

— А разве это нужно было делать?

— А как же иначе! Вы что, не в курсе? Каждые десять календарных лет!

Когда вы последний раз проводили подобные обследования? Где копия экспертного заключения? Где разрешение на эксплуатацию крыш и чердачных слуховых окон?

— Мы не можем вот так сразу сказать. Мы поищем. Наверное, где-то есть. Раз должны быть...

— Ищите. И обязательно найдите. А мне пока обеспечить фронт экспертно-исследовательских работ.

— Как это?

— Дайте планы домов, ключи от чердаков и крыш, предупредите дворников и лифтеров... И выделите в мое распоряжение дворника, чтобы внес наверх научную аппаратуру. Это не мое дело. Это входит в обязанности жэка. Согласно Инструкции Главархитектчердакнадзора...

И бедный, отлученный от метлы дворник, матерясь, потев и сожалел о своей жизни, втаскивал на верхние этажи чемоданы с "взвучным оборудованием".

- Ну спасибо, почтеннейший. На сегодня можешь быть свободным. И вот еще что, на, получи, персонально от меня, - и я ковылял в мозолистые пальцы уличного пролетария деньги на "чай".

Чаевые гарантировали мне отсутствие соглядатая по меньшей мере до завтрашнего утра.

- А как насчет обратно свести? - любопытствовал дворник, приглядывая и уме перспективные финансовые возможности научно-чердачного работника.

- Завтра любезнейший. Завтра. Мне тут очень потрудиться надобно. Сам понимать должен - котангенсы не терпят суеты.

На очищенном от посторонних дворников чердаке я смонтировал обычную визуально-звуковую следящую аппаратуру. Ничего сверхоригинального, ничего из того, что нельзя было бы купить за деньги. За немалые деньги.

Я обложил интересный мне дом со всех сторон, как егеря медвежью берлогу. В каждую щель просунул свои уши. И... не услышал ничего интересного. Кроме обычных, изрядно одобренных матом и "феней" разговоров насчет того, что кто-то кому-то что-то не додал, кому-то включили счетчик, а кто-то попытался влезть не в свою кормушку, за что и поплатился.

Неужели это просто уголовники? Уголовники, заметившие вносимые в подъезд коробки с аппаратурой и тут же нагрянувшие за добычей? И убившие попытавшегося им помешать владельца? Убившие Александра Анатольевича?

Неужели все так просто? Что-то не верится. Я усилил визуальное наблюдение - отследил каждое окно и каждую дверь, зафиксировал всех входящих и выходящих людей. Научился узнавать их по внешнему виду, по походке и манере одеваться.

Их оказалось не так уж много. Две бригады молодых, не обремененных излишним волосным покровом и интеллектом "качков". Всегда приезжают утром и уезжают через полчаса. Эти точно уголовники. Самого низкого пошиба. "Бригадиры" - те же "качки", только постаревшие и поднявшиеся на одну-две ступени в преступной иерархии. Уголовники. "Авторитеты". Лучшие всех одеты, меньше всех выходят из помещения. Но тоже уголовники. Хоть и высокопоставленные. Дюжина юных, длинноногих и примерно столь же интеллектуально развитых, как предыдущая категория работников, секретарш. Или, как говорят нынче, референтов. И зачем им столько секретарш-референтов? Каждый день. И каждую ночь? Видно, работы не-зпроворот. В общем, типичные девочки по вызову. Для тех "авторитетов".

Далее охрана. Двое в дверях. Двое постоянно где-нибудь поблизости на улице. Справа или слева. Изображают зевак или просто сидят в припаркованной к тротуару машине. Судя по комплекции, под пиджачками поддеты бронежилеты. Разумно. Еще один дежурит на крыше, изображая корабельного впердсмотрящего, а другой маячит в окне первого этажа.

Последний — начальник охраны или кто-то из его заместителей. Каждый день обходит подведомственную ему территорию, следит, чтобы часовые не спали, не пили и не отвлеклись на разговоры с проходящим мимо слабым полом.

Тоже уголовник. Близко не тянувший на спеца. И еще, наверняка, полдюжины охранников внутри здания.

Итого — четыре десятка вхожих в дом “жильцов”, и все, как один, уголовники. “Рексы”, “бригадиры”, проститутки и “авторитеты”. Полный набор. Как в музее УВД.

Уголовники! Значит, все-таки ограбление с целью наживы? И, значит, есть шанс вернуть утраченное имущество? Или хотя бы сделать так, чтобы содержащаяся на дисках информация не была использована каким-нибудь третьим лицом.

А если все-таки не ограбление? В любом случае ответить на этот вопрос можно будет, только познакомившись с обитателями дома поближе. Возможно такое, причем так, чтобы не сложить на первых же ступенях буйну голову?

Кого они могут пропустить? Из тех, кто не самый главный? Личных телохранителей. Обслугу. Приходящих ремонтников. Если что-то вдруг сломается. А почему бы и нет? Вечной техники не существует.

И что у них должно выйти из строя? Лучше то, с чем я за последнее время уже поднаторел обращаться.

Через сутки в наблюдаемом мною доме “вылетели” телефоны. Все и сразу. Кроме одного, по которому обслуга позвонила в ремонтную службу городской АТС. То есть персонально мне.

— Это АТС?

— АТС, — ответил я в телефонный микрофон, сидя скрючившись в колоде связи в двух кварталах от говорившего.

— Служба ремонта?

— Служба ремонта. Что у вас стряслось?

— У нас замолчали телефоны.

— Давно замолчали?

— Минут сорок.

— Какие номера?.. Сообщите ваш адрес... Высылаем монтера...

— Когда он прибудет?

— Через час.

— А раньше нельзя?

— Нет. Раньше нельзя. Ваш номер не единственный. Ждите.

И гудки, гудки, гудки... В моем распоряжении был час. Я приставил к стене карманное зеркальце, вытащил из сумки дамский косметический набор. И еще заранее заготовленные очки, усы и бороду. Мне не надо было творить грим-шедевр. Довольно было просто изменить свою внешность. До неузнаваемости. Например, залепить физиономию густыми волосами. Как маской, под которой потеряется моя истинная физиономия.

Штришок. Еще один штришок. И еще. И вот уже из зеркала на меня смотрит неопределенного возраста и неопределен-

вой внешности субъект. То ли расстриженный старик-монах, то ли молодой хиппующий битник, то ли просто сбежавшая из зоопарка горилла. В любом случае все, что угодно, только не я.

Осталось взять вирусоносную дискету и прибыть к месту действия. И это действие разыграть.

В намеченное время я выбрался из колодца и, волоча сумку с инструментами, приблизился к охраняемому крыльцу.

- Ты куда?

- Второй Интернациональный проезд, дом девятнадцать? - прочитал я по бумажке адрес.

- Допустим.

- Ну так и допускайте. В помещение. Я мастер.

- Какой мастер?

- По телефонам. Вы что мне голову морочите? У вас телефоны работают или нет? Мне возвращаться или как?

- Так ты монтер?

- Ну не Папа же Римский! Я пять минут толкую, что я по телефонам. По вызову.

- А фамилия твоя какая?

- Прохоров моя фамилия. Степан Михайлович.

- Подожди пока, - и охранники скрылись за дверью. Сейчас они сверят названную фамилию с той, что была сообщена по телефону диспетчером АТС. И она, конечно, совпадет.

- А документ у тебя какой-нибудь имеется? - Вот ведь зануды попались.

- Может, и есть. А может, и нет. С нас обычно документов не требуют, - удивился я. - Счас поищу. - Я долго копался в карманах, пока не отыскал истертый и грязный пропуск. - На-те, смотрите..

- А почему не продлен?

- Где?

- Вот здесь.

- Вам пропуск нужен или монтер? Вы прямо скажите. И я пойду продлевать пропуск. А вы подождете без телефона. До послезавтра.

- Ладно, проходи.

- Давно бы так. А то заладили - пропуск, пропуск...

Я шагнул в глубь здания в сопровождении одного из охранников.

- Где здесь у вас телефоны не работают?

- Везде не работают.

- А где ближайший?

Охранник завел меня в комнату на первом этаже.

- Вот этот.

Я для виду начал копаться с телефонным аппаратом. Охранник - переминается с ноги на ногу. Вздыхать. Охать. И хвататься за голову.

- Ну чего там? Скоро, что ли?

- Аппарат исправен. Видно, повреждение где-то в линии. Надо посмотреть проводку.

- Про что? - вздрогнул охранник, услышав памятное со вчерашнего дня слово.

— Я говорю, провод надо смотреть.

— Ах, провод...

Мы вышли в коридор и двинулись по "лапше". Я останавливался возле каждой двери и осматривал каждый понавешенный на пути аппарат. Компьютеров нигде видно не было. Похоже, здесь обходились еще писанием гусиными перьями и счетом на пальцах.

— У вас компьютеры есть? — напрямую спросил я.

— А что?

— А то, что от компьютеров на телефоны наводка может идти.

Охранник опять вздрогнул. И шумно сглотнул слюну.

— Нет у нас компьютеров. И не было никогда.

— Тогда пошли дальше.

— Пошли.

Еще комната. Еще. И еще. И никаких признаков интересных меня предметов.

— Слышь, мужик, ты поработай здесь пока, я сейчас приду, — попросил мой провожатый и пулей выскочил в коридор.

Я остался без пригляда и быстро прикинул предоставленные мне одиночеством дополнительные возможности. Но использовать их не успел. В помещение веселой гурьбой ввалились несколько человек. С недвусмысленно побрякивающей при каждом шаге спортивной сумкой и с повизгивающей, висящей на руках секретаршей.

— Опа-на! Ты кто такой? — разочарованно спросили они.

— Монтер.

— И что здесь делаешь?

— Телефон ремонтирую.

— И долго будешь ремонтировать?

— Долго. Возможно, до вечера! — мстительно ответил я.

Вошедшие многозначительно переглянулись.

— Да ладно, чего там, — махнул рукой один из них. — Он же только монтер. И тоже человек. Слышь, монтер, выпить хочешь?

— Я на работе.

— Мы тоже.

Парни прикрыли дверь, сдвинули столы и быстро вытащили на стол бутылки и закуску. Время моих возможностей безвозвратно уходило.

— Давай, присоединяйся, — широким жестом хлебосольных хозяев пригласили они.

— Нет, ребята, не могу.

— Да ладно тебе ломаться. Зинка, посодействуй гражданину.

— Мужчина, ну что же вы? Ну мы же ждем, — кокетливо пропела Зинка и, приблизившись, подтолкнула меня крутым бедром к накрытому столу, призывно потянула за руку.

А потом произошло то, что я меньше всего мог ожидать. Ласково обхватив запястье, она прильнула ко мне и, вдруг забыв о нежности, жестким профессиональным захватом вертнула мою кисть за спину.

Тут же с боков навалились прыгнувшие от стола ее кавалеры. Вцепились мертвой хваткой, развернули "мордой" вниз. Споро обшарили подмышки.

- Но, но, не дергайся! Чтобы хуже не было.

Вот это да! Так лопухнуть меня, спеца с многолетним стажем! В долю секунды повязать! Ай да пьяницы! Ай да любители застолий!

Дальний от меня парень вытянул из кармана пиджака переносную рацию. Включил и сказал.

- Все нормально. Объект зафиксирован.

Нет, это не были уголовники. Эти уголовниками быть не могли. В принципе. Эти были профессионалами высшей пробы. Чтобы так разыграть мизансцену застолья, чтобы не допустить в многочисленных диалогах ни единой нотки фальши, надо несколько лет учиться актерскому мастерству. У народных и заслуженных артистов. А чтобы так, в мгновение ока, заломать руки, надо каждый день тренироваться в рукопашке. Или ежедневно брать с поличным таких, как я, лохов.

- Застегните ему руки, - распорядился старший, - и обыщите.

Теперь надо было действовать. Теперь в моем распоряжении оставалось не больше нескольких секунд. Если я их не использую, я банкрот и труп.

Один из вцепившихся в руки парней отошел за спину. Наверное, чтобы вытащить и использовать по назначению браслеты.

- Ой, ребята, больно, больно! - благим матом заорал я.

- Молчи! - рявкнул на ухо кто-то.

- Ой, не могу! Сейчас вырвет! Ой, прямо сейчас! Ой-ой!

Я напряг мышцы живота и горла, резко выдохнул воздух и, поднимая вверх по пищеводу спазм, выплеснул наружу все то, что находилось у меня в желудке. Так живописно очищать желудок от накануне употребленной пищи надо уметь. Я так умел!

- Вот сволочь! - вскрикнули стоявшие с боков парни и инстинктивно отшатнувшись, сдвинулись за меня, ослабив хватку. Всего лишь на долю секунды. Которой мне хватило.

Я ударил одного из них затылком в лицо, другого каблуком по голени. Я услышал, как хрустнули мои суставы, но вывернулся и успел освободить руки до того, как в дело вступил их зашедший за спину напарник. С ним и с пришедшим в себя бойцом, получившим удар в голень, я справился легко.

А вот "старшего" достать не успел. Отскочив к стене, он распахнул полу пиджака, выдернул из заплечной кобуры и уставил мне в лицо пистолет.

- Стоять!

Теперь ему достаточно было нажать курок, чтобы свести мои шансы на спасение к нулю. Но он не нажал курок. Он, видно, хотел оставить меня в живых. Наверное, таким был отданный ему приказ. И мои шансы на спасение резко возросли.

Я схватил за волосы ближнего ко мне бойца, вывернул его лицом вперед, защитив им, как бронещитом, свое тело. Теперь не я, теперь он смотрел в дуло пистолета своего начальника. Правой рукой я вытянул у него из кармана пистолет и взвел его,

прижав затвор к бедру. Введенный пистолет я направил в голову лежащего под моей ногой еще одного их товарища и сказал:

– Не надо!

“Старший” опустил пистолет. Он был опытным бойцом, он понимал, что при таком раскладе я в него стрелять не буду. Лишний шум мне был только в убыток.

– И дамочка тоже! – попросил я.

“Старший” кивнул. “Зина” опустила оружие.

– И что дальше? – поинтересовался командир группы захвата.

– Дальше я этого пристрелю, а этому сверну шею. Если вы намереваетесь совершить какую-нибудь глупость, – предупредил я.

“Старший” усмехнулся.

– Ты все равно не сможешь уйти. Выходы заблокированы.

– А может, я не собираюсь уходить?

– А что ты собираешься делать?

– Торговаться.

– Чем?

– Вот этими двумя жизнями. Против одной моей.

– Тогда начинай.

– Не с вами. Мне нужен ваш начальник. Ваш непосредственный начальник. Тот, который давал приказ об операции.

Этот не известный мне начальник, вернее, разговор с ним, был единственной моей надеждой.

– Он не придет.

– Если не придет, то останется без личного состава. Который погибнет в неравном бою. И без меня. Который ему, судя по вашему числу и по вашей прыти, очень нужен.

– Хорошо, я попробую. – “Старший” поднял к губам радиостанцию и доложил обстановку. Очень профессионально доложил. В двух словах. – Подойдите ко мне.

– Зачем?

– С вами готовы говорить.

– Вначале пусть все выйдут из помещения. Все. Кроме тебя одного.

“Старший” молча указал глазами на дверь. Его бойцы, обходя меня, двинулись к двери. Кроме того, что без сознания лежал под моей ногой.

– Что еще?

– Пусть закроют дверь. И пусть отойдут от нее по меньшей мере на десять метров. А ты повернись лицом к стене. Ноги в стороны. Руки за голову, локти вперед.

“Старший” повиновался. Я подошел к нему сзади, упер ствол пистолета в затылок и взял радиостанцию.

– Вас слушают.

– Кто вы?

– Это не важно. Скажем так: человек, которому принадлежали похищенные компьютеры.

По вдруг возникшей напряженной паузе я понял, что ве ошибся, попал по адресу.

– Что вы хотите мне сообщить?

– Об этом я могу сказать только при личной встрече.

- Хорошо, передайте радиостанцию охраннику.

- Возьми свою говорилку! - сказал я "старшему". - Послушай, что по поводу несения твоей службы думает твое начальство. - И протянул ему радиостанцию. Я сделал то, что делать не следовало. Я перенес внимание с руки, в которой был зажато оружие, на руку, в которой находилась радиостанция. Я снова, уже второй раз за этот день, лопухнулся.

"Спец" не упустил предоставленный ему шанс, использовал его в полной мере.

Потянувшись за радиостанцией, он слегка повернулся и мгновенным рывком головы в сторону выскочил из-под дула, одновременно ударив меня каблуком ноги в пах. Я ожидал нечто подобное, но не ожидал от него такой резвости.

Я успел нажать курок, но было уже поздно. Грохнул выстрел. Пуля по касательной обожгла висок моего врага и ушла в "молоко". В ближнюю стену.

От нестерпимой боли я на мгновение отключился, осел на колени и получил еще один мощнейший удар по лицу. И по руке, сжимавшей пистолет. Противник шел на добивание. Противник все делал правильно.

Он бил меня еще минут пять. Уже не по правилам. Уже для души. Вымещая на мне, как на боксерской груше, все унижения, которые ему пришлось претерпеть за прошедшие несколько десятков минут.

Потом он пригласил из коридора своих пострадавших приятелей и разрешил им в качестве компенсации за причиненный физический и моральный ущерб по одному удару. В любую точку тела. Моего тела. Что они с удовольствием и сделали.

Потом "старший" поднял радиостанцию.

- Объект готов к встрече.

И встреча, ради которой я, как в пасть к волку, забрался в этот дом, состоялась. Причем совершенно не такая, какую я планировал...

Глава тридцать восьмая

Меня раздели, бросили в ванну и обмыли из гибкого душа холодной водой. Как предназначенного к похоронам покойника.

Потом завернули в ковер, взвалили на плечи и понесли. Ступеньки вверх. Поворот. Еще поворот. Дверь. Еще ступеньки. Лифт. Поехали вниз. Похоже, в подвал.

Приподняли. И снова понесли. Долго несут. Если судить по скорости, прошли метров сто пятьдесят - двести. То есть само здание должно было давно кончиться. Интересно, куда же мы тогда двигаемся?

Встали. Запах машинного масла, бензина, выхлопных газов. По всей видимости, гараж. Соединенный четвертькилометровой галереей с основным зданием. А ведь я этого подземного хода при внешнем осмотре не просчитал. И исчезновения людей из здания не зафиксировал. Значит, местные этим путем не пользуются. Только избранные. Только те, что меня сейчас куда-то волокут.

Подъехала машина. Открылась дверца. Для них. Открылся багажник. Для меня. Бросили. Захлопнули. Повезли.

Въезд внутрь какого-то помещения. Перегруз на плечи. Шаги. Ступеньки вверх. Дверь. Лифт... Сбросили с рук. Прислоняли. Повезли. Этажей пять — не меньше.

Остановка. Коридор. Голоса. Хлопанье дверей. Это уже не подвал, это уже обитаемые помещения.

— Куда рулон?

— "Рулон" — надо понимать, я.

— Пока поставьте здесь.

Поставили. Но почти сразу же снова подняли, перенесли и раскатали. Небольшая, без окон, комната. Тихая музыка. И голос человека, сидящего в глубоком кресле и даже не пожелавшего повернуться в мою сторону.

— Здравствуйте.

— Это уже едва ли.

— Что едва ли?

— Едва ли буду здоровствовать. После подобной теплой встречи.

Изысканная, если не сказать роскошная, обстановка. Стол. Кресла. Сейф. Монитор компьютера. Клавиатура. Самого компьютера не видно...

— Мы вас в гости не приглашали. Вы пришли сами.

— Это точно, что сам.

Собеседник, если судить по виду сзади, средних лет, среднего роста, средней комплекции. Плечи узкие, голова большая, слегка приплюснутая сверху, уши оттопыренные, с прижатыми и немного несимметричными мочками...

— Что вы хотели мне сказать?

— Я ничего не хотел сказать. Я хотел вернуть принадлежащее мне имущество.

— У вас украли кошелек?

— У меня украли компьютеры. И при этом убили моего товарища.

— По поводу ограбления и убийства вам следует обратиться в правоохранительные органы. Преступников ищут они.

— А их искать не надо. Я их уже нашел. Самостоятельно.

— И кто они?

— Ваши нукеры. И вы.

Незнакомец замолчал, словно что-то прикидывая в уме, и повернулся. На крутящемся вокруг своей оси кресле. Это лицо не надо было опознавать. Это лицо и так знали все. По крайней мере те, кто хотя бы раз в неделю смотрит телевизор. Или первые страницы центральных газет.

— Хорошо, давайте поговорим. Тем более что у меня к вам тоже есть несколько вопросов.

Переставший быть незнакомцем Хозяин кабинета кивнул на дверь. Охранники отпустили мои руки и вышли. Остался только их обеспечивший мое задержание командир. Он отошел к стене, вытаскивал, взвел и направил на меня пистолет.

— Вы пришли, чтобы узнать, где находятся ваши компьютеры? Я отвечу. Они находятся на городской свалке. А информация с дисков у меня. Скажу больше, похищение компьютеров

было глупостью. Мы не обнаружили на ваших дисках ничего для себя нового. Ничего сверх того, что мы бы уже не знали. Это была напрасная трата времени и напрасная кровь.

- Вы хотите сказать, что информация с "винтов" была похищена еще до того, как были уворованы сами компьютеры?

- Да, именно это я и хочу сказать.

- Можно узнать, каким образом?

- Можно. Посредством сканирования через компьютерные сети.

Здесь я ему не поверил. Здесь он, конечно, лгал. Не могли они знать всего того, что знали мы. Не могли они взломать пароли Козловского-Баранникова, даже если вышли на наш адрес. Для того бы им потребовалось масса времени и масса усилий. Пароли не консервные банки - за секунды не вскрываются.

- Я не верю вам. Вы блефуете. Информацию вы получили похищательства и после убийства. Вернее, в результате воровства и убийства. Вы грязно играете. И потому иногда выигрываете.

- Верить или не верить - ваше личное дело. Я говорю то, что знаю, и не буду перед вами оправдываться. Вы не того масштаба противник, чтобы я был озабочен обелением своего, в ваших глазах, имиджа. У вас еще вопросы есть?

- Есть! Один и последний. Если вы утверждаете, что сканировали информацию через компьютерные сети, вы должны знать пароли, защищавшие память наших компьютеров. Так?

- Так.

- Вы их знаете?

- Вам это так важно?

- Важно.

- Знаем.

- И можете назвать? Хотя бы один.

- Назвать? Вот так, с ходу, вряд ли. Тем более, как вы понимаете, я этим вопросом лично не занимался. Но я могу пригласить человека, который способен исчерпывающе ответить на интересующий вас вопрос.

- Который сможет сообщить мне пароли?

- Да, в ответ я надеюсь услышать возможно более честные и возможно более полные ответы на вопросы, которые, в свою очередь, задам вам я. Такие условия сделки вас устраивают?

- Я согласен.

Хозяин кабинета нажал на кнопку селектора и что-то сказал в микрофон.

- Придется подождать несколько дополнительных минут, пока нужного вам человека разыщут.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава тридцать девятая

Передо мной стоял Козловский-Баранников. Это не мог быть он. Но это был он. Собственной персоной. Не в далекой жаркой Африке. Перед моими глазами.

— Ты?! — только и мог сказать я.
— Я, — опустил глаза Козловский-Баранников.
— Как ты здесь оказался?
— Об этом надо спросить у нас, — встрял в беседу Хозяин кабинета. — Это мы вызволили его из дальней командировки. Из той, куда вы его направили. Негоже разбрасываться подобными кадрами направо и налево. Непатриотично.

Козловский-Баранников молчал, уперев взор в пол. Он напоминал ученика, разбившего в школьном туалете стекло и приглашенного по этому поводу в директорский кабинет. Не он не разбивал стекла...

— Вы все еще требуете назвать вам пароли? — спросил Очень Большой Начальник.

— Уже нет. Мне все ясно. — Я отвернулся от своего бывшего подчиненного.

— Так получилось. Я не думал, — тихо бубнил под нос Козловский. — Я не хотел.

— У вас есть еще какие-нибудь вопросы?

— Один.

— Какой?

— Как вы собираетесь использовать полученную информацию?

— По прямому назначению.

— Будете работать на них? — кивнул я куда-то в сторону.

— Нет. Буду работать на себя. По добытым с вашей помощью рецептам. Ведь "их" уже нет. После вашего грозного предупреждения они так испугались, что свернули все программы.

Я напрягся. Кажется, они знали больше, чем я предполагал. Кажется, они знали о моем разговоре с Главным Заказчиком. Возможно, именно во время него они влезли в память компьютера. Или...

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Я говорю о том, о чем вы думаете. И что боитесь услышать. Но услышите. Через мгновение.

— Что я могу услышать такого, чего не знаю?

— Например, то, что никакого Президента не было. И вашего обращения к нему не было. И вы никого ни от чего не удержали...

— Как не было?

— Не было! Вы, конечно, хотите возразить? Хотите спросить, с кем вы тогда разговаривали, если не с Президентом?

Я обреченно молчал.

— Отвечаю. Вы разговаривали с нами. Вернее, с вашим Африканским приятелем. Вот такая печальная промашка.

— Это ты назвал им компьютерные адреса? Ты?!

Так и не поднявший головы Козловский-Баранников кивнул.

— Зачем?

— Они меня били.

— Битье еще не повод для предательства.

— Не нападайте на своего приятеля. Он действительно большой умница. Хотел бы я увидеть ваши физиономии, когда вы взламывали пароли на... наших компьютерах.

- Может, хватит паясничать? — резко сказал я.

Похоже, Очень Большой Начальник отвык от подобного обращения, потому что слегка напрягся.

- Хорошо, согласен, я проиграл. Но вы-то чего добились?

- Пока немногого. Но скоро — всего. Я являюсь монопольным обладателем товара, с помощью которого не достигнуть желаемого может только хронический лентяй. Или непроходимый тупица. Я не тупица и не лентяй. Я имею союзников. И деньги...

- Хотите стать тем самым диктатором?

- Не хочу — буду!

- А вы уверены, что вы единственный претендент на престол? И единственный обладатель той самой информации? Что больше ее ни у кого нет?

- Больше ни у кого. Только у разработчиков, у меня, вот в этом компьютере, и у вас, в не известном мне месте.

Разработчики — не в счет, они, как мне кажется, свернули работу. Возможно, после вашего проникновения в архив. Возможно, после смены политического курса или смены Главного Хозяина. Но это их проблемы.

Я столь непросто доставшейся мне информацией делиться ни с кем не намерен.

А что касается вас... То вас на этом свете уже практически нет. Если, конечно, мы...

- Что мы?

- Если мы не столкнемся. Ведь вам как соавтору данной программы, наверное, небезынтересно увидеть ее в действии? А я, смею вас уверить, ничуть не худший правитель, чем ныне существующий. И умею ценить преданных помощников.

- Ну?

- Что ну?

- Вы принимаете мое предложение?

- Мне надо подумать.

- Думайте. Но не больше, — хозяин кабинета взглянул на часы, — пятнадцати минут. На шестнадцатой мы будем вынуждены расстаться. Навсегда. У меня назначена встреча...

Значит, у меня пятнадцать минут. На все. На решение. На жизнь. И на смерть.

Четырнадцать... Умнее всего было бы согласиться. Не все ли равно, кто стоит у руля Государства. Все они еще капитаны. Глупее было продолжать воплощать в жизнь мой первоначальный план. В свете вновь открывшихся и все поставивших с ног на голову фактов.

Тринадцать... В первом случае меня ожидает безбедная жизнь. Во втором просто жизнь. Если очень повезет. А если нет? Если принимать предложение, то сейчас. Если отказываться, тоже сейчас. Позже будет поздно. Двенадцать... Я огляделся по сторонам. Сбоку стоял охранник с упертым мне в глаза пистолетом. С другого боку — Козловский-Баранников. Спереди, в кресле, возлежал Очень Большой Начальник. С самодовольным выражением на лице. Ничуть не менее опасным, чем пистолет охранника.

Нет, в первом случае мне, кажется, тоже ничего не светит. С такими рожами в благородство не играют и кодекс чести не

чтут. С такими рожами вначале берут все что надо, а потом все равно отправляют к праотцам. Я жив, пока ему нужен. А нужен я ему буду очень недолго.

То есть и в том, и в другом случае меня ждет смерть. Если без иллюзий и самообманов. Только в первом — путем предательства. Во втором — драки. В драке помирать как-то предпочтительней. Потому что с куражом и надеждой на спасение.

Одиннадцать... Я еще раз осмотрелся. Но уже совсем с другими целями.

Практическими. Все те же охранник, Козловский-Бараников и Большой Начальник. Три человека. В бою шансы почти равные. Спец против спеца. Остальные не в счет. Но что ждет меня за дверью? В незнакомом, напичканном охранной здании...

Допустим, я завалю охранника. И смогу убедить не поднимать с полчаса шум Хозяина кабинета и Козловского. А дальше? Открою дверь и попрошу проходящего мимо боевика проводить меня до входной двери? Не проводит.

Может, выпрыгнуть из окна? Нет, не выпрыгнуть. Окна здесь наверняка или зарешеченные, или закрыты бронированным стеклом. И потом, где эти окна? И на каком они расположены этаже? И куда выходят? И что находится под ними?

Ладно, проехали. Десять... А если взять в заложники этого самого Начальника? И потребовать к подъезду самолет до Израиля, миллион долларов, ящик пива и бортпроводницу?

Поднимут на уши всю Безопасность, человек-то не из последних, и потихому пристрелят где-нибудь на подходах к трапу. Я даже пиво вскрыть не успею.

Проехали. Девять... Тогда вернемся к изначальному плану. К тому, которым я руководствовался вначале. Вначале своего к ним визита. Что мне мешает воплотить его в жизнь? Мое опознание? Но я был к нему готов. Переход в незнакомое мне здание и по этой причине невозможность самостоятельного из него выхода? Это да. Это решающий аргумент против... А почему мне обязательно нужно выходить из него самостоятельно?

Я снова взглянул на уже известную мне тройцу. И снова другими глазами. А почему бы, собственно, и нет?

Восемь... Восемь минут на все про все!

— Согласен! — сказал я.

Очень Большой Начальник расплылся в довольной улыбке. Он был уверен в моем положительном решении и получал его. Иначе быть не могло. Кто согласится предпочесть небывшие жизни? Сладкой жизни. Хоть и короткой.

Дрогнув пистолетом охранник. Он тоже ждал моего решения. И теперь слегка расслабился. Теперь он мог позволить себе расслабиться. Теперь я был почти своим. Которого завтра придется охранять.

Обрадовался Козловский-Бараников. Искренне. Просто, как дитя, получившее килограмм шоколада. И даже не

столько моему, уравнивающему меня с ним, предательству. Просто тому, что мы будем вместе. Что ему будет с кем общаться...

Семь минут... Поспешили Начальник, охранник и Козловский-Баранников. С выводами поспешили.

- Я согласен. Но хотел бы уточнить детали договора. По разделу моих требований.

- Могли бы вы изложить их письменно?

- Мог бы.

Шесть минут... Хозяин кивнул охраннику. Охранник, стволом пистолета, мне. Я подошел к стоящему у стены столу, который давал мне гораздо больше оперативной информации.

- Вот ручка, вот бумага.

- А наручники? - показал я.

- Пока придется в них.

- Мне же неудобно.

Охранник пожал плечами.

Я взял ручку в правую руку.

- Писать все?

- Все.

- Все-все?

- Все, что хотите.

И я выписал пункт первый - хорошее питание. Мне было все равно, о чем писать. Лишь бы писать. Пункт второй - хорошая выпивка.

Пять минут... Хозяин кабинета начал собираться. Он надел висящий на спинке кресла пиджак. Пролистал свою записную книжку. Набрал какой-то номер телефона.

Четыре...

- Да. Да. Скоро буду. Но вначале заеду еще в одно место.

Да. Да...

Три...

- Машину к подъезду? - спросил охранник.

- К подъезду.

Охранник, не отрывая от меня глаз и дула пистолета, отдал распоряжения по переносной радиостанции.

Две...

- Вы тут теперь сами. Без меня... Добро? - сказал Очень Большой Начальник.

- Добро, - ответил охранник. - Когда вы вернетесь?

- Часа через два. Он как раз успеет закончить свой список.

И Хозяин кабинета пошел к выходу. Мимо меня. Очень зря, что мимо. Ему меня надо было обходить за версту.

- Вот черт! - выругался я, случайно уронив на пол авторучку. - Неудобно писать в наручниках, - и, извинившись, стал ее поднимать.

Очень Большой Начальник на мгновение замедлил свой шаг. Любой бы замедлил шаг, увидев перед собой стоящего на коленях человека. И он замедлил.

Охранник среагировал первым. Но уже не вовремя. Он тоже поверил в естественность моего жеста, а когда спохватил-

ся, было уже поздно. Совсем поздно! Между дулом его пистолета и его потенциальным врагом оказался его Хозяин.

Охранника подвела всепоглощающая любовь к начальству. И вбитые в мозжечок инстинкты телохранителя. Он слишком много внимания уделил перемещающейся в пространстве фигуре своего подопечного. И упустил мою.

Я развернул Очень Большого Начальника лицом к пистолету и надавил замком наручников на горло. Он захрипел.

— Опусть пушку на пол, — очень вежливо попросил я охранника. — Спери руки на затылке. И подойди ко мне спиной. Пока у твоего шефа кислород не кончился.

Охранник положил под ноги пистолет и медленно попятился в мою сторону. Теперь он был настороже, хотя это было уже бессмысленно. Свой бой он проиграл.

Но сейчас непременно попытается отыграть очки. Костяшками левой руки в висок. Или каблуком — в голень. Или проделает какой-нибудь другой подобный пируэт. Но сейчас — не тогда, не в комнате, где меня повязали. Сейчас у него этот номер не пройдет.

Сейчас игра в поддавки кончена.

Я не стал искушать судьбу. И как только охранник приблизился ко мне на достаточное расстояние, за секунду до его встречного выпада, ударил носком ботинка в шею. Не очень сильно. Чтобы не убить. Но так, чтобы отключить. На время.

Охранник охнул и упал. Хозяин вдохнул воздух.

— Дурак ты! — хрипло сказал он. — Теперь мы будем торговаться с тобой на совсем других условиях.

— На каких?

— Просто на жизнь. Без излишеств.

— Но пока за горло держу я вас, а не вы меня.

— Это временное преимущество. Скоро все изменится.

— А это как получится...

За моей спиной тяжело дышал Козловский-Баранников. Я подобрал уроненный охранником пистолет и открыл вытащенным из кармана его пиджака ключом наручники.

— Слышь, Козловский! Где у них тут главный компьютер? — спросил я, вставляя в ручку двери ножку стула. Дверь была добротная, дубовая, рассчитанная минут на десять активного натиска превосходящих сил противника.

— Компьютера нет. Компьютер в сейфе, в соседнем помещении. Здесь только клавиатура, дисковод и монитор, — отозвался Очень Большой Начальник, — Увы. Для тебя увы.

— А где ключ от сейфа?

— Тоже не у меня. И тоже в сейфе.

— Тогда придется обходиться одним дисководом.

— Зачем тебе дисковод? — чуть насмешливо спросил Начальник.

— Например, чтобы стереть всю информацию. К чертовой матери! На правах авторского надзора.

— У тебя ничего не получится. У тебя не получится даже включить компьютер.

— У меня — нет. У него получится, — кивнул я на Козловского-Баранникова. — Давай, запускай машину.

Баранников не тронулся с места.

— Включай. И помни об инвентарном номере на пустой могиле. На твоей могиле. — И я показал Баранникову пистолет. Вблизи. И со стороны дула.

Он зажмурил глаза и подошел к компьютеру.

— Входи в память.

— Я не могу. Здесь установлены пароли.

— Баранников! — я посмотрел на него с некоторым даже удивлением. — Тебе ли говорить о паролях? И мне ли, который осведомлен о твоих способностях лучше, чем кто-нибудь. Вламывай защиту!

— На это потребуется время, — пролепетал Баранников, косаясь на Хозяина кабинета. Он все еще не понял, кого ему надо бояться больше. Его все еще парализовывал страх, который можно было выбить только более сильным страхом.

— Десять минут! — сказал я и сильно, по-настоящему сильно, несколько раз ударил его по лицу. До крови.

Я не испытывал угрызений совести. Мой бывший коллега заслужил большего, чем просто зуботычина. Хотя бы равного тому, что по его милости получил Александр Анатольевич.

— К станку! Козловский! — И еще один удар. Чтобы разрушить свой образ добросердечного человека.

Размазывая по лицу кровь и испуганно оглядываясь, Баранников придвинулся к клавиатуре.

— Остановись! — твердо сказал Очень Большой Начальник. — Если поможешь ему, ты умрешь. Но эта смерть тебе покажется лишь избавлением. От предшествующих мук.

— Не мешайте мне работать с моим бывшим подчиненным, — спросил я. — Вы ломаете воспитательный процесс.

И ударил Баранникова еще раз. И снова до крови.

— Пойми, — сказал я ему, вытирая о его же рубаху кровь с костяшек пальцев. — Они тебя будут мучить только потом. А я тебя избью сейчас. До смерти!

И снова ударил. И снова по лицу. Только по лицу! Своим поведением, обращением, своими не самыми изысканными манерами я напоминал дворового хулигана. Типичного. Которого и хотел напоминать.

— Ну, ты понял меня? Понял?! Тогда шустри. И делай, что тебе велели. Пока я окончательно не рассердился.

И вновь кулаком в подбородок. Правильно выбранный, узнаваемый на уровне безусловных рефлексов тон обращения возымел свое действие. Козловский-Баранников начал ломать пароли. Очень быстро. Примерно с такой же скоростью, как вытряхивал когда-то в детстве мелочь из карманов в ладони хулиганствующих старшеклассников.

Есть первая степень защиты. Вторая. В углу злобно шипел наблюдавший за происходящим Хозяин кабинета. Но молчал.

Есть третья. Компьютер открыт. Для пользователя. То есть для меня.

— Больше сюрпризов не предвидится? Нет? Ну смотри! — показал я кулак Козловскому-Баранникову, который уже

мало напоминал Козловского-Баранникова, а больше боксера-профессионала после вчистую проигранного боя.

— Интересно, как вы собираетесь стирать память, если программы уничтожения на этом компьютере попросту нет, — подал голос Начальник. — Рашпилем?

— Дискетой.

— Не смешите меня. У вас не может быть никакой дискеты.

— Это почему не может?

— Потому что вас до прихода сюда обыскали три раза.

— И даже в ванне помыли. И даже во все скрытые от широкой общественности места заглянули.

— Ну вот видите! Нет у вас никакой дискеты. Неоткуда ей взяться. Лучше давайте прекратим эту комедию. У вас еще остается шанс...

— У меня дискеты нет. И не могло быть. Но вдруг она была не у меня, а у моего сообщника, который до поры до времени не высовывался? Например, у вашего телохранителя. О таком повороте сюжета вы не размышляли?

— У моего телохранителя? — в голос расхохотался Хозяин кабинета. — Который ваш сообщник... Вы говорите абсолютную чушь.

— А вдруг не чушь? Вдруг так оно и есть? Ведь покупаются все! А кто не покупается, тот убеждается. Разными действительными способами. Разве не так? Разве он исключение из правил? Ну подумайте сами... Ну вдруг? Иначе зачем бы я лез волку в пасть? Без надежды выбраться обратно...

Я подошел к все еще находящемуся без сознания охраннику, перевалил его на живот и жестом фокусника достал из заднего кармана брюк дискету. Ту самую, на которую у меня была вся надежда.

За что ему, моему врагу-сообщнику, самое искреннее спасибо!

Ну как бы я без помощи самого главного Охранника смог протащить нужную мне вещь через все препоны и рогатки, что он же здесь и понаставил? Я же понимал, что меня, если поймают, пересмотрят и перещупают с ног до головы.

Долго я голову ломал, как мне умудриться сделать то, что сделать практически невозможно. И вспомнил о "ювелирном деле", о котором вам, еще курсантам, инструктор по спецподготовке рассказывал.

— Допустим, вам нужно украсть бриллиантовое кольцо. И спрятать, не выходя из помещения ювелирной лавки, — давал он вводное. — Что вы будете делать? Пять минут на размышление!

И мы начинали размышлять. В рамках сидящих в наших головах стереотипов. Мы вскрывали полы и ковыряли штукатурку, давясь и царапая пиццевод, глотали бриллианты, засовывали их в самые труднодоступные углубления в мебели и собственном теле...

Но... кольцо всегда находили, потому что невозможно спрятать вещь в помещении, которое будут не спеша осматривать профессионалы.

— А он спрятал, тот, настоящий преступник. И колье не нашли, хотя и помещение и его осматривали, простукивали и просвечивали рентгеном. Не нашли! И отпустили с миром.

Так где же он спрятал украденную драгоценность? Где? — Мы капитулировали. — В заднем кармане брюк хозяина лавки, когда он на мгновение повернулся к нему спиной. И у которого сообщник преступника это колье вытащил, когда тот вышел на улицу, чтобы проводить полицейских. Ну кто же станет обыскивать хозяина, который является главным потерпевшим? Кому такое придет в голову?

Ясно?

— Ясно! — гаркали курсанты. Ясно, как Божий день! Кто же станет обыскивать главного потерпевшего?! Или главного Охранника?! Вот этот, старый как мир, прием я и использовал, выманив противника на себя, как на живую приманку, и сунув дискету старшине охранников в карман, когда развернул его носом к стенке. А чтобы он ничего не почувствовал, пальнул для остротки возле самого уха. И подставился под удар. Затем, чтобы меня куда надо привели. И туда же дискету принесли. Не оставит же ее хранитель меня без присмотра. Он же главный. И вне всяких подозрений.

Вот такой очень надежный сейф на очень быстро передвигающихся ножках.

— А вы говорите, не может быть! Ну вот же она, дискета!

— Предатель! — только и смог выдохнуть Очень Большой Начальник.

— Кадры надо уметь подбирать! И не экономить на зарплате. А теперь извините. Я не хочу, чтобы вы наблюдали за моими дальнейшими действиями. Сглазу боюсь. И лишний раз вашу нервную систему травмировать не хочу.

Я затанул на запястьях и щиколотках Очень Большого Начальника его же ремень и натянул ему на голову его же пиджак. Сверху набросил штору, сорванную с гардины. Теперь Очень Большой Начальник напоминал очень большой куль. С... неизвестным содержимым.

Освободившись, я воткнул дискету в дисковод и нажал клавишу запуска.

Компьютер, не поперхнувшись, проглотил содержимое дискеты, которое предназначалось единственно для того, чтобы встать ему поперек горла.

В дверь вежливо постучали. На это я не рассчитывал. Вернее я рассчитывал, что это случится чуть позже.

— Вот что, Козловский, на правах старой дружбы, покарауль дверь, — попросил я и показал дулом пистолета на его пуговицы.

— Что? — не понял Баранников.

— Дверь посторожи! — повторил я, сдирая с него рубаху и демонстрируя уже до боли знакомый ему кулак.

Баранников понял. Быстро разделся и переоделся в мою одежду. А я в его.

— Что у вас случилось? — все менее вежливо кричали из-за двери.

— Скажи им что-нибудь. Успокой людей.

— Все нормально! — крикнул Козловский-Баранников.

Стучаться стали тише. Пора было подумать об эвакуации. Я подзвал к себе пальцем Козловского-Баранникова и закричал дурным голосом:

— Ты что делаешь? Брось пистолет! Дурак! Брось немедленно!

Козловский-Баранников обалдело уставился на меня и на пистолет, зажатый в моих руках.

Он не понимал, что происходит. Все еще не понимал.

— Прекрати! Он может выстрелить! — продолжал орать я, заговорщически подмигивая, улыбаясь, дружески похлопывая его по плечу и прижимая указательный палец к губам.

Я словно играл в веселую игру, призывая сотоварища по розыгрышу к очередной, забавной, о которой он еще ничего не знает, проделке.

Хотя, если честно, эта игра не сулила ничего доброго. По крайней мере одному из ее участников.

— Убери пистолет...

Козловский-Баранников в ответ на мою улыбку улыбался все шире. Я выстрелил ему в лицо. В испуганные и одновременно надеющиеся на чудо глаза. Выстрелил три раза подряд. Я не убивал его, только возвращал долги, взятые под проценты на срезе могилы. Той, Козловского-Баранникова могилы. Сделал то, что обязан был сделать тогда, но не сделал.

Я не убивал его. Потому что он уже был мертв. Так же, как Александр Анатольевич.

За дверь наступила мгновенная тишина, и тут же в нее забарабанили с утроенной силой.

Теперь надо было спешить. Единым движением, с кровью и мясом, я содрал со своего лица парик, усы, бороду и прилепил их к обезображенному лицу мертвого Баранникова.

Который стал мной. Потом несколько раз я ударил себя по лицу. С полной отдачей. Так, как если бы бил своего врага. Как бил совсем недавно Козловского-Баранникова.

И лег на пол, став Козловским-Баранниковым, которого сильно избил пойманный злоумышленник. То есть я. И которого он, изуродованный до неузнаваемости, каким-то образом завладев его же оружием, и убил. Тремя выстрелами в лицо. После чего это лицо уже невозможно было опознать. Все это, в свою очередь, видел и слышал барахтающийся в ворохе штор и собственного пиджака свидетель. Главный свидетель. Которого никто не сможет оспорить. Потому что не решится.

Дверь не выдержала напора множества тел.

— Что?

— Что случилось?

— Кто стрелял?

— Ты стрелял?..

Уже почти очухавшийся и приподнявшийся на локте охранник внимательно смотрел на свою пустую руку и на лежащий поодаль труп.

— Я?

- А кто?
- Ну тогда получается, я.
- Да как же он, когда пистолет не у него?
- А где?
- Да вот он...

Картина была абсолютно сумбурна и абсолютно ясна. До запятой. Кто кого, из чего и по какому поводу убил. И почему главные герои сами на себя не похожи.

- Ты живой? - осторожно тронул меня кто-то за руку. Я застонал. Очень естественно. Потому что мне было действительно больно.

- Живой! Давайте срочно носилки и машину. И в больницу. Пока он не помер.

Ну вот, и машину подали. И носилки. И носильщиков. А я собирался своими ножками выбираться... Вот как все хорошо закончилось.

Впрочем, нет. Не закончилось...

- Программистов! - громко, перекрывая все голоса, скомандовал Очень Большой Начальник. - Срочно программистов! Все остальное потом.

Программистов доставили через минуту.

- Немедленно проверить память компьютера. И если там что-то есть...

Программисты склонились над клавиатурой.

- Есть!

- Что?

- Вирусы.

- Они уже действуют?

- Да.

- Сколько информации уничтожено?

- Пока меньше трех процентов.

- Вы можете остановить их действие?

- Конечно. Судя по всему, они не из самых опасных.

- Тогда не стойте болванами! Работайте!

Я снова застонал. Теперь уже не от боли. Теперь уже от отчаяния. Я сделал все, что от меня зависело. И я не сделал ничего. Я прокололся там, где от меня ничего не зависело. И там, где я меньше всего ожидал...

- Чистим?

- Чистим. - Быстро застучали клавиши. - Программа пошла...

Как тупо все закончилось. Если бы я знал, что эти вирусы такие дохлые, я бы забаррикадировал дверь и занял круговую оборону. И держал бы ее до тех пор, пока они не выели бы все внутренности компьютера. Час бы держал. Два. День.

Если бы я знал, что эти вирусы такие... Эх, Александр Анатольевич! Как же вы так!

Подтащили носилки.

- А этого куда? - спросили в стороне, показывая, по всей видимости, на Козловского-Баранникова. Который был мной.

- Этот пусть пока полежит. Только прикройте его чем-нибудь...

Как же вышло, что все потеряно подле самой финишной черты? Как же так... А может, не потеряно? Может, попробовать поспособствовать этим неповоротливым вирусам? Более знакомыми мне методами.

Я еле заметно приоткрыл глаза и огляделся. Этого я, если сдвинусь хотя бы на пять сантиметров в сторону, смогу достать ногой. Этого – стоящим рядом стулом. Этого – правой рукой. Этого – левой. А что делать с теми двумя, стоящими возле двери? И с тем, с автоматом? Он нашьпигует меня свинцом раньше, чем я "мама" сказать успею.

Ну-ка снова. Этого... Этого... Потом этого... Потом... Если повезет – может получится. Если очень повезет, я смогу отвоевать минут двадцать чистого времени. Может, этого им хватит вместе большую часть чужого пирога?

Я сконцентрировал мысли и силы. Сконцентрировал для броска. Единственного, который давал мне шанс...

Начну на счет три.... Раз. Два...

– Что такое? Что происходит? – удивленно спросил сидящий за клавиатурой программист. – Что, черт возьми, происходит?

– Поплыла база данных! Утрачено пять процентов информации. Десять...

– Как так поплыла? Какая база? Если вы уничтожали вирусы?

– Мы и уничтожали. Вирусы.

– А поплыла база?

– А поплыла база!

– Пятнадцать процентов. Семнадцать. Двадцать пять... Как корова языком... Тридцать...

– Я ничего не понимаю. Похоже, он...

– Что он?

– Похоже, он закодировал пусковые команды вирусов под включение антивируса. И мы, борясь с вирусом, сами того не желая, размножаем его. В геометрической прогрессии...

– Черт, сорок процентов информации...

– Ну так выключите компьютер!

– Это ничего не даст. Его все равно придется включать. Позже. И вирусы продолжат свое дело. С того самого места, где мы прервали их работу. Выход надо искать сейчас. Пока еще можно что-то сделать.

– Попробуй...

– Пробую...

– Шестьдесят процентов информации...

– А может быть?

– Может...

– Семьдесят процентов... У меня такое впечатление, что он заранее знал наши ходы... Что мы работаем по его сценарию...

– Восемьдесят процентов. Восемьдесят пять. Девяносто... Аут!

– Как так аут? Вы хотите сказать?..

Программисты молчали. И компьютер молчал. Безмозглый, как новорожденная амеба.

– Что вы сидите?! Делайте что-нибудь!

А что делать? Большой-то помер! Поздно пациента на операционный стол тащить, когда его уже в морге вскрыли. Ай да Александр Анатольевич! Ай да молодец. А я, грешным делом, подумал...

В общем, не так уж плохо все кончилось. Если не считать моего многомесячного прогула по месту основной службы. Ну, в той Организации, где я состоял... Ну, короче, состою.

Оказывается, не закрыли ее. И не разогнали. Это просто Шефкуратор меня на пушку взял. Для пущей убедительности. Чтобы я согласился сделать то, что я ни при каких других условиях сделать бы не согласился. Вот я и согласился.

Прогул мне, я так понимаю, не засчитали. Потому что случайный кирпич с крыши не упал. Пока не упал. Но на вид поставили. С занесением в личное дело. И Регион пребывания сменили. На очень захолустный. На тот, что возле самой границы... Ну не важно какой.

А как нашли меня? Да очень просто. Через аварийный почтовый ящик, который я, при отсутствии других форм связи, должен был проверять каждые полгода. Хоть живой, хоть мертвый. И который я проверил.

Вот так вот. А что касается одного известного мне члена Правительства, то ему повезло меньше. Скрутила его какая-то хворь. Скоротечная. С осложнением на память. В неделю скрутила. Был человек — стал калека. Что вчера было — помнит. Что раньше — хоть убей. То есть полная амнезия. До смешного! Главное дело, не понятно, откуда та болезнь взялась. Врачи говорят, может, он съел чего? Или выпил? А я так думаю, что узнал чего-то лишнего. С чем его здоровье не справилось...

Вот такая ужасная инфекция. Возможно, даже вирусная. Почему инфекция? А потому что не один он пострадал. А говорят, еще его Референт-телохранитель. И кто-то из obsługi. Ничего не помнят. Как новорожденные младенцы. Словно им память ластиком стерли. Ладно хоть не умерли. А то кое-кто утверждает, что могли бы.

Такая страшная болезнь. Инфекционная. Для тех, кто не бережется. В общем, все кончилось благополучно. Если газет не читать. И телевизор не смотреть. А если читать и смотреть, то создается впечатление, что сценарий, за которым я так долго охотился, был не один. И даже не два. И даже не три. А гораздо больше. Если судить по результатам. И тогда совершенно не ясно, зачем были все эти мои умопомрачительные цирковые кулбиты и глупые попытки остановить руками катящийся под откос паровоз.

Может, все это было зря? Кто его знает... Вернее сказать, кто-то знает. Да только другим не говорит...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

“Мы не сможем победить Советский Союз в обычной войне. Это неприступная крепость. Мы можем победить Советский Союз только другими методами: идеологическими, психологическими, пропагандой, экономикой...”

Из речи Д. Кеннеди при вступлении на пост Президента США.

- Ирина, такое ощущение, что вы поменялись со своим бывшим супругом Виктором Салтыковым раздана. Он некогда был очень популярен: во времена группы "Форум" и чуть позднее - в составе группы "Электроглуб". Сейчас в забвении, вы же, став певицей, теперь на гребне успеха. Каков механизм этих перемен?

- С Витей я действительно рассталась после восьми лет супружеской жизни... Он очень добрый человек, умный... Но у нас спленилась семья, состоящая из артиста и домохозяйки. Подру-

"ВСЕ МОИ ПЕСНИ — О ЛЮБВИ..!"

тому Витя жить не хотел. Считал, что я ни на что не способна, кроме домашнего хозяйства. А я, помимо поддержания порядка в доме, занималась бизнесом, была даже какое-то время продюсером мужа. Но он не всегда доверял мне, а я старалась, тратила очень много энергии на него. Видимо, все это и выплеснулось наружу, когда я подала на развод. И стала продюсировать саму себя...

— Не секрет, что шоу-бизнес — непростой механизм. Для того чтобы подняться на вершину, одного желания мало. Нужны связи, очень большие деньги. Насколько я знаю, вы все делаете сама. Не сложно ли?

— Да, я в одиночку ворвалась в шоу-бизнес. Без помощников. До этого у меня был просто бизнес: сеть торговых точек на Нутузовском проспекте. Тогда я заработала немало денег: купила "Жигули", обустроила семейный быт, кормила семью. И в шоу-бизнес пришла не желторотым птенцом. Реализовала мечту — петь на эстраде — я продала все свои драгоценности, заложила в ломбард подаренное бывшим мужем кольцо с 27 бриллиантами, которое потом, кстати, не удалось выкупить. У меня появились большие деньги, но мне их приходилось тратить на студию, эфиры, клипы и многое другое. Но, имея деньги, богатой я себя не ощущала: сидела часто на нуле.

— Не хотелось сделать шаг назад, вернуться к прежней жизни?

— Нет. У меня огромное самолюбие и огромные планы, и я буду

лезть из кожи вон, чтобы их осуществить. В начале творческого пути в меня никто не верил: советовали оставить сцену. Но я никого не слушала и продолжала работать.

Кстати, на клип "Серые глаза" (режиссер Сергей Наильварский) я потратила колоссальную сумму из собственного кармана. Зато потом я продала альбом "Серые глаза" за рекордную для российской сцены сумму. И снова ее потратила на клипы, костюмы и так далее.

Есть, конечно, команда людей, которые мне помогают. Это и автор текстов Арнадий Словососов, и аранжировщик Гера Иващенко (известный по работам с Владимиром Пресняновым-младшим), и мои танцоры, и, конечно же, композитор Олег Молчанов, которого я могла бы назвать своим музыкальным руководителем. Но в конечном итоге последнее слово остается за мной.

— Как бы вы охарактеризовали музыкальный стиль, в котором работаете? Не смущает ли мнение о второсортности "попсы" как музыкального жанра?

— Мой стиль — популярная музыка. Да, мне бывает порой стыдно, когда слышу примитив на нашей сцене. Но не считаю, что у нас вся музыка на низком уровне. Мы, конечно, запаздываем, у нас нет таких студий, как на Западе, нет таких аранжировщиков. Так из чего же нам делать "конфеты"? Но есть российские исполнители, которых не стыдно слушать: Пугачева, Агутин, Меладзе, Преснянов, Орбанайте.

Отмирают как раз новые течения, а попса наша бессмертна. Понакулыста, сейчас в музыкальных магазинах огромный выбор. Так почему не все понукают в основном попсу?..

- Вы много притратите времени на запись одной песни? Защищаетесь ли вокалом?

- Я очень мало провожу времени на студии. Свою первую песню записывала пять часов, а последнюю записала за полтора часа.

Вокалом я занимаюсь очень аккуратно и осторожно. Научись правильно брать дыхание, и все - пропадет индивидуальность. Я хочу научиться петь, как Пугачева. Она очень тонко передает все чувства голосом.

- Чем вы занимались в жизни перед тем как стать певицей, предпринимателем, суфругой, домохозяйкой?..

- В первом классе я начала заниматься художественной гимнастикой. В пятом уже была кандидатом в мастера спорта. Танцевала в варьете. Меня работа не унывает. Я могу трудиться в любой сфере, если чувствую, что это - мое.

- Вы, судя по всему, хозяйственный человек...

- Хозяйка я классная. Ни домработниц, ни нянек у нас не было. Муж постоянно находился на гастролях, а я воспитывала дочь и занималась хозяйством. Люблю уют и чистоту в доме - это моя слабость. Сейчас домашним хозяйством занимаюсь меньше - просто нет времени. Мне помогает мама, да и дочка подросла - ей уже 8 лет. Еще есть водитель, который возит дочку в школу. Целый год ремонт шел под моим руководством. Тогда еще не было такого понятия, как евроремонт - приходилось все доставать самой.

- Постепенно вырисовывается образ эдакой "железной леди". Есть ли у вас какие-то слабости? Как вы разлеживаетесь, отдыхаете?

- Да, иногда необходимо расслабиться... Выплеснуть наружу дурь свою. Можно это делать на сцене, в танце, на дискотеке, в компании друзей. Могу, например, поехать просто

на шашлыки, играть в волейбол, могу танцевать на дискотеке. Естественно, за границей, где тебя не знают. Был в Монте-Карло, Каннах, в Лондоне... практически во всех европейских странах. Обоняю море и солнце. Обещала дочку свозить в Диснейленд.

Я азартный человек. Люблю ходить в казино. Как правило, мне везет, поэтому люблю играть. Я не жалею денег на отдых и удовольствия, и, наверно, не могу их копить. Понучаю, например, костюмы под кандую песню.

- О личной жизни поговорим?

- Обязательно.

- Каким должен быть мужчина, чтобы вам понравиться?

- Обязательно высокого роста, умный, с красивой фигурой и интересными глазами.

- А из "земных" персонажей кто в вашем рейтинге на первом месте?

- Арнольд Шварценеггер.

- Все ваши песни о любви. Когда вы впервые представилите конкретный персонаж?

- Сразу после развода я представляла Витю. Сейчас иногда пою абстрактно. А иногда посвящаю песни новым своим знакомым... О них подробно говорить не буду, они еще не те, ради которых можно снова выйти замуж.

- Ваш экс-суфруг сегодня не очень лестно отзывается о вас в своих интервью. Как вы к этому относитесь?

- Спокойно. Спасибо Вите за рекламу!

- Для вас важен финансовый вопрос в отношениях с мужчинами?

- По крайней мере мужчина должен обеспечить самого себя.

- Что такое в вашем понимании любовь?

- Любовь - это то, без чего невозможно жить.

- Как вы поддерживаете форму?

- Мне повезло. Я люблю вкусно поесть, но от этого не толстею. Сидеть не дает поправиться.

- Вы не собираетесь снова замуж?

- Не тороплюсь...

Беседовала ГАЛИНА СИРИН.

ШАХМАТНАЯ

ЭПИГРАММА

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Продолжаем публикацию оригинальных композиций, присланных на VI международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр. Напоминаем, что в конкурсе примут участие присланные до 15 августа с.г. задачи. Миниатюры, присланные позднее, будут опубликованы в первых номерах будущего года и примут участие в следующем международном конкурсе «Смены».

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

73. В. АНТИПОВ

*г. Борочичи
Новгородской обл.*

Мат в 2 хода

74. В. ЗЕНИН

Геленджик

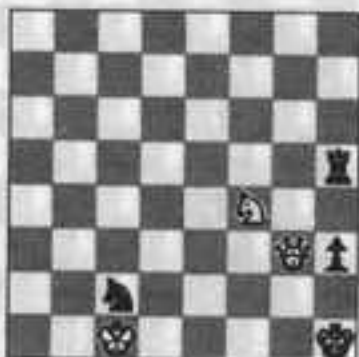

Мат в 2 хода

б) a1 = h8

75. С. РАДЧЕНКО

Ростов-на-Дону

Мат в 2 хода

76. Л. САЛАЙ

Словения

Мат в 2 хода

77. Н. ЗИНОВЬЕВ

*Усть-Каменогорск,
Казахстан*

Мат в 2 хода

б) Лс3 - f1

78. В. НОВАЛЕНКО

*г. Большой Камень
Приморского кр.*

Мат в 2 хода

б) Кс7 - e3

79. Ю. СУШНОВ

Санкт-Петербург

Мат в 3 хода

80. Н. ЧИСТЯНОВ

Омск

Мат в 3 хода

б) Кра2 - a4 в) Кра2 - a5

81. В. СОНИН

г. Рузаевка, Мордовия

Мат в 3 хода

82. В. ИВАНОВ

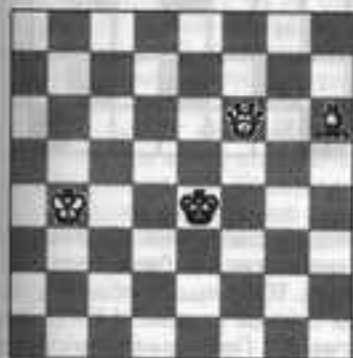
пос. Повенец, Карелия

Мат в 3 хода

83. В. ЖЕЛТОНОЖКО

Екатеринбург

Мат в 3 хода

84. А. ВАСКЛЕННО

Киев, Украина

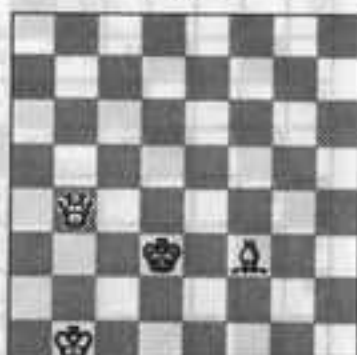

Мат в 3 хода

85. В. ВИНКУРОВ

В. ЖЕЛТОНОЖКО

Россия

Мат в 4 хода

86. В. НОНАКИН

Магадан

Мат в 4 хода

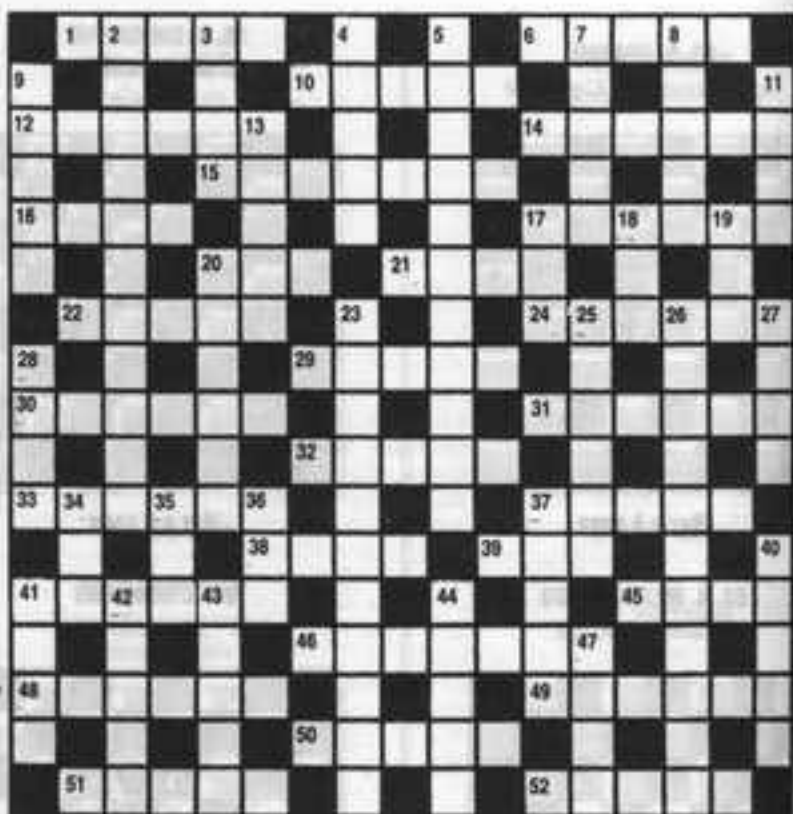
б) - Cb2 в) e5 - f2 г) Kd6 - g4

87. П. ЛОУРИДАС

Германия

Мат в 8 ходов

ЗРУДИТ

По горизонтали.

1. Английский философ, сказавший: «Знание — сила». Б. Рена в греческой мифологии, на берегу которой бог давали священную иклету. 10. Большое узбекское расписное блюдо. 12. Живой степной столбик. 14. Собирательное название начальства. 15. Полонение в бонсе не дольше девяти секунд. 16. Фамилия Иоанны, английской королевы, посаженной на престол против ее воли и в 1554 году ни за что ни про что казненной. 17. Обычное народное название шторрозы. 20. Полицейский в США. 21. Продукт, наной летом с кончика нона иклетут в литр молока перед иклетением, чтобы дольше хранить его. 22. Древнегреческий сосуд, на котором нашли изображение тронного нона. 24. Взятое двумя руками. 29. Собака с чувством юмора. 30. Богиня, символ вечной молодости Рима. 31. Каждый из четырех входов в древнеитайский город. 32. Имя советского хоккеиста, первым на чемпионате мира-67 вышедшего на лед, — и победа! С тех пор он всегда вынатывался первым. 33. Выступает, играет, представляет. 37. Энергетический слой под ногами. 38. Кроме воды. 39. Роман Н. Санд, который внимательно читал Н. Чернышевский. 41. От нее отгугивают плодонуру лимы и польны. 45. Полярная... способна вынести рекордно ноную температуру — минус 110 градусов. 46. Во всякой теореме две части: ... и заключение. 48. Великий римлянин в произведениях Корнелия, Шекспира, Уайлдера, Шоу. 49. Сто ангольских леек. 50. Народ, чья страна не производит военных игрушек. 51. Третий, помимо Ницше и Рильке, в соавздии любовников Лу Андреас-Саломе, русокой по проискондению. 52. Лесной санитар.

По вертикали.

2. Животное — ..., человек — лечение. 3. Бог скандинавов, чье имя связано с шаманским экстазом. 4. Великий барселонец, говоривший: «Трамваи должны останавливаться, а не люди» (7 июля 1926 года его перевезли трамвай). 5. Граф, в чьем московском доме располагался Английский клуб. 7. В «Подражании псалму 71» И. Нрылов говорит о солнце: «И не затмит его лучей вся ... туч, весь мрак ночей». 8. «Художественное» изобретение китайцев в третьем веке до н. э. 9. Хаойное дерево, восмощающее лонцев. 11. Пора, когда женщины действуют наиболее благотворно. 13. Плод с самой прочной сферической конструкцией в природе. 17. Фамилия трех братьев, очень популярных в Нитве святых даосского толка. 18. Ест душу. 19. Деспот из сербского эпоса, срубивший голову турецкому наместнику Зриняину. 20. Коннистадор, завоеватель Мексики. 23. Магия, наной занимались мифические герои Амфион, Зет, Орфей. 25. Вата, еще не вынутая из коробки. 26. Его сулят японской семье кусочни сельдядной иры на новогоднем столе. 27. Продукт, наной в Японии начали добывать из ламинарий в 1670 году. 28. Французский композитор-импрессионист. 34. «Черная слоновая кость» в XVII-XVIII веках. 35. Старое название воловьего яра. 36. Дерево, похожее на елку из сказок. 37. Предмет на бритой голове, наной женщины обязаны носить согласно иудаизму. 40. Хан, прадед матери Ивана Грозного. 41. Древний символ солнца, и красили его весной именно золотом. 42. Прибор, чье полное название в переводе с английского значит: «усиление света от вынужденного излучения». 43. Трехглавый морской бог, родивший с Доридой пятьдесят дочерей. 44. Человек у мвори, чья душа после смерти попадает в счастливую страну предков. 47. Название свине на северо-западе России.

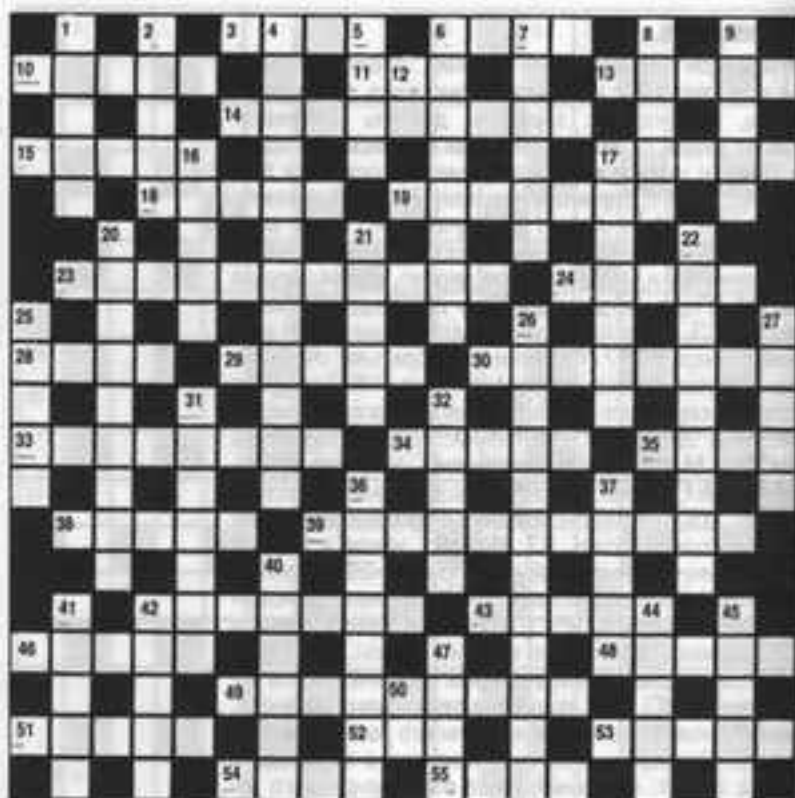
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали.

1. Хорунжий. 9. Плорализм. 10. Виолончель. 11. Мордвин. 14. Подия. 15. Осмос. 16. Тана. 17. Дем. 21. Нелюдочен. 24. Нурум. 26. Болре. 27. Мамба. 28. Дебен. 29. Рибат. 31. Ферзь. 32. Честертон. 36. ...бес... 37. Одул. 40. Авгия. 41. ...сплин... 42. Сеньора. 45. Литература. 46. Златокрот. 47. Организм.

По вертикали.

1. Хаал. 2. Реотом. 3. Неодим. 4. Ирчи. 5. Ель. 6. Ирмос. 7. Нлодт. 8. Узин... 9. Пластун. 11. Морсиное. 12. Вал. 13. Ная. 14. Петуния. 18. Щербатова. 19. Лебеф. 20. Нумач. 22. Нонер. 23. Дрезден. 25. Матер... 30. Троилит. 33. Зос. 34. Гун. 35. Юшвра. 36. Бигуди. 38. Цинля. 39. «Пята». 40. Арена. 43. Федр. 44. Шарм. 45. Лот.

КРОССВОРД

Составил
М. Акулич,
Омск

По горизонтали.

3. Изюминка одежды шотландского гвардейца. 6. Французский художник, водивший в 1839 году Ф. Листа по знаменитым местам Рима. 10. Степан – «венок», ... – «возбудитель, бунтовщик», Тимур – «железо». 11. Уменьшение, у льва – ..., у собаки – лай. 13. Самоцвет, в котором, как считают индусы, слиты вода, воздух, земля, небо и энергия. 14. Птица, поющая, когда «еще в поле белеет снег». 15. Правитель, ставший им на час в «Тысяче и одной ночи». 17. Голубая река Китая. 18. Духовное чувство, томящее пушкинского пророка. 19. Прорубь для водосвятия. 23. День телесного наказания матросов в XVII веке. 24. Питейное заведение на Руси. 28. Булавочный ... (о подтяжке). 29. Время считать щелят. 30. Марка автомобиля М. Горького. 33. Лесной работник. 34. Ф. Достоевский как воспитанник Инженерного училища. 35. Чувство от вкусной пищи. 38. Каждый широкий ремень на картине И. Репина «Бурлаки на Волге». 39. Один из четырнадцати работников, обслуживавших молотилку (он клал снопы в барабан). 42. Помещение для служанок в господских домах. 43. Инструмент, сопровождающий в опере П. Чайковского «Евгений Онегин» слова: «Проснулось все, и солнышко встает...». 46. Засахаренная фруктовая корка. 48. Испытанный боец. 49. Царица, пославшая к Антонию служанку сказать: «Госпожа велела передать, что она умерла», после чего он покончил с собой. 51. Народ, хоронивший волка по древним обычаям тайги. 52. Философ, основавший шотландскую школу «здорового смысла». 53. Кнут. 54. Фортепьянный ансамбль в составе С. Кнушевицкого, Л. Оборина и Д. Ойстраха. 55. Инструмент, на котором замечательно играла крепостная певица П. Жемчугова.

По вертикали.

1. Временное банное сооружение у скифов. 2. Европейская столица, где умер А. Герцен. 4. Должность, какою в «Двенадцати стульях» старгородские заговорщики союзу «Меча и орала» пожаловали Полесову. 5. Французский социолог, один из авторов теории «индустриального общества». 6. Наука о взаимодействиях в среде обитания. 7. Острый и со шляпкой. 8. Пашня на возвышенности. 9. Дом китайского крестьянина. 12. Название песен у некоторых тюркских народов. 16. Им стало сердце горьковского Данко. 17. Улитка, ползающая по листьям кувшинки. 20. Человек, бестолково ведущий дело. 21. Третья по высоте гора Греции. 22. Гребень на верхнем доспехе, какой изображали в XIX веке на гербе Франции. 25. Бедность. 26. Чудо, воспетое А. Митроновым в фильме «Человек с бульвара Капуцинов». 27. Камень, на каком вырезана «камя Гюкзига». 31. Нижний этаж в русской архитектуре. 32. Сллав, из которого делают маятники хронометров. 36. Герцог, чей фамильный герб был вытатуирован на теле У. Черчилля. 37. Рассказ из «Записок охотника» И. Тургенева. 40. Немецкий поэт и эстетик. 41. Народное название свиньи. 42. Автор «Божественной комедии». 44. Напевы альпийских горцев. 45. Короткая пьеса «на двоих». 47. Жалость, милосердие (по В. Далю). 50. Число из 480 миллионов цифр после запятой.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали.

1. Гурман. 5. Куэнка. 8. Представитель. 13. Арап. 14. «Декамерон». 15. Хари. 18. Тавлинка. 20. Чимароза. 21. Шемая. 22. Пароль. 24. Стирка. 25. Щипчики. 26. Грызня. 27. Блесна. 29. Тайна. 31. Скалигер. 32. Квадрант. 35. Яшн. 36. Венявский. 37. Жезл. 40. Импрессионизм. 41. Профос. 42. Анклав.

По вертикали.

2. Утро... 3. Медведка. 4. Нитрат. 5. Ковчег. 6. Энтропия. 7. Киль. 9. Заступ. 10. Развертывание. 11. Малоярославец. 12. Цитата. 16. Финляндия. 17. Бартольди. 19. Ветчина. 20. Чарка. 23. Динар. 26. Гуслер. 28. Артель. 29. Телеграф. 30. Овченик. 33. Ляпсус. 34. ...истина. 38. Юмор. 39. Езда.

Ольга Трушникова

Ея – 25. Эмоциональная, веселая, влюбленная в жизнь, в цветы, в людей, в животных... Жизнь ей канется сплошным праздником, где нет места скуке, серости, обыданности. Может, потому в ее работах нет ничего темного. Все мягко и лирично, пронинято чувством искренности и теплоты. Вообще, цвет для художницы – “непосредственный носитель содержания”. На ее холстах краски – неониданно контрастны, что вызывает потрясающий эффект глубины, а уверенные, порой резкие волонистые мазки словно рондают их свечение. Эти удачно найденные живописные приемы довольно точно выражают главный замысел Ольги Трушниковой – дарить людям тепло, радость, свет...

Детство Ольги прошло на берегу Волги, в патриархальном районе Ульяновска, сплошь застроенном деревянными домами. В 15 лет начала самостоятельную жизнь, поступила в Пензенский художественное училище на отделение живописи. Затем – Московский институт имени Сурикова. Еще студенткой Ольга побывала в Болгарии. Работы, которые она оттуда привезла – ландшафтные пейзажи солнечной страны (горы, долины, глины), – выполнены в лоскутно-цветном декоративном стиле. Этот принцип декоративности позволил Ольге легко перейти от живописи к графике, где она использует приемы коллажа и аппликации, а иногда даже лоскуты. Получаются живописные текстильные панно, коври...

На пятом курсе Ольга написала большое полотно “Свадьба на Красной площади” – первая картина, которая появилась на молодежной выставке и стала дипломной работой в институте. [Истати, сейчас Ольга много выставляется, сотрудничает с московскими, австрийскими, японскими и итальянскими галереями.]

Есть у художницы две любимые темы. Первая – Москва. Правда, первопрестольная в ее изображении узнается с трудом. Потому как все подчинено фантазиям и желаниям художницы. И хотя сюжеты для своих полотен Ольга находит в старых переулках Таганки, на набережных Яузы, во дворах-колодцах Солянки или на улицах близ Москвы-реки, она все равно создает свой новый неведомый мир. Мир, который непостижимым образом завораживает зрителя, создавая светлое, праздничное настроение.

Вторая – не менее любимая – тема: изображение людей, а рядом с ними – собак, кошек, птиц, рыб... В трантовке Ольги – это всегда союз человека и братьев меньших, сраживающих его одиночество. Любовь их друг и другу, их дружба, взаимопонимание, доверие и безграничная верность... Последнее, к сожалению, чаще всего относится к “бессловесным”... Одни названия картин чего стоят – “Любимый песик Марии Андреевны”, “Собака в чудном городе”, “Парадный портрет белого нота”, “Бенедикт N-призер весенней выставки кошек”, “Ловись, рыбка...” Выполнены эти работы, как правило, в манере примитивизма. И эта стилизация под “детскость”, некая наивность рисунка очень остро и точно передают одухотворенность мудрых, вечно меланхолических котов, умных собак, любопытных сварливых ворон...

“Живопись – это игра, – говорит Ольга. – Игра, в которой нет правил, или, по крайней мере, у каждого они свои. Я люблю эту игру. Стараюсь писать быстро, чтобы как можно точнее передать то ощущение, из-за которого я, взяв нить, подошла к холсту”.

ЛЮДМИЛА КАНДАЛОВА

Ольга ТРУШНИКОВА. Конец лета

Мать и дочь

Ирина Салтыкова

